

Андрей Десницкий, Татьяна Федорова

Угарит

Андрей Десницкий и Татьяна Федорова

Угарит,

или

**Правдивое повествование
о полных опасностей странствиях
великой искусницы Йульяту из Беяева
и могучего воина Бен-Йамина из Сокольников.**

Часть первая. Город Угарит.

1.

...Самолет наконец-то пошел на взлет, я откинулась в кресле и, прикрыв глаза, сказала себе: всё! Отпуск впереди недолгий, но самый зато настоящий отпуск. А трудовые будни – плюнуть на них и забыть. Последние дней десять – это вообще был какой-то полный трындец, с бесконечной беготней по заказчикам, сдачей работ, выбиванием гонораров, да прочей лабудой.

Труднее всего пришлось с Меценатычем. В советские времена подвизался он в должности чабана в совхозе «Нижние Саксаулы» (ну не чабана, конечно, а какого-нибудь старшего помощника младшего инструктора райком-горкома-профкома, впрочем, какая разница?), а вот тут повадился опекать новорожденные артистические дарования. Меценатыч выкупил особняк в районе Остоженки, переоборудовал его под художественную галерею и заказал випам своим на подарки полторы сотни керамических верблюдов, раскрашенных в национальные нижнесаксауловские цвета.

Я забыла про сон и еду, но заказчику постоянно что-то не нравилось – то выражение верблюжьих морд, то постановка передних ног, то подробности верблюжьей анатомии, в которой, надо признать, разбирался он отлично... Я уж и не надеялась закончить все до отпуска, но в последнюю минуту Меценатыч все же смиростивился и не только расплатился за заказ, но и сверху добавил, шепнув при этом на ушко, на какие цели, по его мнению, стоило бы пустить незапланированную премию.

Покраснев до слез и с трудом подавив вполне законное желание залепить художественно одаренному сыну степей по морде, я выхватила у него конверт с купюрами и чуть не бегом бросилась к такси – на сборы оставались считанные часы. Даже волосы покрасить не успела! Впрочем, плевать, не так уж и заметно, что корни начали отрастать. Две недели можно и слегка пегой побегать, кто меня там разглядывать-то будет, в этой Латтакии? Можно подумать, в тургруппах бывает на кого глаз положить. Сплошные раскормленные папики при взбалмошных тетках, мечутся себе между ангарами с кожами и ювелиркой. В Анталии, по крайней мере, так и было. И нужна им моя пегая грива? Вот еще! Вернусь – тогда и смотаюсь к Аллочке на Арбат, заодно будет, о чем потрепаться. Не забыть бы только ей камней привезти, а то съест на ровном месте и как звать забудет, совсем на своей ювелирке голову потеряла.

Кинув в сумку первое, что попало под руку, я рухнула в весьма приблизительно расстеленную постель, чтобы ровно через минуту вскочить под верещание будильника. А потом... потом как обычно: обжигающий глоток кофе, полупустой утренний город за окном такси, нудная проверка в аэропорту, и, наконец, всё... Свобода! Свобода... Свобода?

Первые два сирийских дня не хотелось никуда ходить и ничего делать. Стоило открыть дверь на улицу, как я натыкалась на плотную стену жары, а в лицо бил раскаленный ветер из диких и вольных пустынь. Хамсин, так они его называли. С утра до вечера я валялась на пластиковом топчане у берегов Средиземного, подумать только, моря, или в более-менее комфортном шезлонге у самого бортика

бассейна, если место успевала занять. Изредка окуналась, выбирая момент, когда поблизости оказывалось как можно меньше народа, и снова падала на высохшее в две минуты парусиновое ложе.

На третий день прибрежной жизни в окружающей среде обнаружилась пара поджарых мускулистых братушек-болгар. Славянское братство не подвело, пляжный волейбол – тоже, так что к обеду жизнь из растительно-занудной превратилась в активную и даже интересную.

После ужина я спустилась в бар и едва не оглохла от того, что там считалось музыкой. Помнится мне, что-то такое любили крепкие бритоголовые дяденьки в малиновых пиджаках, они тусовались в баре, возникшем в три ночи вместо детской изостудии, мама меня так и не успела туда сдать. В изостудию, имею в виду.

Я честно сидела полчаса в обнимку с коктейлем и пыталась наслаждаться страданиями певца, рвущими душу на британский флаг. Родной брательник тех дяденек, он точно оттягивался между двумя «ходками», а я не выдержала и сбегала в зимний сад, прикинув, что уж там-то наверняка не было об эту пору ни души. Там и вправду лишь зеленые попугайчики язвительно переругивались, шныряя между ветвей, да солидный тукан с ослепительно оранжевыми ободками вокруг глаз чистил когтем клюв, периодически склоняя голову набок и показывая длиннющий, скрученный на конце колечком тонкий язык. И откуда у них тут тукан? Они же, вроде, из Америки...

Коктейль оказался на удивление хмельным, так что если бы кого-то еще из постояльцев отеля угораздило в этот час забрести в зимний сад, они увидели бы великовозрастную тетеньку... ну ладно, не тетеньку, а большую девочку, самую чуточку за двадцать, играющую с самой собой в классики на плиточных дорожках между пальмами.

А на следующий день для желающих была экскурсия. И кто бы мог подумать, что тут у них, совсем рядом с отелем, развалины какого-то города? Я так и не могла запомнить его название, что-то такое угарное, угараемое... неважно! Древняя древность в шаговой доступности, а не только морские волны и античные торсы полужнакомых парней.

Честно говоря, торчать у бассейна мне уже порядком поднадоело, да и плечи давали себя знать. Как их не мажь, а против здешнего солнца толковой защиты все равно нет. Так что записалась я на ту самую экскурсию еще накануне: выслушала, что прямо после завтрака наша группа отправляется куда-то в совсем дальние края, поэтому питье-галеты желательно взять с собой сухим пайком, кормежка будет в неопределенное время. Короче, спасение утопающих... ну и так далее...

С утра я закинула в рюкзачок бутылку родниковой воды, пару банок с колдой, упаковку самого простого печенья и устроилась у окна, поближе к водительскому месту – с детства люблю, чтобы было всё было видно. Группа наша особым рвением к античности не пылала, так что мест хватало. Похоже, в эту поездку вообще собрали энтузиастов из самых разных групп, потому что кое-какие лица попутчиков мне уже были знакомы по предыдущим дням, а некоторых я вообще видела впервые.

Смуглый кареглазый гид Фатих, уверял, что русский язык он выучил еще в Советском Союзе в эпоху исторического материализма. Мы с ним, в итоге, оказались чуть ли не земляками, ведь жила я в Москве в двух шагах от родного

фатихова Лумумбария. Фатих забавно коверкал слова, называл дам Наташами и Сонечками, отдавая дань Великой Медведице русской литературы, и старательно намекал, что если его совсем хорошо попросить, то он покажет секретный путь к пещере Али-Бабы, перепрофилированной под нужды заезжих туристов.

Я увлеклась наблюдениями за гидом, и в какой-то момент поняла, что сочиняю очередной забойный пост. Ну что ты будешь делать? И в отпуске от мыслей о ЖЖ покоя нет! Кстати, у них там, в отеле, кажется, на первом этаже было Интернет-кафе... Чур меня, чур! У них и клавиатуры русской нету... наверное. Будем считать, что нет!

За бортом сначала мелькали всякие пригородные постройки, тесно скучившиеся домики, грустные лопухие ослики, до смерти надоевшие еще в Москве верблюды, оборванные мальчишки, выбегающие на обочины и протягивающие к самым окнам всякую дребедень. Потом пейзаж стал куда более скучным, вместо поселков пошел сплошной песок с торчащими тут и там пальмами и еще какой-то экзотической растительностью, а на горизонте неожиданно замаячили невысокие холмы.

Как раз у подножия одного такого холма, гордо поименованного Фатихом словом «гора», наш автобус и остановился. Группа высыпалась наружу и потянулась куда-то вверх, следуя за гордо шествующим впереди экскурсоводом. Судя по его словам, за этой полосой препятствий должны были лежать руины невообразимо прекрасного древнего храма. Оставалось надеяться, что эти руины и вправду стоили того, чтобы так безжалостно портить собственную шкурку, пробираясь сквозь заросли каких-то жутких аксакалов... или саксаулов? Короче, этой шипастой колючей ерунды, которая росла тут со всех сторон.

Мелкие камушки на каждом шагу норовили набиться в мокасины, я успела раз десять мысленно обругать себя за легкомыслие – кроссовки надо было надевать, а не эти не пойми какие туфли. Остановившись в очередной раз, чтобы вытряхнуть из набившийся в туфлю мусор, я вдруг боковым зрением заметила справа от дорожки какую-то расщелину – не расщелину... скорее, полуосыпавшийся вход в пещеру, какие встречаются порой в Крыму. Приотстав от группы и делая вид, что меня больше всего занимают диковинные бело-розовые цветы, распустившиеся на почти голых колючих ветвях, я никак не могла оторваться от пещеры – слишком уж велико было искушение забраться внутрь и хоть одним глазком глянуть, что там и как.

В какой-то момент доводы благоразумия едва не одержали верх, но перед глазами проплыли старые, почти забытые иллюстрации из детской книжки: диковинные шестилапые звери, подземная река, берущая начало у стен пещеры, призрачный свет от фосфоресцирующих шариков, и, главное, подземный город рудокопов, таящийся где-то в недрах... Понятное дело, никаких зверей, рек и подземных городов для меня там никто не заготовил. Но ... зной, казалось, куда более жгучий, чем в предшествовавшие дни, уже успел заставить меня пожалеть о собственном авантюризме. Купалась бы себе сейчас, отсиживалась в кондиционированном сумраке бара, так ведь нет... полезла в эти доисторические каменоломни. Из пещеры, меж тем, тянуло прохладой. Не промозглостью, а именно легкой, приятной прохладой, так, что удержаться было просто невозможно.

Чуть-чуть поколебавшись, я отбросила последние сомнения. Ну что особенного случится, если я чуть-чуть переведу дух в теньке, а потом догоню остальных? Все равно без меня не уедут, а задерживать я никого особо и не собираюсь. Ну подумаешь, увижу на полторы траншеи меньше, чем все остальные, велика беда!

И я, оглядевшись и удостоверившись, что никто за мной не наблюдает, проскользнула вглубь пещеры...

2.

Ну и куда, спрашивается, ее понесло, эту девчонку? Что ей там такого привиделось? Или она, к примеру, спелеолог, не может спокойно пройти мимо любого природного явления в виде дырки в земле? Или, вернее, шило в одном месте покоя не дает? Место, кстати, вполне симпатичное, особенно в этих шортиках. Слишком откровенно для местных, ну да с ними ей чай не распивать. А я что? Я в отпуске. Первом за три года настоящем отпуске... Еще и на родном Ближнем Востоке! Ну в принципе, самое время присмотреться к девчонкам.

И что меня понесло за ней? Вот уж ни разу не забота о ее безопасности. И не запал я на нее – ну, видел до того на пляже, ладная такая фигурка, загадочно-отстраненный взгляд, шевелюра такая разлетистая, светлая, только, кажется, крашенная. А может, и нет. В общем, местные на нее пялились бы только так, будь они там на пляже. Непривычны они к девушкам в купальниках, да еще блондинистым.

Мне просто интересно стало: чего это экскурсовод с таким сомнением на эту дыру посмотрел, когда его спросили: «а там что?» Вроде как сам он ее впервые видит и вообще спешит подальше от нее отойти. А вдруг там всё самое интересное? Вдруг нераскопанное что-то, ну вот в Кумране полез парнишка в пещеру за козой и нашел свитки, которые всю историю перевернули – может быть, и здесь что-то подобное. Так что и я полез в ту дырку, и тоже, можно сказать, за козой. Тем более, что фонарик у меня был с собой. Фонарик, хороший складной нож (главное было, не забыть сдать его в багаж в аэропорту), фляжка, так еще кое-что по мелочи. Привычка просто такая, с армейских еще времен – выходя на целый день, брать с собой всё самое необходимое. Особенно если выход в пустыню.

А группу догнать мы бы легко потом успели. Она и так еле плетется – у половины вон какие животики, а из мужиков кто-то уже пивка успел хорошо принять. Отдыхают... И жара здешняя им непривычна. Ну что ж, у всех свои представления о прекрасном.

Так что в пещеру полезли мы двое. Не вдвоем, а именно двое – сначала она, потом я. Девчонка еще запищала так смешно: «Ой, кто там?», – когда я стал протискиваться внутрь, загородив ей весь свет. «Свои, свои, не бойся» – сразу на «ты». Когда в одной пещере – это уже, можно сказать, вместе, чего церемониться.

Пещера с самого начала показалась какой-то подозрительной. Узкий вход, бугристые стены в потеках, но не в этом даже дело. Этот запах... Я не то, чтобы часто лазил по пещерам, не знаю, как там обычно пахнет, только здесь пахло не просто сыростью и камнем, а чем-то еще, и запах как будто неуловимо менялся – то неуловимо тянуло дымком, то затхлостью, то и вовсе таким, чему трудно подобрать название. Луч фонарика выхватывал куски стены – то ли садились батарейки и слабел свет, то ли рука у меня подрагивала, но выглядело всё так, будто стена немного шевелится, и этот выступ – не совсем такой, каким был только что, а там, в углу, возник какой-то сталактит, которого я не заметил раньше.

Я стоял и обалдело шарил лучом по стенам пещеры. Чувствовался сквозняк, значит, где-то был другой выход, или хотя бы щель. Наверное, оттуда шли и запахи – может быть, у другого выхода стояла какая-нибудь забегаловка, оттуда и дымок, и запах жилья...

– Как странно здесь! – вдруг сказала девушка, и добавила, чуть помолчав, – и страшно!

– Да ничего особенного, – бодренько отозвался я тогда, хотя на самом деле вполне был согласен.

– А представляешь, вот эти камни, – вдруг продолжила она, – у них же своя жизнь! Тысячелетия, десятки, сотни тысяч лет растет такой камень. Как живое существо.

Она погладила каменный выступ причудливой формы. Кажется, это называется сталагмит?

– Представляешь, – вдруг сказала она, – он был тут, еще когда тут были эти древние, как их там?

– Угаритяне, – уточнил я.

– И еще задолго до них! Ему, может быть, двести или триста тысяч лет. Когда в этой пещере жили питекантропы, он был совсем-совсем маленький.

– А почему ты думаешь, – спросил я больше из занудства, чем из интереса, – что тут жили питекантропы?

– Ну, я не знаю, как правильно называются эти люди, может быть, неандертальцы, или еще как-нибудь. Но мне почему-то кажется, что они тут жили. Что вот этот вот камень их помнит, и нас запомнит, хотя что такое наша жизнь по сравнению с его жизнью... краткий вздох. И всё.

– Поэтично, – согласился я.

– И в этой самой пещере... – продолжила девушка, но я не расслышал продолжения. Фонарик мигнул раз, и мигнул снова, и погас окончательно, а земля под ногами как будто стала расползаться, и затрещали камни, словно мы залезли в чрево гигантского окаменелого ящера, и вот ящер задышал, очнувшись от векового сна. Я инстинктивно присел, закрыв руками голову, а девчонка даже не завизжала, хотя тут и была настоящая опасность – как-то изумленно охнула:

– Землетрясение!

Я и сам так подумал тогда, хотя отчего бы это во время землетрясения мигать фонарю? Ну, допустим, совпало так. Или какая-то аномалия в воздухе, электрические разряды, как во время грозы... ну не разбираюсь я в этом. А в такой пещере, казалось, и воздух был другой, и камень, и стены, и мы сами стали совсем не такими, как на поверхности.

– Голову береги! – только и крикнул я девушке в кромешной темноте. В темноте? Фонарь погас, но почему пропал свет из входного отверстия?

Но заметил я это не сразу – пещера ходила ходуном, и совсем это не было похоже на обычные землетрясения, когда качнется земля, да и только – пол вздувался и опадал, бурлил и перекачивался под ногами. Стршно было? Да страшно – не то слово! Это был животный, древний, темный ужас...

А девчонка не визжала – только вцепилась мне в руку, и как только нашла в темноте!

И вдруг все стихло. Я осторожно освободил руку (синяки, наверное, будут!), встряхнул фонарик. Но гореть он явно не хотел – пришлось достать зажигалку. Зажигалка сработала – чем примитивней техника, тем надежнее. Хорошо бы еще кресало и огниво... с инструкцией по использованию, разумеется. А то я даже не представлял себе, как они выглядели на самом деле.

В колеблющемся свете зажигалки пещера, казалось, стала совсем иной. Хотя... тот самый малоприличный нарост был вроде как на месте. Это из-за игры света и тени, или он в самом деле стал теперь чуть ниже, чем раньше?

– Вход завалило, – обреченно сказала девушка. Мне определенно нравилось, что она не паниковала – это и мне придавало уверенности. Если она сознает всю серьезность положения и не пищит, то мне уж и подавно нельзя разнюниться.

– Ничего, выберемся, – не слишком-то уверенно ответил я, – разберем завал, и...

– Смотри! – показала она на огонек зажигалки.

– Чего? – переспросил я и тут же его потушил, – будем газ экономить, а то хватит ненадолго.

– Зажги снова! – потребовала она, и я, было, решил, что она трусит в темноте. Впрочем, и я себя чувствовал не вполне уютно.

– Ну, вот... – маленький огонек заплясал в моих руках.

– Видишь, колеблется?

В самом деле, он наклонился и немного дрожал! Значит, воздух не стоял неподвижно, в пещере действительно был другой выход.

– Меня, кстати, Веней зовут, Вениамином – сказал я в ответ. Ну да, если уж попали в такое положение вдвоем – надо хотя бы познакомиться.

– А меня Юлей, – ответила девушка, – я из Москвы.

– Я тоже, очень приятно!

– Приятно будет, когда выберемся, – решительно ответила она, – пошли искать, где тут еще одна дыра.

И мы пошли искать. Ну да, сказать куда легче, чем сделать. Справа от меня оказалась стена, я вытянул руку, и, ощупывая стену, медленно продвигался вперед, а Юля придерживала меня за рукав слева. Зажигалку я пускал в ход только изредка – берег газ.

Оказалось, что пещера вытянута – стена скоро появилась и с левой стороны, так что Юле пришлось идти за мной. Пол, как ни странно, был довольно гладким, хоть и бугристым – возможно, в сезон дождей пещера из года в год наполнялась водой, вот он и отполировался. Стены постепенно сужались, и я вообще начал сомневаться, не углубляемся ли мы таким образом в тупик. Но когда я в очередной раз чиркнул зажигалкой, пламя дернулось и сразу же потухло – настоящий сквозняк! Не оставалось сомнений, что выход там действительно есть. Только почему не видно света?

– Мы на правильном пути, – решительно заявил я, – ну что, присядем, передохнем перед решительным рывком вперед?

– Ты не особенно рвись в темноте, расшибешься, – усмехнулась Юля. Судя по всему, она нашла, куда присесть, а мне пришлось пристраиваться на корточках.

– Ты где живешь в Москве? – спросил я. Надо же было о чем-то говорить!

– На Юго-Западе, точнее, в Беляеве, а ты?

– А я в Сокольниках. Раньше... ну, неважно, давно это было. Теперь в Сокольниках. А занимаешься чем?

– Да много чем. Рисую, леплю, украшательством всяким занимаюсь. Она фыркнула, припоминая что-то такое, о чем я не знал, – Короче много всякой разной ерунды.

– Ну вот и я примерно тем же, – ответил я как можно более мужественно, не вдаваясь в детали.

– Тем же – это в смысле художеств или ерунды? – в ее голосе звучал явный интерес, – Есть такое подозрение что разгильдяям свойственно притягиваться друг у другу... и притягивать на свою... кхм... голову всяческие приключения.

– Ремонтник я, – ответил я, решительно отвергая титул «разгильдяя», – квартиры ремонтирую... последнее время. Плитку кладу, всякое такое, электрику могу тоже.

– Тоже, значит, лошадка подневольная, от заказчицких фанаберий страдаешь, – сочувственно вздохнула она. – Заказчик – зверь страшный, чуть что не по нему – загрызет и не подавится. Твои тоже такие?

Я, признаться, удивился. Вроде как я для нее, вольной художницы – рабочий класс, черная кость. А вот нашла она между нами общее!

– Не без этого, – охотно согласился я, – хотя обычно договариваемся.

– Это хорошо, – ответила она и грустно добавила – А мне вот не всегда удается... Ну да ладно, ну их, надоели, еще в отпуске о них вспоминать.

– Делать-то что будем? – чуть помолчав, добавила она – Так и будем сидеть и ждать, пока нас тут откопают?

– Все, пошли, – решительно скомандовал я, – давай я вперед, с зажигалкой, а ты за мной.

– Куда пошли-то? – неуверенно поинтересовалась она – Будем в Тома Сойера играть? Так я ни разу не Бекки Тэтчер, и мела у нас тоже нет – ходы помечать.

– Да вот же! – я снова чиркнул зажигалкой, – видишь, оттуда дует? Там воздух! Значит, выход, или хотя бы окошко.

– Ну ладно, давай попробуем, – неуверенно согласилась она. – А можно я за тебя держаться буду? А то вдруг тут мыши... летучие...

Мышей, кстати, не было. Вообще не было никакой живности в этой пещере, кроме нас двоих, и это как-то настораживало.

– Можно, – охотно согласился я. Здорово, когда за тебя держатся сзади!

Почти сразу же пришлось пригнуться. Потом опуститься на корточки... Стены сужались, но огонек зажигалки ясно указывал на близость выхода.

Неприятнее всего, да просто даже страшно, было лечь на пол и ползти вперед по узкому проходу...

– Ничего, прорвемся!

Каменный лаз свернул направо, и... свет!

– Свет, Юлька, я вижу свет!

Сначала это был просто отсвет на стенах, и ползти становилось уже не страшно и не трудно (вот только на что будет похожа одежда? Да Юлька и вовсе в шортиках, не поранилась бы!).

И, наконец, за очередным извивом загорелось ослепительное пятно неправильной формы – небо!

3.

Забавный он, этот Венька... Стараются казаться серьезным, а видно, что мальчишка мальчишкой, рад на самом деле, что мы в приключение вляпались. То есть, сначала-то он явно напрягся, особенно когда все вокруг ходуном заходило, но потом быстро себя в руки взял. А уж когда впереди забрезжил выход, тут он окончательно приосанился и потянул меня вперед как хороший буксир тащит на тросе шлюпку.

Интересно, откуда у них тут столько всяких камней и выступов? Мне почему-то всегда казалось, что пещеры внутри довольно ровные и гладкие, по крайней мере, стены. А здесь – это ужас какой-то, честное слово, только и успевай уворачиваться. Я десять раз успела пожалеть, что не напялила джинсы – в них хоть и жарко, но шкурка точно целее была бы. Хотя кто ж мог знать, что нас среди бела дня накроет землетрясением в пещере.

Коленку я все-таки ссадила, наткнувшись на особо злобный выступ, но заниматься ей времени не было. Я только поплевала на ладошку и потеряла царапину, чтобы не так болело, а потом рванула за Венькой вперед, на волю.

Чем ближе к выходу, тем светлее становилось вокруг. Так вот кто у нас, оказывается, Веня – москвич. Видела я его и вчера, и позавчера на пляже. Симпатичный малый, не качок, но ладно сложен, только тормознутый малость. Или мне показалось так? Уж больно он какой-то примороженный на фоне раскованной курортной публики, словно застегнутый на все пуговицы. Вылез из моря и сидит, книжку какую-то читает, к девицам со всевозможными шуточками не пристаёт, а потом опять в волны нырнул. Ну одно слово – ботаник. Вот уж никогда не подумала бы, что такой может быть из пролетариата... Не иначе, профессорский сынок, ушедший в глухой отказ и показавший родному семейству козью морду. Дескать, отцепитесь от меня, дорогие мама с папой, в гробу я ваш университет видал, все факультеты разом.

Ну да ладно, делать жизнь с кого – это его личная забота, может, у него дедушка любимый краснодеревщиком был. Или вообще семейная династия такая... Наше дело сейчас – наружу выбраться да дорогу к родимому автобусу отыскать. А то в этих подземных коридорах нас, похоже, далековато унесло от места высадки.

И тут, в первый раз с момента начала наших блужданий, меня настигла мысль о прочих соучастниках поездки.

– Вень, слушай, а как ты думаешь, – притормозила я перед самым выходом из пещеры, – а с остальными-то что? Мы их вообще сейчас найдем или..?

Я замолчала, потому что в голове сразу начали громоздиться картины всяких ужасов – засыпанные тела, обвалившийся вход в пещеру. Потом я сообразила, что внутри-то были только мы вдвоем, а остальные разгуливали снаружи, изучая доисторические руины, стало быть, им могла угрожать только внезапно разверзшаяся под ногами бездна.

Венька пробормотал «Найдем, куда они денутся» и решительно ринулся наружу. Я рванулась за ним, споткнулась, чуть не полетела носом и в итоге затормозила, впечатавшись в неожиданно крепкую венькину спину.

Нет, все-таки насколько снаружи лучше, чем внутри! Мысленно поминая незлым тихим словом свою не вовремя вспыхнувшую страсть к спелеологии, я

шмякнулась на первый же попавшийся камень и попыталась разглядеть, что же там такое у меня с коленкой. Длинная узкая царапина с выступившей кое-где кровью уже засохла. На первый взгляд, ничего такого страшного с ней не происходило, но на всякий случай я решила промыть ссадину еще раз – кто его знает, какие у них тут в пещерах микробы водятся? А вдруг какие-то местные и потому особо зловредные?

Вытащив из рюкзака бутылку с водой, я намочила бумажную салфетку и потерла ей ссадину, смывая кровь. В ранке противно защипало, я подула на нее, вспомнив детское свое присловье «чувство, закройся!», я так сама себя гипнотизировала при особо неприятных медицинских процедурах. И в этот момент вдруг осознала: происходит что-то явно не то...

Окружающий пейзаж был похож на оставленный нами пару часов назад, разве что зелени с этой стороны дыры было гораздо больше. Как пару часов? Я с ужасом уставилась на циферблат. Мы же совсем недолго в пещере пробыли, что за ерунду мне тут стрелки показывают?

– Вень, у меня часы с ума сошли, – окликнула я своего невольного спутника, несколько нервно озиравшего окрестности. В руках у него была зажигалка и пачка сигарет.

Но ответить он мне не успел – откуда-то из-под земли вынырнул абориген, одетый в немыслимую хламиду (по жаре очень, наверное, удобно), а при нем – мальчик-подросток, обмотанный по бедрам грязным полотенцем. Видимо, шел купаться. Только почему-то он прижимал к груди блеющего козленка. Старший что-то с достоинством сказал Веньке на своем языке, и тот, на секунду замешкавшись, ему ответил.

«Во дают!» – пронеслось у меня в голове. – «Это у них что тут, целый спектакль для заезжих туриков, что ли? Молодцы ребята, антураж что надо! Теперь осталось только какому-нибудь замурзанному пацаненку вынырнуть из кустов и пойти по кругу с кепкой, сшибая с иностранных зевак законную монету».

Но иностранных зевак, кроме нас с Венькой, в округе не просматривалось. Абориген явно пытался наладить контакт, но у него не очень получалось, и тогда он просто махнул рукой, подзывая нас куда-то в сторону. Оказалось, там был плоский камень, на который можно было присесть, да и какой-то каменистый выступ прикрывал от утреннего солнца, уже довольно жаркого.

«Ну вот», – подумала я, сейчас начнется – «джаст фэйф долларз, мисс, вери найс!» Если будет предлагать верблюдов, убью сразу. Но верблюдов он не предлагал, и на английский не переходил, задавая вопросы по-своему, и Венька как-то смущенно на них пытался отвечать. Видать, ходил на какие-нибудь курсы арабского, только не очень хорошо учился.

– Вень, а Вень, чего он говорит-то? – дернула я его за рукав рубашки, – Далеко там наши или как? Может, проще будет машину взять, чтобы в гостиницу вернуться?

Местный с удивлением взглянул на меня, но тут же отвел глаза. А Венька, пользуясь паузой, наконец-то спокойно достал зажигалку и закурил.

Араб вытаращил глаза, а потом вскочил на ноги, и мальчишка выпустил козленка. Они смотрели на Веньку так, как будто не курили целую вечность, и теперь вся их жизнь зависела от того, поделится он сигареткой или нет. Все-таки

умеют они тут попрошайничать! Зрелище было до того потешным, что я не могла упустить такую сценку, благо «мыльница» лежала в наружном кармашке рюкзака. Припомнив наставление из «Цифровой фотографии для чайников», я включила вспышку, чтобы вышло нормально против солнца в тени, и, резко вскинув руку, нажала на кнопку спуска. Может, это и невежливо, вот так вот снимать людей, но туристам можно.

А вот что последовало дальше... Венькин собеседник рухнул на землю, уткнувшись лбом прямо в сомнительного вида комя, напоминавшие чей-то помет, и закрыл голову руками, а подросток, схватив несчастного козленка, пал на колени и, не смея поднять головы, стал протягивать его нам с жалобными воплями. Впрочем, мужик вопил не менее жалобно.

– Он что, совсем того? – обалдело поинтересовалась я у Веньки, ошарашенная подобной реакцией аборигенов. – Можно подумать, фотоаппарата никогда не видели. И почему они нам этого симпатяжку продать пытаются? Нафига нам их козел сдался?

– Ничего не понимаю, – ошарашено ответил тот, – это какие-то неправильные арабы, и они делают неправильный намаз.

– А ты здорово по-арабски чешешь! На курсах учил, да? В Москве?

– Тссс! – неожиданно резко отозвался он, – и не арабский это вовсе... я сам не пойму...

– Вень, ну что стряслось-то? – я энергично дернула его за руку, – Хватит мне нервы мотать, в конце-то концов. Мало мне этих психов, еще ты тут неизвестно что изображаешь. Я с вами тут окончательно с ума сойду, вот увидишь!

– Эй, мистер, ви а рашен турист, ви нид э такси, пли-из, – выдала я, что могла, в адрес аборигенов, но они только горше завывали. Ну что за дурдом на прогулке!

– Месье, он а безуан лё такси а льотель! Эс'к он а ля ватюр иси? – но и вторая попытка оказалась совершенно бездарной. Впрочем, французский тут вообще не в кассу, мы ж не в Алжире, в конце-то концов? Точно я в этом сумасшедшем доме последние остатки разума потеряю, а еще отпуск называется...

4.

Не арабский это был язык, сразу стало понятно. «Йишлам лека» – так он сказал мне, и парнишка эхом повторил его слова. Что ж тут было не понять? Братья-семиты желают нам мира. Я чуть было не брякнул такое знакомое и родное «шалом алейхем», вот уж некстати было употреблять на территории Сирии язык основного противника! Я-то в Сирию въезжал по российскому паспорту, а про израильский ни слова не сказал. «Саляму алейкум», – едва сообразил я ответить ему по-арабски, ну должен же гражданин Сирии владеть языком Корана хотя бы пассивно.

А вот собственный его язык явно был ближе к ивриту, чем к арабскому. Так это же арамеи, решил я. В самом деле, вот удача: я читал про сирийских христиан, армеев, совершающих богослужение на языке Христа и апостолов – и вот чуть ли не в первый день в Сирии я натываюсь на них! Жаль, что разговорный язык у них наверняка далеко отошел от того арамейского, который был мне слегка известен по недолгому моему знакомству с талмудической премудростью. Но договориться уж как-нибудь сумеем, в этом я был уверен. Должны же они понимать арабский!

Только арабский в моем исполнении они понимать категорически отказывались. Ну что ж, сложные отношения с династией Асадов, неприятие исламской культуры... арамейский у меня, конечно, был в полном пассиве, не то, что иврит и арабский. Но разобрать смысл удавалось: мужик явно интересовался, кто мы и откуда. Обращался он при этом исключительно ко мне, как и положено на Ближнем Востоке: если женщина с мужчиной, то все вопросы решает он, на женщину и смотреть неприлично. Особенно когда у нее коленки голые!

А что Юлька дергала меня все время за рукав, так это она просто не знала местного этикета. Так что я, не обращая особого внимания, спокойно отошел в тень, куда меня пригласил местный житель, и присел вместе с ним на камень. Пообщаться было очень интересно. Надо, и в самом деле, объяснить ему, кто мы.

– Анахна... русин¹, – ответил я, с трудом подбирая слова. Но мой собеседник хотя бы понял, о чем это я.

– Кана‘аниту? – переспросил он

Ну вот, хананеи меня обзывает. Кого у них обозначают этим словом? Палестинцев? Израильтян? И кого, интересно, местные арамеи пускают на фарш первыми: израильтян или палестинцев?

– Ля, ля², – решительно замотал я головой, – анахна русин. Русийя, Москва, Кремль.

Лицо мужика не выражало ни-че-го, как будто я сказал «Буркина-Фасо». Ну вот, подумал я, поставляли им танки да калашниковы, денег ссужали без счета и без возврата, а теперь этот олух деревенский даже не знает, что такое Москва и где эта самая Русийя находится. Вот ведь неблагодарность людская!

– Анаку лемат-угарити³, – сообщил он после долгой паузы с достоинством, даже как-то приосанился.

¹ «мы русские» (арамейск.)

² «нет, нет» (арабск.).

³ «я из страны Угаритской» (угаритск.).

Не успел я сообразить, что это было – имя и фамилия, или же название деревни (этот простофиля, возможно, и не знает, где вообще находится Дамаск, вот же олух нам попался!), как вдруг в разговор бестолково вмешалась Юлька. Нет, все-таки есть что-то хорошее в этих восточных традициях... В общем, это дело срочно требовалось перекурить, хотя я в принципе давно уже бросил. Но с собой в поездку на всякий случай маленько взял.

Я протянул пачку мужику, предлагая ему сигаретку, он с недоумением на нее уставился, и тогда я закурил сам. Недоумение превратилось в полное изумление. Что ж, подумал я, у них, наверное, не принято курить во время разговора, надо бы как-то замять это дело, затушить, но очень уж захотелось подымить, и тут...

Вот еще только фотканья нам не хватало! Девчонкам, что в пять, что в двадцать пять, главное – фоткать и фоткаться. Всё испортили мы со своим куревом и фотоаппаратом, ну как же можно восточного человека без разрешения снимать, они, наверное...

А вот то, что сделали они, не поддавалось никакому описанию.

– Леуммий адаттиний!⁴ – завопил и пал на колени мальчишка, протягивая Юльке козленка.

– Лепа‘не адаттиний кальний!⁵ – вторил ему заунывно старший, он и вовсе рухнул ниц, и надо признать, что выходило у них вполне слаженно. Только понять я не мог, что имели они в виду.

Надо сказать, смотрелись мы очень глупо на фоне этого неожиданного намаза. Юлька даже еще их пофоткала, а я уж и не знал, что тут думать. Ясно было одно: группы нашей нигде не видно, местность выглядит совершенно незнакомой и без малейших признаков цивилизации. Словно мы проползли под землей километров двадцать и вылезли в каком-то совершенно другом месте, куда еще не провели электричество и где, небось, не ловит сеть мобильник. Впрочем, свой я все равно оставил в отеле, ни к чему он мне был сегодня.

Да, что-то экскурсия у нас сразу не задалась...

Что ж, решение было только одно: выйти к вменяемым людям. Этот придурок, кем бы он ни был, вряд ли живет в пещере, и в его деревне, наверное, есть телефон, чтобы вызвать такси, есть карта – вообще какая-то цивилизация.

– Что ж, – сказал я Юльке, – мы сегодня из достопримечательностей осмотрели пещеру, а теперь, похоже, осмотрим родную деревню этого козленка. Во всяком случае, другого способа отсюда выбраться я не вижу. И всё из-за одного любопытного носа!

– Можно подумать, я тебя за собой в пещеру на аркане тащила, – ехидно ответила она, – Кто тебя заставлял за мной следом лезть? А теперь я же еще и виновата. Шел бы себе спокойненько вместе со всеми – обошелся бы без экскурсии на козлиную родину. А теперь-то чего страдать?

Что ответить, я так и не нашелся. Да и чего тут болтать, выбираться надо, и побыстрее, пока нас в розыск не объявили. А эти всё стоят и стоят на коленях, и что с ними делать?

– А все-таки, откуда ты знаешь арабский? – переспросила она.

⁴ «матери нашей, госпоже нашей» (угаритск.).

⁵ «к ногам госпожи нашей припадаем» (угаритск.).

– Арабский? – я растерялся. Не хотелось говорить сразу всего, особенно в этой стране... – я расскажу, обязательно. Но не сейчас, ладно? К тому же это не арабы. Это, кажется, арамеи. Только какие-то слишком уж странные.

– Кто-кто? – переспросила она.

– Очень древний народ, арамеи. Жили тут гораздо раньше арабов. Сам Авраам, по Библии, называл себя арамеем. И Христос говорил с апостолами на арамейском языке, представляешь?

– Фигассе! – Юлька многозначительно кивнула. – Ты еще и по-арамейски рублишь? Круто!

– Ладно, давай его поднимем, что ли, – сказал я и подошел к местному жителю, который исчерпал запас заунывных заклинаний и приумолк. Да и мальчишка опустил козленка на землю и стал рассматривать нас пусть со страхом, но и с явным интересом.

Я тронул мужика за плечо, жестом попросил его подняться, он робко послушался. На лингвистические эксперименты меня уже не тянуло, я обвел нас всех рукой и показал пальцами, что мы теперь пойдем. Потом сложил ладони домиком, сказал ему: «байт!» (слово общесемитское, должен понять), и ткнул его в грудь. Дескать, все вместе пойдем к тебе домой. Повторил второй раз и третий. Мужик, кажется, обо всем догадался.

Он повернулся к мальчишке, что-то резко ему приказал, тот передал ему козленка и куда-то побежал, только пятки засверкали. Пятки? В самом деле, мальчик был босиком (это по камням, по бездорожью, по колючкам местным), и вообще я только теперь заметил, как бедно оба они были одеты: мужчина в тунику, порванную и зашитую во многих местах, а мальчик так и просто в набедренную повязку. Последние бедуины так не одеваются, на самом-то деле. И куда только он побежал? Предупредить остальных? И как они нас встретят? Приключение становилось тревожным, хотя Юлька, кажется, этого не понимала.

Но мужик, взвалив на плечи несчастного козленка, с величайшим почтением звал, а точнее, приглашал нас в путь, причем обязательно хотел, чтобы мы шли первыми. Не очень было приятно ощущать за спиной дыхание такого психа, но что поделать – мы пошли.

Дорога оказалась не слишком длинной, километра полтора. Впрочем, и дорогой ее назвать было трудно – просто хорошо утоптанная тропинка, видно, что по ней ходили, а порой, судя по помету животных, ездили на ослах или верблюдах. Шли мы на запад, в сторону моря, и я не мог понять, почему, собственно говоря, здесь не было ни одного отеля, ни одного кусочка асфальта, да что асфальта – элементарной лавчонки, хоть домика – совершенно ничего. Что за экологический оазис?

Скоро нам попало какое-то чахлое поле пшеницы за невысокой каменной изгородью, потом еще и еще одно, небольшой виноградник... Людей не было видно, только где-то вдалеке, на склоне холме, брели овцы с пастухом.

Завидев их, наш спутник остановился и закричал, что было сил: «Пу илями! Банта-илима баа!». Ну да, всё понятно: здесь *илями*, *банта-илима* пришла. Всё понятно. Будем надеяться, что это так у них называют не обед из двух блюд в нашем лице, и не заложников, которых потом обменяют на мешки долларов.

Далекий пастух откликнулся, переспросил, наш спутник, повторяя свою «банта-илима», что-то объяснил ему, и пастух, вот чудак человек, точно так же пал на землю в нашу сторону. «Йишлам лека», – на всякий случай крикнул я ему выученное приветствие на местном наречии, он поднялся на ноги, мое обращение его, похоже, ободрило. Хорошо все-таки, что языки я с детства ловлю на лету.

– До чего же бедно они тут живут, – задумчиво сказала Юля и сфоткала пастуха.

– Зато вежливые очень, – ответил я, – прямо на землю падают, когда здороваются.

– Может, и нам так надо? – с сомнением спросила она.

– Кажется, нет, мы у них что-то вроде больших господ. Банта-илима ты у них какая-то.

– Сам ты банта-илима! – возмутилась девушка, – завел меня непонятно куда, и еще обзывается!

– А ты лучше батарейки побереги – мы в деревню когда придем, там наверняка много интересного будет.

– У меня запасные есть.

– И еще ты вот что... ты не особенно их в открытую фотографируй, ладно? А то видишь, как они непредсказуемо реагируют.

– Да ладно тебе, раскомандовался, – отмахнулась она. – Не захотят фотографироваться – сами скажут. Ну или дадут как-нибудь понять, не маленькие, в конце концов. Зато где ты еще такие кадры возьмешь? Пользоваться надо, пока момент есть!

Вдали уже всюду синело море, а перед ним показалось что-то вроде селения. Местность была по-прежнему пустынной, и только навстречу нам кто-то двигался по дороге.

– Юлька, – сказал я, внутренне собираясь, – я не знаю, кто эти люди и чего им надо. Но в случае чего – беги, быстро беги куда-нибудь вдоль берега, ты наверняка найдешь там людей. Полиция по-арабски – «шурта», громче кричи это слово, а потом расскажешь им, где меня искать. А я их задержу.

– Ага, щаззз, вот только бегать мне по такой жаре и не хватало, – засмеялась она, – ты посмотри, как они нас принимают...

– Пока не вижу, – мрачно ответил я, – всякое может быть, а я вообще-то...

Но договорить нам не дали. Процессия метров за двадцать до нас остановилась и встала в ожидании. Было там человек около пятнадцати, все мужчины, впереди стоял колоритный старик с седой бородой, и одет он был в такую же тунику, как и все, но поновее, поприличней. Мужичок наш как-то приотстал, и мальчишки не было видно, а мы смело пошли людям навстречу, и на всякий случай я пару раз крикнул «Йишлам лека».

А Юлька, вот глупая, ну совсем не бережет батарейки! – сфоткала эту группу со вспышкой. И еще раз, и еще!

«Банта-илима баа!» – с горестным воплем народ повалился на землю. Может, это на местном языке означает «не надо нас фотографировать»?

И только тут до меня дошло: ну конечно, общесемитские корни! И падежные окончания, как в арабском. Точно. Просто это у них двойственное число.

– Юлька, я понял, что за «банта-илима» – ошарашено сказал ей я, – мы тут вроде как дети божьи. Seriously!

5.

– Какие еще «божьи дети»?! – чуть не заорала я, – Ты что, тоже рехнулся, как все тут?

Пожалуй, вопить подобным образом на малознакомца было не слишком прилично, но меня вся эта прогулка на родину козленка стала уже порядком раздражать. Мало того, что давно уже хочется есть, так вокруг еще эта толпа придурков... А мне, между прочим, давно уже в кустики пора. Но не будешь же постороннему мужику жалобно скулить «Венечка, мне отойти надо!»

И только впереди подходящий куст нарисовался, так на тебе, демонстрация, только что флагов и портретов почетных гостей не хватает. Мама рассказывала, они так всяких иностранных гостей встречали, еще до моего рождения. Топтались толпой где-нибудь на Ленинском и приветствовали дорогих товарищей Нубарака Карамеля с Вероникой Кастро. Нет, Вероника – это из совсем другой оперы, кажется. И вообще, ну их всех нафиг, писать хочу и все тут.

– Вень, подожди минутку, я быстренько, – сунула я парню в руки свой рюкзак, – Только пусть эти дядьки за мной не шляются, ладно?

Но этот придурочный (точно у них тут заразное что-то, вроде, нормальный мужик полчаса назад был, а туда же, свихнулся просто на глазах) цапнул меня за руку и сквозь зубы прошипел «От меня ни на шаг, поняла?».

– А в сортир тоже с тобой за ручку? – ехидно поинтересовалась я, но встречающая делегация опять что-то загалдела на своем птичьем языке, наш конвоир включился в общий клекот, и я поняла, что лучше не рыпаться. Тем более, что венькины пальцы на моем запястье сомкнулись ничуть не хуже наручников.

– Ты можешь наконец объяснить, что весь этот балаган означает? – спросила я, когда гвалт слегка утих. – Сколько можно радоваться? Они что, дикие совсем, белых путешественников не видели никогда? Может, у них и радио с телевизорами тоже нет? И что туристы в природе водятся, они тоже не слышали никогда?

– Сама ты дикая! – внезапно прикрикнул Венька, у которого, похоже, тоже начали сдавать нервы, – Ты можешь наконец понять, что они вообще непонятно откуда такие взялись, и говорят на каком-то языке, которым уже пару тысяч лет никто не пользуется, а по-арабски ни бум-бум?

– И что? – огрызнулась я, – Ты хочешь сказать, что тут они консервированные что ли, специально для нашего удовольствия?

– Ну почему обязательно для нашего? – рассудительно парировал Венька. – Может, у них тут вообще специальный этнографический заповедник для туристов? Сейчас это знаешь как во всем мире модно? Строят какую-нибудь имитацию древнего поселения, наряжают статистов и заставляют их с утра до ночи жить как в той самой эпохе. Чтобы и язык настоящий был, и всё-всё-всё... И с посетителями обращаться должны, как будто те действительно в их эпоху забрели. Мне крестный фотки показывал – он в такой деревушке в Канаде был, и в Штатах такое тоже повсюду, какой хочешь эпохи. Только у них эпох-то никаких толком нет, два-три столетия назад это ерунда, а тут – навалом, тут Ближний Восток.

Упоминание о крестном меня неожиданно успокоило. Фиг его знает, может, они тут действительно решили в мейнстрим вписаться, чтобы быть не хуже Большого Брата? Но в роль мужики вошли классно – вопли с поклонами звучали

весьма убедительно, да и вообще все окрестности даже близко не напоминали о современности – не то, что кусочка асфальта, даже отпечатка протектора не виднелось на пыльной дороге, ведущей в деревню. Вот интересно, они что, для полной аутентичности на работу в телегах ездят и на верблюдах верхом?

– Алейкум салям, – улыбнулась я и помахала рукой главному аборигену, решив, что подобный розыгрыш грех не поддержать. В конце концов, на работе люди, положено им так, ну так что, мне не жалко, могу и поиграть в их игру.

Мужик почему-то обрадовался так, словно выиграл в телевикторину тысячу пять баксов, воздел вверх руки и снова завопил что-то совершенно неразборчивое.

– Вень, мы что, так и будем тут любезностями обмениваться? – сквозь зубы поинтересовалась я, пристраивая на физиономию жизнерадостную улыбку. – Может, пойдем уже до хаты, должен же у них хоть в конторе телефон быть?

Венька снова что-то такое прокричал, толпа расступилась, пропуская нас вперед, а затем сомкнулась за нашими спинами как статисты на подтанцовке. Вожак с посохом шел рядом с Венькой, отступив от него буквально на полшага, и с очень важным видом ему что-то объяснял. Венька только угукал, и вид у него при этом был препотешный. Впрочем, я и сама вела я себя на этой экскурсии, как тетка из Жмеринки в московском бутике.

Фотик только и успевал щелкать, а я вертела головой как ненормальная. Нет, ну кем надо быть, чтобы согласиться работать экспонатом в этих трущобах? Это ж с утра до ночи, как папа Карло, изображать из себя доисторического земледельца, ходить в каких-то отрепьях, непонятно чем кормиться, и это все по местной жаре? А как же душ, холодильник, телевизор и прочие блага цивилизации? Представить, что кто-то мог согласиться на такие условия жизни добровольно, я не могла категорически.

Селение, как оказалось, было обнесено невысокой глинобитной стеной. Войдя в покосившиеся деревянные ворота, процессия остановилась на вытоптанном пятачке меж стен, а неподалеку мужики уже разводили костер и методично разделявали то, что еще недавно бегало и блеяло.

– Вень, спроси, где у них тут туалет? – зашептала я на ухо парню, потому что в этот момент мне уже было совсем не до приличий. – Ну хоть какой-нибудь, только быстро.

Венька как-то странно на меня покосился, а потом махнул рукой в сторону: какой-то мальчишка, отойдя на несколько метров от толпы, жизнерадостно орошал стенку, ничуть не смущаясь.

– Ты что, с ума сошел? – в первый момент не поверила я. – У них что тут, даже сортира нормального нет?! Впрочем, судя по запаху, так и было. Венька нетерпеливо отмахнулся а я, показав знаками, что следовать за мной не надо, отошла в том же направлении. Вот и куст какой-то колючий, но подходящий для маскировки. Но не тут-то было... Только я пристроилась, как сквозь ветки засветилась чья-то мордаха: девчонка лет десяти с нескрываемым любопытством и даже ужасом уставилась на меня, словно никогда в жизни не видела взрослых тетенок, занимающихся таким неприличным делом.

– Отвернись, – потребовала я, но девчонка явно ничего не поняла, хотя я для убедительности повторила по-французски и на языке жестов. Но не тут-то было... Пришлось мне самой отворачиваться.

В лучших традициях дикого кемпинга ни рукомойников, ни кранов в окрестностях тоже не наблюдалось. Зато в рюкзаке у меня лежала, как обычно в дороге, упаковка дорожных бактерицидных салфеток. Вот они как раз игодились. Стоило протереть руки, как салфетка приобрела мой любимый цвет «кофе с молоком».

Вообще-то я не люблю мусорить на природе, но тут как-то не сообразила, бросила ее... И сразу полоумная девица вылетела из куста, подхватила салфетку и помчалась к подружкам, на ходу тарахтя и захлебываясь словами. А я поправила одежду и спокойно вернулась к спутнику.

Толпа вокруг нас хорошо вошла в роль: разом потеряв дар речи, дружно уставилась на меня, словно я невеста что мистическое проделала. Местные дамы тем временем установили прямо под открытым небом пару низких столиков, раскидали по сторонам порядком вытертые половики, после чего потащили одна за другой керамические плошки и целые тазы с травой, овощами, лепешками, странного вида субстанцией, в которой Венька опознал козий сыр. Мужики тем временем воткнули деревянные шесты в заранее приготовленные ямы и ловко соорудили что-то вроде навеса из пальмовых листьев. А от костра уже тянуло свеженьким шашлычком.

– У нас что тут, еще и обед в программу включен? – поинтересовалась я, – А платить кто за банкет будет? Смотри, выкатят нам сумму с большими нулями – расплачиваться чем будем? У меня лично с валютой фигово, я на ресторанное обслуживание не подписывалась.

– Да что ты все дергаешься, расслабься, – неожиданно строго заявил Венька (эк он тут моментально местным духом пропитался), – Приглашают нас, непонятно что ли?

– Не-а, непонятно, – парировала я. – С какой такой радости им нас приглашать? Мы что им, любимые двоюродные племянники, прибывшие с родственным визитом из-за океана, чтобы нас на халяву парными шашлыками кормить? Где ты такое в турбизнесе видел?

– Юльк, я правда ничего не понимаю, – неожиданно растерянно ответил Венька, – Ты видишь... Они называют нас «сынами божьими», сколько я им ни объяснял, что это не так. И просят разделить с ними трапезу. Сначала вообще говорили, что жертву принесут, я только не понял, то ли нас самих, то ли этого козленка в нашу честь. Ну, неважно, за стол зовут, а отказаться – это на Востоке значит обидеть по-крупному, понимаешь? Так что давай пока... ну, короче, не особо выступать. Потом разберемся, ладно?

– Нууу... ладно, неуверенно согласилась я – Будем надеяться, что все обойдется...

Колдовавшие над барашком мужики выглядели настолько колоритно, что я не удержалась и сделала пару снимков. Явный брак я всегда стираю сразу, так что сразу посмотрела на экранчике, как оно вышло – пришлось отойти в тень и прикрыть экран ладонью от солнца. Выбрав кадр поудачнее, я сунула аппарат под нос главному шаману – надо же как-то отношения налаживать, пусть порадует старичок, как похоже получилось.

Дедулька явно отнесся к своему изображению без большого энтузиазма, только скользнул по нему взглядом и все. А другой дядька, помоложе и пониже

рангом, сунулся ему через плечо, что-то такое встревоженно прочирикал, тыкая пальцем то в экран, то в дедка, и вдруг горестно завыл, с ужасом глядя в погасший экран. Послушав завывания молодого, старший абориген включился в симфонию ужаса.

– Вень, чего им опять не так? – поинтересовалась я, с недоумением глядя на тоскующего мужика. – Фотка, что ли, не понравилась?

– Фотка-то понравилась, – задумчиво отвечивал Венька, обменявшись со страдальцем несколькими фразами. – Но они тебя просят вернуть им их души...

– Какие души? – поразила я, – Венечка, ты уверен, что все понял правильно? С какой стати мне их души сдались?

– Уверен... – обалдело подтвердил Венька, – Они очень расстроены, что ты забрала с собой душу старейшины поселения, и теперь ему не жить. Поэтому общественность слезно умоляет тебя вернуть почтенному Ибрагиму или как там его – душу, его главную собственность.

– Во дают! – восхитилась я, – Это ж надо так в роль войти! Слушай, может, они тут все – прирожденные актеры, а? Воют так, словно у них тут поминки любимого дедушки. Объясни ты им, что ли, что ничего я не забираю, это просто фотка... А то за этими их воплями мы так до еды и не доберемся.

– Ты включи камеру обратно и картинку мне его выведи, – скомандовал Венька, и я на сей раз послушалась. А он поднес фотик прямо ко рту, а потом, повернувшись лицом к старейшине, дунул на картину и ему на физиономию – и тут же выключил экран. Дядьки радостно загалдели.

– Видишь, как они нервно реагируют, – сказал он мне с упреком, – не надо лучше!

– Да ла-адно, – отмахнулась я, – если заповедник, так пусть отрабатывают.

– Ну тогда хотя бы картинки им не показывай! – попросил Венька.

А есть, меж тем, хотелось уже просто умопомрачительно. Закланый агнец, или кто он там, запахи источал самые соблазнительные, и я чувствовала, что еще пять минут проволоочки – и я скончаюсь прямо на месте в жутких голодных муках. Но судьба была к нам милостива – главный дедок, наслушавшись венькиных рассказней, слегка притих и позвал нас к столу, хотя на фотик в моих руках косился весьма опасно.

Ждать второго приглашения я лично не стала. Стульев нам, для пущей аутентичности, тоже не выдали, так что пришлось последовать примеру аборигенов и по-походному усесться прямо на коврик. Зато над нами растянули покрывало на палках, очень кстати по такой жаре. А сидеть – ну да ладно, нам не привыкать, посидим и по-турецки... Зато вот она – еда! Горяченькая!

6.

Жрать и в самом деле хотелось – со всеми этими приключениями прошло невесть сколько времени, а завтракали мы давно и очень легко. Сколько бы ни слупили, а дешевых вариантов типа фалафеля или шоармы (она же по-московски шаурма, а по-питерски шаверма) в пределах досягаемости не было.

От одного вида этой нежной молодой баранины в желудке аж заурчало, рядом стояло еще одно блюдо с лепешками, и третье – с зеленью. И огромный кувшин с... да, с вином! Вот тебе и главное доказательство, что перед нами были никакие не мусульмане, а кто-то иной.

А тарелок там или вилок никаких не было, или хотя бы даже стаканов – только такие же грубые, в деревенском стиле раскрашенные керамические плоски для вина, да и тех было всего несколько штук разного размера.

Старейшина жестом пригласил нас садиться, и я, скинув сандалии, совсем уж было собрался расположиться по-турецки, но решил, что руки помыть бы не мешало. Юлька туалета, кажется, не нашла, так что я постарался выяснить насчет этого у старейшины, по-арабски и по-английски, но он меня явно не понял. Ну не знал я, как по-арамейски называется это заведение, совершенно не знал! И тогда просто я просто плюнул и перешел на иврит, вдруг сообразит.

Про сортир он, впрочем, не знал и на иврите. Зато при звуках этого языка оживился... и стал мне отвечать! Иврит у него выходил, правда, какой-то странный, сперва я подумал, что с палестинским акцентом, как на территориях малограмотные крестьяне говорят. Но на самом деле это был вообще другой, хоть и похожий очень язык, выговор у него был очень своеобразный, и вставлял он то и дело незнакомые мне словечки. Но мы наконец-то стали друг друга понимать. Руки помыть – это оказалось запросто, нам тут же поднесли еще одну большую керамическую чашу с довольно мутной водой (ни мыла, ни полотенца!) и после того, как мы сполоснули в ней руки, чуть ли не вся деревня, строго соблюдая очередность, сделала то же самое. Не меняя воды, разумеется. Странные у них все-таки были обычаи! А насчет облегчиться, это можно было пока отложить. Тем более, что баранина пахла совершенно фантастически.

Мы сели на циновки, старейшина начал с какого-то длинного и очень цветистого тоста на своем ломанном иврите, из которого окончательно стало ясно, что нас называют богами. «Человеки мы, человеки», – попытался я объяснить, но это мое заверение было понято как полное согласие со всем сказанным выше, так что пришлось замолчать.

– А есть-то когда будем? – переспросила Юлька.

– Да подожди, неудобно прежде хозяев кусок брать, – ответил я.

– А мне удобно, я голодная, – сказала она и протянула руку к блюду с мясом.

Ну никакого представления об этикете! А старейшина, повинуясь малейшему движению ее руки, сам немедленно замолчал, подскочил, схватил блюдо, подал нам с поклоном, очень неудобно получилось!

– Юлька, ты дикая. Тебя сдадут в гарем на перевоспитание! – возмутился я скорее для виду, а на самом деле радовался, что можно уже пожрать.

– Я их сама там перевоспитаю! – смеясь, ответила она, – ты лучше узнай, как у них тут с вилками.

Вилки, действительно, не было. Нож лежал только один рядом с блюдом, какой-то очень уж старый и щербатый, и тогда я достал из кармана свой, складной, раскрыл его, подцепил хороший кусочек, взял левой рукой верхнюю лепешку, вложил ее в Юлькины руки и положил, как на тарелку, ароматнейший и сочный кусочек.

– Киндзу там и петрушку сама сверху положи, тут так принято!

– А что, тарелок и вилок совсем не предполагается? – удивилась она.

– Похоже, так. Да ладно, ничего страшного, если тебе надо порезать, то вон нож лежит.

– Может, я твоим лучше?

– Да тебе вот этим будет удобнее, – сказал я и подал ей колхозный инструмент. На самом деле, не люблю я давать свой нож другим людям без крайней необходимости. Нож, это вроде автомата или компьютера, у каждого должен быть свой.

Юлька фыркнула и начала неловко резать мясо на весу. А я положил еды себе тем же манером.

– О мой господин, сын бога, прости раба своего, и если я нашел милость в очах твоих, поведай рабу своему! Сия госпожа, мать и владычица наша, дочь богини, она старшая сестра господина моего? – церемонно переспросил старейшина.

– Какого господина? – не понял я.

– Сия госпожа, мать и владычица наша, дочь богини, она твоя старшая сестра, господин мой, сын бога?

– Почему ты так решил? – удивился я.

– Мой господин, сын бога, хорошо служит своей старшей сестре, владычице...

– Нет-нет-нет, – запротестовал я. Вот еще, произведут меня в гувернеры этой самой владычицы, матери их, – но у нас просто так принято, что женщине дают кусок прежде мужчины.

Тот ахнул:

– Воистину, как далеко небо от земли! Покрой грех раба твоего, ибо не знал раб твой, что так же далеки пути богов от наших путей.

И что-то стал объяснять своим соплеменникам, к большому их удивлению.

– Я смотрю, ты с ним нашел общий язык, – удивилась Юлька, наспех запихивая в рот первый кусок – как быstro!

Некоторое время рты наши были заняты, так что обсудить лингвистическую ситуацию было некогда. А потом нам поднесли чаши с вином. И я решил, что надо проявить инициативу, приосанился, поднял чашу и сказал тост:

– Друзья, мы благодарим вас за вкусную еду!

– Мы нашли благоволение в очах сынов божьих! Наша жертва им приятна! – завопил старейшина и тут же громко и радостно залопотал на своем языке, из которого я понимал только отдельные словечки, и то не был уверен, что правильно. Толпа снова ахнула, на этот раз радостно, и поклонилась нам. Только тут я обратил

внимание, что на корточках перед нами сидел только старейшина, а остальные почтительно стояли кругом.

– Друзья, садитесь к столу, здесь на всех хватит! И вина себе налейте!

Мне как-то даже неловко было пить, пока ни у кого не было в бокале, то есть в плошке. А Юлька, паршивка, уже пригубила и скривилась:

– Вино у них совсем никакое. Не умеют арабы вино делать!

А толпа, радостно кланяясь и галдя, стала рассаживаться вокруг стола.

Старейшина, налив себе вина, подсел к нам и завел привычную песнь:

– Рабы ваши нашли благоволение в очах господ своих, дочери богини и сына бога, да не прогневаются господа наши, владыки наши, на рабов своих...

– Хватит уже, – ответил я и чокнулся со старейшиной, который явно не был знаком и с этим жестом, – давай уже выпьем!

Вино было слабеньким. Разбавленным, точнее, причем сильно разбавленным. Так, кислятинка... Да и вкуса никакого. Я залпом осушил чашу, и мне тот час налили из кувшина еще, да и Юльке подлили. И мясо, кстати, было у них каким-то недосолённым, и совершенно не перченным. Специй пожалели, что для ближневосточной кухни очень странно смотрится. Я думал, будет сплошной огонь во рту!

– Ладно, ты мне скажи, откуда ты иврит знаешь? – спросил я старейшину.

– Раб твой не знает «иврит», сия премудрость открыта сынам богов, – ответил он.

– А язык, на котором ты говоришь?

– Раб твой говорит на языке Тира и Сидона, словами хананейскими, ибо вот уже много лет как приходят оттуда к рабу твоему, и продают, и покупают. И были годы, когда милостивы были боги к стране Угаритской, и много было гостей из Тира, и Египта, и Крита, и дальних островов, и были здесь сыны хеттовы, и сыны амореев, и сыны Ханаана, и сыны...

– К чему-чему-чему были милостивы боги? – переспросил я.

– К стране Угаритской, господин мой.

– И ты знаешь, кто такие амореи и хетты? И знаешь Ханаан?

– Знает раб твой, и как не знать того!

– Но не знаешь, что такое туалет, телефон, автобус и полиция?

– Сие открыто сынам богов, но не нам. Сего не слышало ухо мое, и не видел глаз мой, и отцы наши не поведали нам о том.

– И может быть, ты никогда не слышал про Башара Асада? Про Сирийскую Джамахирию? Про Америку и Россию, про Израиль и Турцию?

– Много есть на вышних небесах загадок, неведомых смертным. Башар Асад – не имя ли то острого меча, которым режет мясо господин мой? Джамахирия – не небесный ли свет, который озарил рабов твоих? Или то благоуханный плат, которым отирала руки владычица моя?

И он бережно положил предо мной порядком поюзанную гигиеническую салфетку. Судя по всему, после Юльки ей вытиралась вся деревня, и насчет благоухания он явно преувеличил.

И тут меня стукнуло, озарило, вставило, или как еще это называется – и я расхохотался. Ну да, как все просто. Как всё идиотски, примитивно, безнадежно просто. Как всё сошлось одно к одному...

– Юлька, вот что! Мы с тобой попали на ту самую экскурсию в древний Угарит. Понимаешь? Мы в Угарите. Самом что ни на есть древнем Угарите, точнее в его окрестностях тыщи за полторы или сколько там лет до нашей эры, за три с лишним до изобретения телефона, интернета и суверенной демократии. И до нашего с тобой рождения, кстати. И как отсюда выбираться, я понятия не имею. И даже какой сейчас год, нам никто тут не скажет, потому что нет у них ни сортира, ни телефона, ни календаря, ни учебника истории древнего Ближнего Востока. Мы попали. Мы попали так, что...

Я вообще-то стараюсь не материться, особенно при девушках, но в тот раз не удалось сдержаться.

7.

– Венька, ты охренел? Какой, нафиг, древний Угарит, очнись! Тебя что, так от местной килятины вставило, или ты какой-то фигней задвинуться успел?

От изумления я, кажется, орала на всю деревню – не помню. Слишком уж резким и неожиданным стал Венькин выход из-за печки. И какая муха его укусила? Сидели, тихо-мирно шашлычком баловались. Ну да, несоленным, конечно, но это нормально. Заповедник же, аутентичность и вся прочая хурда-бурда. Или он что думал, что экскурсию ему выборочно устроят – здесь античность, а здесь вполне себе современность? Дудки!

Молодцы арабы или кто они там, чисто сработали – погружение полное, комар носа не подточит. И актеров явно не самых бездарных подобрали, вон как импровизируют лихо. Интересно, что за безумный шейх всю эту этнографию спонсирует? Она ж, поди, диких деньжищ стоит, ни одно государство ради туристов так разоряться не станет.

Внезапно в ответ на мои вопли Венька загнул такую тираду, что даже у меня, в общем-то, не дочери камергера, уши в трубочку свернулись.

– Эх ты их лихо... приласкал, – вырвалось у меня, когда затихла последняя фиоритура. – Интересно, как бы оно в натуре выглядело, ну что ты сейчас словами изобразил?

Вот не каждый такое изобретет. Только Венька почему-то шутку поддержать не пожелал, напротив, мрачно зыркнул в мою сторону.

– Дура ты, Юлька, – процедил он сквозь сжатые зубы. – Нас действительно в прошлое занесло. Пещера эта долбанная...

И я с немалым интересом выслушала все то, что именно пожелал сделать Венька с пещерой, равно как и со всеми ее предками по женской линии до седьмого колена.

Да уж, прихватило парня крепко. Неужто это его солнышком так напекло, до доисторических глюков? Что ж в путеводителях ничего не сказано, что местная жара может приводить к такому отъезду крыши?

– Ну хорошо, хорошо, – успокаивающе забормотала я. Когда у психов обострение, с ними лучше не спорить, это даже дети малые знают. – Угарит так Угарит, можно и тысяч пять лет назад, я не против...

Во взгляде Венькином читалась такая вселенская тоска, словно он на веки вечные отказывался признавать у меня наличие хоть малейших признаков разума.

– Слушай, ты правда недоразвитая или только придуливаешься? – сквозь зубы спросил он.

Аборигены перестали галдеть и с напряженным вниманием уставились на нас, словно гадали, подеремся мы тут прямо у них на глазах или обойдется без развлечений.

– Ты что, не видишь, что тут вообще нет следов цивилизации, никаких? – продолжал тем временем Венька, вновь обретший возможность изъясняться человеческим языком. – Хрен с ним с заповедником, но не живут же они здесь постоянно, правда? То есть, не жили бы, если бы это только для туристов сделано было. Значит, им как-то сюда приезжать нужно, так?

Я неуверенно кивнула. Вообще-то да... Мысль о том, что окружающая публика могла по-настоящему жить в таких антисанитарных условиях, показалась мне совершенно дикой и неправдоподобной.

– Ну вот, – подтвердил Венька. – А ты следы протекторов хоть где-то видела? Ну не здесь, а по дороге, а?

Я напряглась, припомнила наш путь в этот шашлычный оазис, и помотала головой – следов машин в окрестностях явно не просматривалось.

– А самолеты? – продолжал наседавать Венька, – Ты хоть один самолет в небе видела? А ведь тут постоянно что-то в небе болтается то туда, то сюда. А антенны? Линии электропередач? Хоть что-то из этого обязательно должно было по дороге встретиться. А ты что-то из этого видела? Только буйная зелень повсюду, словно мы и не в Сирии, и узкие тропки аборигенов!

– Не-еет, – почему-то шепотом ответила я, безуспешно гипнотизируя темную точку в пронзительно синем небе и отчаянно умоляя в душе, чтобы это был самолет. Но точка, приблизившись, оказалась довольно крупной птицей. Покружив над пиршественным столом, птица хрипло выругалась и улетела восвояси.

Да уж, это верно: никакие блага цивилизации в последние несколько часов нам-таки не встретились. А Венька тем временем увлеченно вещал что-то про телефон вперемешку с Тигром, Ефратом и родственником их Угаритом, про неправильный иврит, отсутствие сортиров и пряностей и еще кучу всякого разного, что в голову уже не лезло.

– Венечка, но это же ... – неожиданно для самой себя я повторила кое-что из Венькиного лексикона, – Ой, то есть, я хотела сказать, что это ... плохо как-то очень... неправильно!

На Веньку неожиданное пополнение моего словарного запаса, похоже, особого впечатления не произвело. Он хмуро махнул рукой, пробурчал что-то типа «Да ладно...» и покосился на солнце, уже клонившееся к морской синеве вдали.

– И... и как мы теперь отсюда станем выбираться? – ничего умнее этого вопроса мне в голову не пришло.

– Не знаю. Думать будем, – довольно резко ответил Венька и снова заклекотал с главарем аборигенов на непонятном языке.

В общем, мне не оставалось ничего другого, как закусить и выпить, и снова закусить, и... Нет, решила я, обжорство до добра не доведет. Лучше было разведать обстановку, и я, поднявшись на ноги и коротко кивнув Веньке, пошла прогуляться по деревне. За мной тут же увязалась толпа, состоявшая исключительно из женщин, поскольку за столом у них сидели одни мужчины. Угорят они тут или не угорят, а вот с половой сегрегацией у них тут точно не порядок, подумала я.

Деревня оказалась довольно большой, но застроена она была совершенно бестолково. Глинобитные дома с небольшими деревянными дверками лепились друг ко другу, народ, похоже, весь был на площади, где потчевали нас. Я потянула на себя одну из приоткрытых дверей, за которой слышался детский плач. Местные тетеньки мне ничего не возразили, только ахнули и загалдели по своему. Впрочем, если бы и захотели возразить – я бы все одно ни шиша не поняла.

Перешагнув порог (для этого пришлось как следует нагнуться), я оказалась в небольшом внутреннем дворике. Слева был навес, справа и прямо комнаты, а вдоль наружной стены были навалены какие-то тюки попеременно с большими

кувшинами. Пахло чем-то прокисшим, и прогоркшим, и одновременно вспотевшим, и...

Что-то мелькнуло за дверным проемом передо мной, и детский плач усилился.

– Не бойся! – сказала я по-русски, раз они все равно никакого моего языка не понимали, – не укушу! Баю-баюшки баю! Агу-агу!

В ответ на «агу» из двери робко выглянула девчачья мордашка, лет этак десяти, тут же с писком спряталась обратно, а за спиной у меня раздалась приветственная тирада на местном невнятном языке.

Обернувшись, я увидела даму... неопределенных лет, отчаянно жестикулировавшую в моем направлении.

– Ничего-ничего, я только посмотреть, – смущенно сказала я и собралась уже было выйти наружу, как вдруг изнутри дома выскочила та самая девчонка в коротеньком платьице, а на руках она несла совершенно голого и довольно упитанного младенца. Увидев меня, младенец забулькал слюнями и улыбнулся. А девчонка что-то залопотала.

– Плюти-плюти-плют! – вспомнила я про Карлсона и изобразила перед носом младенца что-то вроде козы-дерезы. А он отважно ухватил меня за палец – и вздох восхищения прокатился по толпе местных тетенок.

Ох, лучше бы я этого не делала... В общем, следующие часа два, а то и три мне пришлось старательно обходить дом за домом. Хозяйки были очень гостеприимны, я бы даже сказала, навязчивы. Меня только что не силком волокли (руками, правда, не трогали, ну, почти), совали под нос младенцев разной степени грязности и упитанности, и над каждым надо было сделать козу и сказать: «Плюти-плюти-плют!» Я, было, попробовала «Агу-агу», но мамаша был так разочарована, что немедленно пришлось утешать ее плюти-плютом. За что я была тут же награждена каким-то премиальным пирожком, довольно, впрочем, вкусным, как раз после этой жирной баранины.

Некоторые подводили даже ребятишек постарше, лет трех-четырёх, а то и шести, таких же чумазных и голопузых, но тут уж я решительно забастовала. Если надо перетютёшкать всех их младенцев за эту их баранину, то так уж и быть, но воспитательницей детсада я им точно не нанималась! Тем более, пирожки их в меня уже не лезли, и вообще, столько всякой дряни они мне насовали в рюкзачок за эти плюти-плюты...

Приключение было утомительным, но немного забавным. А когда я вернулась к месту трапезы, солнце уже клонилось к горизонту, а Венька – к плечу старейшины. Языком он уже практически не ворочал.

– Культурно отдыхаете? – спросила я ехидно, – а я, между прочим, провела осмотр младенческого населения этой деревни. По моим подсчетам, здесь обитает не менее двадцати пяти грудничков! Большое у них село.

Хотя, может быть, я несколько преувеличила, но уж не меньше дюжины младенцев у них было, это точно.

– Спать пора, – хмуро отозвался Венька, зевая во всю свою пасть и одновременно икая, – Завтра дорогу будем – ик – иксать. Обратно. Ик.

– Как спать?! – в ужасе переспросила я, не представляя, как в таких антисанитарных условиях можно вообще куда-то лечь.

– Молча, – тоном, исключаящим пререкания, парировал парень, и снова икнул.

Пришлось тащиться следом за ним в недра сомнительного вида мазанки, прямо у той самой площади. Там нам выдали гору остро пахнущего скотским, а то и человеческим потом тряпья, из которого Венька с третьей попытки свил что-то вроде большого гнезда.

– Ложись давай, – скомандовал он и на всякий случай добавил – Можешь не раздеваться.

Последнее уточнение было совершенно лишним – в таких условиях я и под угрозой расстрела не отважилась бы с себя что-то снять.

– А умыться? – возразила я

– До ветру – в поле, ик. Умыться – в море, завтра, – ответил он.

– А ты-то как? – поинтересовалась я, пытаясь устроиться на импровизированном ложе, чтобы было хотя бы не очень больно и жестко. С умыванием, конечно, был полный пролет.

– А – ик! – глухо ответил Венька, укладываясь рядом, спина к спине, и вытягивая ноги в сторону дверного проема. – Кто войдет – сразу ик! И я его – ик!

– Ага. Спок нок, – пробормотала я в полной уверенности, что бурный день надолго отбил у меня способность ко сну – но в сон я провалилась раньше, чем додумала эту самую мысль до конца.

8.

Ох и болела же следующим утром голова! И еще красавица эта зудела над ухом: дескать, напился, ругался... сломал деревцо познания добра и зла, и вот теперь нам не будет обратной дороги. И угаритские народные песни хором с вожаком распевал. А я, между прочим, не просто так пьянствовал, Я, можно сказать, в шоке был. Она бы на себя посмотрела: совсем получился цыпленок ощипанный. Даже жалко ее стало, злиться – ну никаких сил.

И вообще, я не просто с вождем бухал. Я информацию добывал, с большим, надо сказать, трудом. Немногое, правда, прояснилось: времена угаритского величия прошли, город лежит в развалинах, а люди в округе занимаются всё больше простым крестьянским да рыболовным трудом. Наезжают к ним финикийские купцы, за рыбой да за прочей сельхозпродукцией, им привозят импортное барахло. Я всё пытался сообразить, какой это век, но не мог. Я помнил, что процветающий Угарит – это еще до Ветхого Завета. Но насколько раньше? И когда он был разрушен? Ни о каком Израиле они не слышали, об ассирийцах, вавилонянах, персах или греках тоже – словом, попали мы в какое-то безвременье и захолустье, никаких тебе мировых империй, только где-то далеко есть Египет, и он, похоже, в очередном периоде упадка. А они живут запросто своей деревенской общиной, молятся богам, за которых они нас, собственно и приняли. Я, правда, сразу постарался его в этом разубедить.

Всю эту политинформацию мне следовало изложить Юльке – но сначала надо было как-то умыться и привести себя в порядок... Что же они такое подмешивают в свое вино?

В общем, пришлось для начала... наружу выйти. А у входа в дом – уже трое местных, глаз не отрывая, смотрят. Поприветствовали... и за мной пошли, за стену поселения. Неловко даже как-то, хоть и мужики. Отвернулся от них – так один спереди зашел. Ну ладно, думаю, в армии и не так еще приходилось, да еще смотрели, вдруг кто не обрезан, тут уж чего стесняться... И как первый это дело увидел, завопил сразу, побежал куда-то. И старейшину вчерашнего с собой привел.

Тот, поприветствовав меня, перешел к главному на сегодняшний день вопросу:

– Права была дочь кузнеца, о мой господин! Я сказал в сердце своем, что мала она и неразумна, и глаголет пустое, но вот, ты мочишься к стене, как один из смертных! Увы нам, ибо ты и вправду не сын бога!

Наконец-то разобрались, а я ведь сколько им толковал: «сын Адама, дочь Евы»... нет у них никаких Адама и Евы. Куча всяких богов и предков есть, а этих не было и нет. Только не в том я был состоянии, чтобы диспуты богословские вести. Эх, рассольчику бы...

Дома меня ждала с кучей недоумений Юлька. Собственно, главных вопросов было три: кто же это я такой, что так хорошо на местном наречии разговляю, где мы вообще оказались и как отсюда выбраться. Кажется, до нее, наконец, дошла вся серьезность нашего положения.

Первое объяснить было проще простого: израильтянин я по паспорту, современным ивритом владею свободно. Библейский от него не сильно отличается. Ну и способности у меня кое-какие к языкам... Я же еще маленький был, когда

родители эмигрировали в Израиль. Только не прижилось мое семейство на «исторической родине», потянуло на доисторическую, то бишь в Россию. Так что три года назад перебрались мы обратно в Москву, благо, гражданство сохранилось российское, а знания и навыки – израильские, лично у меня. Тосковал первое время сильно по родным пальмам и кактусам... Трудно все-таки в двадцать пять менять страну проживания.

У меня вообще-то только одна бабка еврейка по материнской линии, чтобы признать меня евреем – вполне достаточно, чтобы гражданство израильское дать – тоже. А семья была русской, конечно, по культуре и по языку, кроме нескольких слов на идише, и не знал никто ничего. Ну вот и окунулся я в израильщину по самую макушку. Дома – по-русски и только по-русски, в школе на иврите, на улице вообще на всех языках сразу, и по-арабски тоже.

В армии повезло служить в «Голани», в бригаде спецназа. Так что с территорий мы не вылезали, там этот бытовой арабский очень пригодился. Да и после армии работал на стройке, а там кто рабочие? Те же арабы. Вот и выходит, что два семитских языка знал свободно, третий, арамейский – немного по книгам учил, просто интересно стало. Язык Христа, в конце концов. Ну, а где два с половиной, там и три, и четыре. Тем более, финикийский и древнееврейский – их можно считать разными ханаанскими диалектами, настолько похожи. Зато вот угаритский язык от них сильнее отличается, хотя все равно очень близок, ну как польский или даже украинский к русскому. Привыкнуть можно быстро. Со старейшиной мы так и говорили: я ему слово на иврите, он мне на финикийском.

Только Юлька очень удивилась, когда про утренний мой туалет узнала. И, ужасно смущаясь, спросила, как это такая мелочь нас лишила божественного статуса. Что ли боги как-то иначе нужду справляют?

Боги... да кто их разберет, этих богов языческих, чего они там только не вытворяют. Только был такой случай у институтков в России XIX века: приходил к ним в Смольный некий архиепископ или даже целый митрополит. Ну, и зашел в туалет. А одна барышня, как увидела его выходящим из туалета, в обморок хлопнулась. Не то, чтобы она его не считала человеком, но просто совместить не могла: как это митрополит – и в туалете? А уж сын бога, который так запросто... Да и «мочащийся к стене» – библейское, между прочим, выражение. Так называли мужское население, которое в случае непорядков беспощадно вырезалось, а женщин и младенцев угоняли в плен. Вот когда разглядели нас с Юлей по этой части – тут им и стало всё ясно. Слишком всё прозаично, в «банта илима» таких не берут.

– Ну ладно, – хихикнула Юлька на мои объяснения, – ... а как ты этому самому Ибирану объяснил, откуда мы тут взялись?

– А как ему было объяснить? «Мы из будущего»? Нет у них такого понятия. Вот просто нет. «Мы колдуны, пророки, волхвы, гадатели» – это до тонкостей различается у них. А будущего нет никакого. Сказал, что мы из далекой северной страны Русийя, где много всяких волшебств, и что случайным колдовством занесены в его деревню, но хотим им только добра, а пуще всего – вернуться назад. Он согласно закивал: конечно, и грозы, и дожди, и вообще всё волшебное приходит именно с севера (а на их языке ведь «север» – это просто гора Цафон, и точно так же в иврите). Там живут боги, и нет ничего удивительного в том, что на самом

далеком севере есть совсем волшебная Русийя, много цафонистее Цафона. И он, конечно же, выдаст нам лучших ослов и велит напечь лепешек и навялить мяса в дорогу, чтобы мы... Тут я просто застонал. Им невозможно было ничего объяснить. Может завтра мы залезем в ту же дыру, и...

– Пошли! – радостно воскликнула она, – давай скорее!

– погоди, – смутился я, – а погулять тут, посмотреть? Мы ж вроде как на экскурсии? Вот и попали в такую прямо экскурсию...

– Ну, знаешь, безопасность прежде всего! – отозвалась она, – и вообще, если найдем портал...

– Что-что?

– Ну, дырку временную, если найдем ее, мы же сами сюда экскурсии будем водить! И вообще придумаем кучу всего интересного. Только надо найти местечко. Пошли, проверим!

– Даже без завтрака?

– А что на завтрак?

– Да не знаю... то же самое, наверное. Мюслей и творожков не видать в окрестностях. Зато, кажется, есть рассол от овечьего сыра... рассольчику холодненького ща...

– Ну ладно, – смиростивилась она, – после завтрака проверим, а то тут некоторые в состоянии тяжкого похмелья...

И мы проверили. Ну что, надо описывать результат? Или и так ясно? Мне отчего-то понятно было сразу: ничего не выйдет... Юлька только таскала меня наружу и снова внутрь, будто это комп заключивший, будто можно этот «портал» было перезагрузить.

– Расскажи ты теперь про себя, – попросил я ее, когда мы, усталые и недовольные, сидели на камушке снаружи, – кто ты?

– Да что тут особо рассказывать? – пожала плечами она. – Обычная москвичка, родилась, училась, не состою, не привлекалась, без вредных привычек... ну почти. В свидетельство о рождении чуть было не записали меня под именем «Перестройка», хорошо, бдительная мама опередила папеньку-шутника. Вот и о возрасте не надо спрашивать. Это у нас 86-й или 87-й, стало быть, год рождения, а нынче у нас на дворе 2008-й... Тьфу, то есть не нынче, а там, откуда мы. А Юлька продолжала:

– Ну что еще? Работаю вольной художницей, книжки оформляю, когда заказы есть. Еще верблюдов леплю всяких-разных, важным людям на сувениры. Вот в кои-то веки вырвалась в загранку, когда финансы наконец позволили, а дальше ты сам все знаешь...

А потом Юлька потащила меня купаться. Ну правильно, раз мы тут оба в отпуске, и пляж рядом, чего ж не пользоваться? Пляж оказался нудистским и поначалу чисто женским. Я даже решительно был настроен не подглядывать... честно, был. А потом полчаса из моря не вылезал: охладиться требовалось от одного такого вида.

Странно, если разобраться, мы себя вели: вот люди попали в прошлое, в какую-то совсем незнакомую страну, и непонятно, как оттуда выбираться, и как вообще там устроиваться, пока не выберемся. А внимание обращают на сущую ерунду. Или не ерунда это была, если судить по продолжению?

9.

Следующие несколько дней прошли как во сне. В тяжелом, нудном сне, когда хочется проснуться, и не можешь этого сделать... У меня в голове наступил полный вакуум и сквозняк. Метаться все равно смысла никакого не было. Фиг его знает, где мы на самом деле, что за люди вокруг, чего от них ждать. И самое правильное было уподобиться ящерице на солнышке, замереть и наблюдать... А когда хоть немного информации наберется, то тогда уже что-то предпринимать. И потом, я ж не сама по себе туда попала, а с мужчиной – ну так чего самой-то рыпаться? Тут матриархатом и не пахнет, так что есть мужчина – вот пусть он и командует, а дело женщины покоряться. Разве не так?

Только напрасно мы под его командой (и по моей инициативе) обследовали ту самую пещеру, и вылезали обратно, и опять лезли, и фонарик пробовали включать, пока батарейки не посадили, и даже зажигалку, и вообще чего только не делали. Ни-че-го. Не работает волшебство дважды. Перепачкались в этой пещере как черти, я другую коленку расцарапала до крови, а дыра во времени открываться не пожелала категорически.

Мамочки, где моя Москва, где уютный мой бложик, где чашка кофе, где шумные таджики с отбойным молотком под окнами? Я даже на гастарбайтеров согласна, лишь бы оказаться дома, в своем городе и своем времени... А ведь, судя по всему, в родных наших краях ледниковый период в разгаре и мамонты на каждом шагу попадают. Венька только ржал, гад, надо мной ржал, расписывая прогулку мамонта по Боровицкому холму.

Нет, принимали нас замечательно, просто роскошно принимали, по местным-то меркам. На второй день зарезали барашка, на третий козленка, шашлык от пуза, разожраться можно на такой кормежке килограммов до ста. Все-таки ничего лучше жаренного ягненка человечество за последние веков тридцать так и не придумало. Пили всё больше вино, сильно разбавленное водой – вместо чая, кофе и вечернего кефира. Впрочем, что-то кисломолочное тоже давали, вроде айрана. Поселили нас в доме самого старейшины, в его комнате, он ради такого дела переехал в подсобку, выселив из нее парочку младших домочадцев не то слуг. В общем, местные пять звезд, all inclusive. И купайся-загорай по самое нехочу.

Только одна беда: задерживаться мы там вовсе не собирались. Даже, можно сказать, ровно наоборот. Выбраться бы из этой первобытности поскорее... Нет, я вовсе не привыкла к рублевской роскоши, и нет у меня вилл от папы-нефтемагната (от диссидентствующего учителя музыки в отставке их не дождешься), но и сон на жестком полу, среди ароматов сомнительной свежести, равно как и полное отсутствие сколько-нибудь человеческих средств гигиены, меня повергали в уныние.

Ну да, море, всё здорово – а что потом делать с солью, тонкой пленкой покрывшей все тело? И чем, позвольте полюбопытствовать, можно волосы мыть? За банальную бутылочку какого-нибудь Л'Ореаль я была готова отдать все сокровища мира, но увы... Тетки тут для гигиены золой какой-то натирались, смешанной с глиной и чем-то еще, а волосы оливковым маслом смазывали – я так не рискнула.

К тому же скоро пришлось нам побороться в последствиями здешней антисанитарии. То ли слегка немытые руки были тому виной, то ли йогурт местный, но уже на второй день скрутило нас с Венькой животы весьма основательно. Вот когда я возблагодарила маму за ее извечное «бери на юг побольше таблеток от желудка». Аптечка моя походная на сей раз нас очень выручила. Запас оказался не сказать, чтобы очень велик, но на первый случай выручить все-таки мог. «От головы», «от живота», «от простуды», «от горла», всякого рода пластыри и бактерицидные примочки – это все у меня лежало с специальной непромокаемой аптечке. У Веньки тоже нашлась при себе пара таблеток аспирина, порядком замусоленные леденцы от кашля... и на этом все.

Негусто, что и говорить.

– Нельзя нам, Юлька, тут болеть, – резюмировал Венька, – Мы ж только своими лекарствами лечиться умеем, и то едва-едва. Того, что у нас осталось, ни на одну серьезную хворь не хватит.

– Слушай, но они же тут как-то лечатся и при этом выживают, – парировала я, и нарвалась на вполне предсказуемый ответ:

– Выживают... многие. Вот ты давай и учись у знахарок местных. Язык только сначала выучить надо. Ну хотя бы финикийский, международный. Хочешь, уроки буду давать?

А что еще оставалось делать? Французский в школе учила, английский маленько самоучкой, а толку теперь от этого ноль. Лучше бы заранее разучила способы открывать дыры во времени! Только нигде такому не учат, к сожалению. Оставалось шляться по окрестностям, вдруг на портал этот самый наберемся?

И вот на третий не то четвертый день, притомившись от безрезультатных поисков, мы возвращались к родимой деревне. Мда, с чего это она для меня родимой стала так быстро?

– Слушай, Вень, – сказала я. – Мне тут одна мысль в голову пришла, в порядке бреда...

– Ну так может, пусть она там так и остается? – ехидно поинтересовался не менее уморившийся парень, – Раз уж это бред...

– Да ну тебя, балда, – я запустила в него подвернувшимся камушком, но промахнулась, и все-таки продолжила, – Может, нам действительно петух нужен?

– Какой петух? – обалдело уставился на меня Венька. – Юльк, ты того, не перегрелась, часом?

– Какой-какой, красный, – ворчливо ответила я. – Ты что, Акунина не читал?

Этот игнорамус отрицательно помотал головой, всем своим видом демонстрируя, что слыхом не слыхал ни о существовании писателя Акунина, ни о похождениях героической монахини Пелагеи. Пришлось рассказывать.

– Ну ты даешь! Культовая же книга была, по ней все вокруг с ума сходили несколько лет назад. Ты что, про Пелагею вообще не слышал ничего? Даже не знаешь, кто это такая?

– Кажется, певица, – ответил он неуверенно, – а что, нет?

– Сам ты певица! – возмутилась я. – Это наша мисс Марпл, даже покруче ее. Ну, короче, она монахиней была, только ее постоянно в авантюры всякие затягивало. То убийства расследовала, то еще чего. А потом там в наше время ... ну,

то есть, не в наше, а в 19 век... занесло пророка одного древнего, Мануйлу. Короче, оказалось, что в Евангелии все совсем неправильно написано, и она за ним потом туда назад отправилась, чтобы его спасти. Вот они там тоже через всякие такие пещеры туда-сюда мотались, только у них еще петух был, без него ничего не получалось.

– Неправильное Евангелие? А кто такая мисс Марпл? – спросил он, и мне стало понятно, что разговор может затянуться надолго, – ну вот Дэна Брауна я знаю, хотя и не читал.

– Мисс Марпл – это ж у Агаты Кристи, ты чтоооо! – возмущенно завопила я. – Твой Дэн Браун – плагиатор жалкий, чужие идеи тырит. А Мисс Марпл – это бабка такая чумовая была, самые сложные преступления распутывала как нефиг делать, где никакие следователи разобраться не могли.

– А Пелагея? Она тоже у Кристи? Ты извини, я вообще детективы как-то не люблю.

– Пелагея – это у Акунина, – я начала терять остатки последнего терпения. – Что-то ты, Венечка, совсем от литературы отстал, позорище этакое! А Евангелие – да, неправильное, на самом деле все совсем-совсем не так было, и вообще, казнили совсем другого человека, ясно? Потому что Тот – спасся, случайно в наше время провалился.

– У Акунина... – в его голосе послышалось какое-то даже не то чтобы сомнение, а ирония, – ну и что, кого там у Акунина казнили? Петуха или Пелагею? И вообще, как нам это поможет?

– Да какая разница, кого там казнили? – я топнула так, что в сторону фонтанчиками брызнул песок. – Петух нам нужен, причем красный. Без него переходы во времени не получаются. Пошли у аборигенов поспрошаем, может, у них такое все-таки водится, а?

– Вот в нашем далеком будущем некоторые евреи верят, – серьезно ответил Венька, – что когда придет Мессия, он принесет в жертву красную корову. Абсолютно красную, рыжую, то есть, без единого волоска другого цвета. И когда рождается рыжая-рыжая телочка, вокруг нее собираются всякие раввины, осматривают ее и ищут черные и белые волоски. Разумеется, несколько таких находят. Значит, корова не та и Мессия еще не пришел. Клевая отмазка, да? Вот и с петухом ничего оригинального у твоей Пелагеи Марпловны. Не найдем такого. Да и вообще, ты что, всерьез в это веришь? Мы сюда-то безо всяких сельскохозяйственных достижений попали, значит, и обратно так же можно пройти. Только надо найти, где.

– Да причем тут коровы твои? – отмахнулась я. – Коровы тут совершенно не при чем. А петух вполне мог где-то в кустах гулять, а мы и не заметили. Ну Вень, ну тебе что, жалко, что ли? Ну давай версию с петухом проверим, зря что ли в книжках пишут?

– Давай проверим, – кивнул он, – если найдешь красного петуха, сразу его тащи сюда. Даже подскажу тебе, как это спросить на местном наречии, или, вернее, на библейском иврите: «хайеш лакем тарнеголь эдом», ну или как-то так примерно... нарисуй им, они поймут. Слово «тарнеголь» ужасно древнее, между прочим, в западно-семитские языки пришло из аккадского, а в нем оно из шумерского «тар-лугаль». А это по-шумерски «птица-царь». Они тут уже

шумерский забыть успели, если вообще когда-то знали, но слово должны понять. Видишь как, птица-царь! А ты его резать собираешься ради какой-то Пелагеи!

– Да не собираюсь я твоего царя резать, вот еще! Мы его просто в пещеру затащим, чтобы коридор времени открылся, и пусть живет себе дальше. Что ж я по-твоему, совсем живодерка, что ли? – идиотизм нашего разговора начал меня несколько утомлять, – Ну ведь всюду же говорится, что для коридоров времени нужно что-то магическое – зелье или животное, или заклинание. Ну помнишь, в «Пришельцах», фильм такой классный был с Рено и Клавье, они тоже в будущее попадали с помощью магического поила и заклинаний. Но на такой сервис нам с тобой тут точно рассчитывать не приходится, будем своими силами обходиться. Точнее, петушиными...

– Вообще-то я не знаю, как у Акунина, – рассудительно ответил Венька, – но в этой культуре обязательно надо кого-нибудь зарезать, сжечь или на худой конец замуровать, чтобы что-нибудь получилось. Жертва называется. И это хорошо еще, если только петуха. Тут знаешь, как города основывают? На детских телах. Приносят в жертву ребенка и ставят на нем ворота. Вот, например, в Иерихоне так было. Об этом твоя Пелагея не рассказывала?

– Ты что, серьезно? – с ужасом уставилась я на него. – Нет уж, вот чего нам точно не надо – это человеческих жертв. И ... и что, наша деревня тоже вот так основана?

– А откуда ж я знаю, – отозвался Венька, – деревня, может, и нет... Наверное, только большие города. Маленькая деревня – маленький ритуал. Большой город – большой. А уж когда...

Но договорить Венька так и не успел...

10.

В общем, не было для нас другой пещеры. И люка в потолке, и телепортатора, и чего там еще – тоже. . Так что оставалось нам ждать у моря погоды, или перехода, или как оно называется, и где он будет, и когда – угадать было невозможно. Игла в яйце, яйцо в утке, утка в... да кто ее знает, где она, эта утка, а вот мы, похоже, в полной заднице.

И значит, предстояло нам в ней обустраиваться всерьез и надолго.

Даже тосковать по дому в первые дни было некогда. Что есть и пить, где спать – об этом пока заботились местные угаритяне, но дальше-то что? Как мы будем добывать себе пропитание? Вообще-то я неплохой мастер по ремонту, я бы старейшине построил такой коттедж – загляденье! Пусть даже и без техники, одними руками, но только две вещи мне были необходимы. Первая – это электросеть напряжением в 220 вольт, а вторая – хороший магазин инструментов и стройматериалов поблизости. И той, и другой оставалось ждать всего-то несколько тысячелетий... И что толку от моих навыков работы с гипсокартонном и керамогранитом, если тут дома строят из палок, глины и соломы, в лучшем случае – из камней?

Да, я мог бы рассказать им в общих чертах всю историю древнего Ближнего Востока – но она была им совершенно не интересна. Я ведь даже не знал, в какой точке этой истории находились мы сами: филистимлян они уже встречали и, похоже, люто ненавидели, а вот ассирийцев еще нет. Стало быть, разброс примерно от XII до VIII века до н.э., точность потрясающая. Даже и знай я дату с точностью до года, что бы я им сказал? Ребята, через столько-то веков тут будет такая-то империя, а еще через столько – такая... Да им сказки про небожителей с горы Цафон слушать было интереснее.

Вот и выходило, что все мои замечательные познания были им либо не нужны, либо напрямую завязаны на технологии двадцать первого века. Причем нашей эры. Пришло мне было в голову обучить их алфавитному письму и алгебраическому счету, но... что станут они записывать, что считать? Баранов и так сосчитают, по старинке, а если вдруг захотят записать сказки местных бабусек, то им вполне хватит и угаритского клинописного письма. И, между прочим, алфавит в Угарите уже был, клинописное консонантное письмо, только я его не знал, конечно. Для каждого согласного звука свой клинописный значок, а гласные им лишние, и вообще всё лишнее, что знал я и умел.

Я даже задумался в какой-то момент: а не начать ли мне проповедовать им единобожие? Это вроде как актуально в языческом мире? И они уже вполне созрели по уровню культуры... И тут же сам ужаснулся своей мысли: ну да, явились все такие прекрасные дети богов из дыры в земле, пощелкали фотиком и зажигалкой, а потом взяли да и основали новую религию. Через три тыщи лет археологи откапают наше с Юлькой святилище, а рядом – кости принесенных в жертву баранов, и хорошо еще, если только баранов, а не людей. Если здесь есть филистимляне, значит, уже был Моисей, уже есть где-то вера в Единого, и вот уж точно не след мне тут Моисею конкуренцию создавать.

А нелишним оказалось только одно, о чем сам я тогда и не думал. И выплыло совершенно неожиданно, на четвертый или пятый день нашего

пребывания в древности. Мы возвращались с Юлькой с прогулки по окрестностям, после очередной тщетной попытки найти дыру в земле и хронологии. Она болтала про каких-то Пелагеев и петухов, ну милое девичье щебетание, я не особо вникал.

Вот только когда мы подошли к воротам селения, они оказались распахнутыми настежь, а из глубины слышался какой-то совсем лишний шум. Юльке я сказал держаться на шаг позади меня, а сам осторожно шагнул внутрь...

На той самой центральной площади, недалеко от городских ворот, разворачивалось что-то совсем нехорошее. Старейшина Ибирану, а с ним еще парочка мужчин стояли, понутив головы, в центре, под охраной трех незнакомых мне детей с корявыми копьями. Перед ними прохаживался еще один, с мечом на перевязи и в шлеме и что-то очень настойчиво объяснял своим пленникам... по финикийски!

– Что, сын собаки, где мое серебро? Ты сказал: далеко Элибаал, не придет ко мне! Но вот, Элибаал здесь и ждет своего серебра, сын собаки!

Напыщенный болван звал себя финикийским именем: Элибаал означало «бог мой Баал», вполне обычное для той эпохи имя в честь божества небесных гроз. Но тут было явно не до лингвистических задачек, судя по всему, в селении были и другие гости – откуда-то доносилось кудахтанье, лай псов, женские крики...

Мне сразу не понравилась манера Элибаала разговаривать с таким почтенным человеком, как Ибирану. Да и вообще картина была не из приятных. И я с самым решительным видом направился к незваному гостю, чтобы потребовать объяснений. Нет, не то, чтобы я ощущал себя донельзя крутым Рэмбо, но молча наблюдать за всем этим, тем более на глазах у Юльки и местных жителей, перед которыми надо было поддерживать статус...

– Что такое?! – возмущенно крикнул я, но ответом мне было копьё одного из парней, направленное прямо в грудь.

Вот это он сделал, конечно, зря. Если вас когда-нибудь всерьез обучали рукопашному бою, вы не забудете этого до конца своих дней, все движения будут на автомате. А если вас обучали в бригаде «Голани», то вряд ли вы потерпите, чтобы какой-то грязный мазурик тыкал в вас дрекольем с насаженным на него тупым лезвием. Копье, конечно, не совсем то же самое, что «калашников», или «галиль», или M16, но общие принципы «штыком коли – прикладом бей!» мало изменились за последние несколько столетий, и к копьё они тоже неплохо подходили.

Дальше все случилось очень быстро и как-то само собой: уход влево – перехват копья в середине – толчок на него – изумленный взгляд – рывок на себя – копьё у меня в руках – левой рукой древком копья ему вскользь под ребра (еле удержался, чтобы не засветить в полную силу) – подсечка правой ногой, тычок древком – первый воет на земле. И сразу, не дожидаясь: уход вправо и вниз, раньше, чем второй послал копьё вперед, а третий уже испуганно попятился, но разбираться нужно было с главным – он неловко и слишком медленно вытягивал из ножен свой меч. Давненько не воевал! Острым концом отбить копьё второго – тупым ему по лодыжке, не очень удачно, но все равно больно – острым вскользь по предплечью, жить будет – коленом в пах. Второй там же, на земле. Быстрый взгляд на третьего, он тихо отступает к стенке – главный изготовил меч – уход влево –

уход назад – да ты и в вообще владеешь, мечом-то? – и тупой конец копья ему в солнеч...

Это Юлька завизжала сначала, или сначала я все-таки грохнулся? Первый, которого я рано списал со счета (а может, все-таки слишком слабо ему двинул) умудрился как-то подставить мне подножку и я, выронив копье, повалился прямо в ноги главарю и, перекатываясь уж в какую получилось сторону, только с холодным таким интересом ждал, успеет ли он махнуть мечом, и если успеет, то куда попадет. И как тут потом дезинфицировать рану...

Не успел. Через секунду я стоял на ногах, а баталия была окончена. Юлька сидела верхом на первом воине и драла ему волосы с такими воплями, что я даже начал немного за него беспокоиться. Второй скрючился за земле, его предплечье заметно кровило. Третий бросил копье и пал на колени, а главарь лежал на земле, а в сантиметре от его горла подрагивало острие его собственного меча – рукоять держала рука Ибирану. Надо же, как ловко он это успел, хоть и старик! Впрочем, у него было двое молодых помощников, и теперь они с наслаждением пинали Элибаала, а тот что-то изумленно повизгивал, но лежал смирно.

– Пленных не бить! – скомандовал я сначала по-русски, потом продублировал на иврите, но никто, кажется, не собирался исполнять моей команды. Да, с дисциплиной тут явно были проблемы. А из глубины селения в нашу сторону бежали еще двое решительно настроенных мужиков, и всё начинало до боли напоминать Дженин в разгаре интифады...

– Стоять! – заорал я, что было мочи, – бросить оружие, и все останутся живы!

– Сын гиены и шакала, – это я обратился к Элибаалу на привычном ему языке, – прикажи своим, если хочешь жить! Юлька, да замолчи ты, наконец!

– Это великий воин, спустившийся с Цафона, Сын Десницы – радостно пояснил моё местное звание и должность Ибирану, – и если не покоришься, он изрежет тебя нержавеющей мечом, а Небесная Дева испепелит молнией по имени «фотик»!

Незадачливый главарь что-то крикнул своим опешившим воинам, а потом обратился ко мне неожиданно цветисто для человека, который лежит на земле и только похрюкивает от увесистых пинков:

– О Сын Десницы, ахх! Благословен удел твой на Цафоне, эхх! И велико мое почтение к тебе! Повели Ибирану, охх! да отпустит меня, и дам тебе, что найдет рука моя, уххх!

– Хватит, – оборвал я его, – и вам хватит его бить! Довольно, я сказал!

Парни нехотя послушались. Что ж, хоть я всегда придерживался принципа не идти на переговоры с террористами, здесь, похоже, другого выхода у нас не было. А этот еще и умеет хранить самообладание в любой ситуации – качество, достойное уважения.

– Твои люди возвращают всё, что взяли в этом селении. Твои люди уходят из селения. Потом я говорю с тобой.

– А если... – попробовал, было, возразить пациент.

– Тогда убью, – запросто пообещал ему я, – или этим отдам.

– И вот он пусть передаст твоим людям твои слова, – я кивнул на третьего воина, так и стоявшего на коленях. Этот нарасказывает таких ужасов в оправдание собственной трусости, что мораль противника падет быстро и безнадежно.

Элибаал распорядился, и тот без копья припустил прочь.

– Ибирану, – сказал я старейшине, – отправь двоих своих помощников проследить, чтобы чужаки вернули всё, что взяли. Ты с мечом сторожи этого, а мы...

– Юлька, кончай ты, в самом деле, пленных терзать! Давай лучше, свяжи им руки их собственными поясами... да не так, не так! Дай я покажу, поддержи лучше копьё у его шеи, и, чуть что...

В общем, победить трех вооруженных противников оказалось намного проще, чем справиться с таким же количеством сторонников. Всегда так бывает, кстати: боевое столкновение может занимать считанные минуты, а вот обработка результатов – часы. Ну, а оргвыводы могут растягиваться уж и вовсе на неопределенный срок...

В общем, через полчаса статус кво был восстановлен, не считая пары задушенных кур и пары залапанных (но не более того) девок. Финикийские гости вышли за ворота селения под улюлюканье местного населения, а мы прямо в воротах приступили к трехсторонним переговорам с Ибирану и Элибаалом.

Все оказалось довольно просто: купец, а по совместительству пират, банкир и бандит (это уж как фишка ляжет) Элибаал полгода назад выдал жителям селения потребительский кредит процентов этак под триста годовых. Проще говоря, под расписку продал им что-то такое, что стоило больше, чем у них было, но было им очень нужно (я не понял, что именно), а за серебром обещал вернуться через полгода. Так он и сделал, и жители селения собирались расплатиться с ним овечьей шерстью, а в крайнем случае рыбой. Но товара не хватило, к тому же закупочные цены Элибаал опустил, клянясь всеми богами, что таков тренд на товарно-сырьевых биржах Тира и Сидона, и что курс шерсти к курсу серебра еще не отыграл своего падения, не говоря уже о рыбе. Соответственно, в качестве коллекторов выступила команда элибаалова корабля, стоявшего на якоре неподалеку. В общем, картина оказалась до боли знакомой.

Неясно было только, что делать с этими коммерсантами... Да еще Юлька навязалась участвовать в переговорах, всё ей переводит!

11.

Нет, Венька, конечно, пытался заставить меня держаться в сторонке, но не тут-то было. Что я, буду стоять и смотреть, как друга и соратника убивают? Особенно когда этот доисторический придурок свалил его нечестным приемом и пытался прирезать своей ржавой железью!

Короче говоря, когда битва была закончена, горло у меня изрядно саднило, а ладони были покрыты чем-то скользким и противным – похоже, наши противники не обременяли себя излишним пристрастием к чистоте.

Но самое примечательное, как оказалось, ждало нас впереди. Венька возглавил трехсторонние переговоры, неожиданно присмиривший вождь агрессоров начал предъявлять претензии нашим хозяевам за нарушение торговых договоренностей, а почтенный Имра-как-его-там изо всех сил отбояривался, мол, пришелец в одностороннем порядке повысил цены, не проинформировав о этом контрагентов в установленные сроки. Короче говоря, плавали-знаем, ну чисто мои беседы с Меценатычем. Разве что ближневосточный темперамент добавил им колорита. Я и Веньку раньше таким не видала, как он руками, оказывается, умеет размахивать... В Израильщине, видать, без этого никак не получается.

Ну и что бы они без меня, спрашивается, делали? Хотя Венька на меня и злился, что все переводить приходится, а сам бы нифига не догадался, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. Я, правда, сама тоже не сразу врубилась, в чем дело, но когда до меня дошло, что хозяева наши никак не могут расплатиться за груз египетских бусин, вот тут впала я в состояние бурной радости, которую было просто необходимо разделить с соотечественником.

Поначалу Венька никак въехать не мог, что за ценность такая великая – бусины, чтобы из-за них устраивать подобные танцы с песнями. Пришлось объяснять и про историю стекла, и про египетские украшения, и про страшную дефицитность товара, который позволить себе могли далеко не все желающие. Удивительно вообще, как в этой захудалой деревушке на такую покупку могли решиться. Не иначе, для культовых целей, потому как ни на старейшине, ни на женщинах его дома подобных ценностей я до сих пор не видела.

Говорить пришлось, естественно, по-русски. Почтенный Имра уже привык маленько, а буйный сын моря, раскрыв рот, слушал речи на неведомом наречии, да еще, кажется, не слишком одобрял мое активное участие в разговоре. В конце концов, какой-никакой, а консенсус нашли. Воинственный вождь согласился поумерить аппетиты и даже даровал нашим односельчанам довольно приличную отсрочку. Достопочтенный Хоттабыч остался весьма доволен этим решением, а я утащила Веньку в сторонку на очередные сепаратные переговоры.

– Венечка, миленький, попроси их показать мне бусины, ну пожалуйста.... – ради такой редкости я готова была стать воплощением нежности.

– Да зачем тебе? – буркнул парень, которому я, похоже, малость поднадоела.

– Ну ты не понимаешь, это же редкость такая...

– Я не прощу себе, если не увижу. Ну это... это как тебе пройти мимо оружейного салона и даже не посмотреть на самую последнюю модель «узи», – наобум выпалила я.

– Насмотрелся я на них по самое нехочу – пробурчал Венька, но, что надо было, сказал. В мои руки легли бусы. Как же их обрисовать-то, чтобы понятно было? Да, конечно, по меркам современным бусины эти были весьма неказисты – неровные, различающиеся по размеру, но они были – живые. Их с любовью делал вручную мастер, а не штамповал безличный станок. И еще они были – первые, самые ранние, новорожденные стеклянные бусины. И делать их умели только в Египте.

– Венька, ты не представляешь, это же потрясающая редкость! – зашептала я, борясь с отчаянным деланием заныкать хотя бы пару штук на память. – Они же чудовищно дорого стоят... то есть, стоили... ну, тьфу, короче ты понял. – И украшения из них толком умеют делать только в Египте...

Парень только фыркнул. Ну да, чего от них ждать, от мужчин?

– Слушай... – я ненадолго задумалась, – А может, помочь им расплатиться?

– Кредиткой.

– Да ну тебя, вечно ты со своими шуточками... Не, серьезно, что-то такое, что они смогут дорого продать...

Венька на полминутки призадумался, а потом сказал такое, что у меня глаза на лоб полезли:

– Фотоаппарат!

Он даже не спрашивал, а почти приказывал мне. Я возмутилась:

– Да ты что! Там же все фотки! Я же ими всю карточку забила, хорошо еще одна запасная есть...

– Запасная? – обрадовался парень, – пустая, да? Ну вот ее и вставь. А эту себе сохрани на память.

– Да ты что! – продолжала возмущаться я, – а сколько мы тут всего еще увидим! Разве можно!

– Батарейки, – скучно и просто ответил он.

– Что батарейки? У меня вон запасной комплект был, только что вставила...

– Мы в ближайшие три тысячи лет увидим место, где можно купить пальчиковые батарейки, как ты думаешь?

– Ну... а мы что, три тысячи лет тут будем сидеть? – ошарашено спросила я. В самом деле, мне как-то не приходило это в голову.

– Я не знаю, Юль, – как-то устало и очень серьезно ответил он, – мы с тобой в древнем мире. Тут ценятся серебро, умение владеть оружием, а главное – родовые связи. Все эти наши побрякушки – они совсем не для этого мира. Как мы будем отсюда выбираться, я понятия не имею. Но я совершенно точно знаю, что мешочек серебра и благодарная толпа деревенских жителей помогут нам в этом гораздо больше, чемдохлый фотик без батареек. А сдохнет он скоро. Вот и впарим его любителю халявы и приключений. Я бы еще мобильник свой ему продал, с рингтонами всякими, да он уже разрядился. Куй железо...

– Не отходя от кассы, – грустно ответила я. Фотика было безумно жалко, но Венька был прав. И вообще... Я вдруг ощутила эти три тысячи лет – ну вроде как в раньше на самолете летела, знала, что десять тысяч метров отделяют меня от земли, и ничего, а тут оказалось, что надо прыгать – и каждый метр из десяти тысяч всей кожей враз прочувствуешь. Я знаю, я один раз сигала с парашютом для прикола – не с десяти, конечно, тысяч, и даже не с одной, но все-таки...

Молча достала я из сумки сменную карточку памяти, тщательно убрала основную в маленькую коробочку и отдала фотик Веньке. Пусть сам с ними торгуется. И отошла в сторонку. Ну чего им видеть, как я реву? Подумают, фотика жалко. Ну и да, жалко! Только дело вовсе не в фотике!

Следующие полчаса у мужчин прошли в оживленной дискуссии, из которой я разбирала только охи, ахи, причмокивания и прочие междометия. К концу, правда, слышно стало и повторявшееся слово «шекель» – я еще удивилась, неужели израильская валюта такая древняя. Это потом Венька мне объяснил, что шекель был мерой веса, общей для всего Ближнего Востока, примерно десять граммов, и что шекелями серебра измеряли цену любой крупной покупки. А я тогда слишком переживала, чтобы о таких вещах задумываться.

– Перекредитовались! – радостно завопил Венька, когда дискуссия, казалось, готова была перейти в мордобой, – на самых выгодных условиях! Деревня платит половину цены баранами и рыбой, а другие полцены – этот фотик! И нам с тобой бонус, смотри, – довольный Венька потрясал передо мной каким-то кожаным кошельком.

– Это бусы? – с надеждой спросила я.

– Какие бусы? – не понял парень.

– Ну, я же бусы хотела у них выменять?

– Ах, ну да, – недоуменно сказал он и снова повернулся к финикийцам, уже бережно упаковывавшим свое приобретение. Вот они, мужчины! О самом главном и думать забыл. Но тут в разговор неожиданно вступил почтенный старец.

– Он говорит, – перевел мне Венька, – что половина всех бус, которые только есть в деревне – это дар владычице, как они тебя по привычке называют. А если кто из местных девок пожадничает, Ибирану ей лично задаст!

– Оставьте вы бедных женщин в покое! – крикнула я, выбежала за ворота и яростно зашагала прочь от деревни в сторону, куда глаза глядят.

Вот есть же такие вещи, которые за три тысячи лет совершенно не изменились, блин.

12.

Торговая операция оставила нас с очень неплохими по тем временам капиталами – полтораста шекелей чистого серебра, уж и не знаю, сколько бы всё это потянуло в наши собственные времена. В общем, почти два кило там было, а нынешними ценами на серебро я как-то никогда не интересовался. Даже шальная мысль пришла в голову: вот если бы найти ту самую дыру, или Переход, как мы с Юлькой стали его называть, так можно было бы организовать очень даже прибыльный бизнес: сюда тащить всякую бытовую технику, а также запасные батарейки к ней, а отсюда – серебро, а то и золото, ну, на худой конец экологически чистую продукцию. И пусть потом археологи будущих веков удивляются своим находкам.

Может быть, именно поэтому нас обратно и не пускали? Будь такие Переходы открытыми в обоих направлениях, тут бы такое началось... Меня все-таки не оставляла мысль, что происшествие наше не случайно, как и вообще не бывает ничего случайного в этом мире. Может быть, на нас возложена некая высокая миссия, мы только не знаем, какая? И когда мы ее пройдем – ворота откроются вновь? Ну, а закрытый до поры до времени портал – всего лишь средство обеспечить выполнение миссии, и никаких красных петухов. Или это я слишком увлекся компьютерными играми с их переходами на новый уровень...

Чего Юлька тогда распахивалась, я правда не понял. Ну, девушки на то девушки, чтобы иногда заводитьсь на пустом месте. Если бы подумал и остановился, смог бы понять, конечно, что переживает она вовсе не из-за фотика... Я, на самом деле, тоже переживал, только не мог себе позволить думать об этом. И то сказать, уже ведь было такое в жизни дважды, когда вдруг оказывался я в совершенно незнакомой стране: сначала в Израиле, потом в новой России – и как-то приспособливался, ничего. Эта страна была совсем странной, но не совсем чужой, так что третий уровень... тьфу, в общем, новый этап обещал быть лишь ненамного сложнее второго.

Словно включилась сразу какая-то программа на выживание: некогда переживать и оплакивать недоступное (временно недоступное, надеялся я), надо действовать. Разведать обстановку, завести связи, собрать побольше денег, оружия, и артефактов... ну то есть набрать побольше всего того, что в дальнейшем могло пригодиться. И мы с Элибаалом, кажется, оба были уверены, что надули друг друга – ну, а на восточном базаре так оно и принято, по большому-то счету.

Ему-то ведь тоже негде было разжиться новыми батарейками. Так что можно было только догадываться, какие чувства испытает почтенный банкир и пират, когда сядут нынешние. Я, правда, заверил его, как мог, что пользоваться Зерцалом – так он его решил называть – можно только один раз в день и обязательно с чистым сердцем. Насчет чистого сердца он не очень понял и пытался всё у меня уточнить, какие именно тут полагаются ритуалы, годится ли простое омовение рук из кувшина, или надо омыwać всё тело и обязательно проточной водой, и каким богам, покровителям Зерцала, потребны жертвы, и хватит ли им голубя на новолуние, или прямо-таки надо целого барана. Я постарался ему объяснить, что главное тут – отсутствие дурных намерений, обмана и насилия.

Даже процитировал что-то из библейских пророков, что помнил: «милости хочу, а не жертвы».

Но до него это как-то плохо доходило, да и мне самому стало как-то стыдно. На самом деле, я ведь откровенно обманывал человека, отмазку сочинял: все равно ведь сядут через неделю, а то и раньше, батарейки. Я, конечно, расписывал это себе так: вот замыслит он какой-нибудь очередной грабеж, Зерцало и померкнет. Вроде как наказание за жадность и алчность... да только поймет ли он? С его точки зрения, ничего дурного он в нашей деревне не делал, пришел за своим. Хотел отколотить других, а его самого отколотили – ну что ж, бывает, видать, богам своим он недостаточно угодил, или мы тут угодили своим богам еще сильнее, вот они нам сильнее и помогли. В следующий раз будет молиться усерднее, жертвовать щедрее и всех поколотит. Да, если разобраться, не так ли и в наше собственное время люди порой воспринимают свою религию? Иначе не жертвовали бы таких денег на храм всякие бандиты...

Но на самом деле, конечно, я ему впарил совсем не тот товар, который разрекламировал. Просто тогда я старался об этом так не думать, надо же было собирать артеф... Ну, в общем, серебро было нелишним, а Элибаала было, за что наказать.

Да и Юлька скоро успокоилась. Вечером того дня бусины нам действительно понесли – ну, не половину всех деревенских запасов, но значительную часть – это точно. Она тут же оживилась, стала расспрашивать меня про металлическую проволоку, которой, конечно, в деревне не было и быть не могло. Нанизывали бусины на шерстяные нити или на какие-то жилки неясного происхождения, вероятно, ягнячьи. Но Юльку всерьез зацепила идея проволочного производства, она даже знала, как это делается! Вот уж никогда не задумывался. Оказывается, раскаленный железный прут последовательно пропихивают через дырочки всё меньшего размера, так его истончают до состояния проволоки. Но кто и когда стал бы этим заниматься в нашей деревне, а главное – зачем, это вот оставалось для меня совершенно неясным.

Но Юлька, похоже, совершенно всерьез вознамерилась вести промышленное производство украшений, и основой для него должна была стать именно проволока. Что ж, свой резон, надо признаться, в этом был: я понятия не имел, была ли изобретена проволока, но можно было не сомневаться, что бусы на ее основе будут иметь серьезные преимущества перед обычными бусами на нитках и жилках. Только удастся ли наладить производство? И будет ли в нашем распоряжении достаточно качественного железа... или скорее меди? Металлы в этом мире были не так доступны, как в нашем.

А вообще, с этими бусами постепенно выяснилось много всего интересного. Оказалось, Ибирану не просто девкам на забаву их покупал, хотя и девкам тоже, конечно. Страна Угарития, выражаясь языком журнала «Сатирикон», впала в ничтожество еще задолго до нашего появления. Когда именно, Ибирану внятно объяснить не мог, и еще меньше он мог объяснить, почему: рассказывал всё больше про гнев богов и всякое такое. Якобы, боги не поделили между собой страну Угаритскую, как он ее торжественно величал, и потому в гневе обрекли ее на опустошение и разорение. Хорошенькое дело: сами не поделили, а страдать

пришлось людям! Впрочем, у них тут отношения с высшими силами явно не отличались принципами гуманизма.

Так вот, в ничтожество их предки впали достаточно давно, чтобы принять это как факт, но слишком недавно, чтобы считать этот процесс необратимым. Ну вроде как в наше время всё некоторые пытаются то Российскую империю реанимировать, то Советский Союз. Римскую, скажем, или Вавилонскую – уже нет, а эти еще не забыты. Вот так и Ибирану тосковал по временам всеобщего благоденствия и величия.

Но вернуть эти времена было не так-то просто. Былая мощь Угарита была основана на торговле: это был крупнейший перевалочный пункт в Восточном Средиземноморье, и крупнейший производитель пурпурной краски, много дороже золота. Ее добывали из моллюсков, в изобилии водившихся в прибрежных водах, и, казалось бы, никуда эти моллюски не исчезли, но... исчезли торговые корабли египтян и критян, исчезли рынки и лавки, исчезли караваны из Междуречья и Сирии. Вернее, всё это сместилось к югу, в финикийские города, где тоже умели добывать моллюсков, а уж тем более взвешивать серебро и считать шекели.

Угаритян финикийцы тоже не забывали: охотно покупали у них баранов и пшеницу, а при случае рыбу, оливковое масло и иногда даже вино, ведь сама Финикия была очень небогата сельскохозяйственными угодьями, и вообще у финикийских господ поинтереснее находились занятия, чем баранов стричь. В общем, в качестве сырьевого придатка угаритяне им очень дажегодились. Но ни в коем случае не пурпур, не продукты высоких технологий! Это добро финикийцы охотнее сами хотели продавать угаритянам, по собственным ценам.

И что тут поделаешь, на чем поднимешься? Кому нужна в маленьких деревнях эта пурпурная краска, для одного грамма которой нужно целую кучу моллюсков загубить? Ее только царям продавать, а настоящих царей в округе нет, так только, царьки над деревеньками. Вот Ибирану и решил, что станет покупать у финикийцев египетские предметы роскоши «для среднего класса» и сбывать их вглубь континента, местной знати, в обмен на сельхозпродукцию, которую можно отдавать финикийцам. А что-то оставить себе, попробовать возобновить производство краски... Словом, передать статус сырьевого придатка другим, а самим снова стать торговыми посредниками.

Но Элибаал этот бизнес-план просек на раз, и подставил Ибирану вполне конкретно. Бусы-то он ему продал, и даже в кредит, но торговля пошла не особо бойко, а условия возврата кредита оказались бандитскими. Фотиков у меня, к сожалению, больше не было, так что бизнес-план оказался окончательно похороненным.

Только у Ибирану, как оказалось, в тот самый день родился новый план... Следующим утром он за завтраком (надо сказать, шашлык тоже быстро приедается, захотелось каких-нибудь человеческих мюсли поесть) выступил с неожиданным предложением:

– Могуча рука господина моего, и нет другого такого воина в наших краях. Если нашли мы милость в очах господина моего, пусть обучит наших воинов, да владеют мечом, как и он.

– Каких воинов? – удивился я.

– Воинов нашей деревни.

– А у вас есть воины?
– Каждый наш мужчина – воин! – горделиво сказал я, но, судя по содержанию его просьбы, он вовсе не был в этом уверен, – и когда придут финикийские злодеи, все встанут на защиту родного края.
– А мечи есть?
– Как не быть мечам! – возмутился Ибирану, – целых два... нет, три.
– Попробовать можно, – вяло согласился я. Делать было все равно нечего.
– Что сказали уста господина моего?
– Ну, может, получится...
– Согласен ли господин мой? – современный ивритские выражения понимал он не очень хорошо.
– Изрекли уста мои, да соберутся мужи селения сего пред очами моими, да узрю от малого до великого из них! – сказал я как можно торжественнее и архаичнее.

Это он понял, но сразу усомнился:
– Таки от мала до велика? – удивился он, – не угодно ли господину моему обучить избранных, да защищают селение, а остальные да работают в поле?
Впрочем, я свято верил в принципы Цахаля и всеобщую воинскую обязанность, так что настоял на своем: постоянную службу может нести очень ограниченное число самых способных воинов, но при случае необходимо, чтобы каждый мужик знал свое место в строю и владел боевыми приемами на базовом уровне. К тому же, чтобы отобрать воинов для бригады Голани, ну то есть самых способных, надо попробовать в деле всех. Ибирану согласился.

Только зря я рассчитывал на оперативность местного военкомата. Тем утром народ уже разбрелся по полевым работам, вечером многие слишком поздно пришли, на следующее утро не все правильно поняли задачу... В общем, на третий день удалось собрать более-менее всех мужчин с утра пораньше – их оказалось больше сотни. Правда, часть из них составляли старики и подростки, некоторые явно выглядели больными, и полдня ушло на банальный внешний осмотр. Заодно разобрались с вооружением: в наличии были два меча (третий, оказалось, давно продан), довольно ржавых и тупых, пять копий, да два деревянных щита, обшитых кожей. В общем-то, неплохо для простой деревни – видать, им действительно периодически приходилось разбираться с соседями и конкурентами.

Итак, на четвертый день в моем распоряжении были семьдесят восемь относительно здоровых и очень бестолковых мужчин призывного возраста. Каков этот возраст, сказать было трудно: младшим на вид было около восемнадцати, а вот старшим... в нашем мире эти мужички тянули бы лет на пятьдесят, но в этом мире им было, похоже, никак не больше сорока, а то и тридцати пяти. Старели тут рано.

Получилась, условно говоря, пехотная рота сокращенного состава. Весь этот день ушел на то, чтобы разбить народ на три взвода, а каждый взвод на три отделения, или десятка: этот обязательно хотел быть в одном отделении со своим двоюродным дядей, а тот ни за что не хотел быть вместе с соседом. Штука была еще и в том, что тренировать всех одновременно было бы просто невозможно, да и разрушительно для экономической жизни деревни, и каждый взвод должен был проходить боевую учебу по отдельности, в очередь с другими.

И это я уже не говорю о том, что элементарные представления о воинском строе, об исполнении команд и о субординации были им совершенно чужды. Передо мной была толпа джигитов со своими сложными внутриплеменными отношениями, каждого с каждым связывали многочисленные неформальные связи, а я был для них просто некоторым общим ресурсом, который должен был быть поделен в соответствии с этими связями и их минутными настроениями... кошмар полный.

В сборах и уговорах прошла неделя: прежде, чем переходить к приемам рукопашного боя, пришлось долго и подробно учить каждый из взводов строиться, узнавать своих командиров и все такое прочее. Школа молодого бойца в младшей группе детского сада, вот что это напоминало. К тому же утомленный дисциплиной народ начал разбегаться... и мне пришлось найти очень простой выход. К исходу седьмого дня я заявил, что завтра день буду учить первый взвод отбивать удары копьем, но если какой десяток опоздает на построение или придет вдруг не в полном составе, будет немедленно распушен по домам, к женщинам. Это, надо сказать, подействовало.

В общем, идиотское это мое согласие стать местным военруком как-то совсем отвлекло меня от поисков Перехода, да, впрочем, я уже не особо и рассчитывал его найти. И Юлька там что-то такое затевала с местными девками, мне было просто не до того. Должен же я был подготовить свой первый юнит в этом мире, а не только артефакты собирать!

13.

Эти мужики вечно ничего не понимают! Венька мог сколько угодно распинаться по поводу того, что мне, дескать, фотика жалко, что девчонки вечно из-за ерунды страдают... А все было гораздо проще и сложнее одновременно.

Нет, безусловно, фотика мне было чуточку жалко, все-таки сколько времени я на него деньги копила. Но убиваться из-за железки, пусть и фаршированной всякими электронными хитростями, в жизни бы не стала, если бы не одно но... Не так много у нас оставалось ниточек к нормальной прошлой жизни. Шмотки потихоньку приходили в негодность, и что у нас оставалось? Венькин нож, еще кое-какая железная дребедень и все... А у меня так и вовсе практически ничего, только сережки да простенькое серебрянное колечко. И каждый предмет в такой ситуации становился не просто ножом, сережкой или флешкой, а памятью о доме.

И вот теперь с одной из таких нитей я должна была расстаться, причем добровольно. Поди объясни парню, что меня так расстроило. Ну да ладно, чего с них взять, одно слово – му-жи-ки...

Одна радость – бусин мне девицы наташили действительно немало. И чего там только не было – и керамические, порядком кривые и косые, словно вылепленные неловкими детскими пальцами. И костяные, вырезанные из останков лошадей, что ли? И простенькие деревянные, наивно раскрашенные в неяркие цвета. (Ну да, где ж им тут современные химические красители взять?) Но главным сокровищем были, естественно, бусины стеклянные, привезенные из дальних стран. Было их не так уж много, но зато некоторые из них стали бы сенсацией и в наше время. Во всяком случае, я бы не отказалась их использовать в тех колье, которые еще так недавно... или давно?... плела на продажу у себя дома.

Самое занятное, что здешние девы ничего толком делать и не умели, только банально нанизывать бусины на тонкие кожаные шнуры. Эх, мне бы сейчас сюда мой набор инструментов, да тот запас всевозможной проволоки, который скопился дома... Но увы! Про инструменты можно было забыть, по крайней мере, надолго. Проволока в здешних краях отродясь не водилась, наладить ее производство Венька тоже отказался. Вот вечно с этими мужиками так, все им кажется сложным и невыполнимым. Сам о захирении царства переживает, а вот чтобы хоть чуточку палец о палец ударить ради подъема его благосостояния – фигушки.

Так мне и не удалось его убедить, что мы держим в своих руках мощнейший источник угаритского благосостояния, благодаря которому экономическая мощь взлетит на небывалую высоту. А у меня уже такие планы были... Научи мы местную публику проволоку тянуть, тут и цапки всякие можно было бы делать и задорого соседям продавать, и для военных целей бы тоже польза была. Поди, и кольчуга пригодится, когда какие-нибудь очередные «дары моря» в атаку пойдут.

Но увы-увы... Обходиться пришлось своими силами. А что я в таких условиях сделать могу? Просто нанизывать – это примитивно... И тут очень кстати вспомнились кое-какие приемы узелкового плетения. Я выбрала несколько бусин поинтереснее, кто-то из девиц принес пучок шнуров, и... В тот момент, когда я закрепила последний узелок и встряхнула в руке готовую вещь, отдаленно напоминавшую колье, сидевшие полукругом барышни одобрительно загалдели и зацокали языками. Потом одна, наиболее бойкая, с почтительным поклоном взяла у

меня из рук это украшение, и, сверкая пятками, помчалась в хижину предводителя команчей.

В общем, я совершенно не ожидала, что мои скромные умения вызовут такой фурор. Но почтенный Ибир-как-его-там проявил ничуть не меньше энтузиазма, чем его младшая дочь. После добрых четверти часа поклонов, причитаний и бурной жестикуляции я сообразила, что меня просят обучить местных рукодельниц божественному искусству, неведомому обитателям здешних земель.

А мне-то что? Обучить – это я запросто, лишь бы под руки внимательно смотрели... Так и начались мои мастер-классы. Как выяснилось, знакомые мне приемы здесь было еще просто-напросто не были изобретены, так что все ожерелья, пояса и гайтаны, которые мы с девицами накрутили, вполне могли считаться уникальными авторскими работами.

Короче, я их учила работать руками, а они, совершенно между делом, потихоньку обучали меня языку – как потом оказалось, скорее финикийскому, чем своему. Он тут был вроде английского в нашем мире, для всех чужестранцев. Сами они его знали едва-едва, так что мы были почти на равных. Тут, конечно, еще и Венька здорово помогал, объяснял, что как называется. И потихоньку-потихоньку я начала наконец хоть что-то понимать со слуха. А меж собой девчонки тараторили по-своему, да так бойко, что я лишь отдельные слова могла разобрать.

С Венькой мы, кстати, стали видаться реже – мальчишек же хлебом не корми, дай в солдатики поиграть. А уж когда солдатики такие крупные и живые, так это вообще сплошной восторг! Правда, когда я попыталась как-то вечером напеть старую забавную песенку «Как хорошо быть генералом», доблестный вояка меня чуть не убил. Правда, потом придумал отмазку: якобы, я фальшивила...

Девчонки, кстати, прибегали ко мне учиться очень ненадолго – у них домашних дел было настолько невоворот, что я просто не представляю, как они успевали и зерно перетирать на ручных каменных зернотерках (чтобы на среднюю семью муки наготовить, как оказалось, нужно тереть часа по два в день), и помогать матерям с малышами управляться, и на виноградниках работать, и воду таскать от родника, что был неподалеку от селения. Да еще время от времени то одна, то другая из них на несколько дней пропадали и вообще не выходили из хижин на улицу.

Я долго ломала голову по поводу того, чтобы это значило. В конце концов, когда у меня уже худо-бедно получалось сложить несколько слов вместе, я все-таки поинтересовалась, куда исчезла смешливая Йунату-Голубка. Полученный ответ «Она сидит» меня порядком озадачил. Как сидит? Где? За что? И когда она волю получит?

Объяснялись мы с барышнями долго и трудно, и в итоге стало понятно, что у Йунату обычное женское, и по сему поводу она считается нечистой и должна прятаться от всех, в особенности от мужчин. Ой, мамочки!

Я подсчитала по пальцам, получалось, что вот буквально на днях меня тоже это развлечение ждет. Но... но здесь же нет вообще никаких санитарных средств. И как с этим всем управляться? Нееет, только не это!

От шорт с футболкой я еще в первые дни здешней жизни отказалась, предпочтя внешне не особо выделяться среди остальных женщин. Внезапно

вставшая во весь рост гигиеническая проблема повергла меня в настоящий ступор. Да и, если уж говорить начистоту, не была я готова делать обстоятельства своей частной жизни достоянием общественности. А уж признавать себя нечистой публично – это увольте! Короче, надо было что-то решать, причем срочно! И еще я совершенно не представляла, как скажется на моем реноме богини сам факт наличия женской природы. Кто его знает, какими они тут пришельцев с Цафона представляют – очеловеченными или совсем не от мира сего?

Самое главное, что поговорить об этих проблемах я тоже ни с кем не могла – перед девицами нужно было изо всех сил изображать богиню, а Веньке я бы такое и под страхом смертной казни не рассказала.

Я и так на каждом шагу впросак попадала. Рукоделия мои восприняли нормально, видимо, по здешним понятиям небожителям не возбранялось заниматься творчеством. Но вот когда я решила устроить небольшую постирушку, используя вместо «Тайда» золу и накопанную на берегу реки мыльную глину, смотреть на пришелицу с местного Олимпа, которая занялась таким низким делом, сбежалось чуть не все поселение. Мучение с этой стиркой, кстати, было редкостное, вещи от подобного ухода и местного горячего солнышка быстро приобрели ровный камуфляжный тон, можно было с пейзажем слиться до полной нерзаличимости

Венька еще пытался держаться за джинсы с кроссовками (надо было видеть, какое потрясение у аборигенов вызвали банальные носки, такое чудо из чудес они и вообразить себе не могли!), а я в итоге махнула на все рукой. Кстати, балахоны местные по жаре были очень даже удобны, а вот к сандалиям я никак приноровиться не могла. Ну как они ходят в этой конструкции из ремешков, да еще с негнущейся подошвой? Венька – вот юморист – сказал, что в Писании эту обувь именуют сапогами. Это ж надор было так пошутить! Хороши сапоги – все пальцы наружу!

Но круче всего я свою репутацию подорвала попытками обучиться здешнему домохозяйству. Мало того, что все ногти с этой зернотеркой обломала, так еще заставила всю деревню шушукаться о том, что небожительница совсем уж не божеским делом занялась, не положено гостям делать то, к чему обычно приставляют самых младших членов социума.

Делать было совершенно нечего! Венька играл в Урфина Джюса и дрессировал солдат, мало чем отличавшихся от деревянных. Меня в девчачьи игры не взяли, запас бусин постепенно истощился, в одиночку искать Пещеру Перехода тоже было боязно. Я сидела на пригорке и от нечего делать чертила веткой по осыпающейся сухой почве. Через некоторое время за плечом разалось уважительное сопение. Я оглянулась – мальчишка лет 12, бросив на произвол вверенных ему коз, внимательно разглядывал получившуюся картинку. А в ней, как ни странно, угадывалось сухое дерево, растущее на берегу, большой каменный валун и присевшая отдохнуть в его тени птица. Мальчишка одобрительно поцокал языком :

– У тебя хорошо получается, дочь богини! А еще что-то можешь нарисовать?

Чего ж тут не смочь? Еще несколько минут, и мой гость залился смехом, тыкая пальцем в картинку.

– Это я, я! И козы мои, все здесь!

«Я», «козы» – невольно повторила я по-русски. Мальчишка насторожился при звуках незнакомой речи, и потом нетвердо повторил за мной услышанное. Так и пошло... Я рисовала картинку, он тыкал в нее пальцем, называл на своем языке, я на своем. Мы уже нарисовали домик, солнце, море, собаку, кувшин вина, когда я, поддавшись странному чувству, нарисовала космический корабль.

– Что это? – удивленно спросил мальчишка.

– Ракета, – машинально ответила я, подрисовывая бьющее из сопла пламя.

– Что есть... ракату? – поинтересовался мой неугомонный собеседник.

Я попробовала объяснить, но чем больше говорила, тем круглее становились глаза мальчишки. Казалось, еще минута, и они совсем вылетят из орбит.

– Ты прилетела на огненной колеснице? Ты можешь ее огнем сжечь всех врагов? – затараторил он, захлебываясь от вопросов.

– Да ни на чем я не прилетела, мы из дыры вылезли... дыры в земле, – пыталась втолковать ему я, но парень недоверчиво смотрел на меня и отрицательно мотал головой.

– Зачем госпожа обманывает меня? – укоризненно спросил он. – Все знают, что боги живут на горе Цафон. На гору не ведут пещеры. А подняться на гору не может ни один смертный. Я понял, ты туда летишь на колеснице!

Мысленно прокляв упрямого младенца и всю его родню, я приложила палец к губам. Еще не хватало, чтобы он растрепал о своих выдумках в деревне, кто его знает, к чему это все может привести. И так на меня Венька постоянно ругается, что я слишком много болтаю, и грозит всевозможными карами. Проверять, что эти обещания могут означать на практике, мне как-то совершенно не улыбалось...

– Ты сообразительный мальчик. Только молчи о том, что ты понял, хорошо? Это тайна, секрет, ее людям зать не положено. А если ты станешь болтать, боги рассердятся на тебя и пошлют колесницу, плюющуюся огнем и камнями. И эта колесница найдет тебя, где бы ты ни был.

Впечатленный масштабом последствий, юный козопас пообещал держать язык за зубами, но перед уходом поинтересовался, а что ему будет, ежели он окажется умником и сохранит секрет. Мысленно пожелав малолетнему вымогателю основательное расстройство желудка, чтоб ему деньков этак пять сидеть без движения, я порылась в наружном кармашке рюкзака, с которым не расставалась ни днем, ни ночью, и обнаружила маленькую потемневшую монету с портретом кого-то из американских президентов (вечно я в них путаюсь, вот незадача!).

Затертый цент был объявлен талиманом, способным обеспечить владельцу долголетие и процветание. Обрадованный пацан сунул монетку за щеку и издал пронзительный клич, собирая свое разбредшееся стадо.

– А я вздохнула и пошла домой, к заигравшемуся в солдатики другому мальчику. Он у меня тут еще вздумал фольклор местный собирать, кстати. Да и мне проще по его записям языкам учиться... Оно, конечно, не без пользы, только на меня всё меньше было у него времени с этой его войной. Вот и оставалось потихонечку переводить, что он записал, для практики.

14.

Когда разрушен был город,
Разрушен Угарит прекрасный,
Уничтожен город родимый,
Погублен злою судьбиной –
Один пронзен был копьем,
Двое сражены мечом,
Троих погубил голод,
Четверых чума уморила,
Пятерых забрал себе Рашапу,
Шестерых поглотил Ямму,
Семеро – вот добыча Муту!
Народ тогда рыдал безутешно,
Плакали и стонали люди,
Слезы падали весом в шекель,
В два шекеля – орошали землю.
День за днем скорбели люди,
Мольбу не прекращали ночью,
Проливали слезы пред Илу,
Звали на помощь Балу,
О жалости взывали к Анату!
Собрались боги на Цапану,
На священной горе Цапану,
Совет на Цапану держали боги,
Решали судьбы Угарита.
Речь держал перед ними Муту:
«Пасть я широко разинул,
Верхняя губа облаков коснулась,
Нижняя уперлась в землю.
Поглотил я без остатка город,
Народ его, словно мошек,
Пленил их, связал и запер.
Угарит – вот моя добыча!»
Речь держал Балу,
Говорил Облачный Всадник:
«Муту, велика твоя сила,
Муту, и меня пленял ты,
Но я расторг твои оковы,
Я воскрес, ожил, воцарился!
Даже боги тебя трепещут,
Даже боги уступают дорогу –
Не уйдет ни один живущий,
Пасти твоей не избегнет!
Но настала пора пробужденья,
Возрождения час пробил,

Отправим Вестников на землю,
Да вернут судьбы Угарита!»
Услыхала Дева Анату,
Услыхала сказанные речи,
Сказанные сыном Дагану,
Поднялась со своего престола,
Сотрясла могучие чресла,
Рот свой разверзла и сказала,
Проронила драгоценное слово:
«Боги, мы наслали Пожиравших,
На город наслали Раздиравших –
Угарит они пожирали,
Наследие его раздирали.
Бык Илу, дай повеленье –
Пожиравшие Учителями станут,
Раздиравшие Целителями будут.
Вестников отправим на землю,
Угариту да вернут процветанье!»
Бык Илу сидит на престоле,
Бык Илу богами правит,
По сердцу Быку Илу речи,
Речи Девы Могучей Анату,
Речи Облачного Всадника Балу.
Изрек Бык Илу свое слово:
«Муту, велика твоя сила,
Не отнять у тебя добычи.
Ямму, глубока твоя бездна,
Не одолеть твоей силы.
Рашапу, горячо твое пламя,
Не залить его водам многим.
Если буйствует ваша сила –
Кто на земле уцелеет?
Если не удержите руку –
Что останется от Угарита?
Вестников отправим на землю,
Да вернутся судьбы благие».
Вестники пред богами предстали,
Вестники явились на совете:
Бин-Йамину, повелитель битвы,
Да искусная дева Йульяту.
Говорит им Бык Илу,
Вещает им Дева Анату,
Повелевает Облачный Всадник,
Наказ им дают все боги:
«Бин-Йамину, воин могучий,
Йульяту, умелая дева,

Не медлите, запрягите ракяту,
Огненную колесницу ракяту,
Спешите в землю Угарита,
Возвестите людям перемены,
Судьбы благие им верните!»
Йульяту запрягает ракяту,
Бин-Йамину правит колесницей –
Летят они с Цапану на землю,
Из земли являются людям,
Озаряют молнией без грома,
Одаряют образом без плоти,
Возвещают судеб перемену,
Возвращают судьбы Угариту.
Бин-Йамину войне их учит,
Врагов мечом прогоняет,
Серебро на войне добывает,
Отнимает у врага железо.
Йульяту болезни их лечит,
Благовонным платом утирает,
Красоту возвращает девам,
А мужам – мужескую силу.
Народ Угарита ликует,
Быка приносит он Илу,
Козленка заколает Балу,
Ягненка дарует Анату,
Воспевает всем богам песню,
Вестников чтит и кормит,
Вестникам творит возлиянья.
На священной горе Цапану
Празднество людское заметно,
Слышно ликование народа:
Судьбы его переменились!

15.

Военная подготовка, на самом деле, оказалась делом куда более муторным, чем изначально предполагалось – но вместе с тем и куда более захватывающим. Так уже сколько раз бывало в жизни: вот думаешь только попробовать, а потом уже не можешь развязаться. Я так и квартиры в Москве ремонтировать начал, сначала просто чуток подработать решил. И в компьютерные игры одно время так, и... ну, ладно, об этом не будем.

Только в этом мире военруком я становиться вовсе не хотел, но раз уж было принято решение вложить мои знания и умения в создание боеспособного отряда, то приходилось соответствовать. Только неожиданности подстерегали буквально на каждом шагу.

Во-первых, материально техническая база оказалась совсем не такой, как хотелось бы. В деревне было ничтожно мало железа. Собственно, чего еще можно было ожидать? У них уже начался железный век, это ясно (бронза тоже использовалась, в основном для мелких деталей или украшений), причем начался не слишком давно. Своего производства железа в деревне не было, получали его путем обмена из одного селения, что было подальше от моря, и ценилось оно очень высоко, разве что серебро было еще дороже, а золота так и вовсе никто в деревне не видывал. Поэтому все железные инструменты были буквально наперечет, тем более оружие – те два меча, которые мне принесли, нужны были скорее для ритуальных целей. Деревня периодически отправляла священное посольство в расположенное где-то поблизости святилище, да еще вела иногда важные переговоры, и вот на такой-то случай старейшине без меча и щита появляться было бы совсем не гоже.

Владеть этими мечами на самом деле никто не умел, да и сам я тоже, несмотря на репутацию великого воина. Она меня, надо признаться, скорее беспокоила, чем радовала: как то еще отрабатывать ее придется? А я вот про бои на мечах разве что фильмы смотрел, имел о них очень приблизительное представление. Немного разве что ножом владел. Впрочем, я и копьем никогда не умел драться, но тут всё действительно выглядело проще, по аналогии с огнестрельным оружием в рукопашном бою.

Так что решил я сосредоточиться на копьях – но их тоже было всего пять штук, и сперва было непонятно, как можно увеличить арсенал. Теоретически, конечно, можно было перековать на копья несколько железных сошников, бывших в деревне – благо, время посева было еще не скоро, только что убрали озимый урожай ячменя и скоро собирались убирать пшеницу, а пахота предстояла теперь только осенью, в период дождей. В деревне был один условный кузнец, владевший основами ремесла в достаточной мере, чтобы заточить тупое и выпрямить гнутое, но надежды на него было мало: такой, пожалуй, и сошники погубит, и копий нам не сделает.

Что касается стрелкового вооружения, то луков в деревне не было вообще. На охоту тут не ходили, воевать тоже всерьез не доводилось. Из молодежи кое-кто владел пращей, чтобы отгонять хищников от овец и коз (в окрестности водились и лисы, и волки), но взрослому мужчине брать в руки пращу было не по статусу.

В изобилии можно было изготовить самое простое вооружение – палки да дубины. Только какой от них толк? Сперва я было решил прилаживать к палкам кремневые наконечники и использовать их как копья, но вышло не очень успешно: надо же было найти подходящий камень, потом его правильным образом обтесать, потом надежно привернуть к древку. В деревне этого делать не умели. Человечество на заре своего существования отрабатывало эти технологии столетиями, у нас таких сроков не было.

Юлька подала дельный совет: наконечники копий стали делать костяными. В самом деле, расколотая кость может быть достаточно острой, а главное, она легко поддается обработке – можно и бороздки прорезать, и дырку просверлить, чтобы закрепить наконечник на древке. Так что производство постепенно наладилось, так что всего через месяц у каждого воина было собственное костяное копье. Броню не пробьет, конечно, но против легковооруженных мазуриков сгодится.

С защитой было совсем плохо. Шлемов и панцирей в деревне не водилось в принципе, щиты изготавливать никто не умел, а те два, что нашлись, составляли единый ритуальный комплект с мечами. Да и рассохлась их деревянная основа от времени, кожа местами полопалась, боевая пригодность была более чем сомнительной. Юлька заговорила было о кольчугах, но изготовить потребное количество качественной проволоки было совершенно нереально – прежде всего, из-за отсутствия железа. Да и плести эти кольчуги тоже как-то надо уметь.

Так что если нам и предстояло воевать, то пока безо всякой защиты.

Но трудности с вооружением меркли перед трудностями с организацией боевой учебы. Это было нечто немыслимое: толпа ни за что не хотела становиться воинским подразделением, субординации не признавала, даже построить ее было нереально. Промучавшись с ними неделю, я заново разбил их по взводам, в соответствии с возрастом: старшие в первом взводе, средние во втором, а молодежь – в третьем. Назначенные наугад в первые дни командиры с обязанностями не справлялись и справляться не хотели, так что их я разжаловал, не без ропота с их стороны (оказывается, некоторые из них успели обложить своих подчиненных небольшой, но приятной данью в свою пользу). Без них стало даже несколько проще. А потом объяснил, что впредь буду назначать в отделенные только тех, кто проявит особые успехи в боевой подготовке, а уж место взводного нужно будет заслужить особым подвигом.

Народ, кажется, проникся, и возрастное деление немного помогло: теперь в каждом отделении были ровесники и приятели-соперники, осрамиться перед которыми никому не хотелось.

Ну, а что касается самой боевой подготовки, то сначала было все относительно просто: блоки, уходы и прочие приемы индивидуальной защиты. Это я умел. А потом пришлось на ходу изобретать всякие копейные приемы да перестроения (это я про фалангу вспомнил)... Главное было что? Научить их преодолевать страх перед оружием и беспрекословно исполнять приказы. Может быть, со временем кто-то из них даже научится их отдавать.

А зачем всё это, остается спросить? Только от скуки? Ну, не совсем. Во-первых, была у моих орлов и разведподготовка, с нанесением ближайшей местности на примитивную карту. Обшаривали орлы все близлежащие холмы,

искали Пещеру Перехода. Так было куда результативнее, чем делать то же самое вдвоем с Юлькой, но успехом это мероприятие не увенчалось. Ну, а во вторых – мало ли что... может быть, нам было суждено стать основателями если не новой мировой империи (это как же вся мировая история перекроилась бы!), то хотя бы небольшого местного царства? Все лучше, чем у моря погоды ждать.

Чем там занималась Юлька, я особо в голову не брал: ну, цацки и фенечки, милое дело. Получалось у нее вроде неплохо, хотя я в этом добре не особо разбираюсь. Но можно сказать, закладывала она основы нашей будущей экономической экспансии, не всё же зависит от военных успехов. И с девчонками местными сдружилась, тоже дело. Училась понемногу и финикийскому языку, который тут понимали все, а многие на нем сносно говорили: открылись у нее, не без моей помощи, лингвистические способности. Через месяц вполне могла объясниться на простые бытовые темы.

Я, впрочем, тоже потихоньку овладевал местным клинописным алфавитом. Мог бы я, конечно, научить их нормальному ивритскому письму, но зачем? До того вида, в котором оно существует в наше время, тут еще оставались века и века, и опережать события, вводя какую-то новую письменность, мне не хотелось. Письмо – это не приемы рукопашной и не цацки, оно уже на историю мира влияет серьезно. Вернемся в наше время, а там у всех другой алфавит – каково?

Через месяц настала-таки жатва пшеницы, и воинские упражнения прекратились: народ был в поле практически поголовно. Я тоже принял участие в уборке урожая – ну не дома же было сидеть! Работа казалась сперва не такой уж и трудной: хватаешь несколько стеблей пшеницы, срезаешь их деревянным серпом с кусочками острой кости вместо лезвия (мне, впрочем, дали почетный переходящий серп с железными пластинками), потом перевязываешь сноп, кидаешь на землю, и все это аккуратно, чтобы не просыпалось зерно...

В общем, местные жители быстро поняли, что на горе Цафон булки растут на деревьях, и такой простейшей вещи, как жатве, небожители не обучены. И во избежание дурных предзнаменований отправили неумелого жнеца куда подальше, в деревню. А сами занялись обмолотом: гоняли по рассыпанной на току пшенице ослика с привязанной к нему доской, на нижней стороне которой были острые камни, а на верхней стоял для тяжести мальчишка. А потом на вечернем ветре провеивали вилами получившуюся массу, чтобы легкая мякина улетела прочь, а тяжелое зерно упало на землю. Наконец, просеивали зерна через сито, чтобы отделать камешки, и засыпали их в глиняные зернохранилища примерно в человеческий рост.

Я, было, хотел использовать свободное время для кузнечных упражнений, может быть, с проволокой поэкспериментировать, но потом рассудил, что результат по первости будет настолько же неприглядным, как и первый сноп, так что негоже мне так низко ронять свой цафонский авторитет.

Но жатва длилась всего несколько дней, и в последний день за праздничным ужином в честь окончания жатвы, как раз после жертвоприношения неназываемой богине земли (от которого я предпочел уклониться как от явного язычества) Ибирану сказал мне, что теперь настала пора идти воевать с соседним селением. С ним у него были давние счеты, а главное, у них было железо. Много железа!

Вот оно, подумал я с грустью: борьба за ресурсы, извечная причина войн. А потом нам понадобятся тонкие ткани, и хорошие вина, и выносливые верблюды, и смуглые рабыни, а потом... Но, с другой стороны, разве не сам я начал обучать его войско? Я стал отговариваться тем, что войско еще не готово к походу, а главное, что неуютно будет Богу (я говорил в единственном числе, и Ибирану этим ничуть не смущался, мало ли, которого из божеств именно я имел в виду), если мы нападём на соседей без веской на то причины. В общем, я отказался.

Вот никогда не верил я во всю эту конспирологию: дескать, это Рузвельт подстроил Перл-Харбор, или ФСБ организовало взрывы домов в Москве. Не поверил и тут. Но только этой же ночью, когда народ, изнуренный празднеством, отдыхал, на деревню было совершенно нападение. Дежурная пара часовых из младшего взвода, как оказалось, назююкалась вином и отдыхала где-то в придорожных кустах, а неизвестные по тихому сделали пролом в стене селения, разломали пару зернохранилищ и украли довольно-таки ощутимую часть свежемолоченного урожая.

– Соседи, – сказал наутро Ибирану, – нас победили соседские шакалы, и кто бы это мог быть еще? Значит, в этом году они первые убрали урожай.

– А если бы вы убрали первыми? – спросил я.

– Тогда наши герои пошли бы сами, чтобы победить их. И теперь мы должны проучить их за этот набег!

И мне пришлось согласиться. Нет, не то, чтобы я действительно жаждал мирового господства, но бессмысленную вражду между двумя соседними деревнями совершенно точно требовалось прекратить, а сделать это можно было только с позиции силы. В этом я был абсолютно точно уверен как всякий, кто служил в Цахале.

Тот день пришлось потратить на инвентаризацию украденного и приведение в чувство славно повеселившихся накануне бойцов. Кстати, гражданская власть в лице Ибирану приговорила двух нерадивых часовых к телесному наказанию, и тут я не счел нужным вмешиваться. Наказание проходило (и довольно громко) в тот же полдень за городскими воротами, и на следующий день они не могли готовы к полноценному участию в боевых действиях. Заодно и всему их отделению поручили нести караульную службу в селении.

Следующим утром два других отделения младшего взвода отправились на разведку и рекогносцировку к соседнему селению, и к вечеру оттуда вернулся гонец: в селении все как обычно, празднество только что прошло, народ отдыхает, приготовлений к обороне не заметно.

А дальше? Ну что дальше... Тем вечером мы привели в порядок вооружение, ночью постарались выспаться и едва зарозовел краешек неба, старший и средний взвод в полном составе выступили в поход. Честно сказать, стремно было выступать на войну с полуротой новобранцев, а куда было теперь деваться? Только и надежды было, что вида нашего испугаются. Собственно, оно почти что так и вышло...

16.

«Так случилось – мужчины ушли...» вот привязалась ко мне эта строчка, что и не отделаться. Хотя наши (опа, с каких это пор для меня доисторические угаритяне «нашими» сделались?) никакие посе́вы до срока не бросали, а вовсе наоборот, отправились на битву за урожай, причем в буквальном смысле слова...

Вот только этого мне не хватало – проводить мужика в поход и остаться в компании местных стариков и женщин. Хорошо хоть, я с ними хоть как-то изъясняться уже могла, но все равно – было мне без Веньки очень тревожно и неуютно. А если, не дай Бог, убьют дурака, что я тут одна делать буду? Если честно, разозлилась я на него за такие штуки ужасно – вот о чем мужик думает, спрашивается? Вечно этим мальчишкам войнушка нужна, всё тут. А то, что мне без него тут просто кирдык, это ему, разумеется, и в голову не пришло!

В общем, повезло Веньке, что нас в тот момент разделяло уже изрядное расстояние, не то получил бы он заряд моих эмоций в полном объеме. А что? Думать надо головой, и помнить, за кого отвечаешь! А что Венька отвечает за меня (правда, совершенно непонятно, перед кем) это мне в тот момент казалось само собой разумеющимся.

Вот в таком раздерганном состоянии я сидела в той комнате, которую нам любезно выделили в доме старейшины, пыталась лепить очередного боевого верблюда, а сама с трудом удерживалась от того, чтобы не шмякнуть получающегося кривобокого уродца с размаху о стену. И шмякнула бы, только за дверь внезапно протопали босые ножки, и одна из младших дочек (или внучек?) почтенного Ибирану с порога протарахтела, что все уже собрались и ждут только меня.

Кто собрался, куда и зачем – этого я так и не поняла, но девчонка так умоляюще смотрела и так забавно манила меня жестами, что я против воли встала, накрыла недолепленного зверя мокрой тряпкой, чтобы не сох, и шагнула на улицу, прямо в самую середину небольшого смерчика из сухой соломы и мелкого мусора. Прочихавшись и проморгав запорошенные глаза, я огляделась. Присутствующие были одеты с некоторой претензией на нарядность, а возглавлявший процессию высохший почти до состояния мумии местный шаман... держал на плечах крошечного белого козленка без единого черного пятнышка. Ну ладно, народ явно собрался на какое-то мероприятие. А я-то им зачем?

Ответ на последний вопрос явился очень быстро. Меня почтительными подпихиваниями водворили в первый ряд процессии, после чего вся колонна с довольно мелодичными завываниями, подкрепляемыми бряканьем и грохотом чего-то, похожего на подвешенные к шестам крышки от кастрюль, двинулась узкой извилистой тропинкой вверх, в горы.

Странное дело, сколько мы с Венькой лазили по окрестностям в поисках хоть чего-то, напоминающего пещеру перехода, а сюда так никогда и не забредали. Нам все больше низины и впадины казались подходящими для этой почетной роли, а лысая вытоптанная макушка холма – ну что там может быть интересного?

Тропинка поднялась вверх, затем, петляя, спустилась ниже, туда, где несколько развесистых можжевельников кустов (или как тут они у них называются?) росли почти вплотную друг к другу. Мумиевидный вожак отчаянно ломанулся в

самую чашу, мне волей-неволей пришлось следовать за ним – сзади медленно, но верно напирала толпа явно впадающих в транс женщин.

Елки эти, как ни странно, оказались вовсе не такими колючими, так что удалось обойтись без царапин и прочих повреждений. А вот за ними нас ждало нечто любопытное. На грубо обтесанном камне громоздилось глиняное чудище. Что это было за божество – понятия не имею, я в ближневосточных мифах не мастак. Но вот качество исполнения потрясло меня до глубины души. Впечатление было такое, что лепить скульптуру доверили младшей группе детского сада для художественно бездарных детей. Каждый младенец отвечал за свою деталь организма, а сборкой занимался тоже некто, плохо представляющий себе человеческую анатомию, а заодно и законы симметрии. Но главным шедевром композиции был нечеловеческих размеров детородный орган, взметнувшийся к небу наподобие ракеты. У меня зародилось нехорошее подозрение, что попали мы с Венечкой (точнее, я одна, ибо Венька на дальней сторонushке играл в солдатики) в лапы некой секты фаллопоклонников. Это подозрение усугубилось тогда, когда я разглядела многочисленные бантики, ленточки и колечки, по всей длине украшавшие причинное место здешнего божества. Они что, подобным образом пытаются добиться от него благосклонности?

Но не успела я додумать эту мысль, как почтенный вожак вытащил откуда-то из-под елок здоровую колоду наподобие тех, на которых в моем детстве мясники рубили на куски то, что именовалось «говядина второй категории с косточкой». Несчастного козленка, от ужаса блеявшего и безостановочно сыпавшего мелкие теплые горошки, водрузили на колоду. Дамы расположились полукругом и, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, заунывно запели. Вожак воздел руки вверх и гортанно прокричал несколько фраз, из которых я поняла только одно – это мы таким образом пытаемся вымолить победу нашему воинству.

Я не заметила, кто и когда зажег в небольшой кадильнице ароматные травы, только почувствовала, как начинает потихоньку кружиться голова, а голоса, выпевающие заклинания, больше не кажутся противно-гнусавыми. Наоборот, захотелось встать в общий круг и, раскачиваясь, как остальные, подхватить тревожный мотив.

Я даже сделала шагок в сторону женщин, но шаман резко остановил меня. Глаза его горели мрачным черным огнем, а в правой руке оказался зажат неведомо откуда взявшийся кривой нож из темного камня, даже на взгляд неимоверно острый.

Старик бросил отрывистую фразу и сунул мне в руку нож. Я отшатнулась, попытавшись не принять ножа, но неожиданно сильные пальцы старика сомкнулись поверх моего кулака, так, что рукоятка больно впилась в ладонь.

– Режь! – повелительно бросил шаман и указал на окончательно обезумевшего козленка, отчаянно бившегося в путях на верхушке колоды.

– Нет... я не могу... не умею – ни за что на свете я не могла бы убить ни одно живое существо. А тут еще козленок смотрел в упор бархатными шоколадными глазами. Убить такое чудо? Да ни за что...

– Режь, дочь богини! – голос шамана взлетел совсем высоко. – И да будет милостив к нам Силач Балу!

Аромат благовоний стал гуще, женские голоса сплетались в странную и тревожную мелодию, и я чувствовала, что меня словно окутывает странная пелена, тонкая и прозрачная, но прочная настолько, что не вырваться. Как во сне я медленно подняла руку, пытаюсь понять, куда и как нужно ударить.

– Во славу великого Облачного Всадника да свершится эта жертва. Режь!

Повинуясь властному приказу, я резко опустила руку и зажмурилась, не в силах видеть того, как белоснежная шкурка козленка мгновенно станет алой. Но в этот момент раздался странный шум, грохот, а затем последовал всеобщий вопль, полный ужаса и отчаяния.

Я осторожно приоткрыла глаза, пытаюсь понять, что произошло. Вместо окровавленного трупика на колоде лежали странные глиняные обломки с ленточками и колечками. Вся толпа моих спутников, стоя на коленях, раздирала на себе одежды, рвала волосы и издавала полные горя и отчаяния вопли. А далеко за елками слышался отчаянный топот маленьких копыт и мелькал смешной белый хвостик.

И тут до меня дошло, что же произошло. Очевидно, козлик в последнюю секунду дернулся, а я колола куда попало, не глядя. В итоге полоснула я не животинку, а стягивавшие ее веревки. Не будь дурак, козлик обретенной свободой воспользовался моментально и с колоды сиганул, отбив в прыжке истукану его главное достоинство. И вот по этому-то поводу вся деревня и пребывает теперь в глубоком горе.

На этой мысли на меня напал чудовищный приступ хохота. Меня сгибало пополам, колотило, так что в итоге я оказалась не в силах устоять на ногах. Слезы текли по щекам, я пыталась их вытирать, но все было без толку. Постепенно все присутствующие, привлеченные моим странным поведением, прекратили убиваться и собрались в кружок, пытаюсь понять, что со мной стряслось.

– Вввы что? Это вы так убиваетесь из-за того, что козел вашему истукану пи... ну, это самое отбил? – поинтересовалась я, когда наконец хоть чуточку обрела способность говорить.

– Да будет известно дочери богини... – велеречиво начал вожак, но смешался и закончил совсем обыденно, – Теперь нашим в битве не победить, вот.

На этих словах тетки снова заголосили так, словно им всем вот прямо сейчас уже вручили похоронки.

– Стоп! А если я вам этого красавца почию, все еще можно будет исправить? – поинтересовалась я, – Только чур без пролития крови.

– Как без крови? – оторопел шаман. – Это же жертвоприношение. Так всегда полагается, чтобы умиловить богов... ну, то есть, ваших.

– А вот так без крови, – тут уже я оказалась непреклонной как скала. – Нашим гораздо приятнее другие жертвы, ясно? Цветочки там, плоды земные.

Тут старик внезапно побелел как мел, кинулся кланяться мне в ноги с мольбами о прощении и с извинениями за то, что сразу не признал. У дедульки, похоже, от излишне насыщенного дня крыша окончательно уехала. Такой расклад мне совершенно не понравился, поэтому я всячески заверила вожака в своей благосклонности, которая имеет шанс невероятно возрасти, буде в селении окончательно и бесповоротно откажутся от кровавых жертвоприношений. А что до непризнания, так и мне его портрет не сильно знаком, чего греха таить.

На этой мажорной ноте я поднялась с земли и зашагала в сторону поселка, прикидывая, где лучше накопать глины для идола мужского достоинства. Группа поддержки, негромко стелая и бормоча, тащилась следом. Из доносившихся обрывков слов больше всего меня заинтриговало многократно повторявшееся «опять выйдет, как тогда, о горе, как тогда, снова выйдет как тогда, а ведь мы хотели, как лучше». Что у них тут уже успело случиться до нас? Неужто тоже кто-то на идола успел покушаться? Эх, жалко, Веньки рядом нет, он бы сумел их разговорить, не то, что я с моими жалкими обрывками слов. Ничегошеньки я в их мировоззрении не понимала, и спросить тоже не могла.

что ли? Ну так вам и надо, чужое красть нехорошо. Тебе разве мама в детстве не говорила?

– Какое чужое! – взорвался я, – ты что, тут за своими... за лепкой своей совсем ничего не заметила? Что у деревни пол-урожая украли за здорово живешь? Вот мы и пошли своё назад забрать. И вообще, я хотел установить мир между деревнями! Чтобы больше не приходилось им вот так вот тупо друг с другом воевать из-за мешка зерна, или брусков железа, или еще чего. Установить основы сотрудничества и честной торговли! Только не вышло ничего путного... А ты еще мораль мне читаешь!

– Вень, ну хватит орать-то, что ты как маленький, – устало попросила Юлька, – Думаешь, мне в кайф это дело лепить? А куда деваться? И ты тоже хорош. Я хотел то, я хотел это... Тут люди тысячелетиями живут по своим порядкам, и тут здарсьте, является московский пришелец и начинает свои порядки устанавливать. А потом еще убивается, что его не послушали. А с какой, собственно, стати они тебя слушать должны? Ты им кто – кум, сват, брат, Великий Вождь? Почему ты считаешь, что ты в праве навязывать другим людям свои жизненные принципы?

– Все, я пошел на море искупаться, – зло ответил я и твердо решил, что не стану ни спорить с ней, ни рассказывать ей о походе, – а ты, если хочешь, можешь позаботиться о раненных, правда, ничего серьезнее синяков и ссадин у них, кажется, нет.

– Ну нет и нет, сами разберутся, – не менее мрачно буркнула Юлька, возвращаясь к своей лепке.

Море – это самое подходящее место, чтобы не только освежиться, но и как-то прийти в себя после всех переживаний прошедшего дня. Местный народ на море не ходил, кроме как по делам – на рыбную ловлю, или соль выпарить. Что плавать можно для удовольствия, им и в голову не приходило. Надо же, а через пару тысяч лет не бараны и не железо, а именно что линия прибоя станет главным ресурсом для этих и для многих других мест... Да, мир сильно изменился, ничего не скажешь!

Со мной, впрочем, увязался один паренек из младшего взвода, Петька. То есть на самом деле его звали не Петкой, конечно, а Абну, или даже Абну-Карити, а может, Абну-что-то-там-еще. С именами тут было сложно: полную форму, которая обычно представляла некое таинственное изречение, нельзя было открывать посторонним, а молодым и вовсе не было положено называться полным именем. В общем, звали все паренька просто Абну, что значило по-угаритски «камень». Вспомнив про еще одного человека, которому было в свое время дано имя «камень», по-гречески же Петр, я и стал называть его Петькой. Да, впрочем, и он уже на это имя откликался.

Петька недавно женился. Я даже хотел было дать ему увольнение от похода, вспомнив библейскую заповедь: не брать на войну того, кто только что построил новый дом, посадил виноградник или женился, чтобы в случае чего не лишить человека законных радостей жизни. Интересно, если бы в России ввели такое правило, что бы у нас было? Ну, виноградников много в нашем климате не наразбиваешь, дома тоже строить хлопотно... К радости новобрачных надо было

– Это еще когда будет! А нам ведь сейчас надо... И потом, наставник, разве не из-за этого тебе не покорилося соседнее селение?

– Почему же именно из-за этого?

– Ну как же! Как же может покориться нам другое селение, когда наш Балустойт оскопленным?

Я замолчал, обдумывая ответ. Мне хотелось сказать этому парню, что Балустойт вообще не играет никакой роли, что все на самом деле совсем иначе. Но он верил в Балустойта со всеми его причиндалами. И не было никаких сомнений, что теперь у него ничего не шлохнется, пока идола не починят, раз он забрал себе такое в голову. И на войне он не будет ждать ничего, кроме поражения.

Готов ли я был ему предложить что-то другое вместо такого примитивного язычества? Не абстрактную философию, а конкретные обряды и правила, с которыми он сможет пойти и в бой, и на супружеское ложе, по которым он станет выверять всю свою жизнь? Тут никак не подойдет мое расплывчатое, размытое христианство образца XXI века, и даже то, что знаю я о ветхозаветной вере, так запросто ему не объяснишь. Учить их молиться Единому – как? Им же все нужно на пальцах объяснить: как и какие жертвы приносить, что есть, а чего не трогать, как новолуние отмечать, и всякое тому подобное.

И, главное, даже будь у меня для них подходящая вера наготове, вправе ли я крушить здешних идолов? Поручил ли мне это ангел с неба, как в свое время Гидеону? Кстати, я даже не знаю, родился ли этот самый Гидеон или еще нет...

– Ладно, давай купаться, – только и ответил я. Тем более, мы как раз до моря дошли.

Вода, как всегда, успокаивала, расслабляла, позволяла забыть на время обо всех этих тяготах и проблемах. Мне в Москве очень не хватало моря. И вот теперь, пожалуйста, прямо под боком, купайся – не хочу. Море было на удивление тихим, и я плавал долго отдавая соленой воде все-все заботы и разочарования... И вправду, очищение. А Петя старательно выполнял у самого берега дыхательные упражнения по моему заданию. Отбито там у Балустойта или не отбито, а тренировка обязательно нужна, так я ему и сказал.

Когда я поплыл к берегу, оказалось, что и на берегу нас кто-то уже поджидает, и это явно был не Петя.

– Что, с натуры решила лепить? – ехидно крикнул я с относительно удаленного расстояния, – так мы не такие богатыри, как этот твой Балустойт!

– Да ну тебя, не смотрю я, – ответила Юлька, – я прогуляться вышла, отдохнуть после работы. Вылезайте спокойно!

И стала с самым независимым видом рассматривать раковины на берегу.

– Вень, – добавила она, когда мы с Петей выбрались на берег, обсохли и оделись – ну ладно... не дуйся. Ну правда, я не хотела... Ну не обижайся ты. Ну что там у вас в походе вышло, в конце-то концов?

– Да ничего не вышло, говорю же, – ответил я. Всю злость с меня уже смыло море.

– А если подробнее?

– Подробнее... Ну, пришли к деревне. Я понимал, что она укреплена, штурмовать ее бессмысленно, нужны осадные орудия. Поэтому я надеялся перехватить их в то время, когда мужики выйдут в поле работать... ну, или какие

там еще у них занятия. Произвести впечатление нашей численностью и слаженностью действий, принудить к почетному миру, с полной выдачей похищенного и образованием конфедерации двух деревень.

– Под твоим началом.

– А есть другие кандидатуры? Да, Юль, под нашим. Моим и твоим. В общем, мы сомкнутым строем подошли к воротам, копья наперевес. Они разинули рты. Я думал, может потребоваться некоторое единоборство... ничего подобного. Местные мужики нас сразу окружили, началось братание и переговоры. Ты бы видела, как они торговались! Конечно, похищенное вернуть они согласились сразу, но вот в оценках его количества наши мужики с ихними очень уж сильно разошлись.

– И передрались?

– Да какое там! Ругались часа три. Наши ведь еще хотели часть урожая получить обратно железом или хотя бы тканями, там у них шерсть неплохая, вот и торговались до посинения. Ну, а когда сторговались, началось празднество.

– Подрались пьяные?

– Нет, такого не было. Зарезали барашка, лепешек напекли, вино разлили... Все, как обычно. Ну, сначала, конечно, обсудили, какой процент выданной обратно добычи будет зачтен в качестве нашего взноса на празднество. На это еще полчаса ушло. Но все мирно, без членовредительства.

– Откуда же раненные?

– Да из-за девки всё. Пока мы торговались, трое молодых решили девку из этого селения своему товарищу украсть. Он давно за нее сватался, девка в принципе была не против, но ее саму никто не спрашивал, а отец согласия не давал, слишком большой калым назначил. Вот они ее и украли под шумок... А местные их догнали. Только и всего. Так что у нас трое легкораненых, у них тоже парочка, плюс девка рыдает в отеческом доме. Через недельку-другую опять свататься пойдут, может, отец за героические подвиги цену-то снизит. Только они, небось, уверены, что это всё из-за идола неудача их постигла. Что ж вы так неосторожно-то с ним обращались?

– Ну вышло так, – кажется, Юлька впервые с начала этого разговора смутилась и перевела тему, – а что там насчет конфедерации?

– Да говорил я с этим их старостой, он, правда, совсем плохо по-финикийски рубит, в основном Ибирану переводил. Ну что? Как только я говорю, что надо нам объединиться, все головами кивают. Как только речь завожу, что нужна строевая подготовка, военное производство – тоже. Как только начинаю спрашивать, когда приступим – сразу в кусты: вот будет гадание, и если боги будут благосклонны, и вообще у нас скоро то, а потом это... Словом, когда могучий воин Бин-Йамину покорит под наши ноги все окрестные племена, мы сами с удовольствием будем ими повелевать. А до тех пор, извините, заняты своими делами. Вот ведь народ! Рыдают, что Угарит впал в ничтожество, мечтают, что вернется его былое величие. Но сами пальцем о палец не хотят ударить, чтобы ситуация изменилась.

– Ну да, всё прям как у нас, – печально согласилась Юлька.

На этой ноте мы и пошли домой, прихватив с собой безмолвного от почтения Петьку. Только у ворот нас уже встречала делегация в составе Ибирану,

шамана и еще двух-трех избранных мужей... Я уж было решил, что все воины заглянули к своим возлюбленным, пережили то же, что и Петька, и решили потребовать от Юльки работать без сна и отдыха, пока идол не восстановится.

Но все оказалось еще интереснее.

18.

Ну кто мог подумать, что отсутствие мужского достоинства у этого глиняного чурбана приведет к таким трагическим последствиям? Вот ведь дурни доисторические, что им в мозги втемяшится – ничем не выбьешь. И ведь я теперь крайней буду во всем, что бы ни случилось. Скажут еще, что новый орган некачественный, или что запчасть попалась контрафактная, слабого действия – и привет!

Думать о том, что они со мной сделают, ежели решат, что я навлекла на них цепь несчастий, было весьма неприятно. Богиня там или ее заместительница по земным делам – неважно. Свергнут, назначат ответственной за все беды, и пишите письма! Кто может поручиться, что они не вздумают принести меня в жертву обещанному Балу?

Тут еще, как назло, совершенно некстати вспомнилась Миледи-Терехова с завыванием «Бросьте жертву в пасть Ваала», отчего настроение у меня испортилось окончательно. Геополитик Венька страдал по поводу крушения своих глобальных планов, сзади сопел несчастный Петька, явно опасавшийся очередного фиаско, а у ворот селения нас поджидала группа товарищей, решительность и воинственность которых укрепили самые худшие мои опасения. Я даже хотела предложить Веньке свернуть куда-нибудь за угол, только неоткуда было в этих холмах взяться подходящему углу.

Ну да ладно, двум смертям не бывать, а одной все равно не миновать. Я постаралась придать физиономии выражение самое беззаботное, дескать, помирать, так с музыкой, и даже попыталась чуть-чуть обогнать Веньку, чтобы тот не пытался защищать меня, когда аборигены возьмутся тащить и вязать, но...

В этот момент от толпы отделились великий вождь наш Ибирану и шаман. Сделав несколько шагов нам навстречу, они склонились в самом почтительном поклоне, после чего завели жалобную песнь, умоляя могущественных сынов неба за что-то их простить и помирловать. От слишком сумбурных событий нынешнего дня соображалка моя окончательно отключилась, поэтому понимала я только отдельные, мало связанные друг с другом слова. Венька же, судя по всему, включился довольно быстро, задал несколько уточняющих вопросов, уважительно приобнял обоих старцев, давая понять, что сыны Неба нисколько не в обиде на своих бестолковых земных слуг, после чего обернулся ко мне с совершенно обалдевшим выражением лица.

– Юлька, слушай, тут такое... Я, правда, сам не очень понял, но... В общем, деды приносят свои извинения за то, что не сразу нас узнали, и клянут собственную бестолковость. Дескать, надо было сразу в главное святилище идти, тогда бы была нам всяческая удача и споспешествование в походе.

– Вень, стоп. Кого узнали? Какое святилище? Кого мы там еще должны раскурочить в случае чего? Там что, снова козлов резать придется? – от волнения вопросы у меня сыпались сами собой, без особой связи друг с другом. – Почему они должны были нас узнать? Вы что, все окончательно перегрелись, что ли?

– Погоди, Юль, не тарахти, – устало махнул рукой Венька. – Я сам толком не понимаю ничего, но аксакалы настаивают, чтобы завтра с самого утра, как можно раньше, мы отправились к главному святилищу. Говорят, там сокрыта некая

тайна, связанная с нашим пришествием. Ладно, пойдем уж, раз они так настаивают... Вдруг у них там пещера перехода, или хотя бы какой-то указатель, где ее искать?

– А зачем такая спешка? Может, хотя бы денек отдохнем, а? Но увы, похоже, старейшинам нашим приспичило так, что о каких-либо отсрочках просить было совершенно бесполезно. Я вздохнула и покорилась. Ужасная эпоха, а для женщины вдвойне...

Наутро собрались мы быстро, тем более, что Имрану разбудил всех на рассвете, и ночная прохлада еще не успела смениться дневным зноем. Жалко было терять такую подходящую для дороги погоду, так что припустили мы вперед довольно резво по дороге, шедшей вдоль берега моря.

Часы наши встали уже давным-давно, так что понятия не имею, сколько было времени, когда впереди показалось нечто, похожее на скалы... или на развалины? Нет, все-таки на скалы, торчащие на ровном месте. А вот путешествовать к тому моменту мне надоело окончательно и бесповоротно – тонкая попона елозила по костлявой ослиной спине, я себе явно набила кучу синяков на самых нежных местах и больше всего мечтала о том моменте, когда путь наш подойдет к концу и я смогу хоть чуть-чуть размять затекшие ноги.

При ближайшем рассмотрении скалы оказались остатками городской стены в три-четыре моих роста, и толщиной тоже в несколько метров. Судя по всему, разрушена она была давно и основательно, и теперь ее останки торчали, что последние зубы во рту у местных старух, отродясь не знакомых со стоматологией. Проломы в стене были кое-как заделаны кирпичами из глины, но эта новая стена была всего метра два высотой, как в нашем селении, и становилось совершенно ясно, что завоеватели преодолели бы ее без труда. Но и завоевателей никаких поблизости не было.

– Се град Угарит! – торжественно возвестил нам Ибирану, когда мы подошли к небольшим воротам, а вернее, к калитке, наспех сделанной в одном из этих проломов, – град великий, богами любимый и славный богатством (и что-то там еще про море и всякие такие вещи, я не сразу смогла разобрать). После этого Ибирану натурально встал на колени и низко поклонился воротам города, и все наши спутники последовали его примеру. Мы с Венькой, правда, не стали.

Так вот ты какой, Угарит! Все-таки попали мы, можно сказать, на экскурсию...

За стеной обнаружилось скопление глинобитных домишек, лепившихся к каменным стенам. Судя по всему, в прежние времена город этот был весьма велик и красив, а теперь пребывал в полном запустении. Мы пошли по неширокой улице мимо обрушенных стен и обрывавшихся на после пяти-шести ступеней лестниц из шероховатых, грубо обтесанных камней. Людей на улице попадалось совсем немного, все больше женщины и детишки, они кратко приветствовали нас, а с группой стариков Ибирану даже остановился поболтать.

Перед особо обширными развалинами вожак наш сделал что-то вроде поясного поклона и пробормотал «царский дворец». Только давно уже не было тут никакого дворца... Елки-палки, что ж у них тут такое приключилось? Ядреную бомбу в эту эпоху явно еще не изобрели. Но кто мог так разрушить целый город? И зачем? Почему?

К Веньке с этими вопросами приставать сейчас было бессмысленно, он сам озибался по сторонам с весьма обалделым видом.

Почтенный Ибирану уверенно руководил нашим дружным коллективом. Пройдя торжественным маршем по центральному проспекту, мы свернули в одну боковую улочку, затем в другую.

– Юлька, глянь, – возбужденно пихнул меня в бок Венька, – у них здесь и водопровод был!

Водопроводом оказалась выложенная камнем канавка вдоль одной из улиц. Вот никогда бы не подумала, что в такой древности эти вопросы уже хоть каким-то образом решались. Нет, все-таки недооцениваем мы предков, что ни говори!

Немного погодя оказались мы на небольшой площади, на другой стороне которой стояло нечто, малость напоминавшее мавзолей на Красной площади. Учитывая общее состояние города, это строение пребывало в отличном состоянии. Вожак искоса поглядывали на нас с Венькой, словно ожидая какой-то предсказуемой реакции. А что мы тут могли сказать, спрашивается? Судя по всему, почтенный Ибирану были нашим неведением весьма смущены: они переглядывались и обменивались краткими репликами, но программу мероприятия никак не меняли.

Наконец, на площадь вышел из какой-то боковой улочки седовласый старец, которому вся наша компания поклонилась в пояс (Венька лишь слегка склонил голову, а я от неожиданности изобразила что-то вроде реверенса). И тут старец сам опустился на колени – казалось, было слышно, как поскрипывают его суставы. И не только на колени, он пал лицом на землю, и все наши спутники на всякий случай последовали его примеру. Ну вот, опять начинается, – с тоской подумала я.

– Господин наш Бин-Йамину, госпожа наша Йульяту, да продлят боги ваши дни, да благословят они вас, да найдем мы милость в очах ваших, – обратился он к нам с торжественной речью, не вставая с земли, – повелевайте, ибо давно ждет вас город ваш, и да будет милость богов с вестниками богов, и с нами, рабами вашими.

– Откуда это вы нас знаете? – от удивления я задала вопрос по-русски.

– Подожди, Юль, сейчас разберемся, – смущенно пробормотал Венька и вступил в переговоры со старцем. Уже через полминуты ему удалось поднять его на ноги, а минут через пять мы все сидели на какой-то каменной приступочке, и о чем-то долго и невыносимо занудно беседовали... Точнее, беседовал Венька, а я недоумевала, когда закончится эта бодяга, и будет ли слишком невежливо, если я вот так вот запросто сейчас встану и наведаюсь в этот их мавзолей, чтобы проверить – есть там переход или нет?

А если есть – без Веньки возвращаться не годится, решила я и осталась сидеть, рисуя подобранным прутиком узоры на утрамбованной уличной пыли.

19.

– Откуда ты знаешь нас? – спросил я его на том же иврито-финикийском языке, на каком общался с Ибирану.

– Как мне не знать тех, кто приходил! – ответил он по-угаритски. Этот язык я понимал все-таки довольно плохо.

– Ты говоришь на языке Тира и Сидона?

– Разве господин мой Бин-Йамину забыл язык Угарита? – спросил он, сразу же переходя на финикийский, – впрочем, и верно. Много прошло дней, удача и величие перешли к Араду и Библу, к Тиру и Сидону, а с ними и богатство, и слава. Вот и вестники богов Бин-Йамину с Йульяту говорят теперь на их языке. Они забыли язык угаритян.

– Подожди, как мы могли забыть то, чего не знали! Мы никогда не были здесь прежде.

– И верно, – отозвался он, – разве назовешь Угаритом эту унылую пустошь, на которую пролился гнев богов? Вы не были в этом городе, господин мой. Вы были в Угарите славы и величия.

– Мы не были никогда ни в каком Угарите, – ответил я предельно ясно и четко, – мы не боги, не дети богов и не вестники богов. Мы люди. Мы пришли из будущего.

– Вы пришли к нам, – согласился жрец, – а словом «будущее» ты называешь гору Цафон? Или другую священную гору? Или дворец на небесном своде, где живут блаженные?

– Этим словом я называю то, что будет, – ответил я и сам смутился. Дело в том, что во всех этих языках нет никакого будущего времени. Скажешь «йихье» – но это не только «будет», но и «бывает», и «есть», а порой даже «было».

– То, что было, – отозвался жрец, – вы пришли из того, что было. Вы уже были здесь, и дед моего деда видел это своими очами, и теперь вы пришли снова.

– Мы не были здесь, – упорствовал я, – а будущее только будет. Его не было.

– Мне не понять твоей речи, – ответил жрец, – было или не было?

– Подожди, подожди. Вот у тебя есть сын?

– У меня двое сыновей и двое внуков. Это не считая женщин.

– У твоего младшего внука нет еще сына?

– Как нет? Есть в его чреслах его сыновья, и сыновья его сыновей, и...

– У него нет рожденного сына, так?

– Нет, он еще очень мал.

– Смотри... когда у него есть сын, и внук, и внук его внука, и внук внука его внука – это будущее. Внук внука внука внука... увидит будущее, из которого мы пришли.

– Конечно, увидит, – согласился он, – мы всегда видим то, что перед глазами. Он увидит и услышит, потому что мой сын расскажет своему сыну. Я тоже вижу и слышу это, потому что мой отец возвестил мне. Значит, «будущее» – это то, о чем нам поведали предки. Это и есть самое важное на свете. Мы видим «будущее», из которого вы пришли.

– Нет, ну как ты не понимаешь... Вот смотри. Зайдет солнце, будет ночь, так?

– Всегда так бывает.

– Потом будет утро, и новый день, и новая ночь.

– О, да. Значит, «будущее» – то, что бывает всегда, с тех пор, как отделилось небо от земли и были назначены судьбы всему живому. Мы видим и знаем его.

– Опять не то... вот смотри, ты насадил виноград. Он вырастет и даст плоды. Сын твоего внука будет пить вино из этого виноградника. Вот это вино и есть «будущее».

– Зачем, – рассмеялся он, – говорить о том, чего нет? Нам неведом вкус этого вина. Но мы знаем, какое вино пили наши предки. То, что есть – перед глазами человека. Дней моих пять десятков и четыре года, и я знаю каждый из моих дней, мне ведом вкус моего вина, и вкус моего хлеба. И мой сын знает вкус моего хлеба. И мой внук знает. Но никто не может знать вкус хлеба, которого нет.

– Но мы же смотрим вперед...

– Мы смотрим вперед и видим деяния наших предков. Того, что у нас за спиной, мы не видим. Оно, может быть, ведомо богам, если у них есть глаза на спине. Но мнится мне, что даже у богов нет глаз на спине: их, как и людей, постигает то, что каждому суждено. Судьбы всесильны, даже боги не могут их изменить. Но мы смотрим на то, что было.

– Подожди... ты хочешь сказать, что смотришь в прошлое? Обращен лицом к прошлому?

– Я не знаю, что ты называешь словом «прошлое». Каждый человек обращен вперед, к восходу, к дням древним.

И тут я снова осекся. На всех этих языках слова «начало» и «перед» были однокоренными, так же, как и слово «восход». Действительно, эти люди смотрели в сторону восхода. И значит, шли в будущее спиной вперед? Вслепую?

– Скажи, а куда ты идешь? Разве не в будущее... то есть к внукам своих внуков?

– Как я могу прийти к внуку моего внука? – усмехнулся он, – я приду к праотцам, когда настанет срок, и приложусь к народу моему. И потом ко мне придет мой сын, и мой внук, и внук моего внука. Мы все идем одним путем, разве не так?

– А то, что приходит, что наступает, что бывает нового? Разве ты не смотришь на это?

– Налетает ветер с моря, и приносит дождь, налетает ветер из пустыни, и приносит жару. Кто знает, какой ветер его постигнет? Боги открывают нам удачные и несчастливые дни, и мы начинаем дело в один день и воздерживаемся в другой. Земледелец сеет зерно, чтобы собрать урожай, и в сердце своем надеется на изобилие, моля богов о доброй погоде. Князья перед походом составляют замысел, и уже видят врагов побежденными. Мы знаем это, ибо отцы возвестили нам. Но вкус вина, какое будет пить внук моего внука, мне неведом, и его теплу не согреть моего сердца.

Он немного помолчал и добавил:

– Слово «будущее» – это просто слово. Мы не видим в нем смысла. Может быть, там, откуда вы пришли, всё иначе.

Я молчал в полной растерянности. Объяснил, называется...

– Скажи, откуда ты знаешь нас? – повернул я разговор по-иному.

– Я возвестил тебе, Бин-Йамину, – ответил он, – дед моего деда видел твой приход, и приход госпожи Йульяту, когда велик был Угарит и славен.

– Расскажи мне об этом.

– Об этом рассказывает песнь про великого воина Шад-Гиббару и чашу гнева, – ответил старик, – и если господину моему угодно, я позову сказителя, чтобы он спел эту песнь.

Шад-Гиббару... странное имя, я никогда прежде не слышал такого. Кажется, оно означало «демон-богатырь». Час от часу не легче, что за демон? И причем тут мы? Но песни слушать было как-то недосуг.

– А что это за здание? – я показал рукой на святилище.

– Это ваш дом, господа мои, это дом Бин-Йамину и Йульяту, и я ваш верный служитель, – ответил жрец, – войдите в него, и взгляните на образ Шад-Гиббару, и возьмите в руки чашу гнева, и да вернется милость богов к городу Угариту.

Кажется, старец опять собрался падать ниц, поэтому я почел за лучшее последовать его совету.

– Хорошо, хорошо, благодарю тебя, – ответил я ему и обратился к Юльке:

– Нас приглашают зайти вон туда. Думаю, это вполне безопасно. У них тут какие-то ложные воспоминания с нами связаны, говорят, мы уже приходили. Чаша там какая-то, образ... Может, и вправду там пещера перехода?

– Ой, а мы ведь так и не собрали сувениров! – засуетилась Юлька, – бусы эти, керамика... Что же мы домой, с пустыми руками?

– Не до грибов мне нынче, Петька, – ответил я, – ты домой вообще-то хочешь попасть? Давай хотя бы проверим, вдруг потом не будет этой возможности! А если сработает, вернемся за сувенирами, мы дорогу-то уже знать будем.

Сильно сомневался я на самом деле, что нам захочется снова испытать судьбу, и что пещеры эти многоразовые, как карточки на московское метро. Но если был шанс вернуться в нашу реальность, его безусловно стоило использовать.

А что, если эта пещера ведет еще в какой-нибудь временной пласт, – внезапно пришло мне в голову. Попадем к динозаврам или, наоборот, в тридцатый век... Впрочем, нет. Жрец тут давно сидит, если бы через святилище шастали динозавры или экскурсанты тридцатого века, это не осталось бы незамеченным. В общем, как ни крути, а разгадка лежала внутри.

– Ладно, пошли, – сказал я уже с меньшим энтузиазмом, – посмотрим, что там, какие у них там чаши да образы.

Святилище было построено из камня, местами даже вполне неплохо обработанного. Мы осторожно поднялись по ступеням, которые пошатывались, словно пытались развалиться, прошли сквозь узкую дверь, которая со скрипом затворилась, едва вслед за нами шагнул внутрь жрец. Внутри, особенно после уличного света, было темно, как в той самой пещере. Раздался скрежещущий звук, сверкнули искры, и запаленный факел ярко вспыхнул, освещая это небольшое помещение без окон.

Оно было совершенно пустым, и только у противоположной стены был огромный камень, а на нем торжественно возлежали два предмета. Две святыни. Образ и чаша.

Большая фотография Че Гевары и стеклянная бутылка из-под Кока-колы.

20.

Много буйствовал славный воин,
Воин многорукий Шад-Гиббару,
Царства разрушал Шад-Гиббару,
И царей приносил он в жертву:
Заколот двух царей для богини,
Трех правителей, четырех старейшин
Для великой богини и страшной.
Одевается она в кровавый пурпур,
Разрушает земные царства,
Порождает правителей новых,
И рожденных ею пожирает.
Имя ее – Риб-Люсьяту.
Призывает его Риб-Люсьяту,
Молвит ему грозное слово:
«Уничтожил ты царство в Куббе,
Ты смутил обитателей Париги,
Ты потряс пределы Ам-Арики,
Нет тебе равных, Шад-Гиббару!
И теперь я тебя призываю,
Я в поход я тебя отправляю,
Чтобы ты разрушил город,
Который мне неугоден.
Гнев мой – на царство Угарита,
На славных мужей мореходных:
Меня они жертвами не чтили,
На празднествах своих не поминали!»
Шад-Гиббару в ответ ей молвил,
Проронил могучий воин слово:
«Высоки стены Угарита,
Крепки запоры на воротах,
У князей его великая дружина,
У купцов его, что песка, богатства,
Все воины его – меченосцы,
Корабельщики с ветром поспорят.
Как мне разорить великий город,
Как превозмочь угаритян?»
Молвила ему в ответ богиня,
Проронила грозное слово:
«Ты возьмешь с собой чашу гнева,
Принесешь на пир их Кукта-куллу,
И когда тельца они заколют,
И когда кувшин вина откроют,
Ты их напои из чаши гнева –
Захмелеют, разум потеряют!

Князей тогда никто не станет слушать,
Купцов тогда, что нищих, прогонят,
Воины перебьют друг друга,
Растворят пред чужеземцами ворота.
Корабли их не выйдут в море –
Не будет средь моряков согласия».
Вопрошает тогда Шад-Гиббару,
Молвит он слово пред богиней:
«Не захотят они пить эту чашу,
Не по нраву им будет Кукта-кулла!
Как же дам им испить из чаши гнева,
Как тогда победить мне угаритян?»
Отвечает ему Роба-Люсьяту,
Слово ему богиня молвит:
«Хитрость прояви, Шад-Гиббару!
Когда пировать они сядут,
Когда кувшин вина откроют,
Скажи им: ваше вино не сладко,
Скажи им: сладка Кукта-кулла.
Кто ее изопьет, крылатым станет,
Как орел, взлетит в поднебесье,
Круг земель увидит немедля.
Кто ее изопьет, свободен станет,
Никто над ним не будет властен,
Никто не отдаст ему приказа.
Кто ее изопьет, разбогатеет,
Золота – что песка морского,
Серебра – что песка речного,
Пурпура – что воды в море будет.
Захотят они тогда испить из чаши,
Возжелают немедля Кукта-куллы».
И отправился в поход Шад-Гиббару,
Угроза всем царствам, Шад-Гиббару,
Ловушек сплетатель, Шад-Гиббару,
Шад-Гиббару, о погибель Угарита!

Часть вторая. Страна Финикия.

21.

Хорошо, мама моя не слышала, что мы тогда хором с Венькой завопили! Ну а что еще мы могли сказать? Угодить в какую-то задницу мира, да еще в офигенно доисторические времена, угрохать уйму сил и времени на поиски пещеры перехода, попасться на приманку местных аксакалов, поверить (ну ладно, убедить себя!), что вот он портал – и напороться на портрет аргентинского маньяка да пустую стеклотару! Остались только междометия!

А вот спутники наши ожидали какой-то другой реакции. Во всяком случае, на их физиономиях явно отразилось беспокойство, кто-то даже что-то попытался вякнуть, но страж чаши сделал жест и все снова заткнулись. А мы стояли как два болвана и тупо пялились на пожелтевшую бумажку с бородатой рожей и граненую бутылку. Стоп! Почему граненую? Кока-кола же давным-давно таких бутылок больше не выпускает. А-а-а, все понятно, я просто брежу... Это все жара, нервы, расстроенное воображение, вот и мерещится невесть что. Скоро тебя, Юленька, под белы рученьки да в рубашечке с длинными рукавами препроводят в соответствующее заведение и определят на продолжительный отдых. И правильно сделают, между прочим, а то совсем уже несусветная чушь в голову лезет. И вообще, нет никакого Угарита, это все дым, мираж, это мне на пляже голову солнышком напекло. Я в своей эпохе, в нормальном человеческом мире, а бутылка... Ну мало ли какой мусор в этих диких странах завалиться может...

Но почему тогда и Венька офигел? Ему-то что привиделось? И вообще, бутылок от Кока-Колы мы, что ли, не видели? Чего так волноваться-то? Я потрясла головой и ущипнула себя за руку в надежде, что все эти античные руины развеются, и я увижу нормальный человеческий мир, в котором люди говорят на понятном языке и не приносят жертв диким богам с покореженными детородными органами.

Но увы, окружающий пейзаж ни на йоту не изменился, только Венька с обалделым выражением лица медленно приблизился к святилищу и аккуратно, словно боясь, что он рассыплется, взял в руки портрет. Потом он сделал мне знак приблизиться и, оглядываясь по сторонам, тихо зашептал по-русски:

– Юль, по-моему, я сбрендил окончательно. Но там в подписи французские буквы. И вообще, это журнальная вырезка. Я ни-че-го уже не понимаю, абсолютно ничего.

Ну уж если он ничего не понимал, то я и подавно. Мы пялились на свеженайденные артефакты как бараны на новые ворота, пока к нам не подошел давешний хранитель музея и не обратился к Веньке в самых почтительных выражениях. Их разговор я понимала с пятого на десятое, однако уяснила, что портрет, оказывается, принадлежит мне, и что любезный старец пытается убедить нас, что все святыни были сохранены в максимальной целостности и сохранности.

Нет, тут точно кто-то спятил окончательно и бесповоротно. Как это я умудрилась наразбрасывать тут французских журналов за стотыщ лет до Алена Делона? Я почувствовала, что у меня в самом буквальном смысле слова едет крыша. Виски словно обручем стянуло, а стены поплыли перед глазами так, что я

была вынуждена быстренько плюхнуться на пол, чтобы банально не грохнуться в обморок от переизбытка информации.

Я потрясла головой, чтобы обрывки мыслей попытались хоть как-то уложиться в моих несчастных мозгах, и тут заметила сбоку в камне какое-то углубление. Увидеть его можно было только так, сидя на полу и изрядно изогнувшись. А в углублении что-то явно лежало. И это что-то было подозрительно похоже на замусоленные листки бумаги. Протянув руку, я осторожно вытащила из тайника записку, но не удержалась и громко чихнула от поднимающейся пыли.

– Юлька, а это что такое? – и не успела я опомниться, как Венькина лапища выхватила у меня новую находку.

– Ну, ты... – попыталась было я отстоять свое право на трофей, но Венька внезапно довольно сильно сжал мое плечо и буквально впился глазами в покрывавшие бумагу строчки.

Мне показалось, или они действительно были написаны шариковой ручкой? Только в темноте было не разобрать этих каракулей. А еще говорят, что с ума вместе не сходят... Еще как сходят. Судя по всему, мы с Венькой точно сошли. Причем уже весьма давно...

– Дай сюда, я английский лучше знаю, – Венька и тут умудрился сыграть любимую роль Главного охотника на мамонтов, – дай, я разберу!

– Какой английский, лингвист хренов? – завопила я, – это что вообще тут такое происходит? Что за библиотека иностранной литературы? Мы в древности или где? Или мы домой уже вернулись, и тут опять верблюды и шаурма, и «гиф ми уан дуляр плиз»?

– О, это хорошо бы, – с энтузиазмом отозвался Венька и немедленно высунулся наружу. Впрочем, торчал он там недолго.

– Иди сюда, Юль. На свету прочитаем. Тут по-прежнему до нашей эры. Но, кажется, мы стали ближе к отгадке. Вон, уже третий артефакт...

Ага, на следующий уровень он переходить собрался. Только патронов и апетечек набрать не успели... Вот же пацан!

22.

На самом деле, когда я выглянул тогда на улицу, даже был рад увидеть всё тот же полуразваленный город и его замурзанных жителей, столпившихся в немом ожидании у входа в свое святилище. Чего они ждали от нас? Решения своей судьбы, судя по всему. И что мы могли им предложить, если и собственной судьбой не распоряжались? И ни-че-гошеньки в ней не понимали?

Вот именно потому и не хотелось так резко возвращаться, ни в чем не разобравшись, ничего не поняв... Ну да, ничего не прихватив с собой для памяти. Домой, конечно, хотелось, но хотелось попасть туда не жертвами обстоятельств, а их победителями.

– Что это такое? – спросил я у местного жреца.

– Письмена Вестников, – важно ответил мне он.

– Ты читал их?

– Кто из смертных читает на языке богов?

– Ну, мы читаем, – буркнул я, – и не такие уж это боги, просто иностранцы...

Оставалось во всем разобраться самим, и на свету было делать это куда удобнее. Написано было, кстати, вовсе не ручкой, а жирным черным карандашом – это Юльке в темноте и с перепугу показалось, что ручкой. Почерк был уверенный, даже, я бы сказал, напористый, с сильным нажимом. Явно мужчина писал. Кое-что приходилось разбирать по следу на бумаге, где графит стерся. Но на первой странице почти ничего нельзя было прочесть, только обрывки фраз: «... *where on earth we were. Pretty strange place, didn't look like anything...* где это мы оказались. Что за странное место, не похоже ни на что...» – перевел я, и стал продираться сквозь грязь и потертости дальше, но на этой странице разобрать можно было только отдельные слова: «*Syria... back home... any chance at all... kind of no return ... that crazy girl... Ugarit, or what*» Что ж, этот человек знал Сирию и, похоже, не знал Угарита. Значит, мы тут – не первые гости. Уже интересно.

Вторая страница читалась гораздо лучше. Еще бы, первая служила тетрадке обложкой, и было прекрасно видно, что люди, бережно хранившие сей артефакт, о сохранности текста на первой странице ничуть не заботились. Но обратная ее сторона уцелела куда лучше, запись даже была датирована: «*10th after landing, 1000+ BC, city of Ugarit*». Интересный способ датировки... А что ему еще оставалось? Тоже без календаря, видать, жил: 10-е после высадки, 1000+ до Р.Х., город Угарит. И, чуть не вырывая друг у друга тетрадку, мы погрузились в чтение... Юлька не так хорошо знала английский, поэтому мне местами пришлось для нее переводить. Зато она лучше разбирала уже почти совсем стершиеся штрихи карандаша.

«*Действительно, город Угарит, будь он неладен. Самое смешное, что девочка понимает местный язык, хоть и с трудом. В университете она не только на демонстрации, ходила, еще и учила этот самый угаритский. Прогрессивное направление, как же. Будущее семитологии. Интересно, это ее штудии притянули на наши задницы все эти приключения?*

И я тоже хорош, ее слушаться и выходить в море в такую погоду, да еще по тому маршруту... Хотя, если нас выбросило на сирийский берег, может, та

пещера и древний Угарит – не такой уж и плохой выход. Не знаю, что сделали бы сирийские красные с таким парнем, как я. А Жюли зато хлебнула бы социализма. Ее бы в самый раз в Ханой, Москву или Гавану – а ее зачем-то в древний Угарит. Ее, а заодно и меня.

Пещера в обратную сторону не работает, мы уже пробовали и не раз. Нас здесь, похоже, принимают за каких-то ангелов. Пока еще не решил, как к этому относиться».

– Ну прям как у нас! – Юлька явно начала приходить в себя, – слушай, давай посмотрим в самом конце, может быть, там написано, как отсюда выбираться?

Но самого конца не было – это были всего лишь несколько первых страниц, вырванных из какого-то блокнота. Так что оставалось читать всё по порядку.

«14-е после высадки, город У. Деваться некуда, учу местный язык. Жюли треплется уже вовсю. Талантов у девчонки не отнимешь. Еще она заявила, что теперь между нами все кончено. Смешно. Стоило попадать сюда, чтобы обнаружить, что я – грязный империалист, шовинист, расист и все такое прочее. В частности, не собираюсь почитать местных обрядов – в языческие капища ходить, то есть.

Я бы нашел, что ответить, будь мы дома. Но дома еще нет, и говорить нечего, а держаться нам друг друга надо, больше некого. В этом десанте прикрывать спину друг друга мы просто обязаны, так и сказал. Зря только бисер метал, рассказывал ей про ребят, и как мы от Ялу отступали... Только пуце разъярилась: мол, я опять про свои военные подвиги, а прямо сейчас где-то там под Сайгоном детей убивают такие же империалисты. Интересно, а когда мой отец их освобождал в 44-м, ее родители тоже про империализм задвигали? Будто Ким лучше Адольфа.

Смешно: нет ведь ничего этого, ни Сайгона, ни империализма. Нет и не скоро будет. Есть этот гребанный доисторический мир, где они что ни дело молятся идолам, а еще жрут, пьют и трахаются прямо как у нас. Но мне из-за Сайгона в этом простом развлечении отказано, да и не больно-то хотелось.

Уроки, правда, продолжать не отказалась».

– Жюли, – сказала тут Юлька.

– Что?

– Тут была какая-то Жюли.

– Ну да. А что?

– Тёзка моя. Понимаешь?

– И что?

– Хорош уже тупить, Сын Десницы с расцафонистого Цафона! Они меня за нее приняли, понимаешь? Йульяту, вестница богов – это же та самая Жюли! Ну, и я по совместительству. А этот, который писал, империалист который – это ты.

– Я-то тут при чем? И не похож я на него вовсе...

– Ну да, не похож! Ты смотри, тоже герой-завоеватель, одной дубиной семерых побивахом, – смех у Юльки был какой-то ненормальный, истерический.

– Кто это писал? – спросил я тогда жреца, внимательно следившего за нами.

– Вы и писали, Вестники, – ответил он.

– Да не мы это. Просто... просто такие же люди из будущего.

– Такие же люди из такого же места. Бин-Йамину и Йульяту. Я же говорю, Вестники, это написали Вы. Возьмите себе свои писания и верните Угариту его судьбы!

– Мы бы взяли, – сказал я уклончиво, – но тут же не всё. Где остальное?

– Как сокрою правду от тебя, посланник богов, и от твоей светозарной спутницы? Много есть на свете людей, жадных до Писаний Вестников. Долог и сложен был их путь Отец моего отца...

– То есть, – не терпеливо перебил его я, – продолжения у тебя нет?

– Нет у раба твоего продолжения Писаний, – печально согласился он, – и, видимо, нет потому счастья для Угарита.

Я ничего не ответил на это. А что было отвечать? И стал читать дальше.

«16-е. Вроде помирились. Она тоже дневник ведет, оказывается.

Пробовал соорудить перегонный куб, не получилось. Кислятину эту не могу. А морская кухня у них отличная, вчера ели жареных осьминогов.

Расходные к полароиду уже почти закончились. За последнюю бутылку колы получил серебра точно по весу. Что дальше? Бизнес тут организовать – но какой?

Прямо Робинзоны, только яхта осталась в нашем времени, не сплаваяешь на нее за магнитофоном, к примеру, или фотоальбомами. Они бы хорошо тут пошли, не говорю уж об инструментах. А у меня только рюкзак с собой походный, в нем самое необходимое было.

Вчера спрашивали про мою Библию. Не знаю даже, как им объяснить. У них тут клинопись на глиняных табличках, или папирус, но ведь не в материале дело. Надо срочно учить язык, уже что-то понимаю, но сказать мало что могу. Очень уж странный, на арабский мало похож. Ладно, я в свое время даже по-корейски что-то сказать мог. Разберемся.

Ну ладно, выучу, а что им скажу?»

– Ну, вот и кола, – удовлетворенно заметил я, – скоро и про Чебурашку будет.

– Че Гевару, – машинально поправила Юля, – он же Шад-Гиббару.

– А там, глядишь, и подсказки, как выбраться...

– Ага, и чит-коды с солюшенами. Не наигрался?

– Да отстанешь ты или нет со своими подколками? Кто в пещеру-то полез?

– Ладно, ладно...

«30-е. Давно не писал, много событий. Не ожидал от Жюли, и вообще все переменялось самым неожиданным образом. Попробую описать по порядку. Интересно, хоть кто-нибудь это прочтет? Графит никуда не денется, но вот может ли бумага прожить три тысячи лет? Только в особых условиях, которых здесь ждать не приходится: например, в египетских песках. Осталось попросить египетских купцов увезти мои записи к себе и закопать где-нибудь в Гизе или Оксиринхе. Хорошо заплатить, а еще лучше подарить полароидный портрет – за такое они на все согласятся. Не столько даже портрет ценен, сколько страшно, что себе его оставляю.

Ладно, я отвлекся. Итак, что было...»

На этом тоненький обрывок тетрадки заканчивался – вот тебе, бабушка, и солюшены с читкодами.

23.

Пусть меня разорвут на тысячу маленьких медвежат, если я понимала хоть что-то в этом абсурде. Пока что более-менее внятно у меня оформились только две мысли. Во-первых, эти самые Вестники, или как их там, загремели в авантюру во времена, когда наши родители в детский сад ходили, отсюда и такие экзотические артефакты.

И, во-вторых, судя по всему, Ближний Восток – место странное и подозрительное, в нем и время, и пространство напигованы дырками примерно как голландский сыр. Только в отличие от сыра эти все дырки только в одну сторону работают.

Я внезапно почувствовала себя как воздушный шарик, из которого вышел весь воздух, и теперь он никому ненужной тряпочкой валяется в придорожной канаве. Примерно так же валялась и я, не в силах остановиться и прекратить истерику, которая в одночасье накрыла меня, к вящему ужасу и жреца, и, главное, Веньки.

Бедный парень страшно перепугался, уговаривая меня успокоиться и перестать, а меня трясло и колотило так, что в итоге он не нашел ничего лучшего, чем обнять меня и прижать к себе как маленького перепуганного ребенка.

– Кончай уже, – растерянно шептал он, – всю рубашку мне насквозь промочила... ну ты что... хватит уже... ну Юль... Ну что с тобой, в конце концов?! Ну сколько можно реветь?

Как оказалось, реветь можно долго, особенно если это первая моя истерика с самого начала нашего дурацкого приключения. Наконец кто-то сунул мне к самым губам чашу с водой, я попробовала глотнуть, подавилась, закашлялась и наконец сумела чуть-чуть перевести дух. Венька смотрел непонимающе и тревожно и выпускать меня пока не собирался. А мне после таких слез и не хотелось от него отрываться, наоборот, хотелось еще сильнее согреться и перестать наконец дрожать мелкой противной нервной дрожью.

– Венечка... не будет там никаких подсказок... не надейся, – прошептала я парню в самое ухо и чуть-чуть отстранилась, чтобы увидеть реакцию.

– Почему? – непонимающе нахмурился тот. – С чего ты взяла, Юль? Мы же только самое начало рукописи прочли, сама слышала, у нее и другие части есть, может, в них что-то более толковое написано.

– Ну как ты не понимаешь? – меня охватила досада оттого, что Венька не понимает таких очевидных вещей. – Ну смотри сам. Бутылка шестигранная, Че этот – это какие годы? Ну никак не наша эпоха, а семидесятые. Или даже конец шестидесятых, вот. И что ты думаешь, если они тут и правда побывали, Вестники эти, а потом к себе домой вернулись, неужели это так бы и осталось незамеченным, да еще на Западе? Да из этого сенсацию бы сделали еще покруче Гагарина с космосом. А теперь подумай, ты хоть что-то слышал про путешествия во времени? Про настоящие, про Угарит этот?

Венька с сомнением покачал головой. Я кивнула в ответ.

– Вот и я не слышала. А это что значит? Что либо они не вернулись вообще, либо вернулись, но им настолько никто не поверил, что просто-напросто закатали в психушку на опыты, теперь понимаешь?

– Может, просто засекреченная информация была? – задумчиво проговорил Венька. – Знаешь, как всякие космические программы секретили? Дело-то какое неоднозначное...

– Вряд ли, – я вдруг почувствовала себя очень уставшей. – Неужели ты думаешь, что на волне всевозможных сенсаций в восьмидесятые-девяностые эта история хотя бы тенью, намеком не всплыла в прессе? А ведь не было ничего такого.

– Значит... – тут я с трудом удержалась, чтобы снова не разреветься, – Значит, никто, Венечка, никуда не вернулся. И мы точно так же в этой заднице загнемся, как и они, весь вопрос только в том – как быстро.

Я с раздражением пнула стену святилища, по толпе пробежал шепот, словно публика пришла в ужас не то от гнева богини, не то от такого вопиющего святотатства.

– Слушай, Юль, – Венька внезапно стал как-то строже и суше, – Кончай свои истерики, ясно? Поревела – и будет, давай бери себя в руки, и давай решать проблемы по-взрослому, а не как девчонка малолетняя. А то ты что-то и так слишком много под мелкую косишь и выделяешься. Это все понемножку хорошо, а в больших количествах утомляет, ясно?

– Ясно, – неожиданно для самой себя ответила я, – Я... я постараюсь...

Почему-то мне совершенно не хотелось больше ни самоутверждаться, ни спорить с Венькой, словно мои слезы и его обьятия что-то изменили окончательно и бесповоротно. Я последний раз всхлипнула, восстанавливая дыхание, промокнула Венькиной рубашкой последние слезы и попыталась в шутку взять под несуществующий козырек.

– Что делать будем, господин начальник? – поинтересовалась я, пытаюсь взять легкий и непринужденный тон.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Венька, – Давай лучше по городу побродим, раз уж нас сюда занесло. Может, еще какие следы предшественников найдем? Судя по всему, они тут не день и не два прожили, наверняка наследить должны были.

– Ну давай, – согласилась я. В конце концов, действительно интересно, что тут могло еще остаться от этих неведомых парня с девицей. И как их сюда занесло, спрашивается? И при чем тут французский журнал, если парень явно англофон?

В общем, вопросы множились как кролики, а вот с ответами было как-то плохо. Мы побрели куда глаза глядят, без особого плана. Просто раз уж оказались в этих руинах, надо было действительно попытаться отыскать хоть какие-то следы пребывания предшественников.

Судя по сохранившимся руинам, город когда-то был и впрямь большим и красивым. Только кто ж его так разнес вдребезги и пополам? И почему, за что? Все-таки никак у меня не укладывается в голове эта древняя жестокость и безумие уничтожения...

Спутники наши держались позади, видимо, почувствовали, что не стоит нам сейчас досаждать своими разговорами. Довольно долго они вели себя весьма деликатно, но в тот момент, когда я, споткнувшись о большой камень, хотела свернуть в некое подобие переулка, жрец кашлянул и осторожно поинтересовался, на что так сильно разгневалась светлейшая Йульяту, что даже не хочет зайти в свой бывший дом, точнее в то, что от него осталось.

Дом? Мы с Венькой переглянулись, ощущая себя порядочными ослиами. И правда, как мы не подумали, что предшественники должны были где-то жить? Да, мозги нам крепко поотшибало. Но раз уж мы оказались у жилища этой самой неведомой Жюли, пройти мимо было бы верхом идиотизма.

В итоге Венька ответил что-то типа того, что Госпожа огорчена тем запустением, в который пришел ее дом, и мы, пригнувшись, протиснулись между двумя кучками камней, явно оставшихся от былой передней стены. Внутренняя часть дома, как ни странно, была разрушена не так уж и сильно. Дырки в крыше, конечно, зияли, но было их не слишком много. Более того, кто-то явно пытался поддерживать минимальный порядок.

– А кто здесь сейчас живет? – поинтересовалась я и совершенно обалдела от ответа, что это, оказывается, говоря нашим языком, мой личный дом-музей.

Нам рассказали: с тех пор, как на Угарит обрушилось величайшее несчастье, в доме этом никто никогда не жил. Но у него всегда была хранительница, следившая за чистотой и порядком, а еще за тем, чтобы на кухне всегда была еда и свежая вода, если хозяйка внезапно вернется. Потом Венька сделал паузу в переводе, что-то уточняя и переспрашивая у аксакалов, а потом поглядел на меня с совершенно одуревшим видом.

– Юлька, прикинь, хранительницами здесь всегда были женщины, у них эта профессия передается от матери к дочери. Но все они... ну, короче, они обязательно должны переспать со всеми мужчинами города, как завещала им ты.

– Венька, ты совсем рехнулся? – не выдержала я. – За кого они меня тут принимают, и ты вместе с ними? Что и кому я могла завещать в этой чертовой дыре, скажи на милость? Ты хоть не поддавайся на весь этот бред, а? А то я с вами всеми спячу окончательно.

– Да не кипятись ты, – отмахнулся Венька, – Ну не ты, не ты, а Жюли. Что ты к словам придираешься? Для них все равно что ты, что она – это один человек.

– Ну и где эта моя персональная музейщица? – любопытствовала я, оглядываясь по сторонам.

Из-за спин наших спутников-аксакалов робко выдвинулась худенькая женская фигурка в довольно прилично сохранившихся лохмотьях. Бесконечно кланяясь и что-то лопоча, она первым делом попыталась упасть ниц, но была в последний момент поймана мощной Венькиной лапищей. Возраст дамы определить не представлялось возможным, ей с равным успехом могло быть и двадцать, и пятьдесят лет. Впечатление было такое, что она нас хочет тащить сразу в несколько мест, причем одновременно. При этом тараторила она без умолку, но поднять голову и взглянуть мне в лицо так и не решалась.

В конце концов Венька довольно строго объяснил доисторической даме, что нет, есть мы сейчас ничего не хотим. И пить тоже. Но что светлейшая Йульяту благодарна своей верной ученице за все ее труды по сохранению дома. И что нет, никто не будет ее карать ни за дыры в потолке, ни за местами осыпавшиеся куски стен. Впрочем, водички попить мне бы точно не мешало, но я уж решила потерпеть немного, и без того слишком много было суеты.

Трескотня наконец затихла, и моя личная смотрительница наконец искоса заглянула мне в глаза и поинтересовалась, что мне будет угодно ей приказать. Я впала в окончательное замешательство. Сказать «принесите-ка нам, милочка, все

оставшиеся от Жюли артефакты» – так ведь не поймет... А как же сформулировать-то, что мы вообще здесь хотим?

На помощь, как водится, пришел Венька. «Госпожа хочет видеть свои...» – он замялся, но девица (да, пожалуй, она все-таки была достаточно молода) понятливо кивнула и ринулась куда-то в угол, туда, где лично я видела исключительно большую кучу мусора. Порывшись в этих руинах, она вернулась к нам и с поклоном протянула что-то вроде металлической чаши, покрытой металлическим же диском.

– Здесь все, Госпожа, все, что ты оставила, отправляясь в поход. Мы все сохранили в ценности и сохранности.

Час от часу не легче! Куда еще эту Жюли неугомонную понесло? Я невольно почувствовала тревогу за эту неведомую девицу, угодившую в ту же западню, что и мы, хрен знает когда. Ну да ладно, потом разберемся... если сможем, конечно.

Я забрала у девицы чашу, оказавшуюся неожиданно тяжелой. Венька щелкнул по ней ногтем, пробормотал «Бронза, однако!», и мы столкнулись лбами, стараясь опередить друг друга и заглянуть внутрь.

Да, денек и впрямь оказался артефактами богат. На скругленном дне чаши покоились бережно уложенные друг на друга несколько пожелтевших и замахрившихся по краям листков, прозрачная ручка Vis с совершенно опустевшим стержнем, пуговица с обрывком нитки в ушке, пустой патрончик из-под аспирина и монетка с петухом и сакраментальным лозунгом Великой Французской Революции про свободу, равенство и братство.

Галантерейную дребедень мы оставили без внимания, а вот в листки вцепились оба, постаравшись вытащить их как можно аккуратнее.

– У, это не по моей части, – разочарованной свистнул Венька, взглядевшись в довольно кривые и неровные строчки. – По-английски я еще куда ни шло, а тут другой какой-то...

Пришлось мне собирать в кучку остатки школьных знаний, благо, учила я этот другой язык все-таки на совесть. Вот хоть в мелочь, а приятно над нашим всезнайкой-задавакой верх взять, что ни говори! Впрочем, судя по тексту, парижанке моей со спутником вообще крепко не повезло. Хотя сплошной лямуру-тужур-бонжур она и тут, похоже, устроила... Почерк был немного разлетистый, но очень ровный и четкий.

«О Господи! Ну так я и знала, что эта прогулка ничем хорошим не кончится. Так этот зануда надоел, что проще было ему дать... в смысле, согласиться на яхте покататься. Хотя... ладно, замнем для ясности. Ну мало ли, у кого что было... Главное, что больше не будет, точка. А вообще, надо свой внутренний голос слушать, ой как надо. Сидела бы сейчас у дяди дома, пила дайкири, вместо того, чтобы травиться какой-то местной кислятиной и слушать бесконечную Бенову бубнежку.

А теперь и сбежать-то некуда – из этой задницы мира фиг сбежишь. Хорошо еще если нас самих тут ни в какую жертву не принесут... А тут еще новый семестр на носу. Опоздаю – фиг мне кто оплату за полгода вернет, а это очень даже не маленькая сумма, между прочим. И с работы за опоздание из

отпуска уволят как пить дать... Ну вот за что мне счастье такое, спрашивается? Сто лет бы его не видела!»

Да, похоже, влипла француженка крепко. Интересно, как это их с яхты сюда забросило? Не могли поподробнее написать, обормоты? А девушка-то, похоже, студентка. Стало быть, молоденькая совсем. И как она тут управлялась, интересно, а?

«Опа-ля! Вот это сюрприз так сюрприз – мой угаритский, над которым все семейство долго потешалось, пришелся как нельзя более в кассу. Хотя кому бы в голову такое пришло, что язык для меня окажется не мертвым а самым что ни на есть живым. Угадала я со специализацией, ничего не скажешь. Нет, конечно, накладки есть, далеко не все мне тут у них понятно, но общаться очень даже можно. Вот кайф! К сожалению, плохо лексику помню. Мне бы сюда учебник Гордона – да кто ж думал, что он на каникулах пригодится!»

Ничего себе, оказывается, угаритский язык в ее времена в университете изучали. А сейчас чего забросили? Неперспективное направление, что ли? Или это просто я не в курсе? Ну да ладно, это не столь существенно сейчас.

«Не знаю, что там Бен химичит, да мне это не особо и интересно. Вчера первый раз собирались в женском клубе... Впрочем, клуб – это громко сказано. Пришли три тетки, принесли с собой какую-то ручную работу, вполуха слушали, что я им там вещаю. Потом долго лопотали, дескать, никак такое невозможно, чтобы женищина была наравне с мужчиной, что такое только у богов бывает, но никак не у земных людей. Нет, ну как можно быть такими глупыми курицами, а? Ну неужели им самим не надоело горбатиться с утра до ночи, когда можно организовать свою жизнь куда разумнее и интереснее? Ну ничего, лиха беда начало, мы еще поборемся!»

Ага, идеи феминизма в одном отдельно взятом доисторическом государстве, ну-ну! Девочка-то, судя по всему, нехилую социальную работу тут развернула, во дает! Только на фига ей это все, спрашивается? Почему нельзя дать людям жить спокойно? Вот не зря я этих идейных феминисток не слишком жалую, вечно они не в свое дело лезут и всех на свой лад построить пытаются. Тоже мне Клара Цеткин угаритского разлива!

«Циничные посягательства международного империализма в лице белобрысого зануды получили твердый отпор со стороны маленькой, но очень гордой республики! Пусть не воображает, что если ему когда-то что-то обломилось, то теперь он имеет право намекать на продолжение. Но пасаран!»

Ага, вот и тема си... в смысле, неинтеллектуальной близости возникла. Только не до конца.

«Похоже, мне здорово повезло, что в сумке завалилась пачка шипучего аспирина. Кто его знает, сколько бы времени ушло на установление нормального контакта с аборигенами, да и удалось бы с ними вообще договориться или нет? Вроде, они слушают, когда им что-то говоришь, а потом чуть не плюются вслед, считают то ли помешанной, то ли еще неизвестно кем. Вот уж действительно не было бы счастья, да несчастье помогло. А ведь от малыша уже все местные шаманы и знахарки отказались, сказали, что не жилец. Никогда не думала, что буду мысленно благодарить концерн УПСА или еще кого из этой толстопузой братии. Поистине, мир наш – место забавное и порой весьма ироничное.

Впрочем, это надо было видеть, конечно, какими глазами на меня смотрели все эти тетки-няньки, когда вместо исчезнувшей таблетки вода пошла бурными пузырьками, и как они боялись поить ребенка этим неведомым снадобьем. Пожалуй, не будь мальчика столь плох, вряд ли бы мне дали так над ним экспериментировать. Но игра точно стоила свеч – за ночь он сильно пропотел, а к утру явно очухался и есть запросил. А ко мне теперь кроме как Спасительница и Дочь Неба никто и не обращается..

С яслями дело идет ни шатко, ни валко. Нет, ну до чего меня все-таки бесит тупость местных мамаш. Сколько раз я им объясняла и про социализацию, и про необходимость общения в коллективе, но каждый раз, когда речь заходит о яслях, они так вцепляются в своих замурзанных сокровищ, словно думают, что я хочу их отнять на веки вечные. Да, похоже, с замужними тетками каши не сваришь... Зато среди девушек есть несколько весьма прогрессивно настроенных. Да и кое-кто из парней начинает в нашу сторону поглядывать с интересом».

М-да, забавный у них там расклад, судя по всему, с самого начала вырисовался. Только нам это чем все помочь может, спрашивается? Я перевела последнюю строчку и облизнула пересохшие губы.

– И что мы с этими артефактами делать будем, а Вень? Толку от них как от козла молока, честное слово!

24.

На самом деле толк, конечно, был, хоть и совсем небольшой. Может быть, без детсадовского юлькиного концерта и я бы ощущал себя лопнувшим шариком, но теперь мне приходилось играть роль сильного пола. А значит, надо было подвести предварительные итоги.

– Ну что, – сказал я, – кое-что уже ясно. Переходы существуют, они не единичны. Вполне вероятно, что мы найдем и обратный. Куда делись эти двое – не знаю, может быть, стали профессорами по древнему миру? Или романы пишут. Они, чай, не идиоты, чтобы добровольно в психушку соваться. И что мы знаем о переходах, кроме того, что они существуют? Люди перемещаются во времени, но не в пространстве. Время тут идет не так, как там: смотри, между нами и ними разница лет в сорок, а тут пара столетий прошла, не меньше. Город успел разрушиться.

– И чего? – простодушно спросила Юлька.

– Ну и... не знаю! – признался я – А еще похоже, что подобное притягивает подобное. Вон, их было двое, и звали их как нас. Может быть, в этом и есть разгадка? Может быть, в нашем собственном времени где-то парятся какие-нибудь угаритяне с теми же именами, только их принимают за бомжей или гастарбайтеров с большим приветом?

– Ага, – вдохнула Юлька, – на трех вокзалах всё сплошь угаритяне. Их сюда перенеси, они тут не хуже приживутся. Нам-то делать что?

– Ну... продолжать поиски! Ты смотри, какой результативный день. Мы уже знаем, что они – американец и француженка. И кучу всяких подробностей из их жизни.

– Например, что она ему сразу дала, а потом уже не дала, – мрачно отозвалась Юлька, – очень помогает!

– Да ладно тебе, – как-то сразу сник я, невольно ощутив сексуальное превосходство неведомого Бена, – завтра продолжим поиски. А сегодня... сегодня как-то переночевать бы надо, а сначала – найти мой собственный дом. Может, там покомфортнее будет!

Так и представлял я себе такой же особнячок в другом квартале города... но всё оказалось проще. Местные объяснили, что «дом» у нас был один на двоих, его разделяла примерно пополам стена, от которой осталась едва ли треть. И никакого хранителя на «моей» половине не было – это Йульяту, когда собиралась в поход, завела хранительницу. А Бен не завел. Так что никто и не хранит его половину. Впрочем, от другой половины она, если честно, не сильно отличалась.

А с артефактами там было совсем небогато: на особой полочке лежали сломанная пуговица, грязный носовой платок и... несколько карандашных рисунков на замызганных бумажных листах формата А4, вот так неожиданность! Нет, урожай в один этот день был больше, чем за всё время нашего пребывания на этой земле.

Первый рисунок изображал городскую сценку, и трудно было признать в этом городе Угарит. Это была оживленная торговля на рыночной площади: на переднем плане купец разворачивал какую-то ткань, сразу два покупателя в длинных халатах рассматривали и щупали ее, а третий, в набедренной повязке

(наверное, раб) смотрел равнодушно на переговоры хозяев. С левой стороны юная девочка несла на голове кувшин, на нее озирался еще один торговец, справа была какая-то толчея, а над рыночной площадью нависали громады домов и зубцы крепостной башни.

– Здорово! – выдохнула Юлька, – это тут так было?

– Ага, – кивнул я, – наверное.

Но на всякий случай спросил у нашего колдуна:

– Что это?

– Это судьбы Угарита, – ответил он, – разве не затем вы пришли, чтобы вернуть их, о вестник?

Я смущенно отложил рисунок в сторону.

Другой рисунок был сделан, похоже, с крепостной стены или башни, во всяком случае, с верхней точки. На нем была изображена закрытая гавань, в ней четверка кораблей, а остальные просто не вместились – и можно было угадать в схематичных штрихах хищные носы военных галер, вместительные трюмы купцов, тюки и бочки на причалах, и повсюду – человеческие фигурки... Да тут бурлила жизнь, в этой гавани!

А на третьем рисунке не было ничего уж такого угаритского – обнаженная девушка с ленивой и немножко хитрой улыбкой возлежала на каком-то пестром ковре, опершись на локоть, и смотрелась одновременно и приманкой, и жертвой, и хищницей...

– Так вот она какая была, – выдохнула Юлька.

И почему-то у меня совершенно не возникло сомнений в том, кто это был изображен. И на Юльку... да ну, не была она похожа на Юльку. Вот совсем не была! Хотя... я же не видел ее в такой именно позе. Тогда еще не видел.

– Не забирай у нас этот образ, – попросил меня жрец, – ибо, когда нападёт слабость на некоего мужа из нашего города и не может он более ложиться с женщиной, или женщина та стала стара и негодна своему мужу, но он не хочет ее отсылать – тогда приходит он в жилище вестников и приносит свои дары. И стоит ему только взглянуть на образ, как сила вновь наполняет его.

И, в общем-то, понимаю я того мужа, у них тут подобных картинок еще три тысячи лет не будет. Опережающее развитие. И жреческое сословие понимаю: стабильный доход, виагра товар ходовой.

Да ну, что-то совсем не о том я говорю. Мы нашли ответ на вопрос, за кого нас тут принимают; оставалось узнать подробности, а для этого – задержаться на несколько дней в Угарите. А может... а может, и перебраться сюда насовсем? Вещи наши у нас были с собой, если не считать подстилок и мисок, оставшихся в деревне, ну так этим разжиться недолго – а комфорта и почета тут было ничуть не меньше, чем там. Во всяком случае, задачи типа «пойди-туда-не-знаю-куда» удобнее всего решать, исходя из некоей центральной точки. Этому меня еще армейская служба научила.

Но сначала надо было устроиться на ночлег, что мы и сделали. Конечно, никакой мебели на самом деле в «жилище вестников» не существовало, хотя пищу им поставляли регулярно (я так понимаю, на самом деле ее на следующий день съедала наша жрица широкого профиля со знанием порнографии). Никто, конечно, не предполагал, что вестники заявятся вот так вот буднично, картинки

пересматривать да записи перечитывать – а постоянно в доме никто не жил. Но какие-то очередные циновки нам быстренько притащили, а с ними и плошки-чашки, и тройную порцию продовольствия. Заодно у жилища собрался местный народ, и началось главное действо, без которого в этом мире не происходила в человеческих судьбах никакая перемена – торжественный пир, он же жертвоприношение в честь высших сил.

В нашем мире, на самом деле, всё очень похоже: тоже за стол садятся и на новоселье, и на свадьбу, и даже покупку какого-нибудь дурацкого телевизора, и то принято обмывать. Но у нас эти самые телевизоры есть, а потому сели, выпили да разбежались по своим углам их смотреть, в социальных сетях торчать да по мобильникам трепаться. А тут вместо всего этого – пир. И возможность поесть-попить досыта и сверх того тоже не каждый день перепадает.

Так что пировали мы долго и упорно. Я уже махнул рукой, устал объяснять, кто мы и откуда. Люди вообще мало слушают друг друга, каждый сидит в кругу собственных идей и с ними общается. Другой человек – только активатор для этих самых идей, а что в их число не входит, то просто не воспринимается. Вот точно так же, попади мы сейчас в наш мир, любые разговоры про временные дырки и кока-колу в древнем Угарите и вправду привели бы нас в дурдом. Будем надеяться, потом и Бен с Жюли домой вернулись и помалкивали себе – я так Юльке и сказал.

Ну, а после третьей-четвертой чаши вина (здесь оно было попримечнее, кстати) уже как-то стало все равно, Угарит оно или на этот раз не угорит, и говорили все вокруг какую-то ерунду о вечной дружбе великого угаритского народа и еще более великого народа, живущего на Цафоне, о мире-процветании и морской торговле, в которой Угариту равных не было и не будет.

Пока, правда, есть, но это явление временное. Это финикийские города, сумевшие отчего-то переключить на себя основные торговые потоки этого региона, как пояснили местные. Это они теперь отправляли по морю пурпурные ткани (да ведь они, как я помнил, и дали потом название самим финикийцам, слово «финик», кажется, по-гречески и означало «пурпур»). Это на их рынках теперь встречались египтяне и арамеи, хананеи и хетты, амореи и жители Кипра. И наша главная задача была в том, чтобы вернуть всё это в стены Угарита – а ведь и стен уже практически не было.

На финикийцев местные свалили и тот факт, что записи наших предшественников обрывались в самом начале. Письмена вестников были хорошим, очень хорошим товаром, а нужда города Угарита была слишком велика. К тому же было подозрение, что письма приносят несчастье – и если отправить их в Библ и Арад, а то и в Тир и Сидон, то судьбы, возможно, переменятся: разрушены будут именно эти города, а к Угариту вернется процветание. Именно так и объяснили нам свой поступок простодушные угаритяне. Дескать, сжечь Письмена – неблагочестиво, хранить в полном объеме – стрёмно, вот и решили сберечь самое начало, а остальное сплавить конкурентам. Да и то, конкуренты сами не сильно церемонились: нечем заплатить – отбирают, что сами сочтут нужным. Наш краткий опыт общения с Элибаалом вполне подтверждал их слова.

Я попытался разузнать, что всё-таки произошло с Угаритом и как это случилось, но внятного ответа не получил. Мне всё рассказывали про судьбы и про вестников, словно вышло всё как-то само, по шучьему велению, финикийскому

хотению: вчера был крупный торговый центр, а сегодня – гора развалин. Враги, что ли, взяли город? – спрашивал я и получал ответ: Угарит был настолько крут, что никаким врагам него было не взять. Или, предлагал я другую версию, землетрясение? Гнев богов был точно, отвечали они, но земля не тряслась, как это порой бывает, а всё вышло гораздо хуже. Ну что там, цунами, потоп с моря? – и опять не то; чумы и морового поветрия тоже у них вроде не было. Описать перемену климата или падение спроса на традиционные угаритские товары я на понятном им языке не смог, так что эти версии остались запасными.

А ответ ужасно прост, и ответ единственный: судьбы переменились, боги пролили свой гнев, вестники об этом сообщили. Так, не добившись особого толка, мы и легли тем вечером спать в якобы своем жилище, разоренном, как весь тот город. Праздник, разумеется, продолжился и на следующий день, да и на третий мы едва отбились от приношений-возлияний, чтобы хоть округу осмотреть. Казалось, стоит тут побродить по окрестностям, и обязательно найдется что-то такое, что подскажет нам, куда идти.

Но вышло так, что за нас всё решили обстоятельства... а по нашему, по-угаритски: судьбы переменились.

25.

Да, судьбы у нас действительно переменялись, и самым неожиданным образом.

В *тот* день, устав от очередных возлияний пополам с неумеренной закуской, я потихоньку удрала из-за стола. Мне просто необходимо было побродить в полном одиночестве, чтобы собраться с мыслями и хоть чуточку разобраться, наконец, в своих чувствах.

Мы в этих краях-временах оказались не первыми пришельцами, и всё теперь запуталось окончательно. Что же все-таки приключилось с этими Беном и Жюли? Сумели они в наше время вернуться или так и остались навечно в этих доисторических руинах? И где теперь искать их следы? Да и сохранилось ли от них хоть что-то, кроме тех ветхих страничек, которые мы, кажется, заучили уже наизусть? Я сама не знала, что так беспокоило меня: то ли сочувствие к неведомым предшественникам, то ли какая-то суеверная догадка, что наши с Венькой приключения – на самом деле продолжение того, что случилось с ними, и эпилог у этой истории будет один на всех. Но какой, и как его угадать, если мы начали читать книжку с середины?

Но даже не в этом дело... Никак я не могла понять, что же со мной происходит. Вроде, всё было как всегда, и вокруг всё тот же постылый Угарит. Рядом давно уже надоевший Венька. Впрочем, стоп. Кому я, собственно говоря,, вру? Кажется, что-то все-таки изменилось с того дурацкого дня, когда я так отчаянно рыдала в его объятиях?

По этим мужикам никогда ничего не поймешь – физиономия невозмутимая, разговоры все те же, сугубо мужские, и в мою сторону особо не смотрит... А я.. Да что я? Честно говоря, я совсем не прочь была бы, чтобы он меня еще разок обнял, как тогда. Но разве мужики способны сами такое понять? А инициативу проявлять самой – ну уж нетушки, хватит. Один раз порыдала – и баста! Только мне и не хватало, чтобы Венька решил, что я ему навязываюсь!

А вообще, зачем он мне сдался? Просто потому, что соотечественник, товарищ по несчастью или...? Вот дальше этого «или» мысли упорно не шли, кружась по кругу как козленок, привязанный за веревку к колышку. А вот куда я сама забрела, пытаюсь в собственных чувствах разобраться, я так и не поняла. Город остался позади, вокруг потянулись какие-то холмы, порядком заросшие кустарником, сильно пахло морем, пронзительно кричала какая-то птица...

Всё это я запомнила хорошо. А дальше... Вот хоть убей, я не могу сейчас восстановить, как это было. Всё смешалось в какой-то клубок, похожий на моток старых, вонючих, колючих и грубых ниток: гортанная незнакомая речь, тяжелый запах потных тел, чья-то шершавая ладонь, зажавшая мне рот. Даже испугаться я толком не успела, и уж тем более что-то понять. Только стало до омерзения противно, когда меня схватили, зажали рот, куда-то потащили. Я, кажется, лягалась, и даже успешно – во всяком случае, кто-то хрипло вскрикнул, а потом меня схватили еще и за ноги и понесли, как манекен.

Тогда я, пересиливая отвращение, улучила момент, когда зажимавшая мне рот ладонь немного расслабилась, и со всей силы вцепилась зубами в большой палец. Удовольствие, надо сказать, весьма ниже среднего – кусать грязную,

окаменевшую от мозолей руку доисторического бандита. Я еще успела подумать, что дизентерия мне обеспечена. Но на зубы свои мне жаловаться не приходилось, так что укушенный взвыл и затряс рукой, а я воспользовалась моментом и заорала «На помощь!». Но рот мне снова захлопнули, хорошенько прижав нижнюю челюсть, даже язык прикусила.

Ну ладно-ладно, подумала я, вы мне еще оплатите за это, господа похитители. Вовек не забудете, каково оно, похищать цафонских богинь, не будь я пресветлая Йульяту, угаритская Вестница! Вот до чего охотно я тогда вписалась во всю эту мифологию.

Но за богиню меня на сей раз, похоже, не держали: сгрузили, как мешок с шерстью, к чьим-то ногам, да еще сдавили сзади шею, так что ни на ноги встать, ни даже голову поднять не могла. Что-то было знакомое в этих волосатых ногах, и этот рваный шрам от лодыжки до колена я уже видела... где, когда? И тут хватка ослабла, и тот, кто был предо мной, взял меня за подбородок и задрал мне голову – рассматривал, словно беглую овцу.

– Э, э! – прохрюкал он с явным удовлетворением, и добавил по-финикийски, – вот и увиделись снова!

В первый момент у меня возникла шальная мысль, что меня сюда притащили по ошибке, и что малопочтенный Элибаал (кто, как не он!), узнав меня, распорядится дать мне свободу. Не тут-то было! Судя по оживленной реакции господина негоцианта, заполучить он хотел именно меня.

Вот тут мне по-настоящему стало страшно. Что этому бандиту с большой дороги от меня потребовалось, интересно? Он с Венькой дела вел – вот пусть с ним и разбирается дальше, а я-то тут при чем? Собственно, именно это я и попыталась ему объяснить, как смогла, а он только расхохотался и заявил, что никаких больше дел вести ни с Венькой, ни с нашими аксакалами не намерен, ибо те его бессовестно надули, подсунув негодный товар, а посему он, Элибаал, намерен забрать меня в личное пользование в возмещение понесенных убытков.

Негодяй с наслаждением полюбовался гримасой отвращения, которая сама собой нарисовалась у меня на физиономии, после чего поведал, что планы в отношении меня у него весьма далеко идущие, так что сопротивляться бесполезно.

Чего только я ни пыталась – и взывать к его разуму и остаткам благородства, и угрожать гневом цафонских богов, и пугать венькиной мстостью, которая будет неотвратимой и очень грозной, но все было без толку. И откуда только слова находились! Вот уж не думала, что изучению иностранных языков способствует такая коленопреклоненная поза перед экзаменатором!

Жирный негодяй только посмеивался и талдычил, что раз его один раз уже надули с Зерцалом, стало быть, веры нам никакой нет, и все слова мои весят ничуть не больше, чем высохший и опавший лепесток осенней розы. Ну, или засохшая коровья лепешка, или что-то еще такое же, я не всё в его словах поняла.

Меня рывком подняли на ноги, сунули под нос мою некогда любимую игрушку. Но в каком плачевном состоянии она у них была – это же ужас один! И корпус, и линза заляпаны грязными жирными пальцами, к объективу присохли ошметки какой-то еды. А, самое главное, батарейки были растрочены до конца – как, впрочем, и предполагалось при продаже. И никакой замены во всей округе на ближайшие три тысячи лет..

– Гнев богов постиг тебя, недостойный, – гордо заявила я ему, – а если будешь так со мной обращаться, не только Зерцало померкнет, но и... у тебя отсохнет!

Да, прямо так решительно я ему и заявила. А внутри всё тряслось от ужаса, но я вообще такая: чем самой страшнее, тем я нахальнее. И ведь попала я крепко. Объяснить ему ничего нельзя, вырваться из его лап – тем более. Одна оставалась надежда, что Венька обнаружит мое отсутствие и соберет народ на поиски. Но когда это будет? И что со мной за это время успеют сделать?

Элибаал в ответ на мою дерзость уже занес ладонь для оплеухи, но как-то нерешительно, задумчиво занес. Стало быть, поверил! А потому обошлось без оплеухи – он сделал вид, что просто хотел почесать свою немытую голову корявой лапищей.

А пока что меня пинками и тычками загнали в какой-то темный вонючий отсек стоявшего в прибрежной бухточке корабля, закрыли щелястую дверцу, и чем-то заперли ее снаружи.

Конурка была настолько крошечной, что стоять в ней было невозможно, только лежать, или сидеть, изрядно ссутулившись. Воняло тут гораздо хуже, чем в остальных местах этого мира, под ногами было какое-то грязное тряпье, в углу лежали смотанные веревки.

Ну ладно, ладно, мы еще посмотрим, кто кого – хорохорилась я. А сама сидела, обхватив руки коленями, и отчаянно пыталась сообразить, как можно выбраться на волю. Но вариантов реалистичнее цафонского огня как-то не было в наличии. Тут до меня донесся зычный вопль, скрип весел, плеск воды... Корабль развернулся, а потом, набирая скорость, пошел вперед, покачиваясь на волнах, и я с ужасом поняла, что меня везут в качестве груза или трофея в неведомые края. Ой, мамочки! А как же я, где же я, что же это будет?!

И только тут я по-настоящему разревелась.

26.

Как это ни странно, но Юлькин крик и вправду был услышан – только не мной. Какой-то мальчишка пас коз неподалеку, и он поспешил рассказать нам обо всем – ну, как только отогнал свою отару к загону и закончил все свои дневные дела. А как же иначе, у него же козы... Словом, пришел он к нашему шалашу уже хорошо после заката.

Я, в общем-то, не особо и волновался. Ну мало ли, какая шлея девушке под хвост попала, гуляет где-нибудь, проголодается – сама придет. Правда, был шанс, что она решила похудеть, тогда, конечно, прогулка немного затянется. Но не настолько, чтобы всерьез волноваться.

И тут прибежал этот мальчишка – спокойно встал у входа, дожидаясь, пока ему позволят заговорить. Мы уже, собственно, собирались расходиться, так что позволения он мог и не сразу дожждаться, но уж слишком многое было написано у него на физиономии, и наш гостеприимный колдун, взглянув на него попристальней, бросил повеление: «говори». Я, помнится, еще подумал, что очень правильно у них тут с подростками обращаются.

И пастушок рассказал, что, хвала богам, козы его целы и овцы тоже, и сам он в добром здравии, и всё его семейство, но вот зато напали злодеи-финикийцы, да накажут их боги, и их родичей, и всю их нечестивую породу, на пресветлую вестницу, да наградят ее боги, и всех ее...

Тут я уже не выдержал и заорал:

– Где она? Где Йульяту?

– Не знаю... – растерянно протянул пастушок, – унесли ее...

– Куда?

– На корабль, да разобьют его чудища морские... то есть пусть не разобьют, а выбросят обратно на наше берег! – тут же поправился он, увидев мою реакцию.

– Та-ак... – только и смог ответить я.

В общем, посылать корабль в погоню было уже поздно. Да и как его пошлешь, если сперва его надо снарядить, и собрать матросов, и принести всяческие жертвы – и на всё это уйдет несколько дней как минимум. За это время Юлька окажется далеко-далеко от дома. А главное, непонятно, куда могли они направиться!

Я психовал, угаритяне казались на удивление спокойными и даже как бы довольными. По-видимому, они считали, что именно так и начинается возвращение судеб – Вестницу всяческих несчастий забрали конкуренты, вот так им и надо. Мало не покажется. У меня даже мелькнула на секунду мысль, что можно в этом с ними согласиться: уж кто-кто, а эта егоза и там наведет свой порядок. Только... не знаю, как в Угарите, а наши своих не бросают, это во всех книжках написано и в кино показано. И кто в данном случае «наши», не так уж и важно. Мы с Юлькой – точно наши друг для друга.

Первая половина ночи была потрачена на сбор информации. Сразу же выяснилось, что видели тут неподалеку корабль того самого Элибаала, которому мы так легкомысленно продали электронику, не обеспечив гарантийного сервиса. Элибаал квартировал в городе Арваде, но дела вел по всему побережью. Поэтому

трудно было угадать, куда именно отправился он в настоящее время, но в Арваде найти его проще всего.

Найти... а дальше? Эти купеческие города-государства выступали по отношению к чужакам как единое целое. Рассчитывать, что нашего негодянта осудят там за киднеппинг, не приходилось – меня самого скорее продадут в рабство или просто проткнут копьем, чтобы не надоедал. И против укрепленного города все мои спецназовские навыки – ничто. Вести планомерную осаду каменных стен с помощью первобытного оружия нас в «Голани» не учили. Да и любая спецоперация по проникновению внутрь вражеского поселения и освобождению заложников должна строиться на тщательном сборе разведанных и серьезной подготовке... Кого брать с собой в разведку – Петьку моего непутевого? Мужиков с дрекольем из родной деревни? Мечтателя-шамана из Угарита? А в одиночку много против города не навоеешь. Да и с Петькой тоже.

Эх, Юлька-Юлька, задала ты всем нам задачку. Главное, понимать бы хоть, зачем тебя украли, куда повезли – тогда можно было бы что-то сделать. Даже в нашем мире как украдут террористы зевнувшего солдата, так весь Израиль со всей своей боевой мощью вернуть его домой не может, и даже не знает, жив ли он. Неужели и мне придется распрощаться с этой дурехой?

Да не так ли сгинули и прошлые Вестники? Записи их оборваны на полуслове – а было ли продолжение? Или вот точно так же поставили они точку – и тут кто-то накинулся, заломил руки, потащил в кусты, на корабль, в пещеру, да куда угодно – и остались от Вестников рожки да ножки, плюс едва начатые мемуары? Мало ли на что сгодятся в первобытном мире полцентнера человечины, а если она еще и женского пола, молодого возраста и привлекательного вида, о вариантах вообще не хочется думать...

Угаритяне были спокойны: таковы наши судьбы. Разрушен их собственный город – может быть, он восстановится, а может, и нет. Как бы то ни было, это веление высших сил, и ничего тут не может человек поделать, кроме как оставаться самим собой в предложенных обстоятельствах. И мне на минутку, как и с подростком пастушком, показалось, что в чем-то они правы.

Мне оставалось только одно – чего я давно уже не делал в этом мире, да и в своем собственном. Я вышел из дома наружу... Ночь была безлунной, звездной и прохладной. Ветерок с моря шевелил кроны деревьев, успокаивал разгоряченный лоб, и так легко и просто оказалось опуститься на колени и сказать самое главное Тому, Кто сотворил это море и эту землю, ветер и волны, Кто переменяет на самом деле наши судьбы и держит их на Своей ладони. Все молитвы, которые я знал, были сочинены спустя столетия, кроме, пожалуй, одной – но и она не была молитвой. «Шма, Йисраэль...» – «Слушай, Израиль...» Эти слова обращали люди друг ко другу, и мне некому было их говорить в ту ночь.

Поэтому я просто разговаривал с Отцом. Жаловался, что Он так непонятно поступает с нами: забросил в какой-то совершенно другой мир, ничего не объяснил, окружил загадками, а теперь еще и разделил... Только нет, мне-то на что жаловаться? Это было как-то недостойно. И я начинал просить за Юльку, а потом и за всех наших, кто оставался в нашем мире, и за себя, на самом деле, тоже, потому что встреча с ними была нужна прежде всего мне самому.

Горизонт над горами окрасился розовым, в воздухе веяло уже осенней прохладой (а я и не заметил, что лето прошло!), но все вокруг становилось каким-то совсем иным, чем в начале этой суматошной ночи. Я не узнал ничего нового, я не обрел никаких ответов и подсказок, но я почувствовал себя малышом, которого ведет за руку Отец. Куда ведет, зачем ведет – было непонятно, да малыши, наверное, просто не могут вместить такие вещи. Но ведет, это точно. Можно хныкать, капризничать, а можно просто ухватить эту Руку, ощутить ее твердость и теплоту – и успокоиться хоть немного.

И даже жаль было этих язычников с их бесконечными божествами, вестниками, духами, которых они задабривают, уговаривают и запугивают на все лады – а Руки ощутить не могут. Но как им об этом рассказать?

Утром голова звенела от бессонной ночи и вчерашнего возлияния, но мир вокруг был хрустально прозрачным и спокойным.

– Ты говорил со своим богом? – спросил меня шаман.

– Да, – ответил я, – только Он и твой Бог тоже.

Шаман с сомнением покачал головой:

– Кто я такой, чтобы обращаться к нему без жертвы и приношения?

Услышит ли он мой голос с высоты Цафона? Снизойдет ли из золотого чертога на помощь мне? Вы, Вестники, иное дело, но мы, земнородные... Чем можем мы помочь тебе, Вестник? Мы дадим тебе, что найдет рука наша, лишь бы боги были к нам благосклонны.

Ответ было дать совсем нетрудно:

– Готовый к плаванию корабль и команду мореходов с оружием. Припасов на десять... пятнадцать дней всей команде и моим людям, которых я заберу из селения, пока вы будете готовить корабль – пять или шесть человек. И главное, одного... лучше двух проводников, которые знают морской путь к Арваду и дальше, кто не раз ходил по морю и бывал в городах. Сколько понадобится тебе времени, чтобы дать мне всё это? Есть ли это у тебя?

– Мы принесем жертвы и узнаем, угодно ли...

– Я говорил со своим Богом. Ручаюсь тебе: угодно. И как можно скорее. К нынешнему вечеру управитесь?

– Дня три или четыре потребны...

– Два, дня, жрец. Только два дня. К следующему вечеру всё должно быть готово. Таковы наши судьбы.

– Никто не может знать своих судеб, – мягко возразил он, не оспаривая, впрочем, самого срока.

– Согласен, – ответил я, – но мы можем делать то, что в наших силах. У тебя есть два дня – и проверим, что можешь ты сделать. А чтобы мореходы были расторопнее...

Я достал мешочек с серебром – ровно половину того, что получил в свое время от Элибаала.

– Скажи городу Угариту, что Вестники благодарят его за помощь и просят принять сие серебро в дар как залог будущего благословения. И да будет милостив ко всем вам Сотворивший небо и землю!

Жрец склонил голову в почтительном поклоне и спешно (нет, действительно спешно!) удалился.

А мне оставалось только разбудить своих верных спутников и сообщить им, что мы немедленно возвращаемся в селение, чтобы выбрать пятерку самых умелых воинов, вооружить их и снарядить в поход, от которого, может быть, и вправду зависят судьбы этого мира.

Видели бы вы, как загорелись Петькины глаза! И я сразу понял, с кем пойду тут в разведку.

27.

Плакала я долго, но, в конце концов, усталость, жара и мерная качка взяли свое, и я сама не заметила, как уснула. Снилось мне что-то на удивление хорошее: дом, наше с Венькой возвращение в Москву, родная и привычная жизнь 21 века. А вот угаритские приключения в это сне как раз казались сном. Вот сейчас очнусь, позову Веньку, расскажу ему, какой бред про путешествие в древние времена мне приснился... Буммм! – это я больно треснулась макушкой о низкий потолок и проснулась. Кошмар был самой настоящей явью, а нормальная жизнь – всего лишь сном.

Скорчившись и потирая ушибленную макушку, я прислушивалась к тому, что происходило снаружи, за пределами моей вонючей клетки. Там раздавались гортанные голоса, плеск весел, шлепающие шаги по скрипящему настилу палубы. Кто-то засмеялся, потребовал вина, и в этот момент я осознала, что голодна, и что мне очень хочется пить.

Из всех сил я забарабанила кулаками в хлипкую переборку, надеясь, что кто-то услышит и явится на мой стук. Но снаружи раздался грубый окрик и удаляющиеся шаги. Эти скоты даже не сочли нужным проверить, что у меня стряслось! От гнева и обиды слезы снова выступили у меня на глазах. Ну попадись ты мне, мысленно пообещала я Элибаалу, ты десять раз пожалеешь о том, что посмел вредить Вестникам, не будь я Пресветлая Йульяту!

Эх, будь у меня на деле хоть десятая часть той мощи, которую мне приписывают! Но увы, полагаться приходилось исключительно на собственные силы, а с ними у меня было как-то негусто.

Устав стучать, я снова уселась в углу, стараясь дышать через щель в стене, иначе от зловония моей конуры можно было задохнуться. В голове бродили только обрывки мыслей, никакой план толком так и не вырисовывался, и постепенно я почувствовала, как меня охватывает совершенно тупое равнодушие и апатия. Да, слабачка я оказалась, что и говорить...

Из оцепенения меня вывели уверенные хозяйские шаги и звук отпираемой двери. От неожиданно хлынувшего в мою клетушку солнечного света я невольно отшатнулась и зажмурилась, но боль в руках заставила меня тут же открыть глаза. Грязный, вонючий и еще более пьяный, чем днем, старый пират, покачиваясь с пятки на носок, насмешливо разглядывал меня, а два гнусного вида оборванца тащили меня наружу, крепко ухватив за запястья.

Освободиться от чужих лап мне так и не удалось, но они хотя бы меня избавили от тесноты и вони. Судя по теням, день клонился к закату, морской ветер овеивал кожу и даже успокаивал... С наслаждением выпрямившись на палубе, я встала на цыпочки и попробовала, насколько возможно, потянуться, но тут же чужие бесцеремонные руки по-хозяйски пробежали по всему моему телу, а старый мерзавец одобрительно зацокал языком.

– Да как ты смеешь, дрянь! – заорала я, и хотела вклепить негодяю пощечину, но вырвать руку так и не смогла. Судя по всему, мое сопротивление только подзадорило мерзавца, и он предпринял вторую попытку, на сей раз куда более гнусную и продолжительную. Я чувствовала, как к горлу неостановимым клубком

подкатывает тошнота... Зато сквозь отвращение и ужас пробились, наконец, спасительная мысль. Да-да-да, и как же это я раньше о таком не подумала?

– Я смотрю, ты совсем ничего не боишься, – мне даже удалось соорудить насмешливую фразу из обрывков местных слов.

– А чего мне бояться? – презрительно буркнул Элибаал, неспешно продолжая свое гнусное исследование.

– Осквернения, – с самым невинным видом ответила я, уставившись ему прямо в глаза.

В первую минуту на тупом лице старого пирата не отразилось ничего. Потом взгляд его изобразил вопрос, затем недоверие, а еще секунду спустя тяжеленная лапища развернула меня спиной к моему мучителю. Да, я не ошиблась в своих ощущениях... Если в Угарите еще можно было худо-бедно справляться с возникшими сложностями, не привлекая к себе внимания посторонних людей, то в заточении это было совершенно нереально. А доисторические средства гигиены по всем параметрам безнадежно проигрывали продукции фирмы «Котекс».

На физиономии Элибаала отразились разом ужас и отвращение, а державшие меня невольники разом отдернули руки, словно от раскаленной кочерги. Но резкий окрик хозяина заставил их снова схватить меня и втолкнуть в ту же гадкую каморку, где я уже провела столько времени.

– Я хочу есть, пить, и мне нужна чистая ветошь! – успела я крикнуть до того, как дверь снова замкнулась за моей спиной. Вскоре снаружи раздалась заунывные вопли – это Элибаал с сообщниками явно пытался выпросить прощения у своих богов за нечаянное осквернение. Через некоторое время дверь приотворилась, чья-то рука просунула кружку со сравнительно свежей водой и выщербленную глиняную миску с месивом из бобов, швырнула в меня комок тряпья, и моя темница снова захлопнулась.

Никогда раньше мне бы в голову не пришло, что в эти антисанитарные времена событие, приближение которого меня заранее пугало, доставит такую радость и облегчение. Вот уж поистине не знаешь, где найдешь, где потеряешь. По крайней мере, теперь я была на несколько дней защищена от гнусностей Элибаала.

Немного погодя та же рука просунула в дверь некое подобие лохани, служившей верой и правдой уже не один десяток лет. «Ходить – сюда», – скомандовал грубый голос, и я поняла, что на волю меня выпускать никто не намерен. Мысленно пообещав гадкому бандиту еще сто лет расстрела и посмертие во рву с крокодилами и скорпионами, я постаралась расположиться в своем временном убежище с минимально возможным дискомфортом.

Сказать, что плавание вышло неприятным, значит не сказать ничего. Оно было отвратительным, мучительным, гнусным... Но даже такому чудовищному времяпрепровождению рано или поздно приходит конец. Судя по доносившимся до меня звукам и вздрагиваниям корабля, мы наконец, хоть и не с первой попытки, бросили якорь, причем явно не в дикой местности, а у причала. Забегали, затоптали ноги, команда явно покидала корабль. Наконец, когда звуки практически затихли, дверь моей конуры распахнулась, и на пороге в вечернем сумраке возникла сгорбленная, весьма уродливого вида старуха с покрывалом в руках. Речь ее разобрать было трудновато, и я далеко не с первой попытки поняла,

что старая карга требует от меня закутаться в принесенную тряпку с головой, и только в таком виде мне будет дозволено выйти на волю.

Тряпка была весьма засаленной, воняла чьим-то застарелым потом, но другого выхода у меня не было. За спиной у горбатой ведьмы маячил Элибаал в сопровождении пары злобного вида головорезов, так что сбежать мне бы все равно не дали. С отвращением исполнив, что было приказано, я ощутила, как мои пальцы стиснула неожиданно крепкая лапка старухи, и я заковыляла за ней, как лодочка, привязанная тросом к корме большого корабля. Судя по звукам шагов, стража сопровождала нас и спереди, и сзади.

Идти, не видя дороги, было трудно, поэтому очень скоро я ободрала ноги о какие-то колючки и больно ушиблась о булыжник, но, к счастью, вскоре мы остановились. Раскрылась невидимая дверь, старуха втянула меня внутрь, и там, во мраке и прохладе массивного каменного здания, я смогла наконец скинуть навязанную мне хламиду и оглядеться по сторонам.

Мы стояли в помещении, показавшемся мне огромным, почти как в нашем мире – особенно по сравнению с той конурой, в которой я была принуждена ютиться последнее время. Старуха что-то невнятно лопотала, я пыталась, правда, без особого успеха, разобрать ее слова. Чаще всего в них повторялись два – Элибаал и деньги. Кто-то из них, похоже, был кому-то должен приличную сумму. Ну а я-то здесь при чем? Пусть сами между собой разбираются, чего меня впутывать в их малопонятные дела?

Но тут старая карга довольно больно ткнула меня пальцем в грудь и снова заверещала, на сей раз помедленнее и почетче. Я честно напрягла все свои лингвистические способности, и смысл того, что удалось разобрать, мне, мягко говоря, совсем не понравился. Бабка утверждала, что я теперь ее собственность, ибо меня продал ей почтенный Элибаал, а посему отныне я должна подчиняться всем бабкиным распоряжениям.

– Ну уж фигушки, – возмутилась я, – Я вольный человек, меня нельзя ни продать, ни купить.

В ответ на это бабка захихикала и выдала что-то типа «Все поначалу так говорят, а потом привыкают». От прочих же моих слов и про Вестников, и про Цафон она отмахнулась, дескать, Элибаал ее уже предупреждал, что я малость не в себе, но это неважно, наоборот, такие завиральные идеи могут только сильнее привлекать ко мне мужчин. Стало быть, клиентов по-нашему.

– Кого?! – окончательно разъярилась я. – Вы не имеете права, я отказываюсь участвовать в ваших грязных играх!

На это бабка захихикала еще ехиднее и высказалась, что, дескать, еще неизвестно, кто тут грязнее. Вообще-то, в определенном смысле она была права, ибо вид мой был просто ужасающим, и если мне что-то и было необходимо в первую очередь, так это хорошая ванна и много-много мыла.

Похоже, старая карга уловила мои мысли, ибо она тычком направила меня в сторону одной из дверей, выходивших в тот зал, где мы стояли. За дверью оказалась огромная купальня, вделанная ниже уровня пола. На бортике купальни лежали довольно невзрачные кусочки чего-то, что я поначалу приняла за глину.

Бабка сварливо потребовала сбросить все мои лохмотья куда-то в уголок, их, дескать, потом соберут и сожгут. Честно говоря, этому приказу я последовала с

наслаждением. Фиг с ними, потом разберемся, что тут у них за заговор против меня, а пока мыться, и как можно скорее!

«Глина» оказалась весьма мылкой и ароматной, в купальне можно было сидеть по шейку в воде, и я постаралась, чтобы мытье затянулось как можно дольше. Фиг с ними, с критическими днями, будем надеяться, что ничего катастрофического со мной не случится. Зато можно в полное свое удовольствие отмокать в настоящей ванне, это ли не счастье?

По старухиной команде откуда-то из внутренних покоев появились две смуглые темноволосые девушки с узкими ступнями и ладонями. Не реагируя ни на какие мои расспросы, они ловко обсушили меня мягкими светлыми тканями, натерли все тело благовониями, от которых легонько закружилась голова, затем надели на меня что-то наподобие льняного хитона, затянули пояс, на голову накинули тончайшее покрывало, и исчезли так же неслышно, как и появились.

Ставшая внезапно совершенно глухой к моим расспросам, бабка снова ухватила меня за руку, провела какими-то внутренними потайными ходами в очередную каморку, буркнула «сиди пока тут», и скрылась, захлопнув дверь.

Совершенно обессилев, я опустилась на пол, прислонившись к стене. Такое впечатление, что стараниями мерзавца Элибаала я оказалась в громадной мышеловке, из которой совершенно не понятно, как выбираться. Самое главное, я даже не представляю, что это за город, в какой он стране, и чего от местных жителей ждать. А уж о том, как с Венькой связаться, и думать не приходится... Он, бедолага, конечно, попытается меня отыскать. Но где? Как? И что мне теперь делать вообще?

Довольно долго я так сидела в полном отчаянии и опустошенности. Никто так и не спешил за мной прийти, выхода найти я тоже не могла, оставалось только одно – хотя бы осмотреться, куда же я попала. Я толкнула дверь каморки... и она поддалась! Старуха от злобы забыла меня запереть! Так, отлично, хотя бы можно разобраться, где мы.

За дверью начинался узкий и темный лаз, по которому меня сюда и притащили, только я не запомнила дороги. Справа наощупь определялись еще какие-то дверцы таких же крысиных нор, я стала открывать их по очереди... и вот за третьей дверцей по другую сторону лаза, обнаружилось большое полутемное пространство с колоннами и какими-то изображениями на них.

В дальнем углу горел масляный светильник, колебались тени, словно все эти фигуры дышали и двигались – там были птицы, и звери, и люди, а некоторые из существ были отчасти и тем, и другим, и третьим. Но больше всего было голубей. Фигуры были обрамлены венками и орнаментами, и все выглядело торжественно и таинственно. Похоже, это был храм.

Вершины колонн терялись в темноте, словно потолка вовсе не было, и вообще это было не здание, а перевернутый колодец, уходивший прямо в ночное небо. С одной стороны были большие двери, совсем не похожие на тот крысиный лаз, из которого я выползла, а на возвышении, прямо напротив дверей, стояло скульптурное изваяние, и рядом с ним еще один светильник.

Двери оказались запертыми, другого выхода из этого помещения не было. Обратно к крысам никак не хотелось, и я решила для начала осмотреть святилище. Я подошла к статуе: она изображала обнаженную женщину, поддерживавшую

руками груди. У ног ее сидели два чудища с телами львов и человеческими головами, изрядно смахивавшие на египетских сфинксов. Вот когда я от всей души обругала себя за то, что плохо учила в школе древнюю историю. Ну наверняка же по этому изображению можно было опознать, в чей храм меня привели. Ну почему я такая троечница бездарная, а? Знала бы хоть, что за храм, что за богиня, а теперь...

От нечего делать я оседлала одного из львов, словно в детстве на карусели. Лев был теплый и довольно скользкий, усидеть на нем было не так-то просто. Пару раз я едва не сверзилась на пол, пока наконец не нашла более-менее удобное положение. А хорошо было бы, если б мой сфинкс ожил и унес меня отсюда в дальние дали! Но увы, такие чудеса случались только в мультфильмах моего детства...

Замечтавшись, я все-таки потеряла равновесие, в попытке удержаться ухватила за львиную голову, но... в ту же секунду мы вместе с головой, оказались на полу. Меня охватил ужас от содеянного: за порчу храмовой скульптуры мне самой голову в мгновение ока оторвут, это уж точно!

Я попыталась пристроить голову на место, и тут до меня дошло, что ничего я на самом деле не сломала. Лев мой отнюдь не был изваянным из цельного куска мрамора, его полая голова как на штифт надевалась на шею, поэтому она так легко и соскочила от моей неловкости и совсем, кажется, не пострадала. Но вот надеть ее обратно у меня почему-то не получалось, что-то явно мешало. Запустив руку внутрь, я попыталась ощупать голову, и от неожиданности отдернула руку: вместо гладкости мрамора мой пальцы наткнулись на шероховатость бумажных листов.

Затаив дыхание, я предельно осторожно вытащила из тайника несколько помятых, но почти даже не пожелтевших листочков и поднесла их поближе к светильнику. Почерк знаком, да и вряд ли тут кто еще по-французски пишет... Ну дела, стало быть, Жюли и Бен здесь тоже успели отметиться! Похоже, нас упорно и настойчиво ведет по их следам. Кто ведет? А неважно, ведет и всё. И, забыв о сфинксе, храме и всем прочем, я погрузилась в чтение.

«Вчера наша ячейка наконец перестала быть сугубо девичьим делом. Первые два молодых человека зашли с видом отсутствующим и нелюбопытным, дескать, они только за сестрами приглядеть хотят. Но постепенно увлеклись, втянулись в разговор... Все-таки что ни говори, а тема социального неравенства им близка. Но как же трудно растормошить эти одеревеневшие мозги! Что за рабская психология – считать установленный миропорядок вечным и неизблемым. Хочется просто взять палку и силой выколачивать эти дурацкие суеверия!»

* * *

«Ну, палкой – не палкой, а вот кое-чем похожим, кажется, до них достучаться все же можно... Хотя это вопрос, конечно, кто и чем стучит, ну да ладно, замнем. Главное, что до меня дошло, как с народом общаться. И где мои мозги раньше были? Когда мужик, как и положено отпi animali, пребывает в расслабке и отключке мозгов, самое время как раз до него донести то, что нужно...»

Мылись бы они только почаще, что ли...»

* * *

«О, надо будет завтра объяснить, что обладать Дочерью Неба можно только совершив омовение! Глядишь, хоть так удастся им какие-то гигиенические навыки привить... А вообще, нашим ребятам тоже есть чему у них поучиться. Надо будет, когда вернемся, Жаку, Люка и прочим рассказать, им должно понравиться, знаю я эту публику!»

Бен, правда, утверждает, что нам отсюда не выбраться вовеки. Да ну его, только и знает, что ноет и гундит! В конце концов, может тут зависать на веки вечные, а я не желаю. Ну должен же отсюда быть хоть какой-то выход! Я знаю, я уверена, что должен».

** * **

«Нет, я с ума сойду с этой публикой! Как у них все-таки дико вывернуты мозги... Сколько раз я им рассказывала про Че, сколько объясняла, с кем он боролся, за что и где... А по городу пополз слух о новом боге, которому поклоняется могущественная Йульяту. То один, то другой из стариков приходит и робко интересуется, будет ли им счастье, если принести жертву моему богу? Представляю, как над этим посмеялся бы сам команданте...

А может... Может, это как раз к лучшему? Если я не могу заставить их изменить образ мыслей, нужно попытаться внедриться в их культуру, достучаться до их мозгов их же методами. Пусть уж лучше поклоняются Че, заодно привыкая к его идеям, чем режут своих коз и баранов перед статуями местных идолов».

** * **

«В нашей ячейке УСМ (угаритского союза молодежи) уже двадцать пять членов. Не так плохо, если учесть, что я работаю с ними всего каких-то месяца полтора».

Во дает Жюли! Похоже, у нее на почве Мировой Революции действительно голову снесло. Я попыталась представить, как могла выглядеть угаритская ячейка союза молодежи, но тут за дверьми раздался непонятный шум. Не особо задумываясь о том, что делаю, я сунула бумаги себе за пазуху, одним движением насадила львиную голову на шею, и встала рядом в самой невинной позе, как экскурсанта, осматривающая в музее произведения античных мастеров.

Похоже, начинался следующий номер в нашем шоу...

28.

Горячая решимость, с которой я взялся за спасательную операцию, постепенно таяла по мере приближения самой операции. Ну да, корабль дали, моряков тоже, десантников сам отобрал из числа своих новобранцев – пять человек порасторопнее и посообразительней. А дальше-то что? Ну, приплывем мы к Арваду, и... «Здрасьте, я тут одну чокнутую девицу ищу, она случайно не у вас? Ну, ее еще некоторые принимают за вестницу богов, а она просто дуреха ненормальная? Тогда отдайте, пожалуйста, она вообще-то из моего времени, сюда случайно попала, а вам все равно от нее никакого проку».

Ага, сейчас. Разбежался.

Но что было делать? Уж во всяком случае, не показывать растерянность своей команде! Оставалось, как учил Наполеон, сначала ввязаться, а потом разбираться. Островной город Арвад (или Айнук, как его тут называли) располагался совсем неподалеку от Угарита, и во время морского перехода можно было расспросить провожатых о его устройстве, населении и обычаях – и для начала придумать какую-то благопристойную версию прикрытия. Хотя какую? На торговцев мы не похожи, да и не потерпят финикийцы угаритских конкурентов прямо в собственном логове. А праздных путешественников, по-нашему «туристов», в этом мире, кажется, еще не изобрели.

Разве что придумать что-то вроде паломничества? Дескать, есть тут у вас такая девица-пророчица... впрочем, нет. Кто знает, как там ее Элибаал представит? Надо самому заявиться в качестве Вестника... хотя без фотика и прочей пиротехники это будет гораздо сложнее. Артефактов нашего мира осталось при мне совсем не так много: нож складной, пустая зажигалка, одежда и сандалии, да еще то, что нам отдали в Угарите. Письмена эти дурацкие.

Стоп! Вот это может прокатить: у них же ценятся Письмена Вестников. А я, соответственно, их толкователь. Можно наплести с три короба, придумать там всякие пророчества про Юльку, чтобы они ее отпустили. Но при мне еще осталась шариковая ручка (вот уж не думал, что пригодится!) и несколько старых бумажек в карманах джинсов, магазинные чеки и прочая дребедень. Вот и инструмент для создания, прямо у них на глазах, новых Письмен! Пожалуй, неплохой ресурс.

На этом решении я пока что и остановился, а прочие подробности предстояло выяснить уже по ходу дела. И рано утром, ровно через двое суток после того разговора с угаритским жрецом, самый быстроходный угаритский весельный корабль, какой только нашелся, с прямоугольным парусом на мачте и тревожно галдящей бестолковой командой вышел из гавани. Описание, конечно, звучит внушительно, а на самом деле это был совсем маленький рыбацкий баркас, или, по меркам нашего мира, большая лодка, довольно потрепанный и небрежно законопаченный. А на нем дюжина разномастных мужиков в веслами в руках, и горластый капитан, он же боцман.

Я, было, опасался, что спецназ мой заболит морской болезнью, но мужики, хоть и земледельцы по основной профессии, к морю были привычны – случалось им и рыбки половить в свободное от трудов землепашеских время, так что все прошло хорошо. Даже выданный нам сухой паек в виде вяленого мяса, свежих

лепешек и первых смокв (ведь уже была осень!) оказался вполне приличным. Ветер был свежим, но не сильным, так что плавание проходило гладко.

Еще до наступления вечера наш корабль на веслах, со спущенным парусом, осторожно подошел ко входу в гавань, огороженную молом из больших валунов. В гавани стояли другие корабли, над ними нависали городские стены, а вдалеке можно было увидеть еще два корабля, уходивших вдоль финикийского берега дальше на юг, видимо, по торговым делам. К этому моменту я уже знал про Арвад все, что только можно было узнать: город был в свое время разрушен вместе с Угаритом, но отстроился и поднялся, ибо таковы его судьбы. Теперь это независимое государство, состоящее в торговом и военном союзе с другими финикийскими городами, управляется официально царем, а по сути – советом богатейших граждан. Улицы узкие, планировка запутанная, в город лучше не соваться – живым оттуда честному угаритянину выбраться трудно, если будет один и без охраны.

Впрочем, это я излагаю самую суть, опуская все ругательства и проклятия, на которые не скупился мои молодцы, рассуждая о заклятых своих конкурентах. Выходило, что арвадцы – почти такие же сволочи, как жители Тира и Сидона, и уж совершенно точно превосходят своим коварством, жадностью и лицемерием этих мерзких жителей Библа. Это если говорить только о лицемерах финикийцах, не сравнивая их с пьяницами киликийцами, развратниками арамеями, тупоголовыми амореями и кровожадными хеттами. Словом, было видно, что дружба между соседними народами – явление гораздо более древнее, чем, к примеру, русско-украинский или арабско-еврейский диалог. Некоторую симпатию угаритяне проявляли разве что к египтянам, и то только потому, что живые египтяне давно уже стали редкостью в этих краях, а воспоминания об интенсивных торговых связях с Египтом восходили еще к золотому веку Угарита. Не было никаких сомнений, что появившись здесь сейчас самые настоящие подданные фараона из плоти и крови, да еще и со всей фараоновой мощью за спиной, они вмиг оказались бы самыми худшими из всех, превзошли бы арамеев в тупости и амореев в наглости... или, наоборот, это амореи тупые? Запутался я с ними.

Но пока что предстояло вступить в переговоры с арвадцами, уж какие ни есть. На самом краю мола нашего подхода молчаливо ожидала группа из трех человек с оружием.

– Откуда пришли корабельщики, куда идут и чего ищут в славном городе Арваде? – проорал один из них при нашем приближении так громко, как только мог.

– Мир славному городу Арваду! – отозвался капитан на этот зов, – мы идем из славного города Угарита, и с нами Вестник Цафона, чтобы возвестить Арваду о Письменах! А заодно поменять пшеничное зерно на крашеную холстину, и железо на соль.

– Железом мы нынче богаты, слава богам, – отозвался тот, – и пшеница в вашей деревеньке совсем не так уж хороша. А что за Письмена у вас в лодке? Их можем сменять на что-нибудь ценное.

– Наша пшеница лучшая на всем побережье! – горделиво ответил капитан. Надо сказать, что в свои коммерческие планы он так и не посвятил меня до

нынешнего момента, – и еще у нас есть Вестник, который может создать новые Письмена. А это дорогого стоит!

– Приставайте к нашему берегу, и да будут к вам милостивы боги!

Так мы и сделали: кораблик на веслах вошел в гавань и бросил большой каменный якорь неподалеку от самого края мола. Тут же, прямо как у нас, моряки бросили на берег канаты, по-морскому концы, которые там приняли и пришвартовали судно, а на борт лег приготовленный деревянный трап, по которому можно было сойти на берег.

– Этот, что ли, ваш Вестник? – с сомнением спросил главный таможенник (я решил называть его именно так), показав на верного моего Петьку. Даже как-то обидно стало.

– Не-ет! – возмущенно ответил Петька. Он и в самом деле нарядился в дальнее путешествие в самое торжественное платье, какое только мог сыскать в деревне, и мои затрапезные джинсы никак не могли составить конкуренции его наряду.

– Вот он, великий Вестник Цафона, глашатай богов, начертатель Письмен, повелитель молний и обладатель зеркала! – торжественно провозгласил Петька, показывая рукой в мою сторону. Хотя насчет зеркала – это он, пожалуй, зря... Да и с молниями я нынче был не в форме.

– Пошли, разберемся, – хмыкнул таможенник, – и с пшеницей вашей тоже, заодно...

В общем-то, нам тут были не очень рады. Но и не убивали прямо сразу, что тоже хорошо. Нас – то есть капитана с одним помощником и меня с Петькой в качестве ординарца – отвели к воротам, выходящим прямо к гавани, и после небольшой церемонии опознания личности оставили внутри города, прямо у ворот. Капитан тут же вступил в оживленную беседу по своим торговым делам с каким-то местным купцом, который, похоже, специально поджидал гостей на бойком месте, а нам с Петькой предложили немного обождать. Впрочем, поднесли нам и по чаше воды с вином и по небольшой сладкой лепешке, что должно было означать гостеприимство. Мы не отказались, хотя мысли нехорошие у меня лично мелькали.

Минут через сорок к нам подошел некий старик в длинных торжественных одеждах. Его сопровождало человек шесть помладше, и не таких нарядных, а вокруг нас уже собирався круг зрителей. Похоже, через час последняя собака в городе будет знать все подробности наших переговоров, и оставалось надеяться только на силу убеждения – спецоперации при таком стечении публики не проводят.

– Ты говорил о Письменах, о чужак, – начало он безо всяких церемоний, и я сделал отсюда два вывода. Во-первых, он тут настолько важная шишка, что этикет ему не писан, а во-вторых, сама весть о Письменах его действительно зацепила. Еще бы, вышел на встречу сам, и сразу в лоб спросил, без этой восточной церемонности!

– Я не чужак, а Вестник, – я сразу решил набить себе цену, – и не только владею Письменами, но и сам могу создавать их. Смотри!

На свет явился чек из магазина, шариковая ручка, и... под охи и ахи толпы я изобразил на чеке «Мама мыла раму». А потом добавил для убедительности:

«Jingle bells, jingle bells, jingle all the way» – так больше похоже, Бен ведь по-английски писал.

– О да, Вестник, – сказал мне старец, – ты воистину владеешь тайной Письмен. Не было еще среди нас такого, кто мог бы начертать их так похоже, к тому же не отрывая тростинки от... от этой белой штуки. Пойдем же скорее в наш храм, принесем жертву милосердным богам и потрапезничаем вместе.

Я хотел было ответить, что теперь не до всех этих церемоний, которые занимают минимум сутки, что надо срочно разобраться с Юлькой, то есть Вестницей, но приходилось действовать похитрее. А значит, угадывать прикуп.

– У меня срочная весть, почтенный старец, и я дал обет не вкушать ничего... кроме разве что малой лепешки, доколе не доставлю вести славному городу Арваду. Боги знают, что часть Письмен хранится в вашем городе, и что не могут его жители их прочитать. Я прочту их без малейшего труда, и возвещу, что напророчили в давние времена боги о вашем городе и о его жителях, да не постигнет их беда.

– Пойдем со мной, – сразу же согласился старик и направился вглубь городских улиц, не ускоряя шага. Ни жестом, ни словом не выдал он, как на самом деле торопится – а вот собравшаяся вокруг толпа в возбуждении кричала, жестикулировала, и разве что за руку меня не хватала – но все же почтительная дистанция соблюдалась.

Похоже, блеф удался: теперь мне покажут новую порцию дневников, а потом я смогу истолковать их в том духе, чтобы срочно Юльку отпустили, увещав подношениями, а не то будет ай-я-яй. Причем не ей, а городу. Хотя вообще-то полагается ей, вот вечно влипает во всякие истории...

Идти было недалеко – в двух кварталах над мешаниной стен и крыш возвышалось некое величественное сооружение культового назначения. Толпа осталась у входа, как и мои провожатые, а жрец (старик явно был жрецом) ввел меня внутрь. Там царил прохладный полумрак, пахло чем-то терпким и сладким одновременно, а вдали возвышалось некое чудище, отделено напоминавшее человека. Жрец на входе привычно пал ниц, пробормотал какие-то слова... и я чуть было не последовал его примеру, а потом остался стоять, сказав только по-русски: «Привет идолам Арвадской рабовладельческой республики от московских пионеров... то есть от цафонских вестников! Взвейтесь, кострами, синие ночи, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»

И отдал пионерский салют. В самом деле, чего это я буду перед истуканом падать? Тем более после того ночного Разговора... Жрец удивленно посмотрел на мои обряды, но ни о чем не спросил. Только прошел ближе к идолу, раскрыл стоявший в полумраке сундук и вытащил из него... правильно, белые листы бумаги!

– Здесь не все, Вестник, – сказал он, – часть отправилась в Библ, и в Сидон, и в Тир. Но скажи, о чем возвестили нам боги, и мы исполним их волю.

– Да-да, конечно, ответил я и погрузился в чтение, стоя у дверей, куда проникал еще предвечерний свет с улицы. Почерк был хорошо знаком, и страницы неплохо сохранились.

«80-й после высадки день. Скоро юбилей: сто дней. Огорчает невозможность датировок: их календарь не соотносится с нашим, а тем более,

летоисчисление. Интересно, мы попали в то же время года? Наверное, да. Сейчас зима, идут дожди. Учитывая, когда мы вышли в море, сегодня Рождество. Но какое может быть Рождество в мире, где еще не родился Христос?

Все бы отдал за праздничный обед. Да что там, за жаренную картошку, за индейку, ну хотя бы за салат из помидоров, или сладкую кукурузу... Всего-то был лишен этот старый Свет, пока старина Колумб не оторвал свою беспокойную задницу от итальянской или какой там скамейки и не сплавал быстренько к нам и обратно! О демократии я уж и не говорю.

Впрочем, это все мелочи. Главное – сегодня рождественская ночь. Предложил Жюли отметить, ну пусть она ни в чох, ни в сон, но традиции должны же соблюдаться. Семейный праздник – а у нас все-таки что-то вроде семьи. Она тоже тоскует по своим, согласилась. Буду сам жарить барбекю, меню у них довольно однообразно, и специй не допросишься. Кое-что привозят из Аравии, но цена запредельна! Если найдем дорогу, то не надо сюда возить никаких пластинок и полароидов, слишком сложно, да и археологи потом крейзуются. Взять фунтов десять перца, столько же муската, гвоздики и какого-нибудь кардамона, и ты обеспечен на всю жизнь. Да, и галлон-другой колы, она у них почему-то культовый статус обрела.

Теперь о главном. Как ни крути, это язычники, я обязан их просветить. Долго думал: как им говорить о Христе, если Он тут еще не родился? По прикидкам Жюли, мы веке в пятнадцатом до. Угарит переживает самый расцвет, потом его вынесли какие-то плохие парни вроде филистимлян, словом, очередные красные. Тысячелетия за полтора до самого события, которое мы собрались отпраздновать. В голове не укладывается: у нас в округе был дом почти двухсот лет, так мы гордились я не знаю прямо как. А тут...

В общем, буду проповедовать им, что боги их – не настоящие, а есть Единый. С деталями потом разберемся, главное, донести до них эту простую мысль. Жюли не хочет говорить, как на местном языке «настоящий», ну и ладно. Скажу просто «не боги». Завтра приступим. Начинать надо с городской верхушки, за ними и остальные подтянутся. Да, чуть не забыл: и да поможет мне Бог!»

Вот как, он тоже, оказывается, думал о Нем... Да и как тут не подумать? Я поразился этому неожиданному сходству судеб – моей и того неизвестного американца.

Из раздумий меня вывел голос жреца:

– И что сказано в Письменах, о Вестник?

– Там сказано, – сказал я как можно серьезнее, – что настанет день, и прибудет в город Арвад Вестница, подобная той, что была в дни древние в Угарите. Не будет она похожа на дочерей этой земли, и будут у нее дерзкие речи, и светлые волосы, и одежда, какой не носят земные жены. И должен будет город Арвад принять ее, как подобает, и отпустить с миром. Тогда принесет она ему удачу. А если повредит ей город в чем-нибудь самом малом, то постигнет его судьба Угарита, и не подняться ему вовек!

Жрец посмотрел на меня, как мне показалось, с некоторым сомнением, и покачал головой. Было видно, впрочем, что Юльку он признал сход:

– Воистину, не обидели мы эту Вестницу, и нет ее уже в нашем городе, с миром было отшествие ее.

– А где же она? – удивленно спросил я.

– Разве не видел ты около гавани корабля, уходящего в Библ? Еще до ночной тьмы спешит она предстать перед Владычицей Библа, ибо так повелели боги. Да и разве не начертано о том в письменах?

– Ясен пень, начертано, – только и оставалось мне ответить.

Оба-на!

29.

Двери-ворота распахнулись, пропуская в зал довольно многочисленную, как мне показалось, толпу. Я едва успела скользнуть в сторону и укрыться за львиной статуей, сжавшись в комочек, а листки сунула за пазуху. Но любопытство победило осторожность, так что из своего укрытия я, стараясь сильно не высовываться, все же стала потихонечку подглядывать за вошедшими... В первый момент вошедшие показались мне грозной толпой, но, приглядевшись, я поняла, что их всего несколько человек. Во главе процессии шествовал некто, кого я про себя назвала Верховным Жрецом. Высокий статный мужчина, бритоголовый и седобородый, он опирался на изукрашенный резной посох. Одет он был, по нынешним временам, весьма богато, его хламида и плащ поблескивали золотом и пурпуром. Нет, точно, такой человек не мог быть рядовым местным жителем. Либо правитель, либо жрец, может быть, даже то и другое вместе.

На шаг позади него шла женщина с совершенно выбритой головой. Ее наряд и украшения тоже, явно, стоили немало, а царственная осанка свидетельствовала о том, что положение ее в обществе далеко не рядовое.

Замыкали шествие давешняя старуха и пара шаманов рангом поменьше.

Приблизившись к скульптуре голосистой женщины, вся процессия довольно заунывно, но слаженно запела, кланяясь, позванивая какими-то металлическими предметами, судя по всему, спрятанными в складках одежды, и время от времени издавая пронзительные возгласы. Терпеть не могу эти ближневосточные завывания! Я не могла дожидаться, когда они наконец закончат, потеряла бдительность, и не заметила, как один из мелких шаманов, поцокав языком, направился в мою сторону. Впрочем, что я могла в тот момент сделать? Драться с ним? Бессмысленно. Бежать некуда. Оставалось чувствовать себя мышью, загнанной в угол и с тоской ожидающей приближение кота. Шаман довольно бесцеремонно извлек меня из моего убежища и поставил рядом с собой, к молчаливому негодованию старухи.

Закончив ритуал, верховный вождь соизволил обратить на меня внимание. Мне пришлось напрячь все мои лингвистические способности, чтобы врубиться в его слишком уж высокопарную речь. И не скажу, чтобы услышанное мне понравилось. Для начала он меня отругал за самовольное хождение по храму, а потом принялся расписывать мою дальнейшую судьбу. Выходило, что мерзавец Элибаал принес меня в дар – да что там, продал, словно овцу, жрецам этого храма, посвященного великой и грозной богине Ашторет. «Аштор... Иштар... Астарта!» – догадка долбанула меня по темечку, но чем именно отличалась сия богиня от прочих, я с перепугу никак не могла вспомнить. Вроде, что-то там про секс было... Ага, мне сейчас в самый раз! В глубине души я понадеялась, что я снова все на свете путаю, но увы, намеки предводителя были достаточно прозрачны. Собственно, даже и не намеки.

Похоже, в этих краях сохранилась легенда о Вестнице Богов, белокожей и относительно светловолосой, к тому же обладавшей уникальной тягой к представителям противоположного пола. Те, кто удостоивались ее благосклонности, были отмечены особой благодатью и везением во всех делах.

Проще говоря, Жюли была слаба на передок, судя по ее запискам. А это как раз по ведомству Иштар. И если меня приняли за нее, или за такую же как она, то... всё выстраивалось довольно логично. А мой внешний вид и постоянные претензии на роль Вестницы только укрепили этот народ в их подозрениях.

Что ж, стало быть, местным мужикам переспать со мной и приятно, и почетно, и для бизнеса выгодно получается, на такое никаких денег не жалко. Вот скотина Элибаал и расплатился за что-то с храмом – непосредственно мной. Таким образом, участники сделки все удовлетворены, я поступаю в распоряжение жрецов храма на должность штатной блудницы, благодаря чему храмовая казна должна неминуемо отяжелеть в кратчайшие сроки. В общем, все довольны, все смеются... кроме меня.

– Подождите, – весьма невежливо прервала я цветистую речь жреца. – А мое мнение вы, случайно, узнать не пожелали? Что, если эта ваша задумка мне не по душе?

– Нам-то что до того? – пренебрежительно пожал плечами этот доисторический мачо, – Ты – добыча Элибаала, он может распоряжаться тобой по своему усмотрению. Была бы ты настоящей могущественной Вестницей, ты бы давно испепелила его вместе с кораблем. А раз этого не случилось, то никакая ты не настоящая, так, небось, рабынька с Цафона, не более того. А раз так, то чего с тобой церемониться? Твое дело женское молчать и слушаться, поняла?

– Не поняла, – весьма резко парировала я, – Ваш Элибаал поступает противозаконно, он... негодяй, бандит и пират (я понадеялась, что эти международные понятия им уже знакомы). А если вы вступаете с ним в сделку, то и сами, значит, недалеко от него ушли. Делайте со мной что хотите, но в бордель ваш храмовый я идти отказываюсь.

– Что такое пират-бордель? – озадачился вожак. – Впрочем, неважно. Стало быть, ты не желаешь покоряться судьбе? Ну хорошо... В таком случае, у нас есть и более весомые доводы.

Он хлопнул в ладоши, и из боковой двери показался омерзительного вида громила, за поясом которого торчала внушительных размеров плетка.

– Абдешмун, – обратился к громиле главарь, – эта рабыня Астарты не желает принять волю богини. Богиня будет довольна, если ты проучишь дерзкую. Но смотри, не попорти ей шкуру, она нужна богине целой и здоровой.

– Минуточку-минуточку, – залопотала я русские слова вперемешку с финикийскими, глядя на приближение этого отвратительного типа, который уже достал из-за пояса плетку и начал ласково так ей поигрывать, – мы обязательно обсудим ваше предложение и придем к приемлемому соглашению. Вы знаете, я очень неплохо леплю глиняных верблюдов, и может быть, богине пригодится некоторое их количество...

С этими словами я обхватила, как родного, того самого человекольва, на котором совсем недавно каталась. Где-то я слышала, что если взяться за алтарь, ничего плохого тебе сделать они не вправе. Интересно, здесь это правило работает?

– Знаете, я еще очень хорошо пою и танцую, я могу показать вам прямо сейчас. И вообще, зачем сразу так резко, можно же догово...

Но договорить мне как раз не дали. Грубые руки сгребли меня в охапку, оторвали от спасительного зверя, потащили куда-то к выходу...

– Сечь ее на скотном дворе, хозяин? – лениво спросил громила. К этим делам он явно был привычен куда больше, чем я.

– Прямо тут, и пусть богиня видит! – несколько визгливо отозвался главарь. Членораздельных звуков во мне уже не осталось – я ругалась, пищала, плакала, пока меня привязывали за руки к какому-то кольцу в стене рядом со светильником, и пока грубые мужские руки хватались за край моей одежды...

Но платье отчего-то осталось на месте, зато послышался резкий окрик:

– Нечиста!

Ой, мамочки, я и вправду совсем забыла с этими событиями о своем состоянии, расслабилась в ванне и голову потеряла окончательно. А теперь все наверняка проявилось самым неприкрытым способом... Первая мысль была: раз так, то не будут меня стегать! По крайней мере, не сейчас, а там что-нибудь придумаю!

А вот вторая мысль была не такой оптимистичной: зато теперь камнями побьют, причем сразу. Отношение местной публики к естественному функционированию женского организма мне уже было слишком хорошо знакомо. А тут, как назло, еще и храм... Наверняка они к своим святыням относятся чрезвычайно трепетно.

Предчувствия меня не обманули. В первый момент вся толпа замерла, во второй, как я увидела краем глаза, предводитель метнулся к человекольву, за которого я держалась, поднес к нему ближе светильник и завопил уже в полном ужасе:

– Кровь! Нечиста, нечиста, нечиста!

А дальше началось форменное светопреставление. Жрец и жрица, рухнув на колени перед скульптурой, завывали, раздирая на себе одежды и расцарапывая лица и грудь. Злобный Абдешмун с отвращением рванул узел, которым были стянуты мои руки, и тут же отступил на шаг назад. А старая карга вцепилась мне в руку пальцами, больше всего напоминавшими стальные клещи, и с орлиным клекотанием поволокла за собой. Как я ни старалась упираться и тормозить, компания младших жрецов медленно, но верно отжимала нас с бабкой в сторону боковой двери, старательно избегая прикосновений, и вскоре мы оказались в том самом темном, пахнущем мышами узком извилистом проходе.

Старуха, не закрывая рта, отчаянно бранилась, склоняя меня на все корки, и призывая на свою голову милость и прощение всего местного пантеона. Наконец, меня втолкнули в прежнюю клетушку без окон, дверь с грохотом захлопнулась, лязгнул замок (теперь не забыли!) и я оказалась в кромешной тьме.

Я сидела в своей камере в каком-то тупом оцепенении, без мыслей, без слез, даже без попыток ощупать стены и попытаться найти выход. Слишком много у меня случилось эмоций для одного дня, вот психика и не выдержала – отключилась, чтобы мне совсем уж не двинуться от перегрузок. Кажется, я даже задремала, откинувшись к стене, оказавшейся на удивление теплой и не слишком неровной. Не знаю, сколько прошло времени, наверное, довольно много. Кто-то приоткрывал дверь каморки, ставил на пол кувшин с водой и блюдо с полужасохшими лепешками, кто-то принес тючок ветоши, кто-то – очередную вонючую лохань. Я это подмечала краем сознания, но все словно проходило мимо

меня, сознание плыло, как при высокой температуре, и я плохо различала, где явь, а где тяжелые обрывочные сны, в которые я время от времени погружалась.

И Веньки не было... Где же Венька? Неужели не придет на помощь?

Наконец настал момент, когда дверь конуры открылась особенно широко, и грубый голос велел мне выйти наружу. Пошатываясь, я поднялась на ноги и, держась за стену, вышла в узкий проход, освещенный светом факелов в руках каких-то невзрачных личностей, скорее всего, храмовых слуг. Давешний верховный жрец, с выражением суровым и неумолимым, стоял передо мной, пристально глядя прямо в глаза.

– Чужестранка, услышь волю богов! – торжественно начал он. – От века не слышно было такого, что сотворила ты в месте сем! За осквернение священного храма богини Астарты ты подлежишь смерти. И была бы эта смерть мучительной и долгой... – тут он замолк на секунду, внимательно следя за моей реакцией. Но реакции уже никакой не было: я и отбоялась, и отнадеялась, и слушала его слова как близкую грозу. Да, опасно, но от меня ни-че-гошеньки не зависит.

– Скотина Элибаал, – пробормотала я по-русски, не заботясь уже о понимании, – так вот какую ловушку ты мне подстроил. Мало того, что в бордельное рабство продал, так еще, похоже, не предупредил бабку о моем состоянии. А та меня сразу в храм поволокла, это ж без вариантов с моей стороны смертное преступление по местным порядкам. Ну попадись ты мне, я тебе такую козью морду устрою, век помнить будешь, не будь я Юлька-Йульятю.

Наверное, от таких веселых вестей мне полагалось бы выть, рвать на себе волосы и демонстрировать всякие прочие признаки отчаяния. Но ощущала я только злость на негодя-коммерсанта, да такую, что не до остального было.

– Но милость богини велика! – продолжил жрец, несколько удивленный моей реакцией, – она готова простить твою вину и отпустить тебя вестницей к Владычице Библа. Там, в ее пределах ты совершишь великое омовение в водах морских и станешь чистой от греха своего, и сможешь предстать пред очами Владычицы. Согласна ли ты на это?

– Согласна, – ответила я без раздумий. Главное, пока не зарезали – и ладушки! А что там будет, пока мы до этого Библа доберемся, еще бабушка надвое сказала. В конце концов, Венька, небось, тоже не спит, не может он меня одну бросить в этакой передрыге, права не имеет! В том, что Венька меня найдет и поможет, я почему-то ни капельки не сомневалась. А вдвоем пусть они попробуют с нами справиться, кишка тонка!

– Но ты никому ни слова не должна отныне говорить о том, что произошло с тобой в этом храме, – продолжил он, – если ты кому-то расскажешь об этом, прогневаются наша богиня, прогневаются Владычица Библа, и тебя обрекут на долгую, мучительную казнь. Тебе сначала отрежут болтливый язык и выколуют дерзкие глаза, а затем Абдешмун...

– Короче, я согласна молчать, не дурочка, – ответила я, – ведите, куда положено. Буду я этой... посланницей, раз уж я Вестница! И молчать при этом буду.

Идиоты какие-то они тут, все поголовно. В охватившем меня приступе холодной злости я была готова разнести все здешнее царство вдребезги и пополам.

Не на такую напали, чтобы дать себя покорно зарезать или как там еще прикончить, фигушки!

– Хорошо же, и помни мои слова.

Но уходить он не торопился. Он пожевал губами и добавил скорее утвердительно, чем вопросительно:

– Ты взяла те Письмена, которые хранились перед богиней. Верни их нам.

– Зачем? – ответила я, – вы все равно не можете их прочесть. Ни единой буквы. А я могу, я ведь Вестница.

– Верни их затем, чтобы нам не пришлось обыскивать тебя и звать Абдешмуна, – привел жрец довольно убедительный аргумент.

– Да забирайте, – ответила я, вынимая из-за пазухи листочки, – неужели вам совсем не интересно, что там написано?

– Женщина, которая в кровях своих оскорбляет богиню, скажет ли правду ее слугителю? – спросил жрец.

– Если слугитель хочет – скажет, – отрезала я, – Только при одном условии: ты покажешь мне и другие письма, если они у тебя есть.

– Хорошо, сиди здесь, – буркнул жрец, – Тебе сейчас принесут переодеться.

Я заодно потребовала воды и чистой ветоши, чтобы совершить хотя бы минимальный туалет. Жрец поворчал, но в итоге согласился. Бабка намеревалась присутствовать при моем переодевании, но я настолько грозно гаркнула на нее, что та сочла за лучшее убратся за дверь и ждать, пока я не закончу. Минимально приведя себя в порядок, я натянула принесенную льняную хламиду, порядком заношенную, но чистую, перетянула ее на талии веревкой и стала ждать возвращения жреца.

Он пришел довольно скоро, неся в руках продолжение повествования – точно, там же было два человекольва, а я проверяла только одного! И я погрузилась в чтение.

«Нет, ну какой все-таки дикой ерундой занят наш зануда. То псалмы с аборигенами поет, то порнуху рисует. Как у него крышу не сорвало от такой раздвоенности? Это ж шизофрения натуральная – уместить в одной черепушке и то, и другое. И зачем он морочит людям голову своими байками про Единого? Или это просто очередной коммерческий ход, чтобы от них чего-то добиться? Не понимаю я его...»

* * *

«Эх... А все-таки хочется домой... Я хоть и стараюсь об этом не то, что говорить – не думать, чтобы не разнюниться, а иногда как накатит что-то такое, и прям как под ложечку ударит. У нас зима сейчас, холодно... Так на каток хочется, а где его тут возьмешь? Сегодня выпал снег – ну прямо как дома.

Пыталась рассказать им про настоящую зиму, про коньки и всё такое – поняли, но по-своему. Решили, что я точно с горы Цапану, раз у меня зимой много снега.

Смешные они, доверчивые, как дети. И мышление у них тоже детское совсем, сказочное....»

* * *

«Что-то здорово меня вчера прижало, так, что я даже не выдержала, подкатила к длинному под бочок. Зануда-то он зануда, но хоть свой... по крайней

мере, не доисторический. У него мозги хотя и забиты глупостями всякими, но хоть можно мозги не ломать: как это по-угаритски будет?

Я уже с ним иногда заговариваю на этом языке. Он и рад, думает, я его учу. Научишь такого, как же. Какой противный у них у всех акцент, у этих янки... Вот у Рамиреса тоже был акцент, но до чего классный! Рррраскатистое такое Р: патррриа о муэррртэ! А у этих каша одна.

И пусть он ничего себе не думает, это я так, просто от тоски... Ну не вечно же мне с местными парнями... И вообще, что в этом такого? Также мне великую ценность нашли... Между прочим, в нашей ячейке народа уже куда больше, чем у него в секте. Так что вопроса нет, чьи методы агитации действеннее!»

** * **

«Как же меня тут все задолбало! И тупица этот американский, у которого только доллары в мозгу целкают, а больше с ним и поговорить не о чем. И дурачье местное, ну никакой классовой сознательности! Сегодня они за свободу и независимость, а завтра увидят, как Бен серебро в мешочек ссыпает, и ни о чем другом и думать не могут.

Ну ничего, не на такую напали. Я им покажу и и патррриа, и муэрррте! Они у меня еще узнают, что такое Révolution permanente. Плохо то, что под ней они понимают только пожрать побольше, да у соседа оттяпать чего получше. Ну и всех жещин в его доме... Нет, ну нельзя же все сводить только к инстинкту размножения. Я им сто раз уже повторяла, что нечего так много значения придавать такому простейшему акту. Но вот поди ж ты, для них это все равно как знак собственности, что ли... Вот честное слово, иной раз просто руки опускаются от такой несознательности.

Одна радость – молодежь все-таки хоть что-то в состоянии понять, у них мозги не так сильно заморочены. И худо-бедно наша ячейка Угсомола все-таки растет, хотя я бы предпочла, чтобы она росла куда быстрее. Но уж чем богаты, тем и рады».

** * **

«Вчера обследовали очередную пещеру – все безуспешно. Бен, похоже, совсем умом двинулся – то приставать начал, типа, давай попробуем, как тогда может, для перехода магия нужна, естественная и первобытная. А что может быть первобытнее того, чем мы тогда занимались, когда нас засыпало? Потом вдруг на коленки бухнулся, начал лбом об пол стучаться и завывать, что это все ему, дескать, за грехи. Ну ладно, за грехи так за грехи, я не против. Но я-то тут при чем, почему меня тоже нужно вместе с ним карать? Не вижу логики, ну вот абсолютно. Я-то ни в чем не грешила, за что мне торчать в этой жопе мира в компании с длинным занудой и без какой-либо надежды на спасение?»

Обалдеть можно, сколько совпадений в двух наших судьбах! Вот и я тоже...

– Ну, что написано? – нетерпеливо спросил жрец.

И я, как можно буквальной, стала старательно прееводить всю эту галиматью про угсомол, доллары и перманентную революцию. У жреца, похоже, крышу начало сносить – а что, сам напрашивался. Вот пусть и слушает теперь, и принимает за божественную премудрость.

Наконец, подготовка к путешествию была завершена. Листки Жрец у меня, естественно, отобрал. Интересно, их он не считал оскверненными моими прикосновениями? Или ради возможности узнать, что в них написано, очередное мое кощунство он предпочел не заметить? Или теперь уже вроде как все прошло? Ну прямо совсем как у нас нравы – если нельзя, но очень хочется, то можно. И даже нужно.

Сопровождаемая тюремщиками, я вновь прошла недавним путем, на сей раз от храма к пристани, спустилась по скрипучим, играющим под ногами доскам на палубу, послушно забралась в трюм, к счастью, имевший небольшое оконце наверху, и устроилась у стены, в самом центре теплого солнечного пятна. Что там дальше будет – неведомо, а пока надо как следует отдохнуть и набраться сил перед дальнейшим испытанием.

30.

Нечего было и думать о том, чтобы догнать самое лучшее гребное судно Арвада – наше угаритское суденышко заметно уступало местным кораблям и по числу гребцов, и по площади парусов, да и капитан мой наотрез отказался выходить в море до утра. Во-первых, мы бы не успели до темноты не то, что до Библа, а даже до какой-нибудь промежуточной стоянки, а во-вторых, у него в Арваде были свои коммерческие дела. Призывы и посулы успеха не имели – оставалось только ждать утра на нашем судне...

Тем более, что жрец, похоже, не собирался оставлять нас в городе. Нас отвели обратно на пристань, принесли лепешек и кислого пива (вина и мяса пожадничали, подумал я – значит, не слишком-то верят в мое вестничество), и пожелали, чтобы завтра с утра боги моря были бы к нам благосклонны. Трудно было выразиться яснее.

На финикийский город Арвад быстро упала южная ночь, я лежал на палубе и глядел в звездное небо – почти такое же, как в Израиле три тысячи лет спустя. Не спалось. Рядом вповалку храпели и ворочались мои матросы, кто-то неразборчиво бормотал во сне, капитан поодаль тоже не спал, всё проверял вслух и на память точность торговых расчетов – но уснуть было трудно вовсе не из-за этого гама. Я не мог понять смысла происходящего. Юлька отправилась в Библ? По доброй воле? К Владычице – местной богине, надо понимать? Зачем?

Если бы ее держали взаперти, я бы это понял. Если бы продали в рабство – тоже. Если бы провозгласили жрицей, царицей, богиней – с некоторым скрипом принял бы и это. Но туристкой на круизном судне – что она там забыла, в этом Библе? Просто еще один финикийский город. Решила мир посмотреть и себя показать? Ох, не к добру это, не к добру...

Я не заметил сам, как задремал – и очнулся от толчка в бок. Меня будил верный мой Петька:

– С тобой хотят говорить, господин!

– Кто? – подскочил я спросонья

– Он не назвал себя, – отозвался Петька, – но это знатный человек. Я видел его сандали.

Ну прямо как в нашем мире: рваные джинсы может нацепить кто угодно, а вот хорошая, дорогая обувь – это уже принадлежность высшего класса. Молодец Петро, в разведку годится!

– Где он?

– Здесь, господин... На пристани. Спустись к нему.

Путаясь в спящих телах и тюках с провизией, я пробрался к борту и перепрыгнул на пристань. На ней стоял совсем молодой парень, закутанный по самую шею плащом (ночи, впрочем, еще не были такими холодными), он пошатывался и мурлыкал какую-то дурацкую песенку.

– Дай мне пива, пива налей! – забормотал он увидев меня, и я уже хотел было послать и его, и Петрушку своего подальше, как вдруг он добавил гораздо тише и совершенно другим голосом: – С миром приход мой, Вестник. У меня для тебя царское слово – отойди же вместе со мной на дальний конец пристани. Никому не давай знать, о чем скажу я тебе. Здесь везде храмовые уши.

И тут же он бесцеремонно и разлаписто приобнял меня и вновь затянул пьяную песню:

– Пиво пить – вот удел человека! Ячмень растить – вот доля для смертных! Пива нальем, пива попьем, пива самим богам поднесем...

Невольно ощупывая свой верный нож на поясе, я сделал Петьке знак оставаться на месте и последовал к дальнему концу пристани, куда увел меня этот конспиратор. Там он неожиданно ловко присел на корточки и, оглянувшись, зашептал:

– Вестник, присядь со мной. Имя мое – Иттобаал, я друг и советник царя арвадского Мальки-Адада. Я пришел...

– Так я и поверил, – прервал его я, – что ночной пьянчужка послан самим царем! И прячется при этом от портовой стражи.

– Я мог бы показать тебе, – спокойно ответил тот, – оттиск царской печати Арвада, которую знают от Кипра до Египта. Но я покажу тебе то, что ты знаешь лучше меня.

В свете молодого месяца было ясно видно, что вытащил он из-за пазухи. Да, это была бумага – та самая бумага из блокнота Бена...

– Дай мне прочесть! – потребовал я.

– Да, Вестник, да. Но сначала выслушай меня, а потом прочтешь.

– И что ты расскажешь мне?

– О многом я могу тебе поведать – например, о судьбе Вестницы, сестры твоей... А ты поведаешь мне в ответ о силе демона Шад-Гиббару и о хитрости богини Риб-Люсъяту, губительницы городов. И о том, как Йульяту с Цафона придают силы усталым мужам.

Мне оставалось только согласиться. Похоже, мне наконец-то попался тот, кто был мне нужен – а точнее, попался я ему. Но начала мой собеседник издалека.

– Юн царь наш Мальки-Адад, семнадцать весен минуло с тех пор, как он разверз ложесна матери своей. Мудрость и сила его велики, но много у него врагов в городе, много людей, не желающих его власти. Есть служители богов, которые на деле служат только своему чреву и кошельку, и ненавистен им лик молодого царя. Мы, друзья царя, владеем мечом и словом, но что сделаем мы против тех, кто говорит от имени богов?

– Я понимаю тебя, – ответил я, – но чем я могу помочь?

– Спаси сестру свою, Вестницу – помоги ей и себе, а потом ты поможешь царю, и царь щедро отблагодарит тебя.

– От чего мне ее спасать? Она направилась в Библ.

– Посланицей к Владычице Библа отправилась она, разве не знаешь ты? Древний, древний обычай, которого много лет не соблюдали люди Арвада, и люди других городов, и состоит он в том, что находят среди дочерей земли прекрасную деву, и отправляют ее к Владычице, чтобы умолить ее о помощи и заступничестве. И если прибудет она туда, то примет храм Владычицы наш храм под свое покровительство, и не видать господину моему Мальки-Ададу царства. Будут отныне царить жрецы.

– Очень сочувствую, – я начинал раздражаться от того, что мне явно навязывали чужой сценарий, как, видимо, навязали его и Юльке, – но что грозит Вестнице?

– А что грозит барашку, когда приводят его к жертвеннику?

– Ты хочешь сказать...

– Или ты не знаешь, как отправляют посланцев к богам?

– Я не...

– Или к вам на Цафон не прибывают они? Или ты сам не с Цафона? Или в той деревне, откуда ты родом, уже забыли, что значит Высокая Жертва?

– Ее принесут в жертву? – с ужасом выдохнул я.

Мой собеседник усмехнулся.

– Город Угарит был принесен в жертву богине Риб-Люсьяту со всеми жителями его, и как знать, не она ли и есть на самом деле Владычица Библа. А ты говоришь об одной только деве... Разумеется, принесут. Дева куда ценнее барашка или тельца, но не так же ценна, как город царский!

– Но она же Вестница!

– Она дева. И она бывает нечиста. И она в кровях своих осквернила храм Иштар. И жрец решил скрыть это осквернение... но у нас тоже есть глаза и уши там, где ступают жрецы! Негодна такая жертва Владычице. Зато годна она, чтобы рассказать о многом господину моему царю, научить его своей мудрости, придать ему силы Шад-Гиббару – да перевернет он город Арвад и покарает непокорных! Приведи, приведи нам деву...

– Иттобаал... – сказал я после некоторого раздумья, – хорошо, что ты сказал мне это. Мы рано утром отправляемся в Библ. Ты поплывешь с нами?

– Затем и послал меня царь, – усмехнулся он, – только прежде я должен вернуть ему Письмена. Негоже брать их в плавание с собой.

– Да, только дай мне их прочитать!

– А ты переведи их мне. Точно переведи! Это жрецам ты можешь рассказывать сказки... Они, впрочем, тебе не поверили – ведь Вестница совсем не так читала эти Письмена. Там о Риб-Люсьяту говорится, великой и грозной разрушительнице городов.

Что ж, пришлось соглашаться. И я, еле разбирая при неверном лунном свете, пустился в чтение. Это действительно был дневник Бена:

«Полгода после высадки. Давно не писал, было не до того. И бумагу надо беречь, здесь ее нет. Местные пишут на глиняных табличках дурацкими какими-то клинышками. Пытался обучить их человеческой азбуке, отказались: им клинышками удобнее. Из Египта привозят папирусные листы, но очень дорого стоят.

Все равно покупать приходится, я ведь тут рисунками зарабатываю. Карандаши давно все закончились, но удалось наладить производство сносного угля. Освоил и местные краски, могу и живопись, но очень, очень дороги материалы. Лучшие всего расходятся портреты – пока не понял, для какой цели заказывают. Никогда свои, обязательно чужие. Наверное, дарят на день рождения.

Еще неплохо пошла эротика, но когда я узнал, что они называют голых баб именем Иштар, эотику резко прекратил. Не хватало мне еще идолов тут плодить! Хотя вообще-то прибыльное дело, я развернулся всерьез.

Ради расширения производства (пока не было папируса) попробовал лепить забавные маски из глины и расписывать сосуды. Получилось не очень, а главное,

гончары окрысились на меня. Тут жесткая конкуренция. Ладно, раз я открыл новое ремесло – рисовать на папирусе, – тут я первый без вопросов. А в гончарный ряд не лезь, сказали. Хоть ты и с неба сошел и знатный муж в городе, а ноги повиыдерживать запросто могут.

Мне бы итоги подвести, да хрень одна какая-то вместо итогов. Джинсы окончательно порвались, не удастся чинить. Переходить на местную одежду ни малейшего желания, хотя Жюли идут все эти юбочки. Очень сексапильно, а ей того и надо.

Она развила бурную просветительскую деятельность, лекции читает. Я не вмешиваюсь. Вчера видел, как перед фотографией этого кубинского бандита приносили жертву. Вполне соответствует, и Жюли не возражала. Дескать, если у них так принято, то пусть приносят. Лишь бы нас с ней не принесли однажды...

Меня даже позвала на лекцию о демократии: как это работает. Я попробовал объяснить, но язык плохо пока знаю. А что она там напереводила, я не очень-то понял, может, переврала всё. У них тут в принципе для демократии всё есть: парни солидные, все большие в производстве или бизнесе, культура довольно развита. Зачем Жюли им толкает про эмансипацию и прочее, я не понял. У нас бабам тоже не сразу права дали, а неграм и того позднее. И правильно, я считаю: сначала надо научиться. Так я им и сказал, они головами закивали, а коза эта со мной спорить полезла.

Насчет религии у меня пока не очень получается. Ну, кружок образовался, мы собираемся по условным воскресеньям (надо же какой-то календарь было ввести), поем что-нибудь из гимнов. Народ уже просит учить его небесному языку, это в смысле английскому. Я пока отказываюсь: зачем им? Думал, со временем сам переведу на их язык что-нибудь из Библии и все такое, но больно уж это сложно. Надо будет обучить пару парней посмекалистей, пусть они потом переводят.

Про Единого Бога они вроде как поняли. Так и говорят, что я – посланник Единого, что Единому стало обидно: других почитают, а его нет. Вот он и послал меня. Ну, в общих чертах правильно мыслят. Я, конечно, не уточняю, что я не по этой части, а только из-за козы французской мы в переплет попали. Не надо было в море выходить, на надо было к сирийскому берегу, не надо в пещеру... Да всё теперь, поздно. И пути назад не видать.

Никак не могу своих отучить приносить жертвы другим богам. Ладно, если не могут без баранов – пусть баранов режут Единому. Но Че Геваре-то зачем? Говорят, он тоже тогда обидится со своей госпожой Риб-Люсьяту. Кто это такая, понятия не имею, надо у Жюли уточнить. Кстати, все у меня выясняют, правда ли, что Либрату, которая с поднятой рукой – это жена Единого. Кажется, они так про статую Свободы поняли. А что им сказать? Говорю, это символ, идея такая. Они спрашивают: ну, симбаллу хорошо, а как же он один, без жены? Тем более, я им про Сына еще стала рассказывать, вот это я точно поторопился. Пошло теперь гулять, что я и есть тот самый сын. А Жюли, наверное, у них дочь Че и Рыбы этой идиотской.

У меня руки опускаются, невозможный народ. У них дикие какие-то представления. Всё спрашивают меня, что можно, а чего нельзя по вере в Единого. В смысле, еды там, одежды и прочего. И когда можно трахаться. С кем,

главное, не уточняют, а только: когда. С кем – это они сами разберутся. Ну, я полез в Ветхий Завет, я вообще-то не читал этого прежде, а там путано очень... Сказал, что морепродукты нельзя, которые без чешуи и раздвоенных копыт, вроде так по Библии – а у нас в тот день на обед были осьминоги. Ну и как им объяснишь?

Они поняли так: в волшебной стране Ам-Арике бывают осьминоги с копытами, их варят в материнском молоке и едят. В священной книге об этом написано. А боги, когда видят, что угаритяне едят бескопытных осьминогов, очень злятся. Поэтому нам с Жюли можно, мы посланцы богов, а остальным нельзя. Такая, надо сказать, буча была на рынке в рыбном ряду по этому поводу! Меня не только гончары, но и торговцы морепродуктами теперь не жалуют, но открыто выступать боятся, конечно. С нас тройную цену теперь за них просят, и не только за осьминогов, а и за всё морское.

Я, между прочим, не проповедник ни разу. Я бизнесмен, яхтсмен и чуточку художник, для удовольствия просто. По их понятиям, торговец и мореход, только галеры у них совсем другие, и я бы на таких дальше двух миль от берега не отошел.

Звали сплавать в Египет за папирусом, но я не решаюсь. Тут-то еле привык...»

И внизу страницы тем же почерком, но совсем с другим настроением: «Как меня все это за...ло! Жюли пере...сь со всей деревней на почве коммунизма, местные м...ки тупы как пробка, дырку обратно ни ... не могу найти. За...сь на яхте покатались!»

Иттобаал ждал от меня ответа. И что я мог ему ответить?

– Это о богах, кто кому приносил жертвы. И еще о том, кто с кем ложился. Запутано у них там всё вышло... Я подробнее тебе завтра расскажу, во время плавания, хорошо?

– Хорошо, – серьезно сказал Иттобаал, – прежде, нежели взойдет солнце, я буду на твоём корабле. Предупреди охрану, чтобы мне не пришлось перерезать горло твоему рабу, когда я буду тайно всходить на него.

Охраны у нас, кстати, никакой и не было. И зря, между прочим, так у них тут всё непросто... А мой собеседник, поднявшись, снова замурлыкал что-то про пиво – и я не даже не заметил, как он растаял в ночной мгле.

31.

Более отвратительного путешествия в моей жизни не было, и, надеюсь, не будет никогда. Качка, вонь, тесный собачий ящик, куда меня запихнули вместо хоть какой-то каюты, отсутствие минимальных бытовых удобств, подозрительная, условно съедобная, пища и затхлая вода – все это по одиночке могло вывести из себя человека и более терпеливого, чем я, а уж в совокупности... Короче говоря, когда корабль пристал к скрипучей и пристани Библа, я была зла, как фурия. Подозреваю, что внешний вид у меня тоже был соответствующий, ибо встречавший нас какой-то местный не то чиновник, не то жрец скептически скривился при виде меня и пробормотал нечто вроде «отмывать надо».

В ответ на это мои сопровождающие лица согласно закивали головами и быстро залопотали что-то малопонятное. Я сумела уловить всего несколько слов, среди которых я разобрала нечто типа «омыть», «купальня» и тому подобных. Интересно, что они задумали? Отведут меня прямо сейчас в храм с купальней или дадут окунуться в море? В любом случае, мне было совершенно безразлично, где и как, лишь бы добраться до воды, я уже по прошлому городу поняла, что ванны тут водятся, в отличие от гостеприимной нашей, но довольно грязной деревни.

Однако мужики почему-то не спешили отвести меня к водоему. Вместо этого они меня довольно плотно окружили и повели куда-то вглубь города, подальше от пристани. Сначала мы шли по широким и сравнительно прямым улочкам, вдоль которых теснились довольно крепкие и внушительные с виду дома. Гомонила малышня, перекрикивались женщины, одуряюще пахло жареным мясом и специями, короче, шла нормальная восточная жизнь.

Потом улицы постепенно стали все уже и кривее, дома, соответственно, беднее и обшарпаннее. Здесь уже не было веселой атмосферы центра города, чувствовалось, что живет здесь просто народье, и чужаков оно не жалует. Во всяком случае, взгляды, которые на меня бросали редкие встречные прохожие, выражали, скорее, страх пополам с презрением. Я с недоумением оглядывалась по сторонам, пытаюсь понять, где же тот самый пресловутый храм, но ничего, на него похожего, и в помине видно не было.

Наконец, дома расступились и дорога уперлась в весьма внушительную скалу с пещерой внизу, подозрительно напоминавшую виновницу наших с Венькой неприятностей. У меня невольно сработал сформировавшийся рефлекс: нужно обследовать пещеру, а вдруг это еще один портал в наш мир. Но как же я его буду обследовать без Веньки? Нет, так нечестно. А вдруг меня в какую-то другую эпоху закинет, пусть даже и нашу? Нет, я не хочу без него, это не по правилам!

В замешательстве я застыла у самого входа, но тут крепкий тычок в спину недвусмысленно дал понять, что идти надо вперед, в смысле, туда, вглубь. Слегка пригнув голову, я шагнула в густую темноту, и тут же увидела, что из пещеры вглубь горы ведет довольно просторный лаз или коридор, неплохо освещенный светом, проникавшим через трещины в камнях. Просто перед самой пещерой этот лаз изгибался, поэтому ни его, ни света снаружи видно не было. За моей спиной раздавался непонятный шорох. Оглянувшись, я увидела крепкого бронзоволиценого мужика, по наружности натурального качка, словно отделившегося от стены в

пещере-шлюзе. «Качок» обменялся несколькими словами с моими конвоирами, кивнул им головой и посмотрел на меня взглядом, не обещавшим ничего хорошего.

М-да, славное у них тут гостеприимство, ничего не скажешь! Я попыталась сделать шаг назад и почувствовала, как мне в горло уперся конец короткого меча, невесть откуда оказавшегося в руках у «качка». «Нет, госпожа... туда...» – тяжело ворочая языком, проворчал он, указывая вглубь коридора.

Делать нечего, пришлось идти туда, куда велели. Ну ладно, может, здесь хотя бы найдется место, где можно вытянуться в полный рост, о большем я уже не мечтала. И когда, интересно, мне наконец позволят помыться и хоть что-то съесть? Но этого имбецила расспрашивать явно смысла не было, оставалось снова ждать, ждать и ждать. Ох, как же мне это надоело, честное слово!

Через несколько шагов я внезапно наткнулась на двух малышей – мальчика и девочку – свернувшихся клубочками и дремлющих на каких-то циновках. Что за ерунда? Эти-то что здесь делают? Неужели местные библияне... библисты... библиофилы... фиг его знает, как местных жителей называют... Короче, детей-то они сюда зачем притащили? Или у них храмовое служение начинается совсем с младенчества? Одурели, честное слово!

Я прошла чуть-чуть глубже, туда, где коридор немного расширился, образуя нишу. До чего же хорошо было сесть, вытянув ноги, и от души потянуться. Теперь можно было и поразмыслить немного. Перспектива у меня, надо полагать, была не слишком радостная – храмовую проституцию в древнем мире еще никто не отменял, а Астарта, как мне помнилось, именно этому бизнесу активно и покровительствовала. Нужно было срочно что-то придумать, чтобы накрепко отбить у аборигенов охоту втягивать меня в это дело. Но вот что именно? Пугать их современными нам болезнями смысла не было. А что могло их напугать? Ну или заставить относиться ко мне иначе, признать за мной совсем-совсем другую роль? Мысли постепенно начали путаться, и я сама не заметила, как задремала, тем более, что заняться в этом каменном мешке было совершенно нечем.

Пробуждение, надо сказать, было более чем странным. По подземелью метались отсветы факелов, гомонила явно немаленькая толпа народа, и центром внимания этой толпы были те самые давешние малыши. Вокруг них сустились несколько жрецов, не знавших, как совладать с расплакавшейся с перепугу малышкой. Девочка в ужасе тарасила круглые глазенки и пронзительно кричала на одной ноте, не давая никому прикоснуться к себе.

Не выдержав, я подошла к ней поближе, провела рукой по спутанным кудряшкам, и девочка внезапно замолчала, а потом всхлипнула и потерлась о мою ладонь горячей шершавой щечкой. Я вспомнила, что пели угаритские мамки, укачивая своих неугомонных младенцев, и попробовала худо-бедно изобразить что-то подобное. Слов моих девочка явно не понимала, но все-таки немного успокоилась и стала дышать ровнее. Она даже не сопротивлялась, когда жрецы подняли ее на руки и посадили рядом с мальчиком на резные золоченые носилки.

– Пойдешь с нами, чужестранка, – повелительно скомандовал жрец, не давая мне возможности возразить ни словом, ни жестом. По мановению его руки меня полукольцом окружили не то стражники, не то младшие жрецы, не давая отклониться ни на шаг от носилок. Мне не оставалось ничего иного, кроме как

32.

Тебе, великая Дева,
тебе, Владычица Библа,
тебе, неприступная Крепость
твой город жертву приносит.
Да будет приятен запах,
да будут благими судьбы,
огонь да пылает жарче,
народ да ликует вместе!
Первенец – твой он, Царица!
Начаток он урожая,
долгожданный, тобою данный.
Дождь ранний ты посылаешь –
зерно ложится в землю;
дождь поздний Адад пошлет нам –
зерно, умерев, возродится,
вернется к нам урожаем,
тебе принесем мы начатки!
С тобою почтим Владыку,
небесного Громовержца,
с тобою почтим мы Солнце,
Луну, и светила ночные,
Господ и суши, и моря,
Владельцев жизни и смерти,
и неумолимые Судьбы,
и неисчислимы Силы.
Сынов, дочерей проводит
город твой через пламя,
приносит твой город жертву
тебе, Владычица Библа!

33.

Дул попутный и довольно свежий ветер, волны покачивали наше небольшое суденышко, и я бы не назвал это покачивание ласковым. Мы подняли парус и шли с неплохой скоростью – впрочем, я как человек сугубо сухопутный, не могу сказать, было ли там пять узлов, десять или все пятнадцать. Грести не приходилось, зато нос то и дело зарывался в волну, палуба ходила ходуном, и мне оставалось только надеяться, что после впадения Угарита в ничтожество его мореходы не утратили своего искусства, а его суда – своей прочности.

Ночной мой гость Иттобаал, казалось, не замечал никакой качки. Трудно все-таки привыкнуть к мысли, что здешние обитатели не только уступают нам в технологии, но и дадут немалую фору в каких-то других вещах – например, выходят в море на суденышках, на которых мы бы только по тихому пруду плавали, и держатся при том вполне уверенно. Да и не один Иттобаал – вся моя команда наслаждалась покоем, когда не надо было грести. И только кормчий, он же капитан, по временам ворочал большим кормовым веслом с явным усилием. Надо будет как-нибудь на досуге изобрести для них нормальный штурвал и руль, подумал я – или такое изобретение опередит свое время на сотни лет и изменит ход мировой истории? Америку откроют раньше времени?

Но сейчас мне было не до абстрактных рассуждений о благе человечества – мы плыли спасать непутевую Юльку. Иттобаал появился на нашем судне перед самым рассветом, когда мне-таки удалось погрузиться в зыбкий тревожный сон, и я даже не заметил, как это произошло. Едва просветлел край неба, мы начали неторопливо – нарочито неторопливо и беззаботно! – готовиться к отходу. Капитан объяснял портовым торговцам, что вот в Библие-то ему дадут настоящую цену, что тут он только время зря теряет, и всё такое прочее. Словом, дела нам нет до всех этих вестниц-посланниц, торгуем помаленьку, копим деньги... точнее, золото-серебро, потому что денег как таковых тут еще не изобрели (кстати, тоже можно подсказать при случае). С тем и вышли в море. Нашей демонстрации, по-моему, никто не поверил, но приличия были соблюдены.

А теперь мы с Иттобаалом сидели, скрестив ноги, на корме, нас обдувал свежий ветер, брызги мочили нашу одежду, а мы вели неторопливую беседу.

– Скоро мелкие корабли встанут на зимний отдых, – сказал Иттобаал, – будем возить только самое необходимое, и то с опаской. Зимой море неспокойно. Но ты имел дело с сухопутными божествами, Вестник, – в его глазах искрилась усмешка, и трудно было понять, до какой степени он шутит, – Цафон ведь прочно стоит на суше. Что знают там о божествах моря, и о зимних бурях? Не-ет, вы блаженны и невозмутимы...

– Веришь ли ты сам в то, что говоришь? – спросил я тогда его напрямую.

Но он не понял меня. Просто не понял. В их языке не было таких слов, как «в шутку» или «серьезно». Он просто повторил, что сказал – решил, наверное, что я не расслышал.

– Ты полагаешь, я пришел с Цафона? – уточнил я.

– С Цафона или с другой горы, или из глуби морской – но не похоже, чтобы тебя послали морские боги – или даже из бездны, которая под землей, но на это

тоже не похоже. Ты сам знаешь, Вестник, где живут твои божества, а я знаю, где живет мой царь и мой народ.

– Ты полагаешь, божества существуют? – спросил я его по-другому.

– Ты полагаешь, существуют море, ветер и суша? – отозвался он.

– Но божества не видны человеку, – ответил я.

– Не виден и ветер, но он рождает волны на море. Не видно дыхание зари, но оно рождает росу на траве. Не видно, как в животе у женщины образуются кости и плоть ребенка, но так приходим мы в этот мир. Такова и воля живущих на Цафоне, даже когда она нам не видна, – ответил он бесстрастно.

– А если, – спросил я его, – придут дни, когда мудрецы откроют путь ветра, исчислят точку росы, заглянут во чрево женщины, не повредив ей? Будут ли тогда на свете божества?

– Будут ли тогда мысли в сердце человека, вестник? Будет ли радость в печени твоей, горе в кишках врагов твоих? Будет ли жить дух в твоих костях, будет ли он стремиться к небу? Будет ли желать счастья дому своему и гибели врагам своим? А это в руках богов.

– Или одного Бога? – продолжал я свой диспут.

– Или одного, – согласился он, – если ведает человек имя своего бога.

Я не торопился его ни в чем переубеждать, мне хотелось его понять:

– Ты поклоняешься божествам, но противостоишь их служителям?

– Служители божеств – это люди, и склонны они к порокам. Думают лишь о себе! Царь может служить божествам не хуже жрецов! – отрезал он, и было видно, что богословские дискуссии его несколько утомили.

– Давай лучше поговорим о нашем деле, – предложил я, – насчет Вестницы, которую мы будем освобождать из рук жрецов.

– Скажу тебе, что трудно будет нам уйти на этом корабле, когда мы ее освободим, – сказал он очень серьезно, – в Библе корабли и больше, и быстрее. Но даже если бы наш корабль летел быстрее ветра, мы не сможем покинуть Библ и направиться в Арвад. На самой пристани в Арваде нас встретят храмовые псы, и... нет, нам надо поступить иначе.

– А ты уверен, что Вестница вообще захочет плыть в Арвад, где с ней обошлись так грубо? – спросил я.

– Разве не захочет она стать царицей Арвада? – ответил он с полной уверенностью, – особенно после того, как мы с тобой спасем ее от смерти.

Я предпочел не развивать эту тему. Главное было сейчас – выцарапать Юльку у библиских фанатиков. А там разберемся, в Арвад, или еще куда. В любом случае, в Угарит возвращаться мимо Арвада, и если можно будет по ходу дела устроить маленький государственный переворот и привести ко власти в соседнем государстве законного и дружественного нам наследника, это нам, я полагал, пойдет на пользу. А Юлька... ну вот не для царевичей я ее спасать плыву, это точно.

– Умеют ли посланцы Цафона плавать? – уточнил Иттобаал.

– Умеют, – ответил я уверенно. Сам я плавал неплохо, Юлька, по моим наблюдениям, тоже держалась на воде. Хотя, если море будет таким, как сегодня...

– Это хорошо. Если нам и удастся уйти целыми из гавани, то уж корабль точно придется покинуть. Его слишком легко заметить в море, не уйти ему от погони.

– А что будет с ним?

– Он пусть возвращается в Угарит. Его догонят жители Библа, обыщут – но что можно взять с бедных торговцев? Впрочем, что можно будет, то и возьмут. И отпустят их домой.

– А мы?

– А мы переждем всю эту погоню на берегу и доберемся в Арвад по суше. Возможно, кружным путем. У меня есть с собой серебро, и я умею договариваться с жителями суши – наше путешествие не будет долгим и трудным.

– Послушай, – сказал я как можно тверже, – ты считаешь меня посланцем божеств с Цафона. И при этом ты всё решаешь сам, и даже не спрашиваешь моего согласия. Как это может быть?

– Когда я попаду к тебе на Цафон, – невозмутимо ответил Иттобаал, – я вручу душу мою в твои руки, пойду по стопам твоим и сделаю, что ты скажешь мне, Вестник. Но пока мы по финикийскому морю плывем из одного города финикиян в другой их город, это я буду указывать тебе дорогу. Да если бы знали Вестники наши пути, знали коварство наших жрецов и жадность наших торговцев, разве плыли бы мы с тобой теперь на поиски сестры твоей Вестницы?

– И то правда, – пришлось согласиться мне.

Замысел его выглядел вполне подходящим. Впрочем... Была в нем одна деталь – неясная, но очень существенная.

– Хорошо, – сказал я, – только скажи мне, как собираешься ты вытащить Вестницу из лап жрецов?

– А вот этого я не знаю, – простодушно ответил Иттобаал, – вы с ними ведете переговоры, вы им читаете письма, вы называете себя Вестниками богов – значит, вы сами разберетесь, как именно избавиться от них. Молния с небес или что-нибудь такое...

– Иттобаал! – я аж поперхнулся.

– Вот я, – отозвался он вполне по-библейски.

– Иттобаал, разве называл я себя Вестником богов?

– А разве возражал ты, когда тебя так называли?

Вот уж действительно: назвался груздем... назвался посланцев богов – полезай к жертвеннику. Не на том ли и Юльку заловили?

– Я человек, Иттобаал, как и ты, – решительно сказал я, потом помолчал и добавил, – и почитаю Единого Бога, сотворившего небо, море и сушу, и нас с тобой. Я не верю Баалу и Астарте, не верю Ададу и Илу...

– Не хочешь, не верь, – спокойно ответил Иттобаал, – если твой Бог достаточно силен, тебе это и не нужно. Он скажет тебе, как вызволить вестницу, сестру твою?

– Не сказал пока, – вздохнул я тяжело, – нам самим придется с этим разбираться. А Его... Его будем молить, чтобы всё у нас с тобой получилось.

– Хорошо, – согласился Иттобаал, и добавил, промолчав, – А я еще призову Владыку Морского и Лунную Госпожу, может быть, они нам помогут. Так надежнее. Только как мы будем с тобой спасать Вестницу?

Следующий час, и другой, и третий мы провели в разговорах о Библие. Иттобаал рассказывал мне о жителях его и нравах, чертил на палубе угольком план города, описывал, как охраняются и когда закрываются ворота, где расположены храмы и дворцы, как поднимается в городе тревога и как собирается городское ополчение. Выходило, что для успешного штурма хватило бы всего-то одной роты спецназа при поддержке вертолетов и катеров... За полчаса бы управились, не вопрос. Один взвод поднимает шум у городских ворот, в это время с другой стороны ставится дымовая завеса, саперы делают пролом в стене, два взвода идут на поиски... Только не было у нас этой роты и этой завесы. Были только хилые моряки и землепашцы, и тех немного, да мы с Иттобаалом, да верный мой Петька – вот и весь спецназ. И техника раннего железного века, местами застрявшего в бронзовом. Только и всего. Любая попытка штурмом взять что бы то ни было в Библие привела бы к стопроцентным потерям в нашем отряде, и уже было абсолютно неважно, куда бы мы успели за это время проникнуть и сколько врагов положить.

Так что в Библи мы торопиться не стали. При таком ветре мы, пожалуй, могли бы дойти до него к закату того же дня, но Иттобаал за пару часов до заката показал нам место стоянки – небольшую бухточку под защитой каменного мыса с песчаным пляжем и парой домиков неподалеку от берега. Никого, кроме нас, не было видно до самого горизонта. Иттобаал уверенно показывал нашему капитану, куда направлять корабль (тот при помощи еще одного морехода едва управлялся с тяжеленным кормовым веслом) и минут через пять таких маневров корабль мягко ткнулся носом в прибрежный песок. На мель налетели!

Но моряки мои были совершенно спокойны. Они попрыгали в воду, потянули с носа корабля толстый канат, вытащили его на берег, а там перекинули его через невысокий и толстый столбик, торчавший на границе песка и камня и, пользуясь им как блоком, стали вытягивать корабль на сушу. А как, интересно, собираются они его обратно тянуть? Руками толкать? И зачем так мучаться, если есть якорь?

– Море беспокойно, – пояснил Иттобаал, – если Владыка Морской ночью разъярится, якорь нас не удержит. Так будет спокойнее.

Он распоряжался настолько уверенно, а моя команда слушалась его с таким доверием, что сомнений у меня больше не возникало. Пора было заняться ужином. В ближайшем домике нашлась простая глиняная посуда, бронзовый котел (ценность по нынешним временам!) и несколько глиняных статуэток, ну куда же тут без них... Божества. Так что первым шагом при подготовке к ужину стало возлияние: капитан с Иттобаалом налили в глиняную чашу немного вина, и, бормоча что-то очень благочестивое, опустили перед статуэтками на колени, потом и вовсе пали ниц, но лежали недолго – секунды две – и сразу встали. А потом вылили вино на земляной пол – и с удивлением оглянулись на меня.

– Ты плаваешь по морю, Вестник, и не хочешь почтить его Владыку? – с удивлением спросил меня Иттобаал.

Религиозные чувства своих спутников я уважал, но... теперь, когда мы плыли выручать Юльку, когда всё было настолько всерьез, я не хотел играть в такие вещи. Особенно после той ночи.

И совсем не так он делает выпады, совсем не так парирует мои удары, как Боярский в кино. Техника фехтования тут еще не наработана – но и я не могу ей научить, сам не владею. Тут не столько изящные выпады и блоки, сколько элементарный расчет: успеешь ты понять, куда противник наносит удар, успеешь увернуться или подставить собственный меч, или нет.

Так что, когда мне удалось уйти влево, почти упасть на песок – и наметить колющий удар в область паха, Иттобаал одобрительно усмехнулся. А когда через три минуты я повторил прием, и он уже изготовился отбить мой меч, но я вместо этого послал рубящий по ногам, и он не успел среагировать – тут он сказал, что я готов к первому бою. Но я не сдавался до третьей победы (это после двух десятков поражений). Третья была совсем простой – я симитировал удар в корпус справа, резко отпрыгнул влево и немного вперед – и послал ему колющий в незащищенный бок.

– Ты воин, Вестник, – сказал он, тяжело вытирая пот и дождевую воду со лба, – победить охрану нашего царя тебе вряд ли по силам, но с храмовыми псами ты справишься легко. Ты хороший воин.

Да я и так это знал.

Мы оставили мех с вином в гостеприимном домике для тех, кто придет после нас, и погрузились на корабль. Оказалось, на мысу торчал еще один такой же столб, и мы смогли, перекинув канат через него, стащить корабль обратно на глубину – тем более, было время прилива, и тащить пришлось всего несколько метров.

Я уже точно знал, как мы поступим, а в кармане сильно уже потрепанных джинсов у меня лежала инструкция для Вестницы – на полях яркого бумажного проспекта. Ну не может быть, чтобы такую красоту они ей не передали! Какие там пальмы и верблюды, какая девушка улыбается на их фоне! Пусть останется потом проспект им в утешение, будут пользоваться как виагрой. А вот Юльку мы у них заберем. Только выйдет ли это у нас?

Помоги нам, Господи!

34.

Прошел день, меня никто не трогал и с разговорами не приставал. Да и не до разговоров мне сейчас было – перед глазами по-прежнему постоянно прокручивалось увиденное, и оттого ни есть, ни спать, ни вообще как-то жизнедеятельствовать я не могла. Так вот что стояло за скупыми строчками школьного учебника по истории... Неужели другие страны тоже устроены именно так? Ну уж дудки, не хочу я в таком мире жить, ни за какие коврижки не хочу! Только вот кто мне даст из этого мира к себе вернуться? И Венька непонятно где ошивается, и что с ним происходит – неизвестно...

Слезы сами собой вдруг закапали, словно открылся водопроводный кран, сначала по капельке, а потом самым настоящим потоком. Свернувшись клубком у стены, я всхлипывала, завывала и отчаянно жалела себя, когда моего плеча внезапно коснулась чья-то рука.

– Госпожа, я принес тебе поесть, – произнес голос, принадлежавший, как оказалось, старому рабу, прислуживавшему узникам пещеры уже не первый день. Надо же, я думала, что он глухонемой, ведь до сих пор от него ни звука слышно не было, и держался он всегда так, словно ничего вокруг себя не видит и не слышит.

Старик с поклоном подал мне глиняную миску, в которой бултыхалось что-то овощное, прикрытое куском пресной лепешки, и в то же время незаметным жестом сунул мне в руку что-то, по ощущениям напоминавшее сложенную бумажку. Я хотела тут же взглянуть на то, что он мне передал, но старик бережно сжал мои пальцы в кулак и покачал головой, дескать, не сейчас.

Проглотив безо всякого аппетита половину этого варева, я забилась в самый дальний угол пещеры, где за мной было очень трудно следить, свернувшись клубочком, устроилась так, чтобы передо мной был падавший сквозь щели в камнях луч закатного солнца. Осторожно развернув записку, я чуть не вскрикнула от неожиданности. Это был такой зримый, осязаемый привет из прошлой жизни, что я едва снова не расплакалась. На затертом на сгибах туристическом буклете Венькиным почерком были надписаны несколько строк.

Значит, Венька жив, он рядом, он не бросил меня! От радости мне хотелось танцевать, но выдавать себя было нельзя. Я хотела спрятать записку куда-нибудь в щель между камнями, чтобы перечитать ее завтра и послезавтра, но не тут-то было. Давешний слуга словно материализовался откуда-то из воздуха, требовательным жестом отобрал листок, да еще потребовал, правда, в весьма почтительных выражениях, чтобы я ему перевела, что там написано про неземных красоток, волшебные дворцы и благородных верблюдов, и как вообще всё это можно заполучить бедному старому слуге в личное пользование – если, конечно, я не хочу, чтобы факт незаконного общения с чужеземцами стал достоянием великого жреца.

И что мне оставалось делать? Заручившись уверениями старика, что он сохранит все в тайне, я сочинила что-то более менее связное и цветистое по мотивам картинок в буклете, с грустью проследила, как он прячет сложенную бумажку в складках своей одежды, и... неожиданно для самой себя призвала на помощь все верховные силы, если они только есть, чтобы старик меня не выдал, и чтобы удалось задуманное Венькой отчаянное предприятие. Теперь оставалось

самое трудное – ждать, не предпринимая слишком поспешных действий, чтобы не выдать себя и не насторожить раньше времени жрецов.

К счастью, дожидаться пришлось не слишком долго. Уже через пару часов официальная жреческая делегация явилась, чтобы сообщить мне, что настал предначертанный для омовения час.

– Разве уже родился серп молодой луны? – заартачилась я, памятуя наставления из Венькиной записки, – только при его свете я смогу очистить свое тело для встречи с Владычицей.

– Ты хочешь сказать, что твоя... что ты будешь негодна Владычице? – уточнил козлобородый глава делегации, с сомнением глядя на меня. – Но откуда тебе ведома воля Владычицы?

– Мне всё ведомо, – отрезала я и, чуть-чуть помедлив, добавила, – Ну, не всё, но многое. Или вам неизвестно, что я – цафонская вестница Йульяту, что я умею читать старинные письма и узнавать по ним волю богов?

– Так вот, – продолжила я, на всякий случай покрепче вцепляясь в какой-то обломок скалы, – Никуда я теперь не пойду. Я должна совершить морское омовение перед самым рассветом, в первый день новой луны, только тогда Владычице будет угодно мое приношение. А пока идите и не тревожьте меня своими глупостями.

Переглянувшись и пожав плечами, жрецы покинули мою пещеру, и я не поручусь, что при этом они между собой не употребляли выражений типа «взбалмошная баба». Ну да пусть их, пускай говорят что хотят, мое дело – в точности выполнить Венькины указания. А это означает... да сколько его знает – день, два, три или неделю скучной, но хотя бы сытой жизни под крышей, в порядке уже опостылевшей мне пещере. А главное, жизни!

Я решила коротать время по-тюремному – вспоминать стихи, которые я когда-то в незапамятные времена учила наизусть, делать гимнастику, чтобы не ослабевали мышцы рук и ног, сочинять всякие забавные истории про наши похождения, слушать которые приходилось лишь одиноким муравьям, время от времени забегавшим проведать меня и поживиться крошкой лепешки. А давешний прислужник больше рта не раскрывал, и, видимо, свободное время тратил на созерцание красавицы и верблюда из сирийской рекламы.

Когда настанет долгожданная ночь, я понятия не имела, но выдавать свое невежество никак не хотела. Так что спала я и в ту, и следующую ночь плохо и подсказывала, честно говоря, от малейшего шороха, а накануне рассвета уже сидела, поджав ноги и закутавшись в накидку. Но долго страдать от бессонницы мне не пришлось: уже на вторую ночь снаружи раздались шаги, пещера осветилась неровным светом факелов, и тяжелый голос произнес:

– Вестница, час омовения настал, идем. Молодой месяц родился в эту ночь.

Сделав вид, что я только что проснулась, я немного поворчала для отвода глаз, но на волю все же вышла. Небо было глубоким и чистым, усыпанным множеством крошечных звезд. Микроскопический серпик нарождавшейся луны был едва виден, и оттого ночь казалась совсем черной и непроглядной. Мы – то есть я и четверо местных, двое из которых были явно жрецами, а двое слугами, несшими факелы, оружие и какую-то дребедень – прошли обратной дорогой через весь город. В неверном свете факелов он казался каким-то особенно пустым и

безразличным, но на улицах порой попадались молчаливые фигуры, которые зачем-то пристально смотрели на меня, не говоря ни слова. Жуть полнейшая, что и говорить.

Наконец, мы вышли за ворота (кажется, совсем другие, чем те, через которые мы входили из гавани) и спустились по тропинке, ведущей в маленькую каменистую бухту.

– Отошлите слуг, – приказала я тоном, не терпящим возражения. Не люблю я эти штуки, но что поделаешь, если на местную публику только такими приемами и можно подействовать? Им в голову не приходит, что не всякий, кто берется командовать, имеет на это право.

– И факелы потушите, – добавила я как можно требовательнее. – Никто не имеет права смотреть на обнаженную Вестницу, если не хочет, чтобы боги в наказание вырвали ему глаза и набили полные глазницы раскаленных угольев.

Откуда у меня взялись эти поэтические образы, не ведаю, но на слуг они явно произвели неизгладимое впечатление. Оба несчастных с поклонами воткнули факел в землю, задули его и удалились на весьма приличное расстояние. Второй светильник, правда, так и остался у них, но тут уж я ничего не могла сделать, разве что припугнуть хорошенько. – Дальше, дальше, – подбодрила я слуг, – Чтобы даже случайно вы не могли увидеть выходящую из морских вод Вестницу. Иначе гнев богов будет страшен.

Перепуганные бедняги бросились бежать со всех ног, тогда как их хозяева попытались что-то возразить. Я сбросила с плеч покрывало, оставшись в одной тоненькой хламиде.

– Вас тоже касается, – весьма сварливо обратилась я к жрецам. – Даже ваше высокое положение не позволяет вам лицезреть обнаженную Вестницу. Посему отвернитесь от моря и зажмурьте глаза, пока я не совершу омовение и не позволю вам глядеть на меня.

– А не может ли Вестница совершить омовение одетой? – поинтересовался старший из жрецов и получил в ответ однозначное «Не может!».

– Негоже Вестнице покрывать свое тело во время омовения, это неуместно богам, – торжественно произнесла я, берясь за край хламиды. – Так что отворачивайтесь быстрее, если не хотите ослепнуть. И не тяните время, иначе солнце поднимется, и омовение совершать будет невозможно. Или вы хотите ждать еще месяц?

Продлевать ожидание жрецам явно не хотелось, ослепнуть и того менее. Очевидно рассудив, что никуда голая иностранка из бухты не денется, они отвернулись от обрыва и зажмурились. Сбросив дурацкую бесформенную хламиду, чтобы она мне не мешала, я бросила ее на землю и голышом потопала по тропинке вниз, к морю, спотыкаясь на острых камнях. Хорошо, хотя бы разуваться сразу не стала... Не знаю, что там задумал Венька, но сейчас мне оставалось только надеяться на него и на его смекалку.

35.

Да ничего особенного и не было в той записке... «Юлька, все будет хорошо. Убеди их, что перед встречей с Владычицей обязательно нужно омовение морской водой до рассвета в ту ночь, когда впервые появится серп молодой луны. Там, куда они тебя приведут, мы тебя встретим». Ну что тут еще можно было написать? Клочок бумаги был совсем маленьким... Но я все-таки написал. Ну просто для поднятия морального духа... чтобы ей там не куksится. Чтобы Вестница выглядела радостной, а не забитой. В общем, вы понимаете... «Я тебя люблю!» там еще стояло. А что такого, в конце-то концов? На «блю» даже места не хватило, одно только «лю» поместилось.

Остальное – дело техники, и техником у нас был Иттобаал, да капитан мой развернул взаправдашнюю ближневосточную торговлю, неторопливую, как стадо слонов на водопое. Но сбором разведанных заведовал Иттобаал, это у него превосходно получалось. Уже к рассвету первой библской ночи все было ему известно о жертвах и омовениях: где, когда, кому, как и почему. Насчет «почему», кстати, обошлось не так уж и дорого: пиво развязывало язык портовых грузчиков и стражников, младших жрецов и домашних слуг – ну прямо как в нашем мире. Только плакатов «не болтай!» тут еще не придумали, равно как и статьи за разглашение государственной тайны.

А уж найти парочку рыбаков, привыкших выходить в море по ночам, и пообещать им хороший улов серебра было и вовсе нетрудно. Тем более, что серебро финикийского бандита в моем кошельке еще не закончилось, и за десять шекелей готовы были они рискнуть головой. Просили, конечно, пятьдесят, но торговаться я и без Иттобаала прекрасно научился на рынках земли обетованной. Да и то сказать: за какую ночь рыбаки зарабатывают по пять шекелей серебра, это ж грамм 60 по нашему счету получается, на рыло? Да они за месяц столько выручить не могут!

Что было сложно, так это прожить несколько дней в Библие этом – ну даже не совсем прожить, ночевали-то мы на корабле. Но на экскурсию сходить пришлось, и не по разу. В том числе и на ту... и на ту, после которой я понял одно: я буду их убивать. Всех, кто попадется. И вспоминал теперь уже не подробности этой экскурсии, а только одно: выпад справа, прыжок влево, уход вниз, косящий в пах. Или рубящий по голени, а потом, когда упадет – добить, одним ударом в горло, и отпрыгнуть с разворотом, чтобы не успели за спину зайти. Заставлял себя вспоминать мокрый берег нашей стоянки, тяжелое дыхание, дождь и глухие удары доисторического железа друг о друга – удары, после которых Иттобаал долго и с недовольством осматривал свой выщербленный клинок, но и полсловечка мне не сказал.

А воспоминание о том, как они приносили в жертву детей, я решил оставить до того момента, когда я буду их убивать. Убивать людей не очень сложно научиться, я же знаю. Сложно только решиться на это. Детоубийц – буду. Чем они лучше тех, кто... но хватит об этом.

Не очень нам, конечно, повезло, что уже настала осень, ночи были довольно прохладными, море – так и вовсе холодным. Место для засады мы выбрали заранее, дорожку разведали, пройти по ней было не очень трудно даже в темноте, а вот

дождаться рассвета нам вдвоем с Иттобаалом с вымазанными сажей лицами, в накидках цвета ночного ужаса – навыки маскировки очень даже пригодились – было довольно холодно. Но костер не разведешь, а зимнего обмундирования тут не выдают... Петька тоже напрашивался с нами, но я его оставил за рыбаками проследить. Все-таки молод еще, а главное – он никогда никого не убивал. И он не был там, где были мы с Иттобаалом – на площади перед храмом Владычицы Библа. У него наверняка бы дрогнула рука.

«Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его... Господня земля, и исполнение ее... море и все, что в нем. Там животные малые с великими, и рыбы, им же несть числа, там Левиафан, которого Ты создал для игры...» Я никогда не учил наизусть Псалтири, но здесь, на берегу морском, за три тысячи лет до дома, за час или два до вероятного боя, слова псалмов, путаясь и теряясь, сами шли на язык, и хриплый мой шепот вторил волнам прибоя. «На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек. Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив, не до конца прогневается, не истребит Господь ищущих Его. Благо есть петь имени Твоему, Всевышний, возвещать в ночи истину Твою и утром – милость Твою... Просвети, Господи, лицо Твое на нас, ибо не мертвые восхвалят Тебя, не нисходящие в могилу. Если даже сойду и лягу в мире мертвых, то и там встречу Тебя, если возьму крылья зари и переселюсь за море – и там десница Твоя поведет меня, ибо Ты – помощь моя и щит, ты скала прибежища моего!» И дышало море, и темнели скалы, и кто-то должен был еще до рассвета сойти на этой тропе в мир мертвых, но я еще не знал, кто. И слова молитв, которые, может быть, еще и не придуманы в этом мире, сами ложились на язык.

– Да, он силен, твой Господин, – вдумчиво, но и с некоторым сомнением произнес Иттобаал, – и слова твои сладки, как медовый сот. Я тоже сотворю хвалу владыкам моря и луны, и демонам ночным воздам славу. Кто знает, смилуются ли боги над нами в эту ночь?

Я не стал ничего отвечать на это. Такой уж у меня был в эту ночь спутник, и что бы я без него делал?

Они появились, когда зарозовел край неба, когда в неверном сумраке стали видны человеческие фигуры – но нас, лежащих за камнями, им не могло быть видно. К тому моменту затекло и замерзло всё, что только могло затечь и замерзнуть, ночь была ясной и холодной, и не спасал даже глоток доброго вина, припасенного как раз на этот случай.

Их было всего двое, на той тропинке, которая вела к морю. Третья фигура – это действительно была Юлька! – белея всем, чем только можно (признаться, этого я не ожидал) резво побежала к воде, холодно ей, наверное, было. Но провожать ее глазами было некогда. Я показал Иттобаалу на правого, себе выбрал левого; чему-то и я мог его научить, язык жестов оказался очень кстати, и...

О чем только ни приходится думать перед боем, а точнее, в тот момент, когда прыгаешь, пригнувшись и придерживая снаряжение, за борт вертолета или боевой машины... Но тут не вспоминалось ничего. Была только долгожданная радость движения, холодная, расчетливая ярость. И подогретое воспоминание о том дне перед храмом Владычицы Библа, когда нож жреца полз по детскому горлу и отчаянный крик «мама, мама!» угасал, захлебывался кровью, и кровь текла перед алтарем, и жрецы пели, а толпа гудела, ревела, и я накидывал на голову свой плащ

– вроде от дождя, а на самом деле, чтобы не увидели они в тот момент моих глаз. Я буду вас убивать, читалось в них безо всякого перевода.

Мне хотелось – именно по горлу, как они резали того мальчишку. И еще мне хотелось взглянуть в глаза прежде, чем нанести удар. Ничего не объяснять, а просто взглянуть в глаза, как и они смотрели в глаза своим жертвам. И еще... ну не мог я ударить в спину, как сделал со своим Иттобаал, просто и безо всяких затей. Он, похоже, попал в область сердца – тот рухнул сразу с тихим стоном, и забился на земле.

А я выскочил прямо перед своим, с мечом наизготовку, и взглянул-таки ему в лицо. «Не убивай!» – завопил он, отшатываясь, роняя факел, судорожно хватаясь за свой короткий меч. Это, конечно, было ошибкой. Моей ошибкой, не надо было давать ему кричать – рядом могли быть другие. Я ударил наотмашь слева, но он подался назад, удар вышел скользящим, только разодрал ему предплечье, и он повалился на землю – а второй, колющий удар я направил в горло, и попал точно.

Это только в кино они падают красиво и умирают сразу. На настоящей войне ты видишь, как толчками из него выходит кровь – ее довольно много в человеке. Видишь его агонию, синеющие губы, скрюченные руки, слышишь последние слова или булькающие хрипы... и если ты нормальный человек, не маньяк, ты трижды попросишь у Бога, у судьбы, у командира взвода, чтобы никогда больше такого тебе делать не пришлось. А вот порой приходится.

– Он закричал, – резким шепотом, и не без укора, бросил мне Иттобаал, – бежим вверх, там наверняка другие. Никто не должен о нас знать до рассвета!

– А Юлька... Владычица? – переспросил я.

– Не маленькая, – ответил он и припустил вверх по склону.

А и правда, не была она маленькой. И точно – если сразу прознают в городе, что двух жрецов погубили на берегу морском, нам не уйти от погони. Небо уже розовело вовсю, а через час мы будем на море как на ладони. Даже полчаса лишних до тревоги – огромный бонус в нашем положении. И я поспешил за Иттобаалом.

Их было двое, они были растеряны, один держал факел, а другой – меч. Явно не жрецы, слуги какие-то, и не из самых важных. «Демоны ночи, демоны!» – завопил тот, что с факелом и постарался отмахнуться от нас, словно свет должен был нас испугать. Теперь уже Иттобаал показал мне на того, который с факелом – и сходу ударил другого, тот даже не успел ничего сделать, и перебитая рука, выронив меч, повисла, как плеть. А второй удар он нанес в горло, как и я. Правильно, так меньше шума.

Мой слуга постарался отбить удар меча факелом, и факел полетел оземь, зашипел, умирая на холодных камнях.

– Не мешкай, – бросил мне Иттобаал и, развернувшись, побежал к морю. Осталось нанести только один, последний удар...

Не сцена жертвоприношения стояла у меня перед глазами сейчас, когда я глядел в перекошенное от ужаса молодое лицо, видел кривящийся рот, распахнутые глаза. Нет, отчего-то совсем не она.

Я вспомнил своего первого... Это было давно. Три тысячи лет тому вперед. Обыденный выход в арабскую деревушку обернулся богатым уловом, наши ребята нарыли там немало всякого шахидского добра. А меня, совсем еще зеленого, поставили сторожить троих парней – они стояли лицом к стене, руки за головой, их

уже обыскали и что-то, видимо, нашли, но вести в машину пока не стали. Сначала надо было обыскать дом.

«Дернутся – стреляй». Приказ был ясен, да и без приказа понятно: это война, и пленные остаются пленными, лишь пока стоят смирно. И они стояли. А потом невдалеке что-то бабахнуло (наши саперы взрывали мастерскую для шахидских поясов, как оказалось), и один из троих, то ли от страха, то ли в надежде, что я отвлекся – рванул вдоль по улице. От угла, за которым можно было скрыться, его отделяли секунды две или три, но... стрелять нас учили хорошо. Не меньше трех пуль попало в цель, его отбросило к стене дома, он жил еще минут десять – и говорил, говорил по-арабски, всё жаловался, как больно, и звал маму, и просил дядю передать что-то младшим братишкам, и дать ему таблетку от боли, и перенести его под старую оливу, и еще какой-то бред... Никто к нему так и не подошел. А я стоял и следил за двумя остальными, пока из него выходила жизнь. Я выполнял свой приказ. Я не думал и не чувствовал тогда ни-че-го.

Потом были другие выходы, и я стрелял, и, видимо, иногда попадал. Но всегда можно было подумать: это не моя пуля, его убил или ранил другой. И в меня тоже стреляли пару раз, один раз даже попали, но на излете и в бронежилет. А этот... этот был мой, без сомнения. Молодой и совсем не похожий на шахиду. Он не сразу стал приходить ко мне во снах, и вообще, я был во всем прав – я исполнил, что было должно, я защищал свой народ, свою землю, жизнь и безопасность своих товарищей, в конце концов. И потому я убил паренька лет двадцати, который, может быть, ни в чем и не был перед нами виноват. А по-своему, так был даже прав...

Чем, чем храмовый слуга напомнил мне того палестинца – я не знаю. Но я толкнул его на землю левой рукой, острие меча поднес к самому горлу, и сказал:

– Лежи. Молчи. И будешь жить!

А потом развернулся и побежал к морю, вслед за Иттобаалом. Юльку все-таки надо было предупредить...

– Свои, свои, – закричал я, – не бойся! Теперь все свои.

Иттобаал уже цеплял свой меч к надутому воздухом бурдюку, сбросив тяжелый от влаги плащ. Метрах в двухстах от берега нас ждала большая рыбацья лодка, и я был почти уверен, что уже могу различить ее контуры на фоне предраассветного моря.

36.

Сыграть перед жрецами роль властной и уверенной в себе Вестницы оказалось несложно. Но буквально после трех-четырех шагов по темной тропке, стоило мне пару раз запнуться и набить синяк-другой о торчащие камни, весь нарзан из меня вышел, как говаривала бабушка. Да и время года было уже не то, чтобы разгуливать ночью голышом, так что была меня крупная и противная дрожь. Скотившись к самому берегу, я оглянулась назад, чтобы понять, не следят ли за мной сверху. Наверху явно шла какая-то непонятная возня, мелькали черные тени, и лучше было во все это не вмешиваться. Только вот где же Венька, что с ним? Неужели он там, в этой непонятной и грозной тьме?

Закусив ладонь, чтобы не взвыть от ужаса и тревоги, я беспомощно озиралась, не понимая, что же мне теперь делать. Внезапно там, откуда я прибежала, раздался резкий, полный ужаса крик, и сердце мое дернулось и заняло в ответ ему.

– Венька, Веня, Венечка, только не умирай, только живи, пожалуйста, только уцелей, – твердила я как заведенная, – Не забирайте его у меня, очень прошу, не забирайте, пусть он будет жив.

Я сама не знала, кого просила, кого умоляла, но я всем своим существом чувствовала, что есть Кто-то или Что-то, огромное, могущественное, перед кем мы только маленькие слабые беспомощные дети.

Стоять на берегу было холодно, да и неловко я себя ощущала вот так, совсем без ничего, хотя в этот рассветный час любоваться моими красотами было совершенно некому. Поэтому я свернулась клубочком за одним из валунов, щедро раскиданных в прибрежной полосе, и только по-прежнему повторяла раз за разом: «Спаси его, ну пожалуйста, ну что Тебе стоит! Не убивай, сохрани его, верни мне его живым и здоровым!» Так в детстве просят: ну пусть в этот раз к доске вызовут не меня, пусть мама раньше вернется с работы, пусть найдется любимое цветное стеклышко! Но насколько теперь всё было всерьез...

Я вся обратилась в слух, тревожно ловя мельчайшие звуки, доносившиеся с откоса, но когда почти над самым ухом протопали чьи-то тяжелые шаги, и следом раздался такой родной и знакомый голос «Свой!», я вздрогнула от неожиданности. В следующую секунду, сама от себя не ожидая такого, повисла у Веньки на шее, всем телом впечатавшись в него и повторяя только одно слово «Живой!».

Венька, по-моему, тоже совершенно ошалел. Но он был еще весь такой горячий, не вышедший из боя, что от избытка чувств стиснул меня так, что я невольно взвыла «Больно», а Венька вдруг закрыл мне рот поцелуем. Мир вокруг завертелся и погас, чтобы буквально тут же взорваться от чьего-то чуть недовольного голоса:

– Эй, бросайте, корабль ждет.

– Вень, кто это? – охнула я, соображая, что прикрыться мне совершенно нечем. И даже волос у меня куда меньше, чем у легендарной леди Годивы, а стало быть, представать перед незнакомцем в подобном виде совсем ни к чему. Да и перед Венькой тоже, откровенно-то говоря...

– Иттобаал это, – буркнул Венька, кажется, тоже испытывая неловкость от моего вида. – Мы с ним вместе пришли отбивать тебя.

– Эээ... Приятно познакомиться. Я вам очень признательна... – забормотала я, на всякий случай прячась за Венькину спину, чтобы не очень светиться перед незнакомцем.

– А платье мое вы случайно не принесли? – вдруг брякнула я. – Не могу же я в таком виде...

– Можешь-можешь, – неожиданно фыркнул Венька, – тебе так даже очень идет.

Он ловко увернулся от подзатыльника, который я была готова ему отвесить, и в свою очередь наградил меня звонким шлепком.

– Будешь знать, как в плен попадать, – назидательно произнес Венька, а потом серьезным тоном продолжил, – Платье тебе сейчас совсем не поможет, даже наоборот. Нам до лодки плыть надо, оно тебе мешать будет, ноги связывать. А потом в мокром сидеть – ты только хуже простудишься. Так что давай, плыви, а потом разберемся, во что тебе завернуться.

– Тогда не смотрите на меня, – неуверенно попросила я, – А то мне неловко.

– Давай-давай, шуруй вперед, – напутствовал меня Венька, – нам сейчас совсем не до того.

– А то нет! – запальчиво возразила я, входя в воду вслед за Иттобаалом. Он уже вошел в воду и поплыл, толкая впереди себя надутый воздухом бурдюк с каким-то грузом.

Вода показалась обжигающе холодной, и мне не оставалось ничего другого, как грести изо всех сил, чтобы не окоченеть и не пойти ко дну прямо тут же. Пережить все то, что мы прошли, и утонуть – это было бы как-то совсем уж глупо. Море словно сдирало страхи жесткой и одновременной нежной губкой: некогда было думать о всякой гадости и ерунде, только: далеко ли еще до лодки, до сухости и тепла?

Но сухости особой не оказалось и там. В лодку меня втащили, перекинув через скользкий и неожиданно высокий борт сразу после того, как Иттобаал мощным рывком забрался внутрь, чуть не потопив суденышко. Чьи-то незнакомые руки тянули меня вверх, Венька бесстыдно подталкивал сзади, и в конце концов я перевалилась внутрь и сжалась на корме, обхватив руками колени.

Мы заполнили небольшую рыбацкую лодку до отказа, бортами она почти что черпала воду, а мужчины немедленно навалились на весла, чуть не задевая меня при каждом взмахе. Лодка тяжело развернулась и пошла прочь от Библа, набирая скорость и слегка покачиваясь на мелкой волне.

Так странно было сидеть среди этих разгоряченных боем, бегом и греблей мужчин, слышать их хриплое дыхание, немногословные реплики – но это были свои! На плечи мне набросили что-то шерстяное, пахнущее овечьим стадом, стало чуточку теплее, и тут меня вновь заколотило и от холода, и от прошлых переживаний.

– Спасибо, спасибо, спасибо... Мы вместе, делай теперь что хочешь, – мне казалось, что я твержу это про себя. Но над плечом раздался встревоженный голос Веньки:

– Юлька, что там, ты с кем разговариваешь? С тобой все в порядке?

И я, откинувшись назад, разревелась как маленькая.

– Не до того, Юля, – услышала я сквозь вату голос, – грести мешаешь. Сиди ровно, всё это потом. Мы уходим от погони.

Но погони никакой не было. Время тянулось, небо розовело, море билось о борта, только протяни ладонь, и мир был по-прежнему чужим, огромным и страшным. Но теперь со мной был Венька.

Наконец, надвинулась черная громада другого берега, лодка втянулась в узкую бухту, ткнулась носом в прибрежный камень. Меня, почти как мешок, вытянули на берег, и только тут я заметила, что с Венькой рядом стоит его верный ординарец.

– Ой, Петенька, – поздоровалась я с ним по-русски, и он радостно улыбнулся в ответ. Кажется, он уже немного понимал наш язык. И смотрел, между прочим, слишком уж как-то заинтересовано!

Лодка немедленно отчалила обратно, а мужчины так же молча и сосредоточенно полезли вверх по камням – первым шел этот странный финикиец, которому Венька, похоже, доверял полностью. Он уверенно прыгал в рассветном сумраке с камня на камень, показывая дорогу.

Мокрые сандалии то и дело норовили соскользнуть с неровных камней, и я даже подумала, не разуться ли мне, но Венька строго рыкнул «Не выдумывай, ноги собьешь моментом» и крепко ухватил меня за руку. С его помощью взбираться было куда проще, хотя дурацкая накидка то и дело норовила распахнуться самым неподобающим образом, так что исполняла я сложные цирковые трюки по скалолазанию вкупе с высокохудожественным драпированием в подобие римской тоги.

Через какое-то время, то ли пять минут, то ли полчаса – я не в силах была разобрать – мы сидели в укромном месте среди скал и деревьев. Финикиец разводил огонь, Венька с Петькой рубили поодаль вешие ветви на топливо, а я свернулась на том самом шерстяном плаще, прикрывшись другим таким же сверху. Это, кажется, мальчики отдали мне свою запасную одежду – но мне было уже все равно.

Моря отсюда не было видно (а значит, и нас с моря), и про погоню мы так ничего и не знали, была она или нет, и сумела ли наша лодочка безопасно проскользнуть мимо нее, если была. Этот равнодушный и огромный мир давно проснулся: щебетали птицы, по дальнему склону горы медленно ползла полоса света, вытесняя хмурую тень, и серое, сырое марево превращалось в мозаику серых и желтых камней, со всеми оттенками зелени, с коричневым профилем деревьев. Мир начинал свой новый день, но я понятия не имела, где застанет нас его закат.

Хорошо бы теперь крепкого, горячего чаю, подумала я – и провалилась в глухой, внезапный сон, прямо на сырой и жесткой земле финикийского побережья, за тысячу лет до нашей эры. Чай тут еще не научились заваривать.

37.

Мерно покачивалась на ходу спина мула, трудно было не уснуть, не свалиться с него на узкую тропинку, которая всё вилась между рощиц и скал, между ручьев и редких домишек, между серо-зеленых олив и голых, обрезанных после сбора урожая виноградных лоз. Где-то там, справа, иногда мелькало стальное, неласковое море. Мы пробирались сухопутным путем на юг, к Тиру.

Серый, занудный дождь перестал, но небо совсем не расчистилось. Напротив, похолодало, дул ощутимый ветерок, и я радовался, что нам удалось обсохнуть после той ночи у костра, и что так быстро попался попутный караван. Путешествовать в одиночку в этих краях, как, в прочем, и в любых иных, было вовсе небезопасно, и еще будет тысячи две... или три тысячи лет? В общем, долго.

Интересно, где тут будет Бейрут, где проложат приморское шоссе, по которому будут нестись междугородние автобусы и осторожно ползти танки очередной ближневосточной войны... Не определить этого было в сером мареве хмурого дня, и оставалось только таращиться в придорожные кусты или хмурое небо, чтобы не заснуть и не свалиться под копыта замыкающего мула. Передо мной покачивалась Юлькина спина, за ней виднелась Петькина, и зад здоровенного верблюда, и еще чья-то спина, и еще... За мной был только Иттобаал, замыкавший шествие. Это он определил, что нам надо пробираться не к Арваду, а наоборот, в сторону Сидона, чтобы обмануть преследователей, и уже потом, когда всё уляжется, возвращаться морем в Арвад. Хотя что нам в этом Арваде?

Высоко над нами парила большая хищная птица, каких мне не доводилось видеть в Израиле наших дней. Она зависала почти что над нашим караваном или немного уклонялась в сторону, но оставалось твердое ощущение, что это она провожает нас, и как-то не по-доброму. Нет, этак я скоро в приметы верить начну.

– Юль, – позвал я, чтобы как-то отвлечься.

– Чего?

– Ну расскажи, как там оно было-то.

– Да чего рассказывать...

– Ну как угораздило тебя. И вообще.

– Да ладно, – отмахнулась она, – потом как-нибудь, неудобно. Разве что ты езжай со мной рядом.

К вождению мулов я был непривычен – а вот мул, как очень скоро оказалось, привык ходить в караванной цепочке и никак иначе не хотел.

– Тропинка узкая, – ответил я после пары безуспешных попыток, представляя, как веселится Иттобаал, глядя на мою джигитовку с понуканием смиренного животного, – не получится. Давай так, слышно хорошо.

– Ой, да ну, – она явно не хотела говорить, – чего там.

– Засыпаю я. Всю ночь в засаде провели, утром так и не отдохнули, потом сразу караван этот. Совсем засну, если не расскажешь чего интересного.

– Ну тогда ладно. Значит, слушай... Пошла я погулять, а тут...

Ее рассказ тек плавно и неторопливо, и так радостно было слышать русскую речь после всей этой кутерьмы, после жара боя и дрожи сырого утра. Домашняя, родная речь. Родной и любимый голос.

– Юлька, а я человека этим утром убил, – вдруг брякнул я посредине ее рассказа.

– Да ты что? Кого? – ужаснулась она.

– Одного из тех жрецов на берегу.

– Что, серьезно? – живо отозвалась она, – Вот молодец! Жаль, что только одного. Ты бы видел, что они делали там! Да я бы их всех...

– Я бы тоже всех, – ответил я, – и я тоже это видел. Я тогда в толпе стоял, только плащом накрылся. Иттобаал со мной там был. Ты меня не заметила. Но дело не в том... Я не думал, что еще буду убивать. Никогда. А вот пришлось. Всё думаю, а мог ли обойтись без этого? Я вот второго не стал – и ничего...

– Это такой мир, – спокойно ответила Юлька, – или они тебя, или ты их. Ты молодец, Вень. Ты очень большой молодец. Я только потому держалась, что ждала тебя. Я знала, что не бросишь. Один – это даже мало. Они там в этом Ветхом Завете пачками друг друга резали, и ничего. А мы...

– А мы и живем с тобой в этом самом Ветхом Завете теперь. В окраинной его части.

– Да ну! – удивилась она, – а где же тут Моисей и все остальные?

– Моисей, наверное, уже был, – отозвался я, – а про остальных не знаю. Но они, если есть, то примерно в той стороне, куда мы движемся, только дальше. Может, и встретимся...

– Я бы лучше в Грецию поплыла, – ответила она, – там все-таки Эллада, культура... ну хотя бы Гомер – уж он-то, наверное, уже есть?

– Троянская война, должно быть, в самом разгаре, – ответил я мрачно, – Ахилл выпустит кишки Гектору, или Гектор Ахиллу – уж кто шустрее окажется. Ахейцы в итоге замочат троянцев, хитростью возьмут, это мы уже знаем. А вот Гомер, чтобы все это красиво изложить, только через несколько веков появится. Кончаловский кино свое еще позже снимет. Так что в Элладе тоже не на что смотреть пока. Ну ладно, рассказывай дальше...

И она рассказывала, то и дело смущаясь и аккуратно подбирая слова, пока совсем не потемнел небосвод – что-то вечер опустился слишком быстро, и надо было разбивать лагерь для ночлега. Главный караванщик, ни говоря ни слова, свернул на какую-то площадку сбоку от дороги, вся его команда привычно и так же молча стала развешивать мулов и верблюдов, разбивать два походных шатра, ломать ветки на топливо для костра...

– А все-таки зря, – сказал я, подавая Юльке руку, когда она спускалась с мула, – все-таки, думаю, зря не высыпал тебе тот детина в Арваде. Немножечко так.

– Чего это?! – возмущенно завопила она.

– Чтобы знала, как без спросу убегать. Чтобы больше никогда... Потому что я люблю тебя. Потому что я... куда же я без тебя?

Я сам не понимал, чего это я вдруг сказал – от усталости, наверное. А Юлька... она просто обняла меня крепко-крепко, красноречивее всех слов, и уткнулась носом в плечо. Целоваться, наверное, стеснялась при всех.

– Бен-Ямин, Сын Десницы с Цафона, – строгий голос Иттобаала прервал идиллию, ну что он все время лезет! – отойди от царской невесты.

– Что-ооо? – от изумления я разжал объятия.

– Выпусти из рук своих невесту господина моего царя, Бен-Ямин, – он говорил вроде бы и не властно, но твердо, исключая любое возражение.

– Ты в своем уме? Ты ее-то саму спросил, нужен ей господин твой царь?

– Бен-Ямин, – таким же бесстрастным голосом отвечал финикиец, – мы спасли госпожу нашу от смерти, чтобы стала она невестой господина моего царя. И мы здесь, чтобы охранять и оберегать ее, пока не доставим в брачный чертог господина моего. Или забыл ты обо всем, что говорили мы по дороге?

– Венька, о чем он? Какой царь? Что это? – пролепетала изумленная Юлька.

– Да это он только так говорил, я согласия-то не давал... – растерянно отозвался я на русском, и тут же поправился, уже на финикийском, – Иттобаал, давай сделаем так. Отойдем вот туда, к лесу, подальше от лишних ушей. Ты поговори к сердцу девицы, и если пожелает она пойти с тобой к твоему царю, я провожу ее.

Никаких сомнений в том, чего на самом деле пожелает Юлька, у меня не возникало. Возвращаться в Арвад?! Иттобаал согласился вести переговоры, так что мы отправились в сторону лесочка. Петька, было, увязался за нами, но пришлось его одернуть – ему точно не стоило знать все эти подробности из жизни царей. Самому спокойней будет.

А Иттобаал распустил все перья, как павлин. Достал откуда-то из заглазника золотой браслет и золотое кольцо в нос, положил перед Юлькой. Расписал ей, как «велик и славен Кочубей», сколько у него кораблей, воинов, верблюдов, баранов и наложниц – и среди последних, Юлька, по его словам, будет несомненно первой, причем не наложницей, а царицей, потому что барышни с Цафона не каждый год в Арвад попадают. И всякую такую лабуду.

– Большое вам, конечно, спасибо, – ответила Юлька, когда он закончил, – но мы с Веней. А царю передайте, пожалуйста, что мы его очень уважаем и благодарим за оказанное доверие. Только в Арвад я больше ни ногой!

– Бен-Ямин из Сокаля, рожденный на Цафоне Сын Десницы из града Москева – торжественно обратился Иттобаал уже ко мне – неразумно говорит девица, но ты муж сильный и мудрый. Доставим вместе девицу к царю, и наградит тебя царь!

– Нет, спасибо, Иттобаал. Ты помог нам...

– К чему мне убивать тебя, Бен-Ямин? – оборвал он меня.

В руке Иттобаала сверкал меч. На землю падали первые капли, в воздухе пахло надвигающейся грозой, и сизые тучи ускорили приход ночи... Лагерь и верный Петька в сотне шагов от нас были уже неразличимы в этом мареве, и холодный северный ветер пробирал до костей.

Вот и всё, подумал я. Мне не выстоять в поединке на мечах против Иттобаала. Юлька останется одна, он утащит ее в гарем, и никогда никто не узнает, что и как...

– Петька, ко мне, – заорал я, что было силы. Вдвоем у нас были шансы.

– Я думал, ты муж и воин, – усмехаясь, проговорил Иттобаал, поигрывая клинком, – а ты трусливый пес. Но я сражу тебя на землю прежде, чем прибежит оруженосец твой, и не повторю удара.

И он сделал шаг навстречу, занося меч – и некогда было думать, оставалось только рвануть мой собственный меч из ножен, занять стойку, не слушать

Юлькиного крика, не глядеть в сторону лагеря, а только на острие вражеского меча... Убить или быть убитым. Спасти ее или потерять. И тут я понял, что шансы у меня все-таки есть, и что рука – не дрогнет. Тяжелые капли дождя падали на клинок, и скоро на него должна была пролиться кровь финикийца.

Иттобаал замахнулся для удара, я уже приготовился нырять вправо, чтобы нанести выпад в бок, как тогда, на песке, и...

И мир раскололся, взорвался, дрогнул и распался на тысячи частей – но не потому, что ударил Иттобаал. Я, кажется, потерял на долю секунды сознание – а когда пришел в себя, то ощутил, что сижу на земле без меча, рядом со мной стоит оглушенная Юлька, а подле лежит ничком и кричит от ужаса мой необоримый враг:

– Покрой мой грех, Повелитель перунов, изгладь вину мою, Гонитель туч, не казни раба твоего, могучий Адад!

Поодаль, метрах в десяти, факелом пылал дуб, расколотый молнией надвое. И новые молнии били справа и слева, но уже поодаль от нас, и казалось сущим чудом, что все мы живы.

Он поднял голову, и я ошарашенно стал нашаривать меч на земле, – кажется, нас всех оглушил этот удар. Меча не было.

– Брат мой Бен-Ямин, Гонителю туч Ададу неугоден замысел мой, и твой Бог сильнее господина моего, – проговорил он робко, – не допустил меня Адад до греха, если бы нанес я тебе удар – сразил бы меня Повелитель перунов, не оставил бы и костей, чтобы вдовам моим оплакать меня. Дай мне руку, брат мой, ибо дрожь в коленях моих, и растаяло сердце мое. Нет среди мужей земнородных того, кто внушил бы мне ужас, кого не пожрал бы меч мой, но кто я перед богами? Кто есть человек, чтобы спорить с ними? На Цафоне рождение ваше, и не мне становиться на вашем пути.

– Поклянись, что не причинишь нам зла, – сказал я, сжимая рукоятку меча. Тут ведь он был, оказывается, за мой спиной...

– А ты поклянешься мне в том же? – переспросил он робко. Финикиец всегда остается торговцем, что ни говори!

– Поклянусь, – ответил я.

– Перед небесными богами и морскими, перед демонами ночными и подземными, перед могучим Ададом клянусь, что вовек не подниму руки на брата моего, Бен-Ямина, и на сестру его Юлию, но провожу их, куда пожелают пойти, и пусть покарает меня Ададов перун, если не сдержу слова!

– Жив Господь, – отозвался я, – Бог Авраама, Исаака и Иакова, и мой Бог от чрева матери моей, избавивший ныне душу мою от смерти! Свидетель Он, что не причиню я вовек зла брату моему Итообаалу, спасителю сестры моей от идолов Библа, если только не поднимет он руки на меня и на дом мой, а если я нарушу клятву сию – да не ступать мне по земле живых.

И мы скрепили нашу клятву крепким мужским рукопожатием.

А от лагеря уже бежал насмерть перепуганный Петька... Он так обрадовался, увидев нас живыми – он-то думал, что нас в огненной колеснице забрали прямо на Цафон, а он так и не успел попрощаться.

38.

Слишком много всякого разного случилось в эту бессонную ночь, так что я словно остекленела, мысли и чувства пробивались наружу как сквозь толщу воды, и, рассказывая Веньке обо всем, что было, сама я не переживала практически ничего. Механически перечисляла детали, не скрывая неприличностей и неловкостей, и даже не думала, как он всё это воспримет. Спрашивает – значит, хочет знать. Наверное, можно было бы назвать это доверием, только на самом деле мне очень хотелось упасть куда-нибудь и зарыться в мягкое, и чтобы чаю, чаю с вареньем...

А тут еще Иттобаал со своим дурацким сватовством! Да еще нес такую чушь... Ну надо же ему было так некстати вклиниться, когда... А может, оно и к лучшему, что он не дал нам тогда с Венькой слишком расслабиться. Не до того было. Только вот когда эти мальчишки за мечи похватались – это точно было лишнее. Только этого нам не хватало – среди своих побоище затевать! Я судорожно пыталась придумать хоть что-то, чтобы их остановить – а тут как шархнет...

Античность античностью, но молнии там шаршили вполне нашенские, конкретные такие. Правда я далеко не сразу догадалась, что это была молния: треск и грохот, и сразу отвратительно завоняло озоном, и вообще как-то поплохело, всем и сразу. А финикийский друг наш вообще слишком близко принял все к сердцу, я даже всерьез забеспокоилась, не придется ли его отливать прохладной водой, тем более, что ее рядом не было – а носить воду у них положено женщинам. Но ничего, Венька-умница его все-таки в сознательное состояние привел, и даже выторговал там что-то. Во всяком случае, на мою тушку, а также руку и сердце, он больше не претендовал. Да тут и воду дали, прямо с небес.

Меня, честно говоря, саму порядком потряхивало, поэтому, пока они там торговались, я взяла в оборот обалдевшего Петьку – он, похоже, и не чаял застать нас живыми. Допрошенный с пристрастием пацан раскололся и выдал заначку со слабеньким и кислым местным винцом. Ну да за неимением более пристойных антидепрессантов пришлось удовольствоваться таким, куда денешься.

Хватанув из фляги изрядный глоток и с трудом удержав гримасу, я вернула парню сосуд и приступила к морально поверженному (физически он уже восстал) друговрагу и царскому свату. Победу надо было ковать незамедлительно.

– Ты, может, и не поднимешь больше на нас руку, – начала я, весьма воинственно подступая к Иттобаалу. – А что если царь твой подойдет к нам того, кто не связан клятвой? И потащат меня ваши в этот... как его... ну, гарем? А оно на фиг мне сдалось, как верблюду карбюратор?

От волнения я даже перешла на русский и сама несла какой-то бред, и Венька тщетно пытался обуздать меня. Когда со мной такое, на пути не стой, я все равно по-своему сделаю. По-моему, Иттобаал такого нападения не ожидал, они вообще тут привыкли к бабам тихим и вялым, как осенние мухи. А я наступала на него, сжав кулаки, так что храбрый вояка невольно сделал несколько шагов назад, похоже, ощутил спиной жар пылающего дерева, вскинул на меня горевшие мрачным темным огнем глаза и глухо ответил:

– Вы скоро уйдете отсюда. Далеко, если пожелаете. Я помогу вам, дай только добраться до Сидона. Никакая погоня не догонит тогда сидонских мореходов, хотя клянусь могучим Ададом, погони не будет.

– А если ты обманешь? – снова выпалила я, но тут Венька неожиданно сильно стиснул мою руку и властно потребовал:

– Юля, хватит, замолчи.

От неожиданности я захлопнула рот, а Веня, обращаясь к Иттобаалу, спросил:

– Чем мы можем помочь тебе, дабы смягчить гнев господина твоего? Ты помог нам, и будет несправедливо, если ты вернешься к царю, не принеся ему даров взамен невесты.

Финикиец ненадолго задумался, затем порывшись где-то в глубинах своего заглашника (и как он только уберег это все от воды!) и извлек на свет Божий еще несколько столь знакомых нам листков. Ну надо же, какие наши предшественники неленивые были! Интересно, сколько еще таких записок бродит по городам и весям, и удастся ли нам когда-нибудь прочесть их все? Хорошо бы удалось, интересно все-таки, чем там у этой империалистической парочки дела закончились!

А Иттобаал бережно расправил на ладони слегка помятые листки и протянул их Веньке:

– Прочти и переведи, господин мой будет рад узнать, о чем написано в таинственных письменах.

– Что ж ты раньше нам их не показал? – удивился Венька.

– Умелый купец никогда не показывает весь товар раньше времени, – невозмутимо ответил финикиец.

Дождь перестал, но под ногами хлюпало. Солнце уже зашло, зато подоженное молнией дерево и пара занявшихся от него соседних кустов давали света более чем достаточно, да и погреться около них можно было, а это нам сейчас было совсем не лишним. Я устроилась поудобнее, стараясь, чтобы искры от огня не попадали на плащ, в который я куталась, а Венька начал мерно и ровно читать.

«Надо взять себя в руки. Восемь с половиной месяцев после высадки. Успехи относительны, но они есть. Дырку обратно не нашли. Но здесь освоились. Жюли оказалась слаба на передок. Но местные девки... впрочем, это не достижение.

Мне так и не удалось основать тут ни нормальную церковь, ни хотя бы что-то вроде республиканской партии. Но зато добился положения в обществе, да и бизнес идет нормально. Эта (зачеркнуто) девчонка даже на свою пропаганду мои деньги, оказывается, тратит.

К сожалению, местные явно не доросли до демократии. И все же правящий класс оказался восприимчив к моим идеям. На днях открывается первый в мировой истории кредитный банк. Не обязательно самому плавать в Египет, можно давать кредиты и принимать депозиты от населения. А со временем, может, ипотеку освою. Недвижимости тут много, но торговля идет очень архаично, никакого кредитования.

Думал о страховых операциях, но слишком велики риски, а главное, я их не знаю. Ничего, деловая активность быстро сделает из них демократов... ну, в

смысле, республиканцев, и постепенно покончит с этими архаичными институтами. И рабство можно будет, наконец, отменить. Пока, к сожалению, без него никак.

С Египтом вообще торговать тяжело: прижимистый народ и гордый, считают, что их фараону все должны всё жертвовать даром. Нечего туда плавать... хотя интересно, израильтяне еще там или уже вышли? Расспрашивал их через переводчика, ни про каких израильтян они не слышали, а хапиру, говорят, везде бродят, бандиты эти, их и ваших краях полно. Да ну их, монархистов этих фараоновых. Хорошо что хоть угаритский царь больше похож на нашего президента, чем на египетского идола. И деловые люди значат в городе не меньше него.

Жаль только, что такой богатый город без конца кому-то подчиняется: то Египту, то хеттам, то амуру каким-то, откуда они вообще взялись? Надо будет подумать, как вывести эту страну к независимости и процветанию. Я все-таки опытнее их на три тысячелетия.

Очень интересные новости с Кипра. Говорят, там вполне динамичный народ, мобильный, готовый к переменам. Думаю, не связаться ли с ними. Они тоже ценят всякую местную роскошь, будет, что им предложить.

Бытие определяет сознание, говорят марксисты. А сами только и знают, что на сознательность давить. Ничего, вот мы тут попробуем работать по их методикам, и ручаюсь, что я обставлю французскую паршивку на ее же поле. И пусть она мне теперь не дает, но все-таки я ее (зачеркнуто)!

Я вообще-то не об этом хотел написать. Дорогой дневник и всё такое... Я вот думаю: а не жениться ли мне тут? С одной стороны, это вроде как необязательно. Но мужчине в моем положении оставаться холостым неприлично. Да и грех это все-таки, когда без свадьбы. Хотя грех ли? Мы оказались во времена Ветхого Завета, тогда у порядочного мужчины были жены и наложницы. По местным меркам, это нормально. У меня уже есть две... даже три, если считать ту.

Но лучшие все-таки жениться, тем более, есть кандидатка – дочка Мальки-Илу. Он тут вроде городского казначея, это мне бы очень кстати пришлось. И девчонка славная. Только я же не могу просто так, на время, надо же «в радости и горе, пока смерть не разлучит нас». Даже если тут не принято. А если мы найдем эту дыру, то что, жену с собой тащить? Словом, еще не решил».

– О как, – многозначительно вздохнул Венька, и начал долго и занудно переводить. Иттобаал важно кивал головой, переспрашивал... но это было еще не всё.

«Событий столько, что не успеваю записывать. Десять месяцев с небольшим, я уже сбился с точного счета. Во-первых, я женюсь. Кибату славная девушка, похоже, что, любит меня, неплохо готовит. Уже учу ее английскому. Об остальном узнаем позже. Не знаю, правильно ли я поступил, но я вполне доволен. Свадебный подарок довольно велик, но можно считать это вложением средств: если уж мы застряли тут надолго, надо обрастать корнями. Мальки-Илу будет полезен, без его советов даже местный царь мало что решает. Да он и так мало что решает, зависит полностью от аристократии, а точнее – от финансовой верхушки.

Во-вторых, женюсь я вовсе не во-первых, а именно что во-вторых: после того, как Жюли сбежала. Сбежала, прихватив изрядное количество моего честно заработанного серебра... Ох и задам я этой девчонке, если только удастся ее поймать! Да не в деньгах, в конце концов, дело, я же волнуюсь за нее. Ну куда она поперлась, зачем? И почему надо было обязательно бросать меня? Допустим, я не идеален, но все-таки мы из одного свободного мира, только мы двое в этом царстве предрассудков, рабства и нищеты знаем что-то о светлом будущем человечества...

Местная полиция установила, что группа головорезов вместе с ней угнала (так клянется судовладелец) небольшое торговое судно и отправилась на Запад. Неужели все-таки Кипр? Не думаю, чтобы она попыталась добраться до своей дурацкой Франции, где еще, небось, за мамонтами бегают эти их благородные галлы. Значит, Кипр... Как раз собирался сам туда отправиться, но теперь уж не отправлюсь. Там я никого не знаю, информацию собирать придется здесь. Муталлу, это вроде директора местного ФБР, обещал мне помочь, у него давние и прочные связи на Кипре. Когда все хорошенько разузнаю, тогда и отправлюсь туда.

Дел много есть и в этом городе. Надо все-таки простимулировать их деловую активность. С помощью Мальки-Иду начал понемногу банковскую деятельность, но частное кредитование – это скучно. Обсуждаю более интересный проект: выпуск государственных долговых обязательств. Эти олухи считают, что платить за всё нужно только наличными – немудрено, что им понадобилось столько тысячелетий, чтобы изобрести нечто стоящее!

Нужно создавать мощный флот, военный и торговый, чтобы расширить сферу влияния и заработать побольше денег. Нужно посылать караваны к этим амурру и хатти, которые на материке, и не просто тупых купцов, действующих по шаблону, но агентов, которые могут найти новые рынки сбыта и новые источники сырья. Они совсем обленились тут и довольствуются связями с давними партнерами, бессовестными перекупщиками, вместо того, чтобы везти египетский экспорт и собственный товар вглубь континента и сбывать его туземцам по собственной цене.

Для всего этого необходимы начальные средства. Отчего бы не выпускать глиняные таблички (это у них вместо векселей), скажем, по сто шекелей каждый, с уплатой через год, и не продавать их по девяносто шекелей каждый? Десять процентов годовых – это очень неплохо! Хотя в этом мире они привыкли к большим прибылям, но тут ведь нет никакого риска, казна Угарита будет только расти. А не хватит этих средств – выпустим новые обязательства. Да и рассчитываться по текущим поставкам можно такими же табличками, я уж не говорю об уплате жалования чиновникам и воинам.

Мальки-Иду обещал поговорить с его величеством. Да, кстати, свадьба через месяц».

– Глиняные таблички? – удивился Иттобаал, когда Венька это перевел, – кому же нужна простая глина? Кто станет отдавать за нее серебро?

– Вот видишь, – наставительно ответила я, – если правильно расхвалить товар, может получиться. Так и ты со своим сватовством...

– Юлька! – рявкнул Вениамин, – ну хватит уже!

– А ты мне тут не командуй, – ответила я и сделала вид, что дальше слушать совсем не интересно. Да оно и вправду было как-то... однообразно.

«Вот и год, как мы попали в этот мир. От Жюли по-прежнему никаких вестей. Я даже начинаю беспокоиться. Кибату, кажется, ждет ребенка.»

Глиняное серебро, как называли местные наши казначейские обязательства, пользуется популярностью. Сначала люди не хотели его брать, были даже беспорядки при выплате жалования, их пришлось подавлять. Но теперь деловая активность оживилась, кредиты идут нарасхват, потребление явно растет и рынок оживляется. Некоторые горожане уже вовсю строят новые дома – расплачиваются нашими кредитными обязательствами. Пора создавать биржу, для вторичных торгов.

Новости с Кипра: Жюли действительно там и ведет свою пропаганду среди тамошних мореходов. Зачем? Видимо, раз не удалось поднять красное знамя в Угарите, решила добиться своего за морями. Впрочем, среди местного населения тоже замечены соответствующие настроения. Мне сообщили, что популярна новая вера в Шад-Гиббару – это так они произносят имя того кубинского бандита. Якобы он должен явиться и освободить всех угнетенных, а у богатых отобрать имущество. Ну-ну, ждать придется примерно три тысячелетия.

Недавно имел беседу с его величеством на религиозные темы. Он был очень недоволен тем обстоятельством, что я уклоняюсь от участия в государственных церемониях, но тут я был непреклонен. Удалось его убедить, что мой Бог чрезвычайно ревнив и не терпит никакой конкуренции. Правда, он не мог понять, зачем я распространяю эту свою веру среди угаритян. Боюсь, я не владею языком настолько хорошо, чтобы это ему объяснить.

Потом подошел один из министров и спросил, правда ли мой Бог может простить любое согрешение (ну, или так я его понял). Я заверил его во всемогуществе и милосердии Творца, он остался вполне удовлетворен».

От вина, усталости, тепла, ровного Венькиного голоса у меня постепенно все поплыло перед глазами, предметы неожиданно начали двоиться и заваливаться вбок... И тут неожиданно кто-то коснулся моего плеча, позвал:

– Юль, пойдем, ну что ты в самом деле..

Я подскочила, очумело хлопая глазами и пытаюсь понять, что вообще происходит и где я, и не сразу сообразила, что плащ, в который я была закутана, от резкого движения соскользнул с плеч, и стою я перед Венькой в отблесках костра в куцей тунике с чьего-то чужого плеча, раздобытой нами у караванщиков, и вид даже по нашим либеральным временам открывается не очень приличный, а уж по тем доисторическим... Иттобаал с Петькой тактично отвернулись, а бессовестный Венька даже не подумал, а вместо этого положил мне на плечи чуть подрагивающие руки. А взгляд! Ой мама, какой у него был при этом взгляд...

– Ну идем, да? – с трудом выдохнула я, отрываясь от Венькиных чуть горьковатых обветренных губ. Колючая шерсть снова окутала меня с ног до головы, а потом крепкие мужские руки внезапно подхватили меня, как ребенка, и вечерние деревья поплыли мимо, слегка качаясь. Я крепче обхватила Веньку за шею, и как же мне хорошо было в тот момент вот так плыть у него на руках! Ради этого можно было потерпеть и тюрьму, и побег... Только бы он не кончался подольше!

Но увы, до нашего временного лагеря идти было всего ничего. Да и там тоже заняться было особо нечем. Скудные припасы разделили на всех, их едва-едва хватило на то, чтобы чуть-чуть заглушить волчий голод. Не знаю, как остальные, а я последний раз ела сутки назад, если не больше. Венька с Иттобаалом, кажется, тоже. Затем мужчины посоветовались, выставили на ночь часовых, расстелили на земле запасные плащи. Венька с Иттобаалом о чем-то еще вполголоса ворковали, а я свернулась клубком, постаравшись поплотнее завернуться в свою накидку. Где-то грустно и нежно пела последняя осенняя цикада, в кустах тихо шуршал какой-то зверек, ему было явно любопытно, чем тут занимаются люди, и в носу у меня внезапно защипало. Но тут прямо над ухом у меня раздались шаги, кто-то опустил на подстилку рядом со мной, и меня внезапно обдало таким родным Венькиным запахом.

– Тебе не холодно, беглянка?

Что-то тяжелое и теплое укрыло меня сверху. Я приоткрыла один глаз – Венька сидел рядом, обхватив руками колени, а его плащ служил мне покрывалом.

– Не, Вень, так дело не пойдет, – запротестовала я. – А как же ты?

– Да ладно, я привычный, – отмахнулся он. – Я и так могу обойтись. Спи давай.

– Ну уж нетушки, – возмутилась я. – Так дело не пойдет. И вообще, мне холодно, и так не честно. Иди сюда.

– Куда сюда? – не понял Венька, и тогда я, приподняв край плаща, потянула его за руку.

Два раза приглашать не пришлось, Венька мигом вытянулся рядом со мной, так, что я уткнулась лицом ему в грудь, слыша, как гулко и часто стучит Венькино сердце.

39.

А потом было утро – наверное, самое лучшее утро в моей (или нашей?) жизни. Оглушительно пели ранние птицы, и еще не видимое солнце озаряло вершины дальних холмов, а промытое вчерашней грозой небо сияло свежестью и тишиной, и пахло это осеннее утро радостной весной. Голова Юльки покоилась на моей правой руке, и рука совсем затекла, и вообще было холодно и сыро, но что всё это значило в сравнении с тем, что мы обрели!

Трогательная и немного смешная – вот она какая была тем утром во сне, моя Юлька, сжавшаяся в комочек под плащом, и будить ее совсем не хотелось... «Заклинаю вас сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно» – я, кажется, тихонько прошептал эти слова... но Юлька очнулась, улыбнулась и тихо сказала... да не помню даже, что. И какая разница, если мы теперь были вместе?

Это утро запомнилось мне навсегда. А все остальное – как-то забылось. Через день мы добрались по суше до Сидона, и по дороге Иттобаал всё расспрашивал меня про подробности этих дневников: с помощью какого заклатья я в тот свой первый приход заставил угаритян принимать глину за серебро? Раз невеста не идет в руки, видимо, решил он, надо хотя бы побольше стратегических секретов выведать у ее спутника.

– Да нет, же, нет, – отвечал я, – просто такие же люди это были, но не мы. Мы смертные. И нет такого заклатья. Просто... ну, просто ему удалось уговорить царя, чтобы глина считалась серебром. В нашем мире тоже так и есть, и тоже бывает, что выпускают слишком много глины, и покупают слишком много домов и вещей, а потом глина падает в цене, и начинается *кризис* (последнее слово я сказал по-русски).

– От такого *кризиса* и пал Угарит? – переспросил он с сомнением.

– Не знаю, – отозвался я честно, – но он наверняка помешал Угариту устоять во всех тех бедах, которые пришли на него.

– Кого боги решили погубить, того они погубят, – подвел итог Иттобаал, – и кому суждена какая погибель, того она и постигнет, и даже боги бессильны против судьбы.

– Слабые у вас боги, – не удержался я.

– Разве бывают другие? – удивился он, – разве твой Владыка Небесный не подчиняется общим судьбам?

– Нет, – ответил я.

Но он мне не поверил.

– И ты хочешь сказать, Бен-Ямин, – усмехнулся он, что твой Владыка и тебя может освободить от власти судьбы?

– А вот этого я не знаю, – ответил я честно, – потому что и судьбы своей не знаю. Что будет с нами завтра?

– Завтра мы прибудем в Сидон и сядем на корабль, идущий в Тир.

– А потом?

– А потом, если это угодно богам, прибудем в Тир, и ты раскроешь мне последние тайны Вестников.

– А потом?

– А потом я отправлюсь в Арвад, чтобы пересказать эти Письмена мудрым и понять, как господину моему царю победить своих врагов и упрочить царствие свое.

– Если бы я знал, друг мой, что будет при этом с нами... Это твой мир – а нам нет в нем места.

Иттобаал промолчал.

Так и коротали мы время за богословскими и прочими беседами, а я... я просто ехал рядом с Юлькой и впервые, впервые за все это время не хотелось даже думать и гадать, что ждет нас дальше, найдем мы эту дыру или нет. Мы были вместе, и это было главным.

В Сидоне мы не задержались. Иттобаал прямо в сидонской гавани нашел корабль, идущий еще дальше на юг, в Тир, договорился с корабельщиками об оплате и после ночевки в какой-то грязной портовой таверне мы, даже не заходя в сам город, вышли в новое плавание. В общем-то, в никуда. Иттобаал отправился с нами.

– Окончание той истории – у царя Хирама, – объяснил он, едва мы взошли на борт, – и я хочу его узнать. В Сидоне ничего нет.

– О чем это ты? – переспросил я.

– О Письменах Вестников. Последние Письмена были отправлены в Сидон, а оттуда в Тир, много лет тому назад. Их хранят в сокровищнице царя Хирама, друга моего господина. Там вы прочитаете их Хираму и мне, чтобы знали мы, какие судьбы... как избежать зла и достичь блага.

– Иттобаал, – со сомнением покачал я головой, – друг мой, ничего нет такого в этих письменах. Никаких наставлений. Это просто история...

– Деяния мужей древности учат мудрости, – ответил он, – и кто владеет ей, тот сильнее покорителя городов.

Где-то я уже это слышал... равно как и имя Хирам. Но какое это имело значение! Тир так Тир, не хуже и не лучше любого другого города этого мира. И чем дальше от Арвада, тем лучше.

Уже следующим утром мы ступали по узким улочкам Тира, направляясь из Сидонской гавани (была еще и другая, Египетская) к центру города. До чего похожи были друг на друга все эти города! Заполненные народом площади и узкие проулочки, где двоим трудно разойтись, глухие каменные стены, запахи жареного мяса и специй, и помоев, хлюпающих прямо под ногами. Важные стражники присели на корточки, отложив тяжелые щиты, и ведут какой-то неторопливый разговор, по очереди прихлебывая дешевое пиво из дешевого глиняного сосуда. Худощавый раб с сединой на висках, в одной набедренной повязке, тащит на согнутой спине какой-то цветастый тюк. Девушка, закутанная по самый подбородок в цветастое покрывало, торопливо семенит по улице в сопровождении грузной и страшной тетки, завернутой в простую мешковину. Двое голых детишек с радостными воплями пускают глиняный черепок по ручейку, текущему к морю – и ручеек явственно припахивает мочой. Жизнь как жизнь.

Но и сюда, за городские стены долетал запах раковин, гниющих прямо на морском берегу. Их были горы и горы, и это были те самые моллюски, из которых, как объяснил нам Иттобаал, тиряне добывали свою пурпурную краску – главный

предмет экспорта, основу благосостояния города. Видимо, потому и притерпелись они к этому запаху.

Царский дворец, куда нас доставили в итоге, был, конечно, почище и получше прочих зданий. Мочой пахло только снаружи (канализации тут еще не изобрели), оборванных рабов не было видно – видимо, вся непарадная сторона дворцовой жизни была оттеснена куда-то на задний двор, а нас провели с парадного входа. Даже стражники тут стояли по стойке «вольно», и безо всякого пива.

Но во внутренние покои нас не повели – оставили в небольшой комнатке у самого входа, куда рабыни тут же подали разбавленное вино, фрукты, сыр и какие-то сладковатые лепешки в качестве закусок. Королевский завтрак, так сказать.

Примерно через полчаса ожидания в комнату вошел знатный вельможа – это было видно по одежде и обращению окружающих – в сопровождении трех слуг рангом пониже. После кратких взаимных приветствий он присел к столу, но сам не притронулся к закускам, и завел с Иттобаалом вечный этот их разговор о здоровье его господина, и своего господина, и его жен, и его детей, и его верблюдов, баранов и ослов – а затем и о здоровье баранов самого Иттобаала. Всё, как обычно. Еще через полчаса таких переговоров (по счастью, у нас с Юлькой баранов не было, так что и обсуждать было нечего) он протянул нам измятые листки.

– О, Юль, это по твоей части, – сказал я, – тут французский.

– Слушай, мне трудно сразу по-ихнему, – отозвалась она.

– Ну давай ты тогда на русский переводы, мне же тоже интересно – а я потом для них по-финикийски истолкую.

Так мы и сделали. Жюли писала:

«Мальчики поговаривают о том, чтобы двинуться на Кипр. Знаю я, откуда ветер дует, опять небось Беновы авантюры. Вот неймется мужику, бла-бла-бла демократия, бла-бла-бла коммерция. А какая нафиг коммерция? Экспроприировать толстопузых и все дела. Говорят, на Кипре какие-то мореплаватели завелись, люди широких взглядов, и со средствами – так почему бы с ними не познакомиться? Если удастся – договориться по-хорошему, если нет – экспроприировать. Революции нужны средства. В конце концов, у нас до сих пор ни станка печатного, ни бумаги человеческой. А много тут прокламаций на глиняных табличках нацарапаешь, как же!»

Решено, надо сколотить Боевую Группу, отобрать десяток ребят посмышленее, чтобы еще хорошо умели с оружием обращаться, и сплавать потихому, главное, чтобы успеть до Бена с его коммерсантами. Быстрота и натиск – вот это по-нашему! Правда, с деньгами опять фигово, а для такого путешествия надо как-никак корабль зафрахтовать. Ну да ладно, а то я не знаю, где бенова кубышка хранится! По крайней мере, про одну знаю точно. А для революции не грех сделать ей небольшое кровопускание. Не обеднеет Бенечка, а революция его не забудет. Может быть... Когда-нибудь...»

– Она была служительницей Риб-Люсьяту, эта жрица? – спросил вельможа, пожевав губами.

– О, да, – ответила Юлька, – и очень... ревностной.

– За что Риб-Люсьяту покарала город Угарит? – снова спросил он.

– А ни за что. Вень, как будет по-ихнему «по приколу»?

– Такова воля богини Революсьён, то бишь Риб-Люсьяту, и служителей ее, – пояснил я, – чтобы отбирать всё у богатых.

– Ревность богов тяжка, как песок морской, – вздохнул он с пониманием, – и зависть их – огонь посядающий. Чего бы ни стяжала рука мужа, отнимется у него в единый миг, и будет стенать и плакать могучий, и хлеба не будет иметь богатый, и одиноким останется многодетный.

– Как тот мудрец из земли Уц, – отозвался Иттобаал.

Я, было, хотел уточнить, кого он имел в виду, но Юлька продолжала чтение.

«Экспроприация прошла на редкость удачно, ух и развопится же наш янки, когда обнаружит недостачу. Ну и ладно, пускай ругается, я-то этого все равно не услышу. С кораблем, правда, получилось не слишком удачно, ну да ладно. Мои обормоты его просто-напросто угнали вместо того, чтобы арендовать, в итоге отправились мы в плавание наспех, с полупустыми трюмами. Ну да ничего, добрались все-таки до Кипра, хотя и порядком потрепало нас дорогой.

Языка их я не понимаю, хотя иногда проскакивают словечки, похожие на греческие. Впрочем, тут всё давно налажено, переводчик быстро нашелся. Воображаю, в какие фантастические сказки превращаются мои слова в его исполнении».

– Остров меди и кипарисов, – прокомментировал вельможа, – да, много сказочного рассказывают про него. Обиталище народов моря. Некоторые даже говорят, что там родилась Владычица Иштар, хотя всем известно, что это не так. Может быть, и та жрица стремилась получить заслужить благосклонность богини любви? Но на небесах рождение ее, а не из пучины морской, не из царства Ямма. Разве она Ливьятан? Разве смыслят что в любви народы моря?

– Насчет потрахаться у нее и так всё было в порядке, – раздраженно ответила Юлька, причем по-русски. С именем Иштар у нее явно были связаны не самые теплые воспоминания, и я не стал это им переводить.

«Наша миссия едва не оборвалась в самом начале – местный вождь почему-то сильно невзлюбил идею перманентной революции и пожелал нас арестовать и отправить в цепях обратно в Угарит. Небось, всё происки клятого происки империалиста! Спасибо, более сознательные товарищи нас отбили, а то некому было бы эти записки продолжать. Кажется, они не совсем местные, но мы к ним и переселились. Писать, кстати, надо покороче – записная книжка скоро закончится и все, бумаги мне большие взять будет негде.

Сознательность новых наших киприотов растет просто на глазах. Вот с кого начинать надо было, а не с этих угаритян с замшелыми мозгами. В моем кружке уже несколько сотен человек, и каждое занятие проходит с большим энтузиазмом. Вчера один из местных лидеров подошел с вопросом, не принести ли после занятия жертву великому Шад-Гиббару. Мне эта идея не очень по душе, но этот народ – они же как дети. Как бы отказ от жертвоприношения не настроил их против Че, и меня заодно вместе с ним. Ладно уж, пускай режут своего барашка».

– Мы никогда не приносим жертвы Шад-Гиббару, – заметил вельможа, – вы полагаете, это стоило бы делать?

– Полагаю, что нет, – ответил я и мы продолжили.

«События развиваются с огромной скоростью, не уверена, что мне удастся их держать под контролем. Два дня назад активисты-киприоты в компании с моей Боевой Группой здорово потрепали местных богачей. Я вообще не ожидала, что для жертвоприношения они выберут того самого вождя... И голову выставят в входа в святилище, прямо на палке... Хотя он и хам, а это уж точно было лишнее.. Ну да ладно, революция не обходится без жертв! Материальные средства тоже приобретены. Я потребовала сдать добычу в коллективное пользование, но, похоже, сдали не все. И что с ними делать? Вводить показательные расстрелы и революционные суды? Боюсь, для такого их уровень развития еще далеко не достаточен... Зато скоро выступаем в поход! Сначала вяжемся, а там увидим».

** * **

«Корабли снаряжены и готовы принять на борт всю мою армию. Не нравится мне их боевой дух. Столько месяцев биться, чтобы сделать из киприотов настоящих революционных бойцов, а они знай повторяют на все лады даже не имя Шад-Гиббару, а два слова: «золото Угарита» Моя бы воля, никуда бы я их пока не повела, но поздно... Толпа накалена и рвется в бой. Что ж, буду до последнего разяснять, что мы идем не грабить, а несем в Угарит идеи освобождения и всеобщего равенства».

** * **

«Как же мне это все не нравится! Triple merde!»

– Я не понял, что собирались они возить с Кипра в Угарит? – переспросил вельможа.

– Идеи. Замыслы, – ответил я.

– Какие замыслы?

– Чтобы рабы стали свободными и не было у них различий с господами.

– Воистину, боги омрачили ее разум, – рассмеялся вельможа, – или она нарочно омрачила разум правителей Угарита.

– Там еще был другой, – вступил в разговор Иттобаал, – он убеждал братья вместо серебра и золота глину, и еще говорил, что из всех богов настоящий – только его собственный.

– Безумие, безумие, – поцокал языком вельможа и проятнул мне следующую порцию писанины – на сей раз это был почерк Бена. И я взялся за перевод.

«Тринадцать с половиной месяцев. Рынок перегрет, Мальки-Илу ничего не понимает и штампует новые таблички. Курс их на бирже к реальному серебру снижается, дают уже не более двух третей от номинала, и то неохотно. Цены выросли, а серебро в дефиците. Пытался объяснить про увеличение денежной массы и скорости оборота, но не смог. Он туп, как пробка, но украшений на его жирной шее заметно прибавилось».

С Кипра доносят, что мореходы собирают флот и готовятся к походу. Главное судно носит имя Шад-Гиббару. Пожалуй, не стоит мне сейчас туда ехать. Жюли – стервозная истеричка.

Убеждал его величество прекратить выпуск глиняных денег и срочно заняться укреплением обороны города в виду возможного нападения мореходов. Обещал подумать. Но если укреплять стены, как расплачиваться с поставщиками

камня и подрядчиками? Предложил ему использовать вместо векселей настоящие храмовые сокровища, он меня выгнал.

Осьминоги на рынке стоят вдвое против прежнего. Абсурд! Народ ропщет, мне приходится ходить с охраной. Рыба на прежнем уровне – надо хотя бы засолить ее впрок в государственных масштабах, на случай осложнений политической обстановки. Министры посходили с ума, думают только о собственном кармане, царек меня теперь не станет слушать.

Хотя бы из глубин континента хорошие новости: нашли подходящий рынок в нескольких дневных переходах отсюда. Небольшое царство, где как раз недавно сменился властитель, и потому требуется большой запас пурпурных тканей – я понял так.

Как же всё сложно получается...»

– Пурпур, пурпур, – проговорил вельможа, – так и есть. Боги решили отнять пурпур от угаритян и передать его новым хозяевам – финикийцам. Всё просто. Говорят ли письма о том, как избежать новой перемены? Чтобы пурпур не был отнят, да сохранят нас от этого боги, от городов Тира и Арвада?

– А вот у Библа можно бы и отнять, – добавил Иттобаал и по юлькиным глазам я увидел, до какой степени она была согласна с этой мыслью.

– У Библа можно, – согласился вельможа.

Но мне добавить к словам Бена было нечего, оставалось только переводить.

«Под стенами города – вражеское войско. Им не взять стен, укрепления слишком мощные. И запасов хватит надолго, скорее, осаждающие сами начнут страдать от голода и болезней.

Жюли, конечно, с ними. Сегодня мы даже говорили с ней – я со стены, она была внизу. Так и не смогла ничего мне объяснить: зачем она их привела? И она ли привела их – или, скорее, это они захватили ее с собой? Дура набитая.

Город может выстоять – но выстоит ли народ? Чернь бунтует. Они слышали, что на стороне врагов – Шад-Гиббару, который несет свободу, богатство и по пять-шесть девственниц всем, кто вступит в его войско.

Стража в Угарите хорошая. Пожалуй, ей удалось бы некоторое время держать осаду и одновременно удерживать чернь от бунта. Только жалование страже выдают теперь не серебром, а глиной. Царская или храмовая казна – вот куда они теперь смотрят.

Соленая рыба на рынке почти по цене осьминогов. Мяса нет вообще, осьминогов тоже. Хлеб вздорожал втрое-вчетверо.

Тесть Мальки-Илу объяснил: выплаты по векселям даже в половинном объеме были бы просто невозможны, городу придется объявить дефолт. Перед этим, разумеется, надо будет погасить векселя избранных лиц, в число которых он включает и меня. Предложил купить на рынке побольше «глиняного серебра», оно идет уже в половину номинала, чтобы получить из казны три четверти или даже четыре пятых номинала чистым серебром. Десятая часть от вырученной суммы – лично ему.

Спросил, не боится ли он гнева богов. Он ответил, что Единый его простит, как прощает всех, ведь теперь он служит Единому. Но чтобы вопросов не возникало и у народа, хорошо бы, чтобы город все-таки был сдан этим самым мореходам. С ними у него и Муталлу уже есть предварительная договоренность:

– Страна наша и вправду мала, – вступил в разговор второй, – но царь наш велик и благословенно имя его. Ты вышел из царского дворца Хирама, царя Тирского – так неужели тебе не знакомо имя Давида?

– Давида?!

– Давида, царя великого, друга и союзника царя Хирама.

– Давида? Откуда он?

– Первое имя городу его было Евус, поскольку жили там евусеи, но он изгнал их оттуда. Теперь зовут его градом Давида.

– Это Иерусалим?! Ерушалаим?

– Не слышал такого, – поцокал языком мой собеседник.

Неужели просто совпадение? В конце концов, мало ли какого царя могли звать именем Давид, у них тут что ни деревня, то свой царь...

– Это у вас там, в Галааде, такого не слышали, – снова вступил в разговор первый, – а у нас, сынов Иуды, град Давидов и вправду называют некоторые «Ерушалаим», хотя и редко. Но кто слышал это имя тут, в Тире, здесь если и помнят, то только Евус...

40.

«Будет долгая ночь на холодной земле...» Была такая песенка в моем детстве. Но хотя земля после грозы и впрямь была холодной, та ночь промелькнула в одно мгновение. И так не хотелось утром подниматься, так страшно вдруг стало, что вот сейчас исчезнет это удивительное чудо, словно его и не было. Но Венкины глаза сказали – нет, не исчезнет, теперь мы вместе и никто не посмеет нас разлучить. И было нежаркое осеннее солнце, радуга в туче брызг, которую мы учинили, умываясь на мелководье, смешной ушастый мул, то и дело капризничавший и не желавший идти дальше, Венкины попытки донести до Иттобаала то, до чего не только наш дикарь, но и все человечество будет дозревать не то, что столетия, а тысячелетия.

Если честно, я бы предпочла путешествовать по суше, не по душе мне местные плавсредства, особенно когда на море начинается качка. Но тут моего мнения никто особо не спрашивал, мужчины решили, что надо поступить определенным образом, стало быть, молчи, женщина.

Вообще, я сама себя не узнавала. Еще совсем недавно я бы устроила целую историю из-за того, что мне не нравится корабль, что не внушает доверия команда, не отличающаяся благообразием рож, что мне холодно, неудобно... короче, было бы желание, а повод покапризничать найдется. Но сейчас мне почему-то совершенно не хотелось скандалить и ругаться. Я только старалась пристраиваться куда-нибудь под бочок к Венке, потому что там было тепло, надежно и уютно, и держала ушки на макушке, поскольку окончание истории буржуазных пришельцев меня тоже весьма занимало. Интересно, сумели они отсюда выбраться или так и сгинули в чужой эпохе, оставив по себе только весьма хрупкую и ненадежную память?

Ночевка в Сидоне была совершенно отвратительная, зато это был город, причем не маленький. А это значило, что тут есть торговцы, и у них можно раздобыть нормальное человеческое платье, чтобы не выглядеть сомнительно в чужом коротеньком хитоне. Венка, правда, пытался возражать, утверждая, что ему такой мой вид нравится куда больше, но тут на мою сторону неожиданно встал Иттобаал, заявивший, что негоже Вестнице выглядеть рабыней, и что мне подобает одеяние длинное, в особенности после... Тут он выразительно замолчал, я вспыхнула, а Венка расхохотался, заявив, что от такой рабыни он бы не отказался. Но платье в итоге было все-таки куплено, а к нему сандалии взамен окончательно разбитых во время побега, и плащ – не новый, но теплый и просторный. Так было здорово кутаться в него с Венкой вдвоем, защищаясь от пронзительного морского ветра и брызг.

К счастью, путь до Тира оказался недолгим, зато прибытие вышло не сказать, чтобы очень уж приятным. Я вообще весьма остро реагирую на запахи, а уж когда в нос шибает таким букетом, каким нас встретила гавань, впору противогаз надевать, только где его тут возьмешь? Пришлось в качестве паллиативной меры прикрывать лицо плащом, что дало повод к новым шуткам в мой адрес. Судя по всему, мои спутники решили, что я окончательно прониклась духом Востока и решила прятать лицо свое, открывая его только господину и повелителю. Вот интересно, неужели местные на додумался хоть как-то раковины

прополаскивать? Я просто не понимаю, как они в таком зловонии жить могут, да еще детей с малолетства к этому приучают. Непостижимо!

Царский дворец, честно говоря, тоже произвел на меня впечатление весьма сомнительное. А тут еще у царя оказалось имечко, вызывавшее из памяти незадачливого журналиста Хирама Бурмана из «Золотого тельца». Но от души прокомментировать это обстоятельство мне так и не дали. Мои спутники сначала зашипели что-то про соблюдение дворцового этикета, потом пришел какой-то старый зануда, долго выяснявший у Иттобаала подробности арвадского животноводства, и только после этого мы наконец получили доступ к заветным листкам.

Что-то чем дальше, тем меньше и меньше была мне симпатична эта француженка без тормозов. Впрочем, спутник ее тоже тот еще типус был, не понимаю, как она вообще могла с ним спать? Даа, не повезло древним угаритянам, хорошо еще, что этот термоядерный дуэт всего одну страну погубил, а не всю местную цивилизацию, с них случилось бы. И не сиделось ей на месте! Вот чего, спрашивается, ее на Кипр унесло? А Бен тоже хорош, нет, чтобы приглядывать за девицей, раз она такая дурная, взялся свои делишки устраивать. Ну и поплатился за дурость свою... Сказала бы я, что так ему и надо, но вместе с ним пришлось расплачиваться и совсем неповинным людям, а этом не категорически не нравилось. Я кипела и шипела, как раскаленный самовар, но занятые своим разговором мужчины на меня не обращали ни малейшего внимания, не давая мне вставить даже самого малейшего комментария. Можно подумать, они меня тут переводчицей наняли, вот еще!

Наконец перевод мой закончился, Венька взялся за записки Бена, а я наконец воздала должное восхитительным фруктам в меду. Раз эти важные дядьки считают меня бессловесной и бесправной женщиной, ну и пожалуйста, буду вести себя как ихним дамам положено! А они пусть все проблемы обсуждают сами, без моего участия.

Венька бубнил что-то скучное (нет, все-таки Бен был удивительным занудой!), глаза мои слипались, комната постепенно закружилась и поплыла, качаясь, как корабль на мелкой волне. Но тут голоса неожиданно смолкли, Венька дернул меня за руку и начал с хозяевами прощаться. Это что значит, мы дальше совсем одни отправимся, и даже Иттобаал нас сопровождать не будет? Мне внезапно стало очень тревожно и неудобно, но Веньке этого показывать нельзя было ни за какие коврижки. Посему я распрощалась как вежливая девочка и неспешно вышла следом за Венькой на неудобную улицу. В носу пощипывало то ли от ветра, то ли от подбирающихся слез, я резко заморгала и вдруг увидела, как замер и напрягся Венька, прислушиваясь к разговору совершенно посторонних людей.

– Вень, что там такое, ты чего? – окликнула я его, но он только сделал нетерпеливый жест, дескать, не мешай, и внезапно сам присоединился к разговору.

О чем они так оживленно беседовали, я толком не понимала, потому что с детства привыкла не слушать того, что мне не предназначается. Но совершенно остолбенелое выражение Венькиного лица, да еще слово Ерушалаим заставили меня насторожиться. Что тут такое происходит, в конце то концов? Мы что, снова оказываемся в зоне арабо-израильского конфликта?

Честно говоря, древнюю историю я толком никогда не знала, меня вечно сбивали с толку эти племена и колена с непроизносимыми названиями. Поэтому все те места, по которым мы столько времени бродили, ничего особенного мне не напоминали. Ну город и город, деревня и деревня, мало ли чем они в свое время прославились? А вот с Иерусалимом появлялась уже зацепочка конкретная, это мне уже было более-менее знакомо и понятно.

– Вень, что они такое говорят? Какой царь Давид, это который Микельанджело из Пушкинского музея? Который Голиафа того?

От волнения я, кажется, пропускала слова и вообще тарыхтела как из пулемета. Венька нахмурился, но в глазах его явно таилась радость пополам с остатками недоверия.

– Помолчи, Юль, дай мне все у них выяснить, – попросил он, вновь разворачиваясь к собеседникам. – Но, кажется, это действительно он.

Фигассе! До сей поры все наши здешние знакомцы были для меня самыми обычными рыбаками, воинами, земледельцами, царями. И ни один из них не попадал в учебники ни истории, ни искусствоведения. Поэтому мысль о том, что памятник, точнее, его прообраз, мог оказаться не выдумкой, не героем литературного мифа, а живым человеком, поразила меня как молнией. Это что же получается, Давид на самом деле жил, что ли?! То-то Венька так обалдел, небось, тоже удивился, узнав, что Давид на самом деле существовал.

И тут до меня дошла следующая мысль. Если это действительно тот самый Давид и тот самый Иерусалим, стало быть, храм их знаменитый тоже, наверное, существует. Или еще нет? Вот тетеря, историю надо было учить нормально, тогда бы не плавала в именах и датах! Но как почти искусствовед упустить такой шанс я права не имела. Увидеть своими глазами легендарный храм – ради этого стоило потерпеть все то, через что мы за это время прошли.

Ну неужели Венька упустит такой потрясающий шанс? И я не увижу храм и не смогу нарисовать портрет настоящего царя Давида, не выдуманного средневековыми художниками и скульпторами, а реального живого человека? Нет, этого нельзя было допустить ни за что. Я энергично потянула Веньку за руку, и когда он обернул ко мне недовольное таким вмешательством лицо, со всей страстью зашептала: «Венечка, миленький! Очень тебя прошу, поедem туда, мне очень-очень надо, правда!». Ну не злыдень же он, чтобы отвечать отказом, когда просят вот так?

– Да в общем-то, я и сам о том же думал, – как-то растерянно и вместе с тем радостно отозвался Венька и тут же затараторил вслед уходящим незнакомцам – слиха, хаверим, рэга, рэга, ани рак роце лишоль этхэм шааля⁶...

Они удивленно обернулись, и Венька как-то уже даже не совсем по-финикийски, стал с ними что-то горячо и оживленно обсуждать. А за моей спиной кто-то вежливо кашлянул – и когда я обернулась, это, конечно, был Иттобаал.

– Друг мой и брат мой Бен-Ямин встретил друзей? – спросил он.

– Да вроде... – растерянно ответила я, – ну, во всяком случае, он тоже как бы немного еврей.

– Еврей? – переспросил Иттобаал, – не слышал, что в вашей Мос-кебе живут евреи. Даже не знаю, кто они такие?

⁶ Извините, приятели, минутку, минутку, я только хочу задать вам вопрос ... (совр. иврит)

Я уклончиво промолчала: и в самом деле, что тут скажешь?

– Я исполнил, что изрекли уста мои, Вестница, – церемонно продолжил Иттобаал, – и близится отшествие мое.

– Мы очень благодарны тебе, Иттобаал, – с улыбкой ответила я, – без тебя мы бы тут погибли. Я хотела бы оставить тебе на память дар, но у меня ничего нет...

– Есть, есть! – оживленно ответил он, – есть волшебная сила в твоих перстах, и если дать тебе папирус, тростинку и чернила, ты творишь чудеса. Изобрази для господина моего царя, что найдет рука твоя... и если найдет она силу и для меня, то я дам тебе больше папирусов. И тогда будет радость нам в Арваде, и прибавится сил у господина моего царя!

Как-то совсем некстати мне сейчас было заниматься художествами, да еще Венька что-то там с этими музейными странниками обсуждал, мне тоже послушать хотелось. Но долг платежом красен, так что отказывать Иттобаалу мне было бы совсем неприлично.

– Ну ладно, тащи свои папирусы, – вздохнула я, стараясь краешком уха услышать еще хоть кусочек занимательной беседы.

Похоже, наш лукавый спутник все предусмотрел заранее, потому что и папирус, и тростинка с заостренным концом, и глиняная бутылочка, заткнутая кусочком коры, появились у него в руках как по мановению волшебной палочки. И еще какой-то черный брусок.

– Иди за мной, Вестница, – поманил меня Иттобаал, кивая в сторону невысокого здания, откуда пахло жареным мясом и свежим хлебом. – В харчевне найдется для тебя теплое местечко и стол, чтобы расстелить папирус.

– А за Бен-Ямина не волнуйся, я предупрежу его, когда он насладится беседой с друзьями, – поспешил он успокоить меня, очевидно, перехватив тревожный взгляд, который я кинула в Венькину сторону.

Мы зашли в харчевню, Иттобаал обменялся с хозяином парой гортанных фраз, и меня тут же пригласили за невысокий столик, который хозяин для надежности еще раз протер сомнительного вида тряпицей.

– Здесь слишком темно, – сказала я капризно, – и тесно. В самом деле, на студию это место походило мало. Но Иттобаал не сдавался – минуты через две столик вместе с ковриком для сидения был вынесен наружу, и я уселась, скрестив ноги, у самого входа в питейное заведение. Еще и реклама бесплатная!

Иттобаал слегка скривился, явно усомнившись в чистоте стола, смахнул в него невидимую крошку и разложил письменные принадлежности. Сам он встал в сторонке – то ли охранять меня, то ли следить, чтобы от работы не отлынивала. Вдалеке виднелся и Венька со своими иудеями, они размахивали руками и обсуждали, судя по накалу страстей, очередной раунд ближневосточного мирного процесса. Я разложила лист (Иттобаал тут же прижал его по углам камешками), обмакнула стило в бутылку... но в ней оказалась вода.

– А чем рисовать? – спросила я его.

Иттобаал посмотрел на меня как на полную идиотку и ответил:

– Чернилами. Или тебе неуютны наши чернила? У тебя есть свои?

Карандаш, кажется, оставался у Веньки, а другого ничего у меня и не было.

– А как, если это вода?

Иттобаал еще раз выразительно взглянул на меня, потом осторожно вынул из моих рук тростинку, обмакнул ее в бутылку, стряхнул обратно каплю... а потом потер кончиком тростинки о черный брусок и начертил в самом уголке листа тонкую линию. Ну конечно, как я могла забыть! Так и в Китае, кажется, рисуют...

Венька с иудеями тем временем переместился к нам поближе, Иттобаал тоже встал рядом с ними, прислушиваясь к разговору и подавая время от времени краткие советы. Я загляделась на колоритную четверку, в которой каждый из собеседников был по-своему хорош, и пальцы мои словно сами по себе заскользили над папирусом... Ну да, легко сказать! Они заскользили от бутылочки к брусочку, и к папирусу, и обратно, и чернил этих дурацких было то слишком мало, то слишком много... Но скоро я приноровилась, и страница стала покрываться легкими штрихами. Я, как это частенько у меня бывало, полностью отключилась от окружающей обстановки, и вышла из транса только когда над моим плечом раздался восхищенный клекот. А я и не заметила, как трактирщик и кто-то из его поварят пришли посмотреть, чем это я тут занимаюсь, да так и замерли на месте. Что они такое говорят, я понять никак не могла, но восхищенные взгляды, переводимые с рисунка на собеседников и обратно, поясняли все без лишних слов.

Но вот Венька уважительно раскланялся с древними евреями, Иттобаал что-то коротко сказал ему, кивнув в сторону харчевни, и они оба решительным шагом направились ко мне.

– Велика сила твоя, Вестница, – после долгого молчания произнес Иттобаал, когда я уже начала тревожиться, понравился ли ему рисунок. – Но неужели именно меня, недостойного, изобразила ты для господина моего царя?

– Нет, сконфуженно произнесла я, – это для тебя. А про царя я как-то совсем забыла. Ну хочешь, я ему сейчас тож ечто-нибудь быстро нарисую?

Вместо ответа Иттобаал положил на стол еще один лист папируса и сам устроился рядом со мной, с любопытством глядя на то, что проступало на белом листе. А на меня вдруг напал приступ безудержного хулиганства, и я стала рисовать Москву, по которой, оказывается, ужасно соскучилась. Высокие дома, улицы, обсаженные деревьями, машины, неторопливо гуляющие пешеходы, поезд метро, вырывающийся из туннеля на открытый участок пути, метромост в Лужниках. Не знаю, что там Венька плел Иттобаалу, как объяснял ему смысл того, что возникало на пергаментах, но остановиться я уже не могла. И только когда на последнем листе уже не осталось свободного места, я отложила стило и размяла затекшие и перепачканные пальцы. М-да, героем последнего моего рисунка стал Пампуш на Твербуле, очень подходящая для доисторического царя картинка!

– Ты еще скажи ему, что там на памятнике написано, – меланхолично посоветовала я порядком перетрудившемуся Веньке. Пусть его царь как следует помедитирует над фразой «в мой жестокий век восславил я Свободу», глядишь, местным ребятам полегче жить станет.

Вместо ответа Венька весьма выразительно на меня взглянул и снова склонился поближе к Иттобаалу, оторопело разглядывавшему мои рисунки.

– Ну и чумовая ты все-таки, Юлька, – только и сказал он, когда мы окончательно распрощались с нашим спутником и почти приятелем. – Не соскучишься с тобой.

– А ты что, уже скучать собрался? – привычно парировала я, но Венька только шутливо попытался пободаться со мной лоб в лоб, а потом спохватился и спросил:

– Слушай, так ты, наверное, голодная?

– Вообще-то с утра не ела.

И только тут я заметила, что уже не фигуры зевак закрывают мне свет, а само солнце спряталось за стены домов и наступает вечер. Но толпа тут же расступилась, на стол была с почтительным поклоном поставлена жареная козлятина, и лепешки, и сыр, и вино... начался наш прощальный ужин с Иттобаалом. И в самом деле, было, за что его благодарить.

Следующим утром, торжественно сообщил мне Венька, нас переправят из островного Тира на материк, и в путь отправится наш небольшой караван до города Дана, а это уже земля Израиля. Финикия оказалась не без хороших людей, но... задерживаться в ней мне как-то больше не хотелось. Значит, впереди у нас храм и царь Давид... Интересно, он и вправду такой красавец, как был – то есть будет – у Микеланджело?

41.

Вышел спор у Владычицы Библа,
вышел спор с морским Господином.
Говорила Владычица Библа
о величии своем и богатстве,
о городе и его народе,
Госпожа – о собственном стаде.
Хвалилась ты перед миром:
слава твоя гремит по суше,
голос твой – на водах многих!
Отвечал Господин пучины,
говорил могучий Ямму:
– Откуда твои силы, о Дева?
Не от волн ли моих твое богатство?
Если закипит моя ярость,
острова мой голос услышат,
тебе дары они пошлют ли?
Возмутил Владыка свои волны,
на воды наслал великий ветер,
возгремел, воскипел, рязъярился –
к Библу он отправил Ливьятана!
Ливьятан – его сотворил ты,
он твое, о Ямму, порождение,
на погибель всем земнородным,
дабы смертные волю твою знали!
Зубы его – словно камни,
хвост его подобен кедру,
пламя из пасти его пышет,
а взор его – ужас смертный!
Из храма Владычицы выходит
дева, спешит на омовенье,
двое жрецов с нею вместе,
трое ее провожают,
четверо несут и меч, и факел.
Ливьятан выползает на берег,
Змей свою пасть раскрывает,
Чудище пламенем пышет!
От огня – закипели воды,
его дыхание людей опалило,
замертво жрецы тогда пали.
Лишь один уцелел и спасся,
вестником в город был отправлен:
Ливьятан унес деву в бездну,
юная исчезла в пучине!
Слово Ямму достигло суши,

в городе Библе возглашают:
– Люди, чтите бога моря
и дары ему приносите.
Помните буйную его силу,
знайте, как страшна его ярость –
если Ямму не издаст повеленья,
Ливьятан не закроет пасти.
Молвила Владычица Библа,
изрекла благое свое слово:
– Велика твоя мощь, о Ямму,
повели Ливьятану, о Ямму,
чтим тебя, Господин моря!
Голос твой на водах многих,
повелел ты – и стихли волны,
Ливьятан тебе покорился,
но не отрыгнул Змей девы –
море не отдаст своей жертвы,
бездна не ведает предела,
нет из мира мертвых возврата.
Защити нас, Владычица Библа,
сохрани свой город и помилуй!
Не губи нас, морской Владыка,
мы тебя прославляем и хвалим.
На улицах наших будет радость,
процветание в домах наших будет,
жертвы принесут в наших храмах,
богов почтим мы и прославим!

Часть третья. Земля Израиля.

42.

Дождь, дождь, дождь... Мелкий и противный, он проникал всюду, протекал за шиворот, скапливался в складках грубых шерстяных плащей, забивал нос мельчайшей водяной пылью, каплями скапливался на ресницах, размывая все вокруг и превращая унылый пейзаж в совсем уж неразборчивые кляксы. Вот уже третий день наш караван не мог выбраться из-под этих обложивших весь горизонт низких тяжелых туч. Немного согреться и просохнуть удавалось только ночью, когда мы останавливались на каком-нибудь шумном, чадном и блохастом постоялом дворе. Венька бодрился, говоря, что лучше уж легкая английская сырость, нежели испепеляющая пустынная сушь, но мне сейчас жара была куда милее этого болота.

Ослики наши с трудом ступали по раскисшей дороге, периодически оскальзываясь и поматывая короткими гривками, с которых на путников летели тяжелые капли. Купцы, к которым мы прибились в очередной раз, обменивались короткими гортанными фразами, восторженный Петька без конца трещал, поминутно сравнивая новые земли с родными угаритскими угожьями, так что Венька даже разок осадил пацана. Да и разница, на мой взгляд, совсем была невелика. Неугомонный наш оруженосец не пожелал возвращаться из Тира домой вместе с однополчанами и упросил взять его с нами, очень уж хотелось мальчишке посмотреть заморские страны. Венька согласился – привязались они друг к другу, но, по-моему, уже успел пожалеть о своем добросердечии, потому что побыть вдвоем нам в итоге практически не удавалось. Наивный мальчишка то и дело вставал в наши разговоры, пристраивался рядышком и вообще всячески мешал, но объяснить ему, что нам порой хочется хоть ненадолго остаться наедине, увы, так и не удавалось.

Впрочем, не только Петька мешал нашей идиллии. Нетерпеливый Венька то и дело подстегивал своего осла, чтобы подъехать поближе к тем самым купцам, с которыми мы свели знакомство еще в Тире, и переходил на отрывистую скороговорку, из которой я ровным счетом ничего не понимала. Что-то они там без конца выясняли, уточняли, так что Венька от изумления периодически лупил себя руками по бокам, громко вскрикивал и вообще вел себя как порядочный еврей на базаре.

А меня что-то непонятное то и дело царапало внутри. Какая-то смутная тревога, источника которой я никак не могла понять, но которая явно была связана с названием того города, куда мы направлялись. Вообще, я бы предпочла двинуть прямо в Иерусалим, но Венька вполне недвусмысленно объяснил, что путешествовать в этих краях можно только с караванами, а посему необходимо придерживаться принятых маршрутов. И что нет сейчас в Иерусалим другого пути, кроме как через Дан. И то спасибо царю Хираму, что он придал каравану своих стражников, потому что иначе неизвестно, добрались бы мы благополучно до места или нет – разбойнички пошаливают, управы на них никакой, так что в одиночку в эти милые места лучше не соваться.

Я согласно покивала головой, но Дан... Чем-то мне это слово очень сильно не нравилось. Но вот чем и почему? Мучаясь этим вопросом, я по десять раз прокручивала внутри себя обрывки давно прочитанных книг, застрявшие в памяти куски разговоров. Не то, все не то... И вдруг в тот самый момент, когда, убаюканная ослиной рысцой, я потихоньку начала задремывать, меня словно что-то резко толкнуло изнутри. «Антихрист!» – кажется, я заорала это по-русски. Во всяком случае, спутники уставились на меня, явно не понимая смысла услышанного, а Венька в мгновение ока оказался рядом со мной.

– Что ты сказала? – тревожно спросил он, беря меня за руку. – Юлька, милая, ты о чем?

– Вспомнила... Я все вспомнила, – от волнения я глотала окончания слов, вглядываясь Веньке в глаза, чтобы помочь ему понять, что я хочу сказать. – Ну Антихрист же, из колена Данова... Ну в «Петре Первом», помнишь?

Но Венька явно непонимающе мотал головой, и тогда я постаралась собраться с мыслями, чтобы сказать как можно понятнее.

– Ты «Петра Первого» читал?

– Не-а, – растерянно ответил Венька.

– Там старообрядцы говорили, что Петра в Амстердаме подменили на жиждовина из колена Данова, то есть на Антихриста. Значит, мы в город Антихриста едем, да?

– Ну какая же ты дикая, Юлька... – облегченно засмеялся Венька. – Ты хоть понимаешь вообще, в какой мы эпохе? До Христа еще целая тысяча лет впереди, понимаешь? Он еще не родился. Значит, и Антихриста никакого нет. По крайней мере, пока... И вообще, ну почему он должен быть именно из колена Данова?

– Не знаю, – пожала я плечами, – Так в книжке написано, вот я и вспомнила.

– В общем, не бойся ничего и никого, – неожиданно серьезно ответил Венька. – Пока человек сам не даст над собой волю, никакой Антихрист ему не страшен.

– Вень... – я чувствовала, что следующий вопрос задать очень трудно, но и не задать не могла, он просто рвался из меня наружу. – Ты только не обижайся, хорошо? Вот ты говоришь, что ты христианин, так? А как же сейчас? Раз мы попали о времена до Христа, когда Его еще нет, как ты можешь быть христианином? Получается, что ты веришь в Того, Которого еще нет и носишь символ того, что еще не произошло?

Вопрос звучал совершенно абсурдно, но у меня уже ум за разум зашел от всех этих доисторических коллизий. А вдруг Венька обидится на такой вопрос? Я старалась не смотреть в его сторону, но Венькин ответ прозвучал неожиданно мягко и спокойно.

– Знаешь, я себя сам о том же спрашиваю... И христианин ли я вообще? Сколько я в церкви-то не был... Ну, крестился когда-то, еще подростком, хотелось чего-то высокого, не такого, как всё вокруг. А потом не до того стало, заматался как-то, устал, что ли. Теперь мы тут оказались. И кто я? Еврей из фиг его знает какого колена, и то меньше, чем наполовину, это если по предкам судить. Но я во Христа верю. Так ведь и древние пророки в него верили. Еврейские пророки. Они христианами разве назывались?

– Как же они верили, если были до?

– Верили, что придет. Вот и я теперь в том же положении. Верю, что однажды Он родится, будет потомком царя Давида и всё такое прочее. Всё то же самое, как в наше время, только у нас Евангелие есть, мы детали знаем. Читала?

– Заглядывала, – ответила я честно, – только там скучно было, про этих «Авраам родил Исаака».

– Про Петра, конечно, интереснее, – хмыкнул он, – а мы вот попали прямо в это самое «Давид родил Соломона». И еще кучу сыновей вместе с ним, похоже, они там как раз разбираются, кому править следующим. И никому не скучно!

– Слушай, – переспросила я его, – а если ты христианин, то почему крест не носишь? И не крестишься?

– А потому что... – тут он замялся немного, – потому что как-то я... ну, отбился я от всего этого там, у нас. Не до того было. А здесь – так здесь еще не было креста. Этот знак тут ничего не значит, или значит что-то совсем другое. Но это не так и важно, вот, у древних христиан знаками были рыба или агнец.

– Рыбки сейчас хорошо бы, – невпопад сказала я, – жареной рыбки. Я голодная.

– Каша у тебя в голове! – рассмеялся он.

– А кашу тут тоже еще не изобрели! – задразнилась я, – ни манную, ни гречневую! Ни даже геркулес!

– Ох, Йульяту, будешь шалить – изобрету березовую, специально для тебя!

– Ой-ой-ой, какой важный господин, да кто ты тут такой, чтобы...

– А вот тут, Юль, нам серьезно надо продумать, – после небольшой паузы выдал Венька, – Мы уже совсем скоро в Дане будем, а у евреев насчет женщин порядки строгие...

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я. – Мне казалось, тут примерно одна и та же фигня повсюду.

– Одна да не одна, – задумчиво протянул Венька. – В Угарите ты кем была? Вестницей, посланницей с Цафона, потому и отношение к тебе особое было. Ну вспомни, разве к тебе относились так же, как к тамошним женщинам?

Доля правды в его словах была – меня не заставляли ни каторжно пахать, как угаритских теток, ни молчать в мужском присутствии, так что я своему привилегированному положению привыкла и считала его чем-то само собой разумеющимся.

– Нет, пожалуй, – согласилась я. – Так ты хочешь сказать, что здесь...

– Здесь все будет по-другому, – твердо ответил Венька. – Здесь женщина сама по себе не живет, и без мужчины ей грозит... если не потеря жизни, то...

Он замялся, но я прекрасно поняла, что он хотел сказать.

– Но я же с тобой, что им еще нужно? – удивилась я. – Или им не достаточно, что я с тобой?

– В том-то и дело, что недостаточно, – покачал головой Венька. – У женщины обязательно должен быть статус, кто она мужчине – дочь, сестра, жена... наложница... По-еврейски, кстати, она будет «пилегеш». Или, в древнем произношении, «пилгашу».

– Пилегеш? Наложница? – возмущенно рявкнула я. – Ты хочешь сказать, сексуальная рабыня? Ну спасибо за урок, Венечка...

– Ну зачем ты так, Юль? – попытался обидеться Венька. – Я ж серьезно... Я пытаюсь понять, как безопаснее для тебя будет.

– А ты что полагаешь, статус наложницы безопаснее, чем жены? – язвительно поинтересовалась я. – Продавать, отдавать, дарить – безопасность просто через край бьет. Впрочем, ты прав, какая я тебе жена...

– Ну Юуулькааа, ну зачем ты так? Зачем надо утрировать и передергивать? – Венька, не слезая с осла попытался меня приобнять, но чуть не соскользнул в липкую чавкающую грязь, – Ты мне самая-самая на свете Юлька, поняла? Но с местной публикой нужно говорить на понятном для них языке, если ты хочешь, чтобы наши планы осуществились. А тут такая штука... короче, у наложницы все-таки свободы немного больше, чем у законной жены. Ты подумай сама, хорошо? Подумай и скажи, как тебе самой больше нравится.

– Ага, а если для этих самых местных наложница – существо третьего сорта? И что я тогда делать буду, а?

Эту мысль я развить так и не успела. Изнывавший от нетерпения Петька вклинился между нами, изо всех сил пиная пятками худые бока своего ишака. Этому паршивцу срочно потребовалось узнать у Веньки, богатый ли дворец у царя Дана, много ли у него жен и наложниц, удастся ли нам побывать во дворце или хотя бы издали понаблюдать, как царь вершит свой суд. Я и не знала, что тамошние городские ворота столь знамениты, и что царский обычай выходить к воротам и судить народ свой вошел у местных народов в легенду.

Пока Венька терпеливо объясня, что заранее мы знать ничего не можем, и что вообще путь наш лежит гораздо дальше, поэтому задерживаться в Дана мы особо не намерены, я долго кусала губы и в конце концов решилась.

– Петька, слушай, а как у вас тут вообще относятся к *тилагиим*? В смысле, к чужим... – проямлила я. Образовать множественное число от этого слова было куда проще, чем выговорить его.

– Что хочет знать госпожа моя? – испуганно переспросил Петька, похоже, подозревая в моих словах какой-то подвох.

– Я хочу узнать, пользуются ли *тилагиим* уважением и почтением, как *нашим*, жены, – невольно заливаясь краской, уточнила я, чувствуя себя в этот момент совершенно глупо.

– Пусть госпожа не тревожится, – расплылся в улыбке Петька, непроизвольно переводя взгляд с Веньки на меня и обратно.

– Наложниц у нас очень уважают... точно так же, как жен. Или даже немножко больше, – позволил он себе довольно рискованную ухмылку. – Ведь жена – она по обычаю берется, а наложница – по любви. Значит, господину она дороже.

С этими словами он захохотал и, пришпоривая осла, резво умчался в самую голову каравана, разбрызгивая вокруг жидкую грязь.

– Ну что, ревнивица, получила свой ответ? – засмеялся Венька, изловчившись чмокнуть меня в мокрую забрызганную щеку.

– Ага, – в тон ему фыркнула я, – Так и быть, можешь считать меня наложницей. Пока. Пока мы из этих диких мест не выбрались. А там я с тобой разберусь, понял?

– Понял-понял, – продолжал резвиться Венька. – Это еще вопрос, кто с кем разберется. И как...

Он нахмурил брови, пытаясь изобразить строгого господина, я в шутку перепугалась, как полагается порядочной рабыне. Сопровождавшая нас охрана деликатно делала вид, что ничего не видит и не слышит. Сгущались сумерки, мы приближались к последнему постоялому двору перед целью нашего путешествия...

43.

Да какой там был такой особый постоянный двор? Так, домик в придорожном селении, чуть побольше прочих, мы все и не влезли в него, и караванщикам пришлось расставлять свои потрепанные шатры на улице, но они были к этому делу привычны. Внутри пригласили только главных купцов и нас как почетных гостей, да еще командира финикийской стражи. И то, ночевать нам предложили во внутреннем дворе, под навесом.

Я-то еще с армейских времен вполне привык к походным ночевкам, а вот Юльку, похоже, всё это стало напрягать. И вот когда мы, похлебав с незнакомыми нам обитателями этого дома жидкого супчику с лепешками, собирались уже устраиваться на боковую, один из них внезапно поднялся и подошел ко мне.

– Меня зовут Ахиэзер, – представился он, – и я вижу, что с тобой женщина. Не пристало женщине ночевать во дворе, на голой земле.

Он говорил на чистом иврите, и его выговор сразу показался мне очень странным... так не выговаривали ни финикийцы, ни эти еврейские купцы, к которым мы пристали. Где я мог прежде слышать этот говор? Но у них тут что ни область, то свой диалект, и нет даже никакой четкой границы между ивритом и финикийским – значит, он просто издалека. Имя тоже показалась мне сперва необычным, Ахиэзер – «брат мой помощь». Но почему бы и нет, в конце-то концов? Нормальное западносемитское имя. Но вот отчего это вдруг он решил позаботиться о женщине...

– Это моя наложница, – сразу решил я расставить точки над всеми буквами здешнего алфавита. Хотя, на самом деле, до изобретения огласовок оставалось тысячелетия полтора.

– Я вижу, – ответил он, – позволь, я отведу ее на женскую половину дома, там ей будет привольнее. А утром продолжите свой путь.

Я поразился такой галантности. Тут ведь было как? Если наложница моя, то и заботиться о ней предстояло лично мне, как, скажем, о своем личном верблюде. Где она ночует, что ест – это уж вопросы для ее господина. Но, с другой стороны, мы вступили в пределы Израиля. Здесь верят в Единого, всё должно быть здесь по-другому.

– Благодарю тебя за заботу, – ответил я, – ты из этого селения?

– Нет, я издалека, – ответил он, – я лишь ночую здесь, а завтра иду в Дан, как и вы.

– Мы потом отправимся дальше.

– Я тоже.

На том мы и разошлись в тот вечер. Ничего такого особого я в нем не заметил – обычное лицо, каких много на Ближнем Востоке, одежда добротная, но без роскошества, неплохие по местным меркам манеры... Видимо, еще один торговец, каких много ходит и всегда ходило по земле.

А на следующее утро нас ждала полная перемена действующих лиц. Тирская стража оставляла нас здесь, в округе Дана (до города оставалось, по их словам, всего полдня пути, и дорога была совершенно безопасна) и возвращалась обратно. С огромным трудом мне удалось уговорить верного моего Петьку пойти назад с ними. Он никак не мог понять, почему я хочу покинуть его, когда мы

столько дорог прошли и столько опасностей избегли вместе, но я был непреклонен. Мы не собирались возвращаться в Угарит, а у него там оставалась жена (хотя это обстоятельство его, кажется, не особенно заботило), да и вообще налаженная жизнь. Даже отсюда, из Дана, ему было бы трудно выбраться на родину, и обратный путь с воинами тирского царя был чуть ли не единственной возможностью спокойно вернуться в Финикию, а уж как бы он добирался домой из Иерусалима, я просто не мог себе представить.

На прощание я подарил Петьке половину оставшегося серебра и свой нож – не без сожаления, надо сказать. При мне зато остался угаритский меч, немного зазубренный и со следами ржавчины, не очень хорошо, как казалось мне, сбалансированный – но в этом мире даже такой меч был куда полезнее верного швейцарского лезвия. А для Петьки это уже было целое состояние. Оставалось только надеяться, что до возникновения археологии нож успеет расплавиться в огне какого-нибудь пожара или кануть на дно морское – иначе археологов точно ждет еще одна неразрешимая загадка.

Ну, а Юлька отблагодарила его, как могла – рисунками. Стоило ей покрыть угольными штрихами поверхность последнего листа папируса, как вокруг собралась толпа. Папируса больше не было, ей совали холсты, а когда кончился уголь, тут же развели какую-то краску из подручных материалов... Пришлось рисовать портреты и еврейским купцам, которых мы встретили в Тире. Они, кстати, решили разделиться и уже перепаковывали вещи, зорко следя, где чье добро: Этан (так звали одного из них) собирался вернуться к себе в Галаад напрямую, не заходя в Иерусалим, а вот другой купец, Нааман, обязался сопровождать царский караван до столицы и представить положенный отчет сразу за двоих. Впрочем, первую половину пути им все равно предстояло идти вместе, и мы собирались отправиться с ними.

И только Ахиэзер не просил нарисовать его портрет, смотрел внимательно, с прищуром, но не цокал языком, не восторгался, как прочие. Ох, не простой это был Ахиэзер... но я не мог понять, кто он и откуда. О себе он ничего толком не рассказал, но сообщил, что тоже идет в Иерусалим к царю Давиду (он так и сказал, безо всяких там «Евусов»), дескать, его дальнейшее племя ведет с ним и торговые, и политические дела, и надо бы нанести визит царю вежливости. Чем дальше, тем страннее выглядели его замыслы: торговец без каравана, дипломат без пышной свиты? Как-то не нравилось мне такое соседство, но и возразить было нечего.

В общем, за всеми прощаниями и рисованиями мы тронулись в путь не сразу после рассвета, как обычно, а уже около полудня, и к городским воротам подошли ближе к вечеру. Ворота впечатляли своими размерами даже после того, что мы видели в Финикии – но ведь там, если разобраться, главной защитой для всех городов было море. Здесь же врагов действительно должны были сдерживать стены, и стены были будь здоров – высотой в несколько метров, сложенные из обожженного кирпича, а над воротами нависала огромная башня.

Купцы наши остановились в нерешительности:

- Сегодня уже поздно, наверное, с утра.
- Да, конечно, с утра.
- О чем вы? – спросил я их.
- Надо принести жертву на высоте.

– Какую жертву? На какой высоте?

Они посмотрели на меня как на таджика в московском метро, переспрашивающего у милиционера, что такое регистрация.

– Жертву Владыке и Владычице Дана на высоте, что подле города.

– Евреи! – вскричал я, не утерпев, – какие владыки и владычицы! Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один...

– Это он о ком? – спросил товарища Этан.

– О Яхве, конечно, – ответил Нааман, – ты бы почаще бывал во дворах царских, тогда бы и слышал эти слова!

– А, так это в Евусе, – спокойно ответил Этан, – в Шило, в других городах царских... А здесь свои владыки.

– Вы что, не чтите Господа? – воскликнул я, – то есть Яхве? (надо было еще привыкнуть, что здесь они называли Бога древним именем).

– Чтим, конечно, – ответил Этан, – чего кричишь? Всех чтим, и Его тоже.

– Его даже гораздо больше остальных! – уточнил Нааман, – но здесь мы все-таки в Дане. Здесь нельзя так вот сразу. Надо завтра барашка на высоте зарезать. Зачем хороших людей обижать?

– Здесь что, не евреи живут? – не мог я понять.

– Почему не евреи? Племя Даново, сыновья Израилевы. Некоторые нас еще евреями называют.

– И что же, сыновья Израилевы не чтут Господа?

– Какой ты непонятливый, – покачал головой Нааман, – чтим мы Господа, как не чтить. Но вот ты скажи, ты свою наложницу любишь?

– Люблю, – ответил я честно.

– А что, когда далеко от дома, когда нет ее рядом, неужели к блудницам не ходишь? Не всегда же она при тебе! Или жаль тебе подарка для блудницы? Или сила твоя мужская совсем оскудела?

Я поперхнулся и не знал, что ответить. Он говорил почти теми же словами, что и пророки, обличавшие язычество как блуд... Только он его не обличал, а оправдывал! А те пророки – они еще не родились. И если бы я ему сейчас про них сказал – он бы ничего не понял.

– Ну конечно, им что боги, что блудницы – все едино, – язвительно прокомментировала Юлька, – Стало быть, они местных богов продажными считают, но ублажать все-таки торопятся на всякий случай?

Я цыкнул на слишком разговорчивую «наложницу» и порадовался, что из Юлькиной тарабарщины купцы не поняли не слова. А то разбирайся потом с их восточной обидчивостью... В нашем положении лучше иной раз промолчать.

– Вот то-то же! – подвел Нааман итог нашей беседе, – один бог хорошо, а много богов – и прибыльнее, и спокойнее. Всегда есть, кого попросить о помощи. Пошли в город, переночуем, завтра видно будет.

И мы пошли в город. Купцы мои отправились к каким-то своим партнерам, а нас с Юлькой отвели в небольшой, но опрятный домик на окраине. Я уже начал прикидывать, надолго ли хватит остатков серебра, если так путешествовать и постоянно платить за еду и ночлег, и сколько дней может продолжаться наш путь до Иерусалима, но нам с Юлькой молчаливые хозяева отвели – неслыханная щедрость! – отдельную комнатку на втором этаже, и вся эта бухгалтерия

испарилась вмиг, едва мы переступили ее порог, и осталась только ночная прохлада, стрекот невидимого сверчка, дрожащий огонек масляного светильника и тени, тени наших тел на стенах...

А утром мы отправились на торговую площадь – именно там и договорились встречаться с купцами. Им нужно было пополнить запасы, продав кое-что из финикийских товаров. Ну, а нам было просто любопытно посмотреть. Думаю, что это их утреннее жертвоприношение не должно было занять много времени, да и не похоже было, чтобы сами они придавали ему много значения. Так, пустой ритуал – уговаривал я сам себя. Ну что поделать, вера в Единого тут еще не до конца вытеснила языческие суеверия, вот и в Библии о таком чуть не на каждой странице рассказано.

Но на рыночной площади вчерашняя тема получила свое новое развитие. Протиснувшись мимо торговцев зерном и овечьей шерстью, мы наткнулись на невысокого лысого человека, перед которым были разложены на куске пестрой ткани забавные глиняные статуэтки: лицо тщательно вылеплено, причем с очень серьезным выражением, и руки намечены, а всё остальное – полено поленом.

– Ой, какие забавные, – зашебетала Юлька, – давай посмотрим?

У меня возникли смутные подозрения относительно природы этих статуэток, но торговец даже не дал мне их высказать.

– Берите, берите, отличные терафимы, просто великолепные! А впрочем, зачем вам глина, каков ее срок, где в ней прочность? Вот у меня есть бронзовый Адад. Работа сидонского мастера! Тонкое искусство!

И он извлек из складок свой одежды изящную бронзовую статуэтку бородатого мужика со стрелой в занесенной руке. И Юлька его взяла посмотреть поближе!

– Кто это? – переспросила она.

– Адад, повелитель грома и молнии. Но госпоже, наверное, нужна Астарта? Чтобы родить много детей, и чтобы ее всегда желал молодой господин?

– Нет уж, спасибо, – скривилась Юлька и сразу вернула бронзового громовержца, – он и так желает. И вообще, мне вот эти больше нравится. Как ты сказал? Тера...

– Терафимы, домашние божества, – договорил за торговца я сам, и добавил по-русски, – Юль, это язычество сплошное. Хватит уже, насмотрелись.

– Мы верим в Единого Бога! – тут же объяснила всё Юлька торговцу, и теперь вдруг это «мы» прозвучало, как что-то само собой разумеющееся...

– Это который был в Шило? – переспросил торговец, – который теперь живет в городе царя Давида?

– Который сотворил небо и землю, – мрачно уточнил я.

– Ну, значит, точно он, – отозвался торговец, – есть, есть, как не быть? Есть и он у меня. Вот, глядите!

На свет был извлечен металлический уродец... в котором не было ни грозного изящества Адада, ни наивной простоты глиняных терафимов.

– Он, конечно, попроще будет, из железа, и работа не такая тонкая, но что поделать, что поделать, это же такое божество, он бог гор, сами знаете, сыны Израилевы не очень искусны в выплавке металла... Зато, если возьмете, я уступлю вам совсем задешево к нему пару. Его супругу.

– Чью супругу? – обалдело переспросил я, глядя, как он извлекает из своих бездонных складок еще одного уродца, страшнее прежнего.

– Ну, вашего, который у царя Давида. Яхве, так ведь его зовут?

– Его супругу?!

– Ну да. Всякому богу нужно иметь супругу, разве нет? Вот ты же, к примеру, с супругой на рынок пришел?

Юлька бросила на меня хитрый взгляд: мол, смотри, никакая я не наложница! А вовсе даже законная жена. Но мне было не до тонкостей.

– Подожди... ты израильтянин?

– Из племени Данова, – кивнул торговец уже несколько настороженно, – а ты-то сам кто и откуда?

– Я Бен-Ямин, – ответил я гордо, – сын Израилев из племени... из племени Вениаминова (ну а какого же еще, с таким-то именем?). И я... Не боги это! – взорвался я вдруг, – Помнишь, что заповедал нам Господь через Моисея на горе Синай, когда отцы наши вышли из Египта: да не будет богов иных! И не сотвори себе кумира! А ты что тут натворил? Как финикиец какой-то...

– Э, ты потише, – торговец угрожающе привстал с места, держа в руке свою сладкую железную парочку, – ты тут не очень...

Но что мне мог сделать этот дохляк и к тому же язычник?

– Хочешь верить в своих терафимов – верь! – закричал я, – а имя Господа нашего не смей произносить всуе! Не смей поганить его идолами своими!

Я ударил его наотмашь по руке, державшей эту пакость, железяки полетели куда-то в сторону, и торговца от изумления всего аж перекосило, и тут завизжала Юлька:

– Сзади!

Но я все-таки не успел обернуться, только рукояти меча коснулся – навалились втроем, или вчетвером, заломали руки, перехватили меч, стали тыкать под ребра – и не больно даже было от злости...

– Богов наших хулил, – спокойно сказал торговец, – говорил, что Яхве почитает, а сам и его, и супругу его наземь бросил. Богохульник. Беглый раб, наверное!

– Оставьте его! – вопила Юлька.

– Беги, – крикнул я ей по-русски, – беги скорее, найди наших. Уходите из города немедленно, я отобьюсь. В Иерусалиме встретимся, у царя Давида! Расскажи ему...

Но договорить я не успел – только увидел сквозь мельтешение потных и злобных тел, как опрометью кинулась она в сторону, вот молодец...

– Так он еще и не из наших, – с расстановочкой сказал торговец, – не нашему говорит. А сказал, вениамитянин. Точно лазутчик, или беглый раб.

– Да я... – взревел я, стараясь вырваться, и тут затылок пронзила тупая и боль, мир распался на тысячи цветных кусочков, а затем навалилась чернота.

44.

Ну вот что он, спрашивается, натворил? Зачем надо было связываться с этим придурочным торговцем? И что мне теперь делать, как вытаскивать Фокса с кичи? Мысли, кружившиеся в моей голове, были, прямо скажем, весьма бестолковыми. Всё вышло так молниеносно, я была растеряна и страшно зла на всех на свете – на стражников, торговцев, Веньку, на себя саму. И надо было мне этих дурацких тетраформов разглядывать? Не подойди я к этому прилавку, ничего бы не случилось, и мы бы сейчас гуляли вместе, а потом... потом много чего было бы. А теперь нет. Теперь Венька сидит в какой-то вонючей тюрьме, и неизвестно, что вообще ждет его дальше, как в этих диких краях принято наказывать за оскорбление божества и сопротивление при аресте. А Венька ведь такой, он молча терпеть не будет, наверняка снова в драку ввяжется, едва очухается... И что теперь будет с нами всеми? Имне-то самой что делать без денег, без языка? От моего корявого финикийского толку как от козла молока, это понятно. А Венька тоже шутник – доберись к царю Давиду, скажи ему... А что сказать? Дескать, Ваше Величество доисторическое, мы тут к вам в гости намылились, тридцать столетий нам не крюк, так что извольте послать со мной вашему потомку на выручку батальон спецназа, тридцать три богатыря и с ними дядьку Черномора? Да меня сразу же в дом умалишенных, или как это тут называется, на всю жизнь запрут. Неет, придется без царской помощи, самим разбираться. Но как, как?

Венькин меч с зазубренным лезвием по-прежнему валялся в пыли, поднимать его никто не решился. Подняв его, я не сразу поняла, куда его сунуть. Кожаного пояса у меня не было, зато была достаточно прочная и длинная полоса суровой ткани, которой я вместо ленты подвязывала изрядно отросшие за время исторической эскапады волосы. Распустив прическу, я перепоясалась и заткнула за импровизированный кушак меч, оказавшийся удивительно тяжелым и нескладным. Окружающие на меня смотрели дико – видать, воинственные девы здесь были в диловинку. Собственно, я и сама бы на этой роли не настаивала, но не бросать же оружие? Да мне этого Венька никогда не простит, если... Нет, не если, а когда выберется на волю. Чтоб не было мне больше этих пораженческих «если», обругала я сама себя, сглатывая подступившие к глазам слезы. Ну что ж, раз судьба такая, будем изображать еврейскую валькирию. В конце концов, мне не привыкать, богиней и вестницей я уже была, так что побыть теперь валькирией мне не жалко.

А, собственно, с чего это я решила, что тут боевых дам не было? А как же Юдифь? Я ее портрет с головой какого-то тогдашнего Гитлера очень даже хорошо помню по репродукциям. Интересно, она здесь уже была или еще будет? Тьфу, совсем я с этой античной хронологией запуталась, ум за разум заходит. А Далила Самсона тоже уже того или... ? Или это она его, а он ее поборол, а его потом кто-то другой? А, и вот еще: была такая Девора, она тоже у них кого-то прикончила и всех сразу победила.

Мысли о героических еврейских тетках малость помогли – всхлипывать я перестала и даже наоборот преисполнилась воинственного настроения. Ну ладно, господа-язычники, попомните вы и меня, и Венечку. Ой попомните, до самого Нового Времени чесаться будете.

Базар, меж тем, зажил своей жизнью, ну или, по крайней мере, сделал вид, что зажил. Давешний торговец подобрал и отряхнул своих уродцев, шепотом прося у них прощения за то, что их так обидел чужеземец. На меня он поглядывал исподлобья, но в разговоры не вступал, да и что ему с чужой женщиной говорить, собственно? Прочие купцы тоже делали вид, что мной совершенно не интересуются, но то с одной стороны, то с другой я ловила молниеносные кинжальные взгляды, бросаемые из-под нахмуренных бровей и сумрачных век. Этих о помощи проси – не просит, все без толку, никто не будет чужестранке помогать, да еще наложнице преступника. Ну и не надо, сама разберусь! Гордо вскинув голову, я отправилась по Венькиным следам, точнее, по следам тех придурков, которые его утащили. Городок-то не такой большой, найду, куда его упрятали.

Оптимизм мой явно оказался преждевременным, ибо прошло немало времени, прежде чем я, вымотавшись до предела и сломав язык от объяснений с местными, нашла какой-то кривой сарай за городской стеной, куда его упрятали. У входа стоял малопочтенного вида оборванец, коротавший время за исследованием недр собственного носа. Но едва я попыталась приблизиться к дому скорби, горевая как-то весь подобрался, напряжился и, набычившись буркнул короткое отрывистое слово. Сделав вид, что я не понимаю его, я попыталась пройти в дверь и сама не заметила, как что-то острое весьма болезненно уперлось мне прямо в горло. Чуть отстранившись, я увидела, что страж вытащил откуда-то из складок своей хламиды короткий, но весьма острый меч и недвусмысленно продемонстрировал, что вверенный ему пост будет охранять буквально до последней капли крови непрошенных посетителей.

– Мне нужно пройти. Я должна поговорить с твоим господином. – Я старалась подбирать как можно более короткие фразы и произносить их максимально четко, но замызганный страж помотал головой, изображая, что вообще не понимает моих слов, и растопырился во все стороны, показывая, что граница, сиречь дверь в узилище, на самом крепком замке.

– Ну и пожалуйста, раз ты такой дурак, – Я была готова зареветь от бессилия, но ради Веньки сдаваться и убегать в нервах было категорически нельзя. Оставалось действовать хитростью, если она у меня еще оставалась.

– Ну и карауль свою дурацкую тюрьму, а я сяду здесь и буду ждать твоего господина, – с этими словами я решительно уселась у самого порога прямо на пыльный и горячий от солнца здоровенный булыжник, неизвестно кем и неизвестно для чего брошенный на обочине.

Стражник гортанно заклекотал и начал замахиваться на меня, судя по всему, намекая, что здесь в присутственных местах просителям сидеть не положено. «Отстань, дурак,» – отмахнулась я от него и в ответ получила весьма чувствительный удар в плечо. К счастью, орудовал привратник простым кулаком, а то травмпунктов тут не предусмотрено. Негостеприимный страж продемонстрировал недвусмысленную решимость отоварить меня еще разок, причем посильнее, и я поняла, что против этого бульдозера мне не сдюжить. Пришлось перебазироваться подальше, на порядком вытопанную лужайку, на которой паслись грязные репьястые козы.

Бурый вожак, тревожно взмемкнув, похоже, попытался выяснить мои намерения и поинтересоваться, на каком основании я вторгаюсь на его законную территорию.

– Начальника я жду, – честно сообщила я, в упор глядя в карие на выкате козлиные глаза.

– Мееее, – согласился козел, тряся бородой, в которой запутались соломинки. Он осторожно ткнулся носом мне в ладонь, убедился, что ничего вкусного там нет, и неспешно убрел к подведомственному стаду, продолжавшему медленно и печально расправляться с остатками некогда сочной травы.

Ждать мне пришлось долго, очень долго. За это время успел смениться караул, и новый стражник, молодой и туповатый на вид детина, глупо ухмылялся, поглядывая на меня, пока предшественник что-то гортанно ему рассказывал – не иначе, передавал подробности нашего томного свидания.

Потом прежний стражник ушел, а молодчик уселся на корточки, поплеывая в придорожную пыль и периодически как-то странно поглядывая на меня. Мне уже было совсем не до него – пить хотелось просто невероятно, да и не только пить, если честно. Но уйти с поста я не могла – мне нужно было обязательно поговорить с начальником тюрьмы или как это у них называется, убедить его, что Венька ни в чем не виноват, что его не за что наказывать. И ради этого я была готова сидеть на солнцепеке хоть целую неделю без сна и без питья... тоже ведь что-то библейское: «не буду вкушать хлеба и пить воды, доколе не...» Только лучше бы он все-таки появился пораньше. Мысли путались, голова гудела, мир выглядел всё более жестоким и бессмысленным.

Стражник явно на что-то решился. Огляевшись по сторонам, он пересек дорогу и обратился ко мне тоном, который при некотором воображении можно было назвать даже дружелюбным. Но увы, слов я его не поняла совершенно, и потому только повторила свой прежний текст про «жду господина и никуда не уйду». И тут стражник выкинул фокус совершенно дикий и непостижимый – с жестом, не оставлявшим сомнений в его намерениях, он закивал в сторону двери. Типа, стоит только удовлетворить его страсть раз-другой-третий, и передо мной будут открыты все пути, и может, даже, удастся втихаря от начальства выпустить Веньку. А цена всему такая безделица, что и говорить о ней ни к чему, тем более наложнице, которой и так грош цена в базарный день, особенно когда собственного ее господина в кутузку замели. К чему ждать начальника, можно ведь без него договориться – ясно намекал этот предок наших славных гайшников.

И пока я набирала в легкие воздух, намереваясь высказать придурку все, что я думаю по поводу его гнусного предложения, всё произошло словно само собой. Недоговоренные слова застряли у него в горле, когда мои зубы крепко, до крови впились в грязную волосатую руку, нагло сжавшую мою грудь. В эту же секунду раздался оглушительный звон, и на щеке стражника вспыхнул алый отпечаток пятерни. Стражник взвыл, тряся рукой и стараясь освободиться от моих зубов. Второй рукой он так сжал мне горло, что перед глазами поплыли цветные круги, и я непроизвольно разинула рот, безуспешно стараясь вдохнуть поглубже. Отцепившийся от меня стражник замахнулся, гнусно ругаясь, и если б не гибкость и хорошая реакция, шкурка моя украсилась бы парой хороших синяков. Но увернуться от негодяйца мне все-таки удалось, а вот дальше всё пошло уже не так

радужно. Я потянулась было к рукояти меча – и обнаружила, что он лежит на земле в шаге от меня, вместе с развязавшейся лентой, а злобный детина готовится к последнему прыжку, и мне оставалось надеяться только на быстроту ног и скорость реакции.

Только все равно недолго бы мне прыгать на лужайке между двумя козлами, звериным и человеческим, если бы не тот пегий бородач. Не знаю уж, откуда он взялся, а только заорал он во всю ивановскую, мы оба с детинушкой остолбенели, после чего тот помчался оправдываться за небрежное несение караульной службы, а я получила краткую передышку. Правда, после выяснений меж собой они уже вдвоем накинулись на меня – как это все-таки было по-нашему, по ближневосточному!

Старшего по званию я понимала лучше, но оптимизма мне это понимание не прибавило. По его словам, с грязной потаскухой, наложницей беглого раба и дохлого пса (это он о Веньке так!) и говорить было нечего, и чтобы я немедленно убиралась, если не хочу, чтобы меня тут же на месте... ну, дальше я не очень поняла конкретику, но общий смысл дошел отлично. Нас видели вместе на рынке, и городским главам прекрасно известно, что я рабыня и сообщница осквернителя божества, и посему мне следует до наступления ночи исчезнуть из города куда подальше и не мозолить глаза, не то участь моя будет печальна. А упавший меч преступника – его конфискуют доблестные органы охраны правопорядка, и нечего мне тянуть к нему лапы.

В первую минуту мне хотелось гордо встать в позу и выдать что-то пафосное, типа, что я предпочитаю разделить судьбу моего любимого и не стану спасаться недостойным бегством, но словарного запаса, по счастью, не хватило. А потом я и сама сообразила: в неволе я Веньке точно ничем помочь не смогу. Правда, на воле от меня тоже было мало проку, но все-таки...

Делать было нечего, и я пустилась со всех ног, надеясь, что в спину мне не полетят булыжники, а то от этих горячих еврейских мужчин всего можно ожидать. Бежала я прочь от города, пока совсем не кончились силы (а кончились они скоро). Споткнувшись и упав в полном изнеможении на какую-то грязную кочку, я разревелась. Было отчаянно жалко и Веньку, и себя, собственные никчемность и бессилие злили до иступления, так что рыдала и ругалась я долго и самозабвенно, а потом забылась каким-то подобием сна.

Очнувшись я от того, что моего плеча осторожно коснулась чья-то рука. От неожиданности я вздрогнула, инстинктивно отворачиваясь и пряча распухшее от слез лицо. Но голос, заговоривший со мной, звучал очень дружелюбно, хотя что он говорил, я не очень могла понять. Осмелившись наконец приподнять голову, я к неожиданности своей увидела нашего давешнего знакомого – Ахиззера. Ему-то я зачем сдалась, что у него, своих забот мало – чужой наложницей заниматься?

Не обращая внимания на мой распухший нос и прочие красоты, Ахиззер продолжал ласково и дружески повторять одни и те же слова. Мало-помалу успокоившись, я понемножку начала понимать, чего он от меня хочет. А хотел он, на удивление, не от меня, а для меня... Хотел, точнее, предлагал тишины, покоя, отдыха... И обещал, что все будет в порядке, и Веньку мы обязательно спасем, а вот сейчас надо просто переждать, отдохнуть, успокоиться...

В первый момент мне хотелось просто послать его куда подальше – с какой стати незнакомый человек будет смешиваться в чужие дела? Не иначе у него в этом какой-то интерес, и фиг знает, чего он потом захочет от нас за свои услуги. Но, с другой стороны, деваться мне все равно было некуда, а тут появлялась хоть слабенькая, но все-таки надежда на помощь. В конце концов, кто не рискует, тот не пьет шампанского, а хуже, чем сейчас, мне уже наверняка не будет. Да и сам Ахиэзер, если честно, почему-то внушал скорее доверие, чем опаску.

Всхлипнув напоследок, я дала себя уговорить. Ахиэзер отвел меня в какой-то маленький загородный домик (идти оказалось совсем недалеко, минут пять), где мне дали воды, много-много свежей прохладной воды, а еще лепешек и козьего сыра, и постелили в углу большой комнаты. А потом наступила ночь, и я... я без сил рухнула на постель и провалилась в какой-то глубокий черный колодец, в который я летела, летела и никак не могла приземлиться. Но лететь было совсем не страшно. Кто-то большой и сильный взял на себя решение моих проблем, а значит, все обязательно кончится хорошо, это я во сне почувствовала окончательно и бесповоротно.

45.

Когда мир снова обрел краски, звуки и запахи... запахи были неважными: воняло затхлой мочой, прелой соломой и еще какой-то гнилью. Краски и звуки, впрочем, тоже не сильно радовали. Бурая глиняная стена прямо перед глазами, полутьма, стрекотание сверчка, посвист далекой птицы, блеяние козы. И боль – тупая в затылке и висках, острая в затекших запястьях... они были перехвачены сыромятным ремнем, грубо, сильнее, чем нужно. Болели ушибленные ребра, болело практически всё... но это еще было ничего.

Хуже всего, что очень хотелось пить, а кроме того – размяться. Я лежал скрюченным в какой-то камере среди дерюжных мешков и глиняных сосудов, совершенно голый со связанными руками и ногами, и ничего, ничегошеньки не мог изменить в своей судьбе. И в судьбе Юльки.

Мне послышалось, или это ее голос прозвучал где-то там, где только что пела птица и блеяли козы? Она кричала... или мне всё это только кажется? Ее здесь нет. Ничего нет, кроме мешков и сосудов, кроме плена и позора, кроме полной неясности и страха... А впрочем, страха не было. Была какая-то тупость и вялость, сильно, видать, меня по башке угостили. Я лежал и не мог понять, прошло ли полчаса с момента моего пробуждения, или только две минуты, и вообще где я и что я. Может, никаких Сокольников никогда и не было, я и вправду уроженец здешних мест, чей-то беглый раб, или схваченный на войне неудачливый воин, или... да кто его знает, кто я. Сейчас – никто.

Там, за дверью, опять кричали, и довольно громко. Но голова гудела, слов я не мог разобрать, и уж тем более – осознать, кто там кричит и зачем. Да и какая разница? Мне бы воды... и чтобы руки развязали.

Дверь за моей спиной распахнулась. Я медленно повернулся на бок, запрокинул голову... Там стоял какой-то мужик, которого я прежде не видел. Ах, да, был базар, были какие-то идолы. Была Юлька – где она? А этого мужика не было.

- Очнулся, мертвый пес? – спросил он меня незло, даже с интересом.
- Сам такой, – ответил я почти безразлично.
- Дерзишь, – покачал он головой с усмешкой, – а ведь ты в моих руках.

Пить, наверное, хочешь?

- Хочу, – согласился я.
- А я могу дать тебе воды.
- Ну так дай.
- А могу и не дать.

Я промолчал.

- Ты должен называть меня своим господином.
- Дай попить и развяжи меня – назову. Жалко мне, что ли?
- Нет, ты сначала смиришься.
- Где моя... моя женщина? – спросил я о другом, о том, что было намного

важнее.

- А кто ее знает. Она не твоя. У беглого раба нет ничего своего, кроме жизни, и та принадлежит его господину. А господин твой – я.
- В первый раз тебя вижу, – ответил я, – и рабом не бывал от рождения.

– Да, ты не похож на раба, – неожиданно согласился он, – ну так пить-то будешь?

– Да, мой господин, – ответил я. В конце концов, так можно назвать и просто человека, с которым хочешь быть подчеркнуто вежлив, – только развяжи меня.

– У меня в руках меч, – предупредил он, – а за дверью стоит мой другой раб. И у него тоже меч.

– Ты боишься меня, мой господин?

– Какой ты дерзкий... Нет, но я говорю тебе о том, что...

– Не бойся, – оборвал его я, – сейчас я ненамного сильнее того самого дохлого пса, которого ты упоминал. И нет у меня привычки нападать на тех, кто даст мне свободу, воду и хлеб.

Про хлеб это я удачно ввернул, как солдат из притчи (вот разве что переночевать было где). Есть не хотелось совершенно, но силы следовало копить и беречь. Время для рывка – явно не сейчас. Сейчас время для рекогносцировки.

– И хлеб, – рассмеялся он, – ну давай, развяжу. Ты говоришь как свободный. Придется тебе учиться другим словам в доме твоего рабства...

Приговаривая так, он распутал ремни, стягивавшие мои голени, а затем и другие, на запястьях. Я сел (голова кружилась, картинка перед глазами плыла – сотрясение мозга мне устроили нехилое). Размял руки, восстанавливая кровообращение, затем и ноги, с достоинством, никуда не торопясь и не глядя даже на кувшин, который он поставил передо мной. Кто бы он ни был, впечатление обо мне он составляет прямо сейчас – и не должен я выглядеть дохлым псом, в самом деле.

– Ты же хотел пить? – удивленно спросил он.

– И сейчас хочу, – кивнул я и взял кувшин. Вода была... да уж ладно, какая была, другой не предвиделось. У нее был слегка соленый привкус... но это кровило у меня из носа, как оказалось. И от дурной ли воды, от гнилого ли запаха или от ушибленных моих мозгов – вывернуло меня тут же наизнанку, прямо ему под ноги.

– Пес в своей блевотине, – удовлетворенно сказал он.

Я спокойно прополоскал рот, сплюнул ему же под ноги и вылил остатки воды себе на лицо. Как ни странно, полегчало.

– Собак, я смотрю, ты любишь. Все время о них говоришь, – пошутил я.

– Кто ты и откуда? – спросил он, не оценив шутки.

– Имя мне Бен-Ямин, отец мой из колена Вениаминова. Жили мы далеко отсюда в стране Рос, откуда и мать моя родом. Теперь с наложницей моей иду в город Давида, чтобы увидеть великого царя, которого дал Бог народу своему, Израилю.

– Есть ли в Дане те, кто тебя знает? – спросил он.

– Нет, – ответил я.

– Ждет ли тебя кто-то при дворе Давида?

– Нет.

– Ну, вот видишь, – снова усмехнулся он, – и на нашем базаре ты затеял мятеж. Оскорбил наших богов, избил торговцев...

– Торговцев я не бил, – возразил я.

– Да что теперь спорить. В общем, камнями побить тебя – самое оно. За одних богов.

– А ты-то сам кто будешь, добрый человек?

– Имя мое тебе знать ни к чему, – ответил он, – я один из господ Дановых, из тех, кто решает дела в этом городе.

– Отошли меня лучше к царю. Он рассудит.

– К какому царю? Много на свете царей. Не пришел ли ты от Хирама, царя Тирского?

– Мне к Давиду. Не он ли правит в земле Израильской?

– В городе Дан правят господа Дановы, – отрезал он, – не было у нас царя со дня выхода нашего из земли приморской, и отныне нет. Да и ты для Давида – никто. И выговор у тебя не таков, как у сынов Вениаминовых. Похож ты на лазутчика из вражеского города, и убить тебя – самое было бы верное.

Я молчал. Возразить было нечего. Ясно было одно: хотели бы убить на самом деле – уже бы справились, с этим у них тут просто. Значит, игра продолжается. Ну, а мой сановный собеседник пожевал губами и продолжил:

– Слушай меня внимательно, чужеземец. Хотели торговцы на базаре побить тебя камнями – я тебя спас. Пришлось, конечно, потратиться. Оставаться тебе тут и вправду не стоит, за жизнь твою не дадут и дохлого... в общем, не долго она продлится. А я спасу тебе жизнь. Я продам тебя в рабство купцу из других земель.

– А просто так отпустить? – спросил я как будто наивно.

– А кто мне заплатит?

– При мне было серебро, – ответил я, – и хороший меч.

– Так теперь же нет, – ответил он, – серебро твое пошло на умиловление торговцев.

– Ну тогда мы квиты.

– А что я с этого буду иметь?

– Чистую совесть, – ответил я, – будешь знать, что не пролил кровь невинную, что не погубил жизни брата твоего из сынов Изра...

– Не брат ты мне, – поцокал он языком, – я назову имя своего отца, и отца моего отца, и так до праотца нашего Дана. Твой отец кем приходится моему отцу? Где земельный надел твоего деда? В селении твоём преломили ли наши прадеды хлеб, заключили ли завет меж собой?

– Но я человек.

– Человек хороший товар, лучше козла или барана. Сильный, здоровый человек – много серебра. И зачем тебе умирать?

– Чего ты хочешь от меня? – спросил тогда я напрямую.

– Благоразумия. Завтра выведу тебя на рынок, завтра большие торги. Много за тебя серебра получу – дам тебе с собой подарок. Мало получу – не дам. Не смогу продать – брошу тебя торговцам нашего города, пусть сами с тобой поступят, как знают. Сильный, спокойный, послушный раб – много серебра. Строптивый, безумный раб никому не нужен.

– Я не раб.

– Будешь им, – отрезал он, – я тебе всё сказал, думай. Ноги тебе на ночь свяжу, хлеб тебе принесут, и еще воды.

– Если так свяжешь ноги, – ответил я, – завтра стоять не смогу. Кровообращение нарушится.

– Что?

– Опухнут ноги, посинеют.

– Это ты верно сказал, – ответил он, – тогда клянись мне на соли, что не попытаешься убежать до завтра. Да тебя тут если и поймают – убьют. Соль сейчас принесут.

Я задумался... бежать сейчас, без одежды, оружия, денег, без малейших представлений о том, где Юлька и что нам вообще дальше делать – и вправду, безумие. Да и тот я еще боец в нынешнем состоянии, воды и то попить не могу... Утро вечера мудренее. Может быть, в этой сторожке мне сейчас и вправду было лучше всего пересидеть.

– Клянусь. Не надо соли: Господь свидетель, что до завтра, пока ты сам не выведешь меня из этого... этого дома – я не буду выходить из него.

– Кто свидетель? – не понял он.

– Яхве.

– А, ты про Бога того Давида... да, мне что-то говорили, будто ты из этих.

– А ты сам не из них?

– А я чту богов Дана, города своего, – ответил он, – и выше всего – Тельца на Высоте. Ну, и прочих, и Яхве твоего тоже, иногда.

– Они все не боги, прочие.

– Опять ты про свое! – раздраженно ответил он, – ну ладно, я верю тебе. Смотри, ты поклялся пред своим Богом.

Да я и сам это понимал. Анонимный мой господин ушел, невидимый доселе страж за дверью принес мне через полчаса или час похлебки с лепешкой и кувшин воды, и даже кусок дерюги – сразу и одеяло, и одежду (а у самого на поясе был мой меч!). А я всё сидел, прислонившись к стене, и размышлял. Только мысли были не очень веселыми...

А что, собственно, такого? Бóльшая, значительно бóльшая часть человечества всегда жила без кондиционеров и горячих ванн, без политических свобод и прав человека, махали они мотыгой с утра до вечера, ели не досыта. Да и в моем двадцать первом веке слишком многие так живут. Вот, может быть, и мне предстоит провести остаток моих дней, работая где-нибудь в поле с рассвета до заката, хорошо бы только не в рудниках... вот еще и в домашнюю прислугу я не гожусь. Ну ничего, прожить везде можно, здоровье пока есть, мозги тоже варят, знаю кое-чего, что тут людям пока не известно. Осмотрюсь, найду свой путь. Вот только Юлька...

И еще Кое-Кто. Только их нельзя было предавать – и почему-то казалось мне, что спаяно всё это воедино, что любовь к девочке моей и доверие к Нему – это почти одно и то же. Или, вернее, так: одно уже не получится без другого.

А потом мыслей уже не стало. Потом оставалось только попросить: «Ты же видишь, что с нами, где мы: Юлька и я. Ты видишь, как мало здесь знают о Тебе – народ, который Ты создал и которому открылся. И Ты знаешь и помнишь нас, я верю. Я еще раз, еще раз скажу им завтра о Тебе – и будь, что будет. В руки Твои предаю дух мой... и Юльку обязательно тоже. Ты уж с ней помягче, ладно? Она же девочка... А уж со мной – как получится, как Сам знаешь».

И на том я уснул.

Очнувшись на рассвете в унылом своем сарайчике, чего я только себе не навоображал! Как выйду на площадь и буду проповедовать заблудшему колену Данову единобожие, а дальше... ну, воображение подсказывало: «бросьте жертву в пасть Ваала». Тем более, я видел, каково оно.

А вышло всё буднично и серо. Отворилась дверца, мне дали воды и хлеба, и повели на торги – на ту же самую рыночную площадь. Завернутый в свою дерюжку, не отошедший еще от вчерашнего, я и не сопротивлялся, только глядел на грязноватые улицы городка, вроде и израильского, а только ничуть не более гостеприимного, чем все прочие. Да и кто сказал, что в Иерусалиме нас ждут с распростертыми объятиями?

Народ равнодушно обтекал эту нашу процессию: бородача и двух его слуг, все с мечами, при них хмурый товар в дерюжке со связанными руками, то есть я. Мы скоро добрались до рыночной площади, стали в уголке... Живого товара было немного. Рядом со мной стоял немногословный испуганный парень лет двадцати, а поодаль была худая молодая женщина с двумя детьми. Девочка лет семи еще всё плакала и спрашивала, как они теперь будут жить, а совсем маленький мальчик играл себе щечками, сидя в пыли, и ни на что не обращал внимания. Мама отвечала им что-то ласковое и печальное, и видно было, что дети домашние, что не были они рабами до сего дня, как и сам я.

– Как это вас? – тихонько спросил я.

– За долги, – ответила она тихонько, – умер муж мой, и никто не пожелал выкупить нас.

– Помалкивай у меня! – резко оборвал ее торговец, – хороший товар, сильная женщина, красивые дети... Подходи, кому нужно в хозяйстве. Подходи, хороший товар!

И тут я вспомнил о своем обете... ну, или точнее, своем решении. Может быть, потому вспомнил, что стыдно было мне вот так вот стоять – и ничем, даже словом, не помочь этим детям и их маме? Самое время бывает в такие минуты поговорить о вечном.

– Слушай, Израиль! – трубно возгласил я громогласно знакомые с детства слова, – Господь – Бог наш, Господь Единый! Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими!

– О чем это он? – удивленно спросил один досужий прохожий другого.

– Голову ему вчера разбили, видишь, кровь на голове – не в себе он, – ответил другой.

– Да нет, своего Бога зовет, – вступился третий, – молится, значит.

– А, ну да, чтобы продали доброму господину, – понимающе кивнул первый.

– И то верно, – согласился второй, – это уж как ему повезет.

И о чем было с такими говорить?

Но тут выискался на меня покупатель. Не злой такой с виду, в самом деле, скорее деловитый. И мой продавец тут же собрался расхваливать товар и даже показывать его лицом, ну, или не совсем лицом, в общем, захотел дерюжку с меня принародно снять.

– Не надо, – сказал покупатель, и голос его показался мне знакомым, – вот тут, в кошельке, серебро. Я покупаю его. И меч его тоже.

– Подожди, брат мой, – ответил мой продавец, – как знать, не дадут ли большей цены за него, раб сильный, крепкий...

– И во весь голос пророчествует, – отозвался покупатель, – нет, не дадут за него больше. Вообще ничего за такого не дадут. Бери, у меня чистое серебро. Да и как ты объяснишь, если спросят тебя, откуда сей раб? В доме ли твоём родился, захвачен ли на войне, продан ли за долги?

И как-то скис мой хозяин, не стал торговаться. И мне слова сказать не дал. Покупатель сунул в руку продавцу свой кошель, принял у него меч, хлопнул меня по плечу:

– Пошли.

Ну как вот тут будешь возвещать свою веру в Единого, когда тебя, как барана, куда-то ведут? Я оглянулся на ту женщину с детьми, бросил им на прощание:

– Да благословит Вас Господь!

– Да найду я милость в Его очах, и дети мои со мной, – отозвалась она, и я понял, что на всем этом рынке только она была готова услышать мои слова, и только потому, что надеяться было больше не на кого.

Мы шли обратной дорогой, мимо тех же домиков и тех же людей, по тем же утоптаным мостовым, только я теперь был – вещь. Мой якобы хозяин (я совсем не готов был признавать его власть надо мной, хотя пока и не сопротивлялся) ничего мне не говорил, но явно и не опасался меня, как тот продавец. А я думал, что прощаюсь с самой свободной жизнью, и что одно, только одно имеет настоящее значение – как там Юлька? Мне бы хоть один ее взгляд теперь поймать...

А мы, тем временем, вышли за пределы города, где паслись все те же козы, пели все те же птицы, накрапывал мелкий нудный дождик и не было ни дурацких этих торгов, ни ложных богов, ни людей, которые отчего-то возомнили себя господами. И я молчал, и тот, кто шел передо мной, молчал тоже. Но и рук мне пока не развязывал.

Через четверть часа мы подошли к глинобитной хижине, от которой тянуло дымом и человеческим духом, а во дворе какая-то старушка полоскала в деревянной лохани белье.

– Мир тебе, – обратился он к ней на еврейском, а потом повернулся ко мне и стал развязывать руки.

– Ну вот и пришли, – добавил он, обращаясь ко мне – совсем они тут охренели, живого человека в рабство продавать!

Да, именно так он мне тогда и сказал. На чистейшем русском языке.

А из двери на меня выскочила счастливая моя Юлька – глазищи распахнуты, рот перекошен:

– Венька, Венька, вот дурак, убью, не могу без тебя, родной, Вееенька-а!

46.

Тем утром, едва забрезжил в оконце неяркий свет, я была уже на ногах. Однако Ахиэзер оказался проворнее меня – полностью одетый, он перепоясывался, явно собираясь куда-то уходить. Я рванулась идти с ним вместе, но он скорее жестами, чем приглушенным шепотом, стараясь не разбудить прочих обитателей домика, велел, чтобы я осталась внутри и не тревожилась, все будет хорошо. В очередной раз мне пришлось покоряться, изображая из себя типичную женщину Востока. Но как же это трудно – ждать, не зная, когда и чем все закончится, просто сидеть у окошка в ладонь шириной, не отрывая глаз от дороги...

К счастью, ожидание мое оказалось не слишком долгим. Хозяйка домика всего два раза предложила мне поесть, удивившись отказу, но третий раз звать не стала, просто оставила на краю стола лепешки и миску козьего молока. От тревоги и нетерпения мне на еду и смотреть не совсем. Сидеть дома было и вовсе уже невыносимо, и я уж решилась переждать во дворе, а заодно и бабушке со стиркой помочь – и надо же мне было высунуть нос наружу как раз когда к дому подходил Ахиэзер, а за его спиной маячила такая знакомая и любимая кудлатая Венькина башка... Убила бы дурака такого, вот честное слово, прямо на месте бы убила! Так я ему и сказала сразу... ну, или не совсем сразу, а как только он оторвался со своими поцелуями.

– Надеюсь, – вмешался в наше воркование неожиданный наш знакомец – вы не в претензии, что пришлось прибегнуть к купле? Никаких юридических последствий в этой или нашей эпохе, разумеется, утренняя транзакция иметь не будет.

– Что? – обалдело уставились мы на него. Нам не почудилось, он-таки говорил на русском языке! Немного странном, с легким каким-то акцентом, но, несомненно, русском. Да вроде... вроде как он и вчера на нем говорил, только я в состоянии шока ничего не замечала.

– Выкуп. Я заплатил за тебя выкуп, – продолжил он, – Это из средств экспедиции, не берите в голову. Emergency fund, никаких траблов.

Мы оба обалдело смотрели на него, но ко мне дар речи вернулся первой.

– Большое вам спасибо, – сердечно сказала я, – без вас уж и не знаю, что бы мы делали!

– Да-да, – обалдело подтвердил Венька, – спасибо вам.

– Это долг – выручить коллегу.

– Коллегу? – переспросили мы хором.

– Разумеется. Я уже представился: Ахиэзер. Но теперь добавлю свою позицию: senior explorer at the Eurasian Institute for non-linear history.

– Какой-какой хистори?

– Старший эксплорер в институте нелинейной истории. А вы, коллеги, откуда?

– Я вообще-то ремонт делаю, – ответил простодушно Веня, – и в Сокольниках живу. В Москве.

– А я – Юля из Беляева. Вольный художник. Леплю, к примеру, верблюдов из глины. Вам не надо случайно?

Теперь на нас смотрел он. Дубиной вроде только одного Веньку стукнули, хотел он нам сказать, что же мы вдвоем-то придуриваемся?

– Я еще позавчера, – он все-таки совладал с собой, – имел инсайт, что вы хронодайверы. По-русски тут еще никто другой не научится ругаться еще тысячелетия три или так. Но я могу дать матрицу на релоад, что от нашего института в этом тайм-слайсе нет других экспедиций.

– Не надо нам матрицу, – ответила я торопливо, – мы не от института, и безо всяких слайсов. Просто я в пещеру сдуру полезла, а он за мной. Еще там землетрясение было, а потом мы в Угарите очутились и уже полгода выбраться домой не можем. А вы, наверное, давно за границей живете, так непривычно говорите...

– За границей? – удивился он, – нет, в Европе. Последние два года в Англии, но это неважно. Дистант джоб, в любом кейсе-мейсе. Но я вот говорю о чем... А кто же осуществлял ваш дайв и какими средствами?

– Да никто не осуществлял, – теряя терпение, пояснила я. – Мы с Венькой были в Сирии на экскурсии, забрались в пещеру, а там землетрясение. И мы тут. Вот и все.

– Окрызенно, кызым! – восхитился Ахиэзер. – Значит, вы имели удачу найти натуральный колодец. Это верная Диксоновская премия, коллеги. Опишите ваш дайв, представим материал в Кембридж, когда сделаем назад. Это было только в старых, очень архивных файлах, что такое имело место. Где-то в начале века.

– Подождите-подождите, – озадачилась я. – А мы-то в каком времени живем, то есть, жили? Это ж самое начало века и есть. Двадцать первого. А вы о каком говорите?

– И я о нем же, – терпеливо ответил Ахиэзер, – явление, как вы помните, заявлено Леруа и Крюгером, Диксоновская премия 2046 года.

– Какого? – разинули рты мы оба.

– Сорок шестого, forty six. Подождите... а вы?

– Мы в 2008-м жили, пока вся эта заварушка не началась.

– На самом деле? – вскрикнул от неожиданности теперь Ахиэзер. – Вы обязательно должны мне показать локацию, это же чрезвычайно важно. Это не Диксон, это Нобель-Мобель!

– А смысл? – робея под напором мальчика из будущего поинтересовалась я, – Мы там сто раз все облазили, только обратно все равно не работает, локация эта. Даже пещеры той нет.

– Похоже, это история на не один слот, – кивнул он головой, – предлагаю поланчевать, тем более, что завтрака, кажется, вы не имели. А для тебя, Веня, есть медицина. От потрясенных мозгов, как раз.

Он достал откуда-то из складок своей одежды радужную капсулу.

– Спасибо большое, Ахи, – отозвался мой драгоценный, засовывая дар себе в пасть, – вообще за все спасибо, и за лекарство в частности. Но все-таки, почему ты так странно говоришь, и как тебя зовут, на самом деле?

– На самом деле меня зовут Ахиэзер, в этой экспедиции, – ответил он, – а моя речь... брат, языки меняются. Я эксперт по древнему Ближнему Востоку, но и о русском могу сделать выводы. За шестьдесят лет иногда довольно быстро

меняется язык, да? Но с вами я постараюсь говорить аккуратнее, языком классической отечественной литературы, которую полюбил еще в колледже.

– Шестьдесят лет! – выдохнули мы разом.

– Да, друзья, я еще не родился в этом вашем 2008-м, – ответил он, – только не ждите, что я буду предсказывать вам будущее, особенно, дату смерти. Я ее не знаю, пардон, это во-первых, и не могу знать, а во-вторых, это запрещено, раскрытие инфы. Ну и я не эксперт по Восточной Европе начала века, или где там это Беляево-Меляево...

– В Москве! – гордо сказала я.

– Милый город, – отозвался он, – несколько раз бывал там.

– Насчет будущего, – переспросил Венька, – у нас один главный вопрос: как отсюда выбраться?

– Хронодайв на троих будет непростой задачей. Дисперсный, тем более... Энергии слишком много, и это не emergency... Канал всего один... очень сложная задача. Очень. Не знаю пока, коллеги. Все же, я скажу насчет ланча... простите, отобедать, откусать изволите ли? – поправился он, переводя свое чириканье на язык наших предков, – а вы за трапезой уведомите меня поподробнее, что там у вас произошло. Соболаговолите.

Нам, действительно, накрыли внутри дома, и мы, перескакивая с пятого на десятое, вкратце передали всю историю наших угаритско-финикийских приключений, да и начинающихся израильских, ничуть не более веселых на данный момент. Мне страшно хотелось узнать побольше и про самого Ахиэзера, и про его институт, и про экспедицию, но он отговаривался какими-то общими фразами и на контакт, по сути, не шел. Национальность у него – европеец, русским свободно владеет с детства, это язык его предков по матери, да и один из основных языков Евразийского Сообщества.

А теперь направляется – вот удача! – в Иерусалим, сиречь Евус или град Давида, по своим хронодайверским делам. Вроде как точка всплытия у него там, и вообще он исследует давидову династию. Проект так и называется: «Давид и сыновья». Только подробнее он о нем не рассказал – а нас с собой позвал. Выйдя в путь этим же вечером, мы еще имели шанс нагнать вчерашний караван, он только сегодня утром отправился в путь – и лучше бы в Дане до поры до времени никто не знал, куда мы делись.

Разумеется, мы согласились с его предложением – а какие были еще варианты? Только до чего ж это странно выходило... Мало того, что древность эта наштигована хронодырками, как хороший сыр, так по ней еще и всякие дайверы гуляют с неясными целями, и вот пойдешь, вынырни с таким вместе – в какой век тебя выкинет? На могилку собственных правнуков или на костер инквизиторов? И что вообще нас ждет? Вот говорила мне мама не лазить, куда не надо...

47.

«От Дана до Беэр-Шевы» – так говорит о земле Израиля главная Книга этой самой земли. В нашем мире казалось – подумаешь, полдня на автомобиле! А тут от Дана даже до Иерусалима, оказывается, топать, и топать, и топать... И в самом деле, что этому городу Дану до иерусалимского царя, когда тирский ему ближе раз в десять – и по расстоянию, и по всем прочим признакам?

Я поездил по этой самой земле в нашем времени, и невозможно было не узнать знакомую шапку Хермона там, вдали, широкую гладь Галилейского озера (но так его еще никто тут не называл), узкий и стремительный бег Иордана. Но всё, буквально всё было здесь другим! Ни асфальта, ни киббуцев, ни... ну это ладно, к отсутствию современных прибабасов мы давно привыкли. Но даже ландшафт был совсем другим! На холмах раскинулись настоящие дикие леса, Иордан так и вовсе по обоим берегам был опоясан чуть не джунглями, участки пахотной земли или виноградники попадались довольно редко, и еще реже – селения...

Чаще всего встречались пастухи со своими коровами или овцами и козами – тогда караван останавливался, все долго приветствовали друг друга, рассказывали последние новости, пили кислое прохладное молоко, разбавленное родниковой водой, а потом меняли какие-нибудь финикийские безделушки на круглые белые сыры, кувшины с тем же кислым молоком, багровые бараньи окорока. На побережье озера продавали рыбу – свежую или вяленую. Продукты не стоили почти ничего – за хороший железный нож давали целого барана, а рыбы – сколько унесешь!

Сначала все эти посиделки ужасно раздражали: ну и так дорога далекая, сколько дней еще идти, могли бы сегодня добраться если не до Хамата, то хотя бы до Киннерета, а такими-то темпами... Этак мы еще неделю только до Иерихона топать будем! А потом я смирился. Это была жизнь – и она текла здесь совсем другими темпами. Там, у нас, и новости были совсем иными: где чего взорвали, кого кем избрали, какая звезда с кем поскандалила. А тут: прошлой ночью улов был хороший, и виноград в этом году уродился отменный, а вот смоквы не очень, водянистые и не такие сладкие, и вот пшеницу только что посеяли. Ранние дожди пришли вовремя, есть надежда на добрый урожай зерна. У соседа сноха родила здорового мальчика, корова тоже скоро отелится. А что там в Тире, торгуют ли по-прежнему? Здоров ли тамошний царь? Не воюет ли? А в Иерусалиме царь, говорят, совсем стал старым, но вроде еще не помер, вы поторопитесь, вдруг не застанете. Давидом его, кажется, зовут...

Вот так они и жили, не торопясь, и узнавали, если с нашей точки зрения рассуждать, за всю свою жизнь меньше новостей, чем мы за один только день. Но зато каждую новость они понимали и принимали, каждую – проживали как свою. Как выпивали плошку кислого молока – обстоятельно, медленно, а после утирали усы и бороду рукавом.

А в пути, мерно покачиваясь на осликах, осталось нам только разговаривать. Я сначала всё нетерпеливо наседаю на Ахиззера. Еще бы, человек из будущего! Только он отвечал на мои расспросы скупой и неохотной. Говорить о счастливом Европейском Сообществе образца 2067 года, откуда он прибыл, отказался наотрез – дескать, это нарушает этику хронодайва. Аквалангисты, спускаясь под воду, не

бросают там свои пустые баллоны, так и хронодайверы не должны оставлять артефактов, но пуще того – сведений о будущем тем, кого оно не касается.

Впрочем, по репликам его, да по самой манере поведения было ясно: всё у них там в целом хорошо, никаких глобальных катастроф, разве что скучно немного живется. Технология продвинулась намного вперед, границы Сообщества тоже простираются у них от Атлантики до Урала, где-то на периферии кто-то с кем-то воюет, а так – ничего особенного. В общем, никаких новостей, по сравнению с отелом коровы и урожаем смокв.

И что он тут делает, хрондайвер наш научный, тоже он нам не рассказывал. Дескать, собирает себе потихонечку информацию и ставит маленькие эксперименты.

– Эксперименты? – удивился я, – а как же баллоны с воздухом? Принцип невмешательства?

– Ну что ты, – усмехнулся в ответ Ахиэзер, – это не баллон. Это так, рукой перед мордой мурены помацать, посмотреть, как она себя поведет. Анализ естественного поведения в естественной среде обитания.

– А если укусит? – спросил я немного ехидно.

– Может, – согласился он, – но есть аптечка.

– А как же бабочка? Был такой рассказ Бредбери... Там человек в прошлом бабочку раздавил и из-за этого всё в его настоящем поменялось. Фашистский режим установился и всё такое прочее.

– Мурену в любом случае мочить не будем, – оживился он – а рассказ я читал, он известен. Фактор бабочки, в теории хронодайва это так и называется. Вон первых, рассказ совершенно ахмачный.

– Какой-какой? – переспросил я.

– В вашем времени еще так не говорят? Ну, ступидный. Неумный, вот. Дурацкий. Вот смотри... Там от одной бабочки всё поменялось. Но они замочили целого динозавра, причем на пару минут раньше, чем в исходной реальности. Он упал не совсем так и не совсем там, где должен был. Сколько он лишних жучков-мучков и прочих инсектов передал при падении? Какие не успели упрыгать-улететь? А сколько не передал, потому что еще не припрыгали? А потом, когда этот хронодайвер пошел вынимать у него свинец из туши, ой-бой, там что, по дороге ему давить некого было? Да они там целый инсектерариум уничтожили! А одна всего бабочка, видите, сразу фашизм-машизм...

– Слушай, – перебил его я, – почему ты всё время говоришь на «м»?

– Это как? – не понял он.

– Ну, «фашизм-машизм».

– А разве в вашем времени так не говорят? Пардон, дустум...

– А в вашем говорят? На русско-англо-таджикском?

– Нормальный такой русский язык, – отозвался он, – чисто казуальный. Так вот. Называется осциллят-эффект. Незначительные возмущения поля не влияют на его конечную структуру. Попасть в резонанс теоретически возможно, но никому еще не удавалось.

– Это как? – не понял я.

– Резонанс. Если по мосту идет человек, колебания шагов могут совпасть с колебаниями моста. Войти в резонанс. Но это ничего не значит. Если по мосту

пойдет тысяча солдат, и они пойдут в ногу, и будет резонанс – мост может рухнуть. Вот так и мы: раздавили тут бабочек, поели баранов-мара... пардон. Поели баранов. Ничего страшного, вырастут другие. Если придет сюда тысяча пять хронодайверов и съедят всех баранов, могут войти в резонанс. Начнется ашмак-ёк... голодовка. Будут траблы. Или если я продиагностирую царя Давида, дам ему медицину и он проживет на десять лет дольше – смешаются все трэды, история изменится. Я не стану этого делать, дулум.

– Ну хорошо... а всё-таки, почему ты не хочешь рассказать нам про историю нашего мира после 2008 года?

– Я уже тебе объяснял.

– Ну, это официально. А если в частном порядке? Можно же не про всё сразу...

– А ты уверен, – он посмотрел на меня с хитрым прищуром, – что это вообще будет история *вашего мира*? Что вы действительно окажетесь в нем, даже когда вынырнете?

– А какого же еще, – опешил я, – ты ведь тоже оттуда, только на 60 лет позднее...

– Не совсем так, – начало объяснять он, – смотри. В вашем мире уже ведь открыли неопределенность-эффект, так? Когда есть электрон – и нет ясности, в какой точке пространства он находится. Или этот, Шрёдингер, посадил кота в ящик, не кормил-поил, и теперь никто не знает, помер кот или нет, пока ящик не откроют, да?

– Ну да, – усмехнулся я такой живодерской трактовке.

– Всё зависит от наблюдателя, – удовлетворенно кивнул он, – есть в экспериментальной истории такое положение, называется Расёмон-парадокс.

– Это по такому старому фильму, да?

– Ну да. Мы знаем, что произошло некоторое событие, но мы не знаем, как именно произошло. Мы опираемся только на показания шахидов... то есть айвитнесов... ну, свидетелей. Они рассказывают нам свои версии, каждая из них в равной мере вероятна. Всё зависит от наблюдателя.

– Но результат-то известен?

– В том фильме – да. А если он вдруг не известен? Вот смотри – сейчас в Иерусалиме, допустим, произошло некоторое событие. Я предполагаю, что царь Давид жив, а тот пастух – что нет. Пока мы не прибудем в Иерусалим, мы этого не узнаем.

– Как и Шрёдингер про своего кота.

– Именно так. Теперь смотри: мы можем предположить множество других событий. Например, что после смерти Давида его царство распадется. Или что начнется гражданская война. Или что Египет... нет, в данный период Египет не начнет инвазии. Это отпадает. Но распад царства, гражданская война или мирный переход власти – события примерно равной для нас вероятности, так?

– Да.

– И пока мы находимся в этой точке, мы не знаем, какое произойдет.

– Но в Библии написано, что...

– Да. Это взгляд наблюдателя. А если бы его не было? Ведь можно себе представить мир, где Давид живет еще десять лет, или умирает на десять лет

раньше? Где его царство распадается или, напротив, становится великой империей? Где вся история вообще идет совершенно не так?

– Можно.

– Так вот, мы считаем эти миры равно возможными и потенциально существующими. Всё зависит от наблюдателя: если он попадет в такой мир, этот мир окажется существующим.

– А мы тут причем? – не понял я, – почему наш мир 2067 года и твой мир того же года могут оказаться разными?

– Ну вот смотри... – продолжал он свою лекцию, терпеливо и уверенно, как и полагается настоящему ученому, – мы находимся в некоей точке. Из нее выходит сразу пучок возможностей. Когда ты глядишь назад, ты видишь только реализованные возможности. Развитие выглядит линейным. Но когда ты глядишь вперед, ничего не ясно, возможности ветвятся на каждом шагу. Нырять в прошлое, ты скользишь вниз по этой линии. И вынырнешь, согласно нашей теории, по той же самой линии. Но из этой точки выходят и другие линии, их бесконечно много. Если ты встретил в этой точке другого дайвера, откуда ты знаешь, по какой линии спустился он?

– Подожди... так что, у нас может быть разное будущее? Ты можешь быть из другого вероятностного мира?

– Вполне, – подтвердил он.

Я задумался... Да не то слово! Я просто впал в ступор. То есть вот рядом со мной едет вариант моего собственного будущего? Притом один из многих? У нас общее прошлое, а дальше, дальше всё зависит от наблюдателя?

Я стал расспрашивать Ахиэзера о его мировой истории вплоть до нашего с Юлькой года, и выходило, что она у нас действительно общая. В чем-то различались оценки, например, обе Мировых войны XX века он привык называть «Второй Тридцатилетней войной» или «Еврогражданской», как еще в школе в курсе европейской истории выучил, ну и что с того? У нас первую из них тоже называли то «Второй Отечественной», то «Великой» с большой буквы, то «империалистической» с маленькой, то, наконец, «Первой Мировой». А длились обе мировых войны с перерывом вместе как раз тридцать один год, и состав сторон не сильно менялся, так что, глядя из далекого будущего, как раз и выходило что-то единое, состоящее из двух таймов и перерыва между ними.

Размышления об историософии... или хронотехнологии... или нелинейной истории, как называл это Ахиэзер, настолько захватили меня, что я и не заметил, как мы подъехали к Хамату, небольшому городку на берегу Галилейского озера, где нам и предстояло заночевать.

– Ну а технически, технически-то как это получается у вас? – спросил я, наконец, – вы можете сами пробивать эти туннели во времени?

– Очень сложная, не до конца отработанная технология, – вздохнул он, – связана с риском. Мой дайв – лишь шестнадцать по счету... от первых пятнадцать три были фэйлами. То есть без всплытия. Двадцать процентов.

– Но как, как это работает?!

– Веня, ты мог бы объяснить своему далекому предку, как работает... ну, не знаю... у вас там уже были дигитал-плееры?

– Были...

– Ты и сам не очень понимаешь технологию на уровне инженеринга, верно? Закачиваешь файл, включаешь, слушаешь. Так и тут. Я точно скажу только одно: очень, очень много энергии. Это тебе не старенькая адронная установка, тут расход совсем другой... Часто не получится. Существует квота. Вероятно, мне придется всплывать самому, и потом выяснять, можно ли вытащить вас. И на рескью опять погружаться. И это связано с риском. Никто не знает, где теперь те трое.

– И мы можем вынырнуть не по той линии? – переспросил я.

– Всё может быть, – пожал он плечами, слезая со своего ослика и резко меняя тему, – надо насыпать им ячменя, ишаки устали.

Он ласково потрепал ослика по морде, и мне стало понятно, что надеяться на чудеса будущих технологий и на избавление из будущего нам с Юлькой стоит куда меньше, чем вот этому вот ослу – на сытный ужин.

Вокруг нашего каравана уже собирался неширокий круг местных жителей. У самой морды моего смиренного ослика встали двое детей лет семи-восьми. Я было подумал, что они хотят погладить и покормить длинноухого – но кто в нашем мире станет гладить троллейбус, удивляться вагону метро? Так и они не обратили на мой транспорт никакого внимания.

– Мир тебе, – вежливо поздоровался со мной мальчишка, а девочка скромно потупила глаза.

– И вам мир, – улыбнулся я.

– Ты идешь очень издалека? – спросил мальчик.

– Очень.

– Очень-очень?

– Ну да.

Девочка несмело подняла глазки и спросила:

– А драконы правда водятся в великом море? Или только так говорят?

– Я не видел, – усмехнулся я.

– Ты идешь из очень-очень далека и не видел ни одного дракона? – разочарованно переспросил мальчик, – ну может быть, какое-нибудь другое чудище?

– Я видел только людей, – ответил я, – хотя некоторые из них были похожи на чудищ.

– Да ну! – восхитились дети, – а сколько у них было ног? А голов? Рога были? Если есть рога или крылья – значит, это божество или демон.

Это рассудительно пояснял сестренке мальчик, а она только отмахивалась от него, мол, сама знаю.

– А вот смотрите, что у меня есть, – ответил я.

Не знаю даже, каким чудом завалилась у меня эта обертка от шоколадки, как не отобрали ее мои кратковременные рабовладельцы, как сам не обронил ее во всех этих погонях, побоищах и заплывах... но факт остается фактом: кусок бумаги с изображением Бабаевской фабрики и куском надписи был со мной. Последний кусочек из двадцать первого века... Даже не целая обертка, а обрывок, и давно уже без шоколада внутри.

Дети ахнули. Чудо чудное, диво дивное! Золотой дворец и волшебные письмена, таинственные заклинания из мира крылатых людей и морских чудищ...

– В этом дворце живет царь Тира, да? – переспросила девочка, затаив дыхание.

– Вот и не Тира! – перебил ее мальчик, – в этом дворце живет царь Давид в Евусе! Он был ужасно горд, что знал такие вещи.

– И его охраняют драконы! – подхватила девочка.

– И с ним там беседует Господь Небес, Бог Давида! – продолжил мальчик.

– Ага, спускается прямо в этот дворец на облаке!

– На крылатых керувах и огнедышащих серафах!

– И кто увидит Его, непременно умрет!

– Уххх тыы!

Дети, визжа от восторга и не веря своему счастью, потащили свое сокровище в укромное место. Так и мы в школе прятали фантики от импортных жвачек, а потом, в более зрелом возрасте – другие заграничные бумажки зеленого цвета с портретами президентов... Но счастье этих малышей было беспримесным и бескорыстным, куда больше нашего. Вот и вышло, что я подарил им сказку. Веру и надежду. А любовь пусть сами найдут, когда немного подрастут.

48.

Чав-чав-чав... чпок-чпок-чпок... И так день за днем, с утра до вечера, мерное чавканье осликов по раскисшей от дождей земле, время от времени глухое чпоканье о землю орешков, которыми наш караван щедро унавоживал местные дороги. Один и тот же монотонный пейзаж, одни и те же наводящие тоску Венькины разговоры с Ахиэзером. Нет, ну правда, я не понимаю, как можно так долго обсуждать одно и то же... Благо бы еще сюжет разговора хоть как-то относился к нам самим и нашему будущему после возвращения... Впрочем, состоится ли оно? Нет, оно будет, не может не быть, о другом и думать нельзя, – обрывала я себя, когда мысли уползали куда-то в совсем уж нехорошую сторону.

Мы обязаны выбраться из этого доисторического захолустья, неважно как, но должны. И так уже этот пикник что-то слишком затянулся, пора и честь знать. Околевать в этом вонючем доисторичестве я отказывалась наотрез. А запахи, что и говорить, царили весьма ядреные. Караван который день брел от селения к селению, и на ночлегах можно было в лучшем случае лицо ополоснуть, о бане речь и не шла. А она давно уже была необходима всем вокруг, включая нас с Венькой. Вьючная живность воздуха, прямо скажем, тоже не озонировала, одежду постирать не было ни малейшей возможности, и все эти обстоятельства повергали меня во все более мрачное настроение.

Венька к бытовым неудобствам относился легче, понятное дело, мужчина, да еще с армейской выучкой, эти ко всему легко приноравливаются. А я каждое утро с возрастающим отвращением облачалась в хламиду, которую в трех щелоках мой – не ототрешь, взгромождалась на меланхоличного ослика, натершего почти до крови все мои чувствительные нежные места, и погружалась в полудрему – полузадумчивость под мерное журчание мужской беседы.

Нет, конечно, говорил Ахиэзер вещи интересные, но к нам они все имели отношение самое малое, поэтому я со спокойной совестью пропускала половину его слов мимо ушей. Зато вот встречу его с каким-то мрачным подозрительным дядькой, осторожно тронувшим Ахиэзера за плечо, когда тот отдыхал после вечерней трапезы, углядела как раз я, а вовсе не скаут Венечка. Ахиэзер взглянул на незнакомца лениво, как будто и не узнал его, но видно было, что лень эта напускная, что он просто не хочет привлекать ничье внимание к этой встрече. Незнакомец легкой тенью выскользнул за дверь, а чуть погодя, сославшись на срочную потребность посетить окрестные кусты, из хижины исчез и Ахиэзер. Не знаю, что уж подумал Веня про мою внезапно проснувшуюся страсть к вуайеризму, но я не замедлила последовать за обоими мужчинами, кутаясь с головой в накидку и делая вид, что у меня тоже внезапно от кислого молока прихватило живот.

Скрывшись за какой-то растительностью, я огляделась по сторонам и, стараясь ступать едва слышно, почти ползком, тихонечко подобралась поближе к едва слышному журчанию гортанных голосов. К счастью, мне удалось найти такое место, и где меня было им не видно, а вот сама я всё отлично слышала, а кое-что и могла разглядеть. На мое счастье ветер разогнал облака, и внезапно яркая полная луна осветила увесистый и недвусмысленно позвякивавший мешочек, перешедший из рук Ахиэзера в руки незнакомца. Тот благодарно закланялся, повторяя какие-то

непонятные заклинания, и растаял в тени за сараем, а Ахиззер отряхнул руки и неспешно вернулся в дом. Когда он проходил мимо, я затаилась, стараясь даже не дышать, чтобы не вызвать у него ни малейших подозрений. Он тревожно огляделся, поднял камешек, кинул в моем направлении – видимо, проверял, не сидит ли в тех кустах какое-то животное. Что ж, промазал – и на том спасибо.

С трудом переведя дух, я по-прежнему на четвереньках подобралась к двери домика, в котором нам предназначили ночлег, надеясь, что в окна не были видны мои странные маневры. У самой двери я выпрямилась, стряхнула с ладоней налипшие травинки и комочки земли и со страдальческим видом ухватила за живот. Принявший мои манипуляции за чистую монету Венька перепугался, ухватил меня за плечи и осторожно, как хрустальную, увел к месту ночевки. И только когда мы с ним вытянулись на старенькой кошме, прижавшись друг к другу так тесно, как только могут обниматься влюбленные, я едва слышно прошептала ему в самое ухо, что мне удалось углядеть на дворе.

– Понимаешь, он при этом очень странные слова говорил... – с сомнением сказала я, пытаюсь точно припомнить услышанное.

– Какие слова? – рассеянно поинтересовался Венька, явно заинтересованный чем-то более интересным, нежели мой рассказ.

– Рогатый Зухель... – пробормотала я, не понимая, почему на Веньку внезапно напал приступ неудержимого хохота.

– Как? Как ты сказала? Рогатый Зухель? – переспросил Венька, снова разражаясь смехом. – Ну ты даешь, Юлька, это ж надо так...

– Что так? – обиделась я, пытаюсь отодвинуться на край кошмы, чему Венька воспрепятствовал самым решительным образом. – Да говори ты по-человечески, чем ржать как ненормальный. Что я опять не так сказала? Вечно ты надо мной дразнишься, вместо того, чтобы нормально сказать...

– Ну Юлька, ну не дуйся... – Приведенный Венькой аргумент лишил меня остатков обиды.

– Понимаешь, какое дело... – Сказал он чуть позже, блаженно откидываясь на спину, – Ты бы не пыталась компьютерные словечки к древнееврейской жизни пристегивать, а то получается какой-то не пришей кобыле хвост...

– Сейчас я кому-то не пришью, а оторву, – Сонно пообещала я, – А к нам это какое отношение имеет? И зачем эти Зухели Ахиззеру?

– Понятия не имею, – так же сонно парировал Венька. – По-моему, тут вообще какая-то подковерная борьба идет, в ожидании скорой смерти Давида, а Ахиззер то ли информацию собирает, то ли в политтехнологии рвется. Хотя, может, все совсем и не тааааак... Но мы же в любом случае знаем, кто наследует Давиду, верно? Так что беспокоиться нечего.

– Венька, ты о чем? Ну скажи по-человечески, – совсем уж сонно попросила я, – Какие политтехнологии нафиг в этой архаической дыре?

Но Венька только зевнул так, словно собрался проглотить меня вместе со всей окружающей обстановкой, но лишь легонько меня поцеловал и примостился рядом, обнимая и словно закрывая меня собой от всего света.

– Спи уже, завтра поговорим, темнота ты моя несусветная.

В других обстоятельствах за подобную фразу я запросто закатала бы комментатору в лоб, но сейчас мне было слишком спокойно и уютно, чтобы

выяснять отношения, так что я просто свернулась клубочком поплотнее и молниеносно провалилась в глубокий крепкий сон.

Назавтра, однако, поговорить нам толком не удалось. Подъем оказался ранним и суматошным, и вообще караван собирался в путь в несвойственном ему темпе. Начальник колонны нес какую-то околесицу о внезапно изменившихся планах и необходимости срочно оказаться в Евусе до начала каких-то торгов, при этом отводил глаза в сторону и запинаясь, тревожно косясь в сторону Ахиэзера. Ясно было, что изменение темпов задано нашим спутником, но в расспросы мы решили пока не вдаваться, а сделали вид, что поверили всему услышанному. В итоге вместо привычного вялого трюхания караван пустился в путь в хорошем маршевом темпе, Ахиэзер подозвал к себе Веньку, и вдвоем они ехали первыми, словно милицейская машина с матюгальником во главе правительственного кортежа – расчищали дорогу от всяких встречных путников.

В итоге не успело солнце склониться к горизонту, как мы оказались у подножия какого-то очередного холма. На нем видны были крепостные стены, а у подножия и на склонах приютились бедные домишки людей, которым в крепости места не хватило – такое же невыразительное селение, грязноватое и неряшливое, как десятки увиденных ранее. Невысокие дома с плоскими крышами, редкие оливы и вездесущие колючки, камни и пыль, пыль и камни, репьястые козы, крикливые черноглазые мальчишки, и снова камни, камни и пыль – в общем, все как всегда. Прямо у наших ног текла тоненькой струйкой вода, и я ринулась к ручью, несмотря на все окрики караванщиков. Холодная вода оказалась невообразимо вкусной, я с наслаждением опустила в воду обе ладони, зачерпнула и плеснула себе в лицо полную пригоршню.

– Что это? – спросила я Веньку, ввернувшись к своим спутникам.

– Кедрон, – ответил тот озадаченно, – или подожди, нет, это Гихон... или Гихон не в той стороне? И к тому же источник Гихон был уже тогда скрыт, ручья не должно быть... Ничего не пойму. Вот вроде Масличная гора... А это... Это...

– Тут у Орны был участок поля, он тут зерно молотил, – подсказал ему один из наших спутников.

– А теперь? – ошарашенно спросил Венька.

– Царский жертвенник здесь теперь. Говорят, будут храм строить, Дом для Яхве, поближе к царскому дому.

Караванщик причмокнул, хлопнул по боку своего мула, и караван пополз вверх, к воротам крепости, а я затеребила за рукав внезапно остолбеневшего Веньку. – Эй, ау, что с тобой?

– Со мной ничего, – неожиданно сильным голосом ответил Венька. – Юлька, мы... мы приехали. Это Иерусалим. Поток Кедрон – ты из него только что умылась. Масличная гора, вон там, по другую сторону. А это – это Сион! Град Давидов.

– Как Иерусалим? – не поверила я. – Эта несчастная деревушка? Да ладно тебе, кончай меня разыгрывать!

– Ваш друг прав, – неожиданно вмешался в разговор подъехавший к нам поближе Ахиэзер. – Это действительно город Евус, столица царя Давида, по-нашему Иерусалим.

– Какой нафиг Иерусалим? – возмутилась я. – А где храм? Где царский дворец? Это дыра какая-то, а не столица.

– Подожди, Юль, не воюй, – устало попросил Венька. – Опять ты все перепутала. Храм еще только будет построен. А сейчас, при Давиде, Иерусалим совсем маленький и простой. Так что все правильно... Йерушалаим шель захав⁷...

– И никакой он не золотой, – с вызовом ответила я, – стоило ехать в эту дыру, чтобы...

– А вот дворец вы сейчас увидите, – снова вмешался Ахиэзер, – Сразу за стенами, направо, потом налево. Не перепутаете, он один такой.

Дворец был большим, это да – по крайней мере, по сравнению с окружающими лачугами. Но не было вокруг ни сада, ни фонтанов – это была как бы еще одна крепость внутри крепости, с мощным входом, украшенным двумя резными колоннами и совсем без окон.

– Ну вот мы и приехали, – улыбнулся Ахиэзер. – Давайте прощаться с караваном и пошли.

– Как прощаться? Куда пошли? – я был окончательно сбита с толку. В бедной моей голове так и не умещалась мысль о том, что эта жалкая деревня и есть тот самый Город Золотой, о котором я столько читала и грезила. И вообще, что мы тут делать будем? Кому мы тут в этом Иерусалиме нужны?

Венька, кажется, был сбит с толку не меньше моего, но он предпочел не галдеть, а осмотреться, дав Ахиэзеру возможность урегулировать ситуацию. А этот пройдоха обменялся с караванщиком несколькими словами, сунул ему небольшой, но увесистый на вид мешочек и с уверенным видом направился ко входу в это сооружение. Мы обалдело последовали за ним – и тут же наткнулись на двоих здоровых молодцов с обнаженными мечами. А спутник наш что-то коротко сказал им, сделал нам приглашающий жест, дескать, пошли, я обо всем договорился.

– Я сообщил ему, что вы гости царского сына Адонии и прибыли по его приглашению из-за дальних морей. Сейчас вас разместят в гостевых покоях и дадут умыться и переодеться. А дальше пожалуйста, никакой индипенденс. Я приду за вами. И вообще... слушайте меня, хорошо? Чтобы никаких траблов не было. А попозже я представлю вас царевичу и, может быть, даже царю. А вы тут устройтесь пока, совершите омовение. И помните – никакой самостоятельности! Сие не просто зело опасно – опасно смертельно.

Тирада эта, произнесенная весьма командным тоном, заставила Веньку нахмуриться, а я совсем уже было раскрыла рот, чтобы ответить что-то резкое и нетерпеливое, но Венька крепко сжал мою руку и сделал знак «помолчи пока!», и я неожиданно для самой себя проглотила все так и не высказанные слова.

Покои нам отвели довольно просторные и светлые, на втором этаже. Метров пять квадратных, и единственное окошко в две ладони шириной, выходившее в сад, и даже застеленная покрывалом кровать – нет, вы понимаете, что это такое?! После грязных деревенских харчевен это был практически Эрмитаж. А уж когда молчаливая служанка меня отвела меня куда-то по коридорам и дорожкам, показала маленький каменный бассейн за задернутым пологом, и в нем оказалась вода, да еще и подогретая, и в руки мне дала что-то такое слегка вонючее, но похожее на настоящее мыло, а сама встала наготове с большим куском белой ткани в качестве полотенца – аххх! Радости моей пределов не было, честно скажу.

⁷ Золотой Иерусалим (совр. иврит, название известной песни).

Пользуясь моментом, я яростно ринулась оттирать от себя всю накопившуюся за время путешествия грязь, хотя сделать это оказалось весьма непросто. Наконец процесс чистки перышек завершился. С наслаждением накинув чистую хламиду типа платья из тончайшей шерсти (и это подала мне служанка), я попросила ее привести сюда моего господина.

– Он тоже нечист? – спросила меня она.

– Ну конечно же, после такой-то дороги!

– Осквернился? – уточнила она.

Хотела было я ей объяснить, что нет, вспотел, рубаху не менял, рук не мыл и всякое такое – но в этом мире это не работало. И как будет на библейском иврите «он вспотел»? Да они таких вещей и не замечали.

– И очень даже осквернился, – подтвердила я, – почти как я сама.

Кивнув в знак согласия, служанка пошла звать кого-нибудь из слуг. Негоже, чтобы на омовение мужчину вела чужая рабыня... Тогда ведь и повторное осквернение может случиться!

В общем, я предоставила Веньке заниматься водными процедурами, а сама вернулась в комнату, к окну, любясь маленьким фруктовым садом (соток шесть едва ли наберется), куда и выходили все окна во дворце. Изрядно отросшие за время нашей античной авантюры волосы лезли мне в глаза. Я откинула их назад и попыталась расчесать найденным на столике черепаховым гребнем. Гребень запутался в буйной гриве, вьющейся кольцами, я нетерпеливо дернула его, зашипела от боли и внезапно замерла, увидев в саду, по ту сторону невысокой ограды, отделявшей виноградник от масличного сада, стройного юношу, задумчиво прогуливавшегося под деревьями. Сердце внезапно замерло на мгновение, потом тревожно ухнуло куда-то в живот. Перед глазами вспыхнула флэшбеком картинка из прочитанной в далеком детстве книги – чернокудрый мужчина в белых одеждах, сидящий на скамье под виноградной лозой, и перед ним тростинкой вытянувшаяся рыжая девушка в обрисовывавшем фигуру тонком платье. Девушка с виноградника, давняя моя полуфантазия – полусон, неужели тебе суждено сбыться в этом фантастическом мире? И не думая больше ни о чем, я накинула на голову покрывало и шагнула за порог комнаты...

Порыв ветра нахально сдернул с моих волос покрывало, разметав из рыжим пламенем. Я судорожно стиснула на груди края накладки, чувствуя, как она рвется с моих плеч, и окаменела-онемела под веселым взглядом незнакомца.

– Кто ты, девушка? И как ты оказалась здесь, в царском саду?

Эх, если бы я могла так просто, в двух словах ответить на этот вопрос...

Потрясенная тем, что увиденная в сонном мареве картинка сбывается на моих глазах, причем буквально, до мельчайших подробностей, я стояла соляным столпом, не в силах произнести ни звука.

– Ну же, не бойся, я не обижу тебя, – голос незнакомца был красив и звучен. Он, может быть, и был на пару лет постарше Веньки, но взгляд его был весел, в черных волосах и бороде не было ни единого седого волоса, и двигался он с какой-то удивительной легкостью.

– Так как зовут тебя, незнакомка? И из каких ты краев? Я вижу, что ты рождена не здесь, как попала ты в город Давидов? Ты чья наложница?

Я отчаянно замотала головой, не в силах перевести на человеческий язык всю бурю затопивших меня эмоций. Судя по всему, незнакомец истолковал этот знак по-своему и засмеялся:

– Так ты немая, бедняжка? Ну ничего, это не беда. Пожалуй, ты даже сделаешь счастье своего супруга тем, что избавишь его от извечной вашей женской трескотни. Ну хорошо, тогда я сам представлюсь первый, меня зовут Шломо. А сейчас я попробую угадать, как зовут тебя.

Теплая рука легко коснулась моего плеча, Шломо наклонился, заглядывая мне в глаза и пытаюсь по их выражению понять, какое имя мне подходит. Мириам? Авигаиль? Офира? Иехудит? На каждое имя я отрицательно качала головой, чувствуя, как меня охватывает совершенно неожиданное мягкое тепло. И вдруг в мозгу неожиданно сложилось все, словно картинка-пазл из маленьких кусочков. Шломо – Соломон – богатые золотые фибулы-застежки на плечах хитона... «Суламифь»... Я попала в свою собственную детскую фантазию! Не может быть такого, ну никак не может! От неожиданности я выпустила из рук накидку, которая стекла по воле ветра куда-то прочь, но до того ли мне было, и громко брякнула «Юля! Ой, то есть, Йульяту».

– Какое интересное имя, – засмеялся царь.

Или все-таки не царь? Вроде, родитель-то его еще жив, судя по тому, что говорили наши попутчики. Значит, наследный принц? Но так даже романтичнее!

– Так значит, ты все-таки не немая. Это замечательно! Так откуда ты взялась тут, прекрасная Йульяту? Говор твой выдает в тебе иноземку еще сильнее, нежели твои кудри и голубые глаза. Ты не похожа ни на финикиянок, ни на дев Египта. А может, ты одна из тех пленниц, кого привозят из полуночных стран? Ну же, отвечай, не бойся, ты же видишь, я не хочу тебе зла.

Легкое касание обожгло мою щеку, я почувствовала, что ноги мои подкашиваются и невольно оглянулась назад. Тьфу, ну и фантазия у меня, однако! Это ж надо было такую сцену навоображать... А я ведь практически почувствовала его руку у себя на щеке... Спасибо, безумная пчела, еще не уснувшая на зиму, чуть не протаранила меня, вернув из грез к реальности. Тоже мне, царица Шахерезада выискалась, романтическую свиданку под оливами сочинила! Осталось издать специальной брошюрой, название только придумать попривлекательнее и дело в шляпе...

Незнакомец по-прежнему продолжал прогуливаться под деревьями. Меня он, судя по всему, так и не заметил, и очень хорошо. Никакие контакты с местной публикой в мои планы не входили, тем более, без поддержки спутников. Ну его нафиг, еще вляпаюсь в какую-нибудь неподходящую ситуацию, спасибо, не надо! И вообще, с какого перепугу я решила, что это именно Соломон, а не какой-нибудь еще молодой Давыдыч? Тут их, кажется, десятками было принято производить на свет... В общем, убегаю-убегаю-убегаю!

На самом деле, никуда я, конечно, не убежала, а тихо и плавно отступила обратно в комнату, стараясь не привлекать к себе ничье внимание. Судя по всему, Венька еще не закончил с банными процедурами, Ахизер тоже куда-то напрочь запропастился. А мне уже страшно хотелось пить, да и перекусить тоже давно не мешало бы. Вот вечно с этими мужиками так, они своим делом заняты, а ты хоть пропадай тут...

49.

Но как можно было усидеть на месте, когда... когда где-то здесь, за той дверью, или за этой вот занавесью, что чуть колыхнется на ветру, в одной из этих комнат – царь Давид?! Тот, чье имя до сих пор поминают в молитвах иудеи и христиане, склоняют историки в своих монографиях и досужие туристы на улицах Иерусалима. И я могу его увидеть! Или не могу? Или ждать, когда появится этот странный наш спутник, неприметный такой, всё уже он тут успел схватить, со всеми познакомиться, всюду стать своим? Что-то не очень он был похож на исследователя, историка, хронодайвера, или как еще это назвать. Скорее уж на спецаргента какого-то, серого кардинала. И должны ли мы его слушать? С какой стати? Ну не казнят же меня за попытку переговорить с царем! А во всех остальных передрыгах я уже побывал. Выпутаемся как-нибудь...

Я вышел за порог комнаты, бросив Юльке короткое «Подожди, я сейчас». Никого не было в узком коридоре, даже спросить дорогу было не у кого. Стараясь запомнить расположение комнат, я шел, куда глядели глаза – и за поворотом буквально наткнулся на человека моего роста (а в этом мире это была большая редкость, обычно все ниже на полголовы минимум) и уже немолодых лет. По левой стороне лица, прямо от лысого лба и до подбородка у него шел неровный, багряный шрам – и левого глаза тоже не было. Лицо выглядело не безобразным – скорее, угрожающим, волевым, и по всему было видно, что жизнь свою этот человек провел в походах и боях, и что на теле таких шрамов тоже немало. Он прихрамывал на правую ногу при ходьбе, но тогда я еще этого не видел.

– Кто ты и откуда? – спросил он с видом хозяина дворца.

Неужто сам царь, пронеслось у меня в голове... но он был один, и, несмотря на все свои шрамы, не выглядел немощным стариком, каким был, по словам всех окружающих, Давид.

– Твой слуга Бен-Ямин из Сокольников.

– Где это? – нахмурил он брови... точнее, правую бровь. Левая оставалась неподвижной.

– Далеко отсюда. Предки слуги твоего оставили землю отцов своих и переселились в чуждую страну, далеко на севере, и долго жили там. Ныне услышал слуга твой, что царствует в Израиле Давид, и пришел, дабы увидеть царя и говорить с ним.

– Царь болен, – кратко ответил он, – а каково твое занятие?

– Я воин от юности своей.

Рассказывать ему про ремонт квартир явно было бесполезно. Но вот зато солдата солдат видит издали.

– Воин? Так ты пришел высмотреть, где слабые места в нашей земле?

Прослышали хозяева твои, что царь болен, и ищут, как бы напасть?

– Нет, господин...

Но я не успел договорить этих слов. Его рука уже выхватывала висящий на поясе меч – а значит, время было не для слов, а для навыков рукопашного боя, когда тело само ищет, куда нырнуть, как подставить подножку, как толкнуть его в плечо. И прежде, чем можно было договорить слово «господин», сам господин оказался прижат к стене, с вывернутой назад рукой, в которой он все так же крепко

сжимал свой меч. Мой у меня отобрали еще при входе во дворец, пришлось действовать голыми руками.

Но до чего же крепок оказался этот старик! Не будь я моложе его лет на тридцать, и не будь у него этих пока неизвестных мне шрамов, выбитых позвонков и плохо сросшихся переломов, еще не известно, удалось ли бы мне применить свой прием. Кряжистая дубовая колода – вот на что походило его крепкое, но уже давно не гибкое тело.

– Да, ты воин от юности твоей, – ответил он с кратким смешком, – я хотел испытать тебя. Пусти.

– Обещай, что не причинишь мне вреда, – ответил я и добавил, чуть помолчав, – мой господин.

– Клянусь пред Богом моим, что не причиню тебе вреда, если не будет в тебе найдено никакого зла. А если будет найдено, на всё воля царева, и нет на мне тогда вины за кровь твою.

– И на мне нет вины, – проговорил я, отпуская его, – не держи зла, господин мой, что я защищался. Я не желал причинить тебе боль.

Приветливая улыбка на его обезображенном лице, точнее, полуулыбка, одной только правой стороной рта, выглядела, пожалуй, еще более угрожающе, чем нахмуренная бровь.

– Поступай ко мне в войско, Бен-Ямин. Поставлю тебя над пятидесятком.

– Кто ты, господин?

– Ты пришел во дворец и не знаешь, кто стоит над всем войском царевым? Мое имя Йоав.

Йоав! Полководец царя Давида! Да это даже еще лучше, чем натолкнуться на самого царя. К нему наверняка не пробыешься просто так, без доклада, а теперь я, как д'Артаньян, обрел, похоже, высокопоставленного покровителя при дворе. Вот что значит вовремя и грамотно применить боевые навыки, и главное, без фанатизма! Вывихнул бы ему руку – отрубили бы мне теперь голову или просто прогнали.

– Ты будешь учить воинов царя. Так они не умеют. Я даже поставлю тебя сотником.

– Мы обсудим это предложение, – уклончиво ответил я, – но могу ли я увидеть царя? Это очень важно для меня.

– Ты знаешь, чего хочешь, – уже не было понятно, улыбается или хмурится Йоав, – что же, я буду у него сегодня и спрошу о тебе.

– Можно ли мне пойти с тобой, господин?

Он помолчал пару секунд и ответил:

– Хорошо. Только молчи, пока я не дам тебе знак.

Да, как и при всяком дворе, вельможам важно было сохранить монополию на доступ к телу. Это понятно. Выиграл я или проиграл, отказавшись, по сути, от услуг Ахизера? Все-таки мы из одного века. Соседи, можно сказать. А Йоав... кажется, его там дальше ждала не очень удачная судьба, если судить по тексту Книги. Давида он пережил ненадолго.

– Можно ли мне взять с собой... жену?

Я не мог сказать «наложницу», конечно. Наложниц не берут к царю. Впрочем, Йоав ничего не ответил, зато его взгляд сказал мне многое. Что-то вроде:

может, еще свою козу захватишь, на царя посмотреть? Или курицу? Ты не понял, что ли, где находишься и с кем дело имеешь?

– Пойдешь пока со мной, – сказал он мне просто и без церемоний, – расскажешь и покажешь, что умеешь.

– Дозволь мне хотя бы предупредить жену.

Он снова ничего не ответил. Видимо, как и всякий генерал, он привык, чтобы в ответ на любую команду звучало четкое «есть!» И можно было бы понять это молчание как знак согласия, но... что бы сказал капитан де Тревиль, если бы пылкий гасконец предложил ему подождать, пока они там с Констанцией намиляются? Так что я склонил голову и пошел за Йоавом.

Следующие часа два... или три? Или еще больше? В общем, мы обсуждали вопросы боевой подготовки до самого вечера на небольшой утоптанной площадке подле дворца – что-то вроде плаца для местных мушкетеров. Нам принесли между делом поесть и попить, но я почти не заметил, что именно. Я показывал кое-какие приемы рукопашного боя, в основном без оружия (мечом я так и не научился владеть на уровне местных рубак), но главное – я объяснял Йоаву и его командирам азы тактики. Что такое спецоперация, как она проводится, что делает группа прикрытия, а что – штурмовая группа, как планируются засады, выбираются отходные пути, как штурмуются здания, как организуются взаимодействие и разведка – да, с мечами и копьями это выглядит не совсем так, как с автоматическими винтовками и вертолетами, но общие принципы были теми же.

В этом мире не было еще у меня слушателя внимательней, чем Йоав. Он всё ловил сходу, кое-что уточнял, и по вопросам было видно: да, я действительно упустил или не продумал какую-то деталь, и вот на важный вопрос мы начинали искать ответ вместе... Могут ли прашники обеспечить достаточную огневую поддержку, или обязательно ставить лучников, которых вечно не хватает? Помогает ли меч внутри здания, или не дает размахнуться, как только что убедился сам Йоав, и лучше вооружить штурмовую группу короткими кинжалами, причем без щитов? А какие меры психологического воздействия будут самыми эффективными при ночном бое – как у Гедонеа, факелы, спрятанные до времени в кувшинах, или напротив, полная темнота и черный камуфляж? А может, сначала темнота – а потом море огней?

Я просто ему объяснил с самого начала всё на конкретном примере. Вот было восстание Авессалома, которое подавили с таким трудом, убив при том самого Авессалома, любимого царского сына. А если бы был у Йоава такой отряд спецназа, он бы рассредоточился до времени в городе, или притворно поступил к претенденту на службу – а в нужное время и без лишних потерь в полчаса завладел бы царским дворцом и самого Авессалома доставил бы потом связанным хоть к царю, хоть к Йоаву для дальнейших разбирательств. В общем, я был принят на службу в качестве инструктора по тактике и рукопашному бою без оружия, хотя меня никто и не спрашивал о согласии. Но я и не возражал. Оклад и чин мы пока не обсуждали, но в этом мире так не принято, сразу к материальным благам переходить.

– А что там твоя наложница? – спросил Йоав, когда настало время идти к царю, – откуда она, кто она? Из твоих краев?

Все-то он уже знал, и что проходит Юлька по разряду наложниц, и что приехали мы вместе.

– Так, – ответил я, – и она тоже может пригодиться царю. Она хорошо рисует.

– Что она делает хорошо?

– Изображения.

– Какие изображения?

– Может так человека изобразить – не отличишь от живого.

– Очень не понравится это царю, – покивал головой Йоав, – запрещено нам изображать тех, кто вверху, и тех, кто внизу, да и тех, кто на земле, тоже. Молчи об этом, и не будет беды.

Вот тебе раз! Мы так привыкли к этому языческому миру, что уже и позабыл я об одной из заповедей... да, портретным искусством тут никого не удивишь.

– Она может рисовать цветы и ветви, и просто красивые узоры.

– Если ткет хорошо, могла бы пойти к царским ткачихам. Но зачем ей уходить от тебя, Бен-Ямин? Наложнице царского сотника пристало ли работать? Не добудешь ли ты ей мечом разноцветных тканей и драгоценностей, когда выступим мы на бой с филистимлянами? Подняли голову филистимляне, осмелели, прослышав, что болен наш царь. Так не приведешь ли в дом десяток филистимских рабынь, чтобы ткали и мололи муку? Ты поживи с ней пока во дворце царском, а слуги мои подыщут тебе дом в городе, чтобы мог ты завести себе хозяйство, и пришлют тебе рабов, чтобы работали на тебя. Не будет ни в чем недостатка у того, кто верно служит царю.

Вот, собственно, о жаловании и договорились. Что ж, нормально для начала.

– Покормили ли наложницу мою? – спросил я Йоава.

– До чего же ты любишь ее! – кажется, я рассердил его своим вопросом, – что я, прислужница или евнух-виночерпий, чтобы заботится о кормлении наложниц? Ступай на кухню, спроси у рабынь! Посмотри, что в горшках, проверь котлы!

Цвет израильского офицерства расхохотался при этих словах, и я понял, что говорить о бабах с ними можно только в одном контексте: кто сколько рабынь привел с войны домой. Ну и ладно. В конце концов, в наше время тоже в казарме о бабах не очень-то уважительно говорят.

– Настало время вечерней жертвы, – сказал Йоав многозначительно, – прежде царь сам присутствовал при ней, когда не был в походе. Ныне уже не то. Но священник Эвьятар придет от жертвенника благословить царя, буду там и я. Ступай со мной, и когда кивну тебе, тогда можешь говорить. Поблаговари царя за все его милости, и...

Он поморщился и добавил:

– Только не говори о наложницах при царе. Не до того ему. Даже привели к нему недавно красавицу одну, Авишагу, так и то...

– Не буду, господин.

Каким же все-таки маленьким и невзрачным был этот дворец, если сравнивать его с Петергофом или Лувром! Заштатная гостиница в райцентре, и та будет побольше и попышнее. Оказалось, что царские покои – это комната раза в

два побольше нашей, и идти до было нее совсем недалеко. На входе стояли два дюжих молодца, которых Йоав похлопал по плечу, словно демонстрируя остальным, кто тут хозяин после Давида, и мы вошли внутрь. Там уже было несколько человек, среди которых я заметил и Ахиззера (он бросил на меня удивленный и несколько недовольный взгляд), а сама комната была убрана коврами и шкурами зверей, по стенам висело оружие и какие-то украшения, но не было в этом ни нарочитой парадности, ни роскоши, ни даже сколь-нибудь продуманного дизайнерского плана. Вот куда надо Юльку пустить порезвиться, подумал я, но, с другой стороны, зная склонность царя к женскому полу... нет, пожалуй, оно и лучше, что ее мне брать с собой не велели.

В дальнем от входа углу стояло большое ложе, застеленное покрывалами, поверх всего лежала лохматая шкура, кажется, медвежья. И за этой огромной шкурой в вечернем сумраке терялось лицо человека, полусидевшего на постели – и это, без сомнений, был царь Давид.

Вошедшие поклонились, начался привычный для всех, кроме меня, ритуал – сначала священник произнес краткие слова благословения, царь ответил, но мне плохо были слышны его слова – он говорил очень тихо. Потом к нему стали подходить приближенные, я не знал никого, кроме Йоава. Он подошел третьим – видимо, это много значило в местном табеле о рангах. Рядом с ложем стоял какой-то совсем молодой человек и молча выслушивал, о чем совещался со своими приближенными царь, не произнося ни слова и даже не шевелясь. Видимо, слуга, решил я. Одет он был достаточно нарядно, но личный камердинер царя и не должен выглядеть бедным рабом.

Обменявшись с царем десятком фраз, Йоав взглянул в мою сторону и кивнул мне. Я подошел и взглянул поближе, в неверном свете слабой масляной лампы...

Этого человека в нашем мире всегда рисуют или юношей, или мужем в расцвете лет – но если бы меня запустили в комнату, где было бы сто человек, и велели бы опознать среди них царя Давида, я бы его узнал. Он не был похож ни на один свой портрет, ни на одну икону – и одновременно был похож на все. Тонкое лицо, на котором, кажется, обострились от болезни все черты, пронзительный взгляд, нос с небольшой горбинкой, маленький шрам над правой бровью (и он ведь провел жизнь в походах!) – и все это обрамляла россыпь седых волос, длинных, вьющихся, словно у юноши, только совершенно белых... Был ли он в юности белокурым, или даже рыжим, как считают некоторые? Вот поди, спроси теперь. Но сейчас эти волосы светились, словно нимб, и украшали его чело, как корона.

Тело было прикрыто, и только правая рука царя лежала поверх медвежьей шкуры, и эта ладонь несла на себе отпечаток всех пережитых лет. Пигментные пятнышки на коже, узловатые суставы, и еще один шрам на тыльной стороне ладони – только шрамы не уродовали его, как Йоава, а скорее придавали облику благородную суровость. «Иш дамим», как называли его и враги, и друзья, и даже его Бог так его однажды назвал, «муж кровей», которому не позволено было строить храм. Но не только чужая кровь проливалась в его походах – его собственная тоже.

– Подойди, – сказал он.

Я упал на колени и не мог сдержать своих чувств...

– Что ты плачешь? – спросил он.

– Я не плачу, мой царь, – ответил я, и тут же почувствовал, что это неправда, что по щеке что-то сползало, какая-то капля – кажется, впервые с тех пор, как попали мы сюда, да и вообще кто его знает, с каких именно пор...

– Я... я радуюсь, царь. Я вижу тебя. И значит, правда всё то, что говорили еще в моей стране о тебе и о потомстве твоём. И о спасении, которое получит от твоего Потомка народ Израиля и все люди.

– Ты послан ко мне Богом? – спросил он сразу самое главное, и я даже не знал, что ему ответить.

– Наверное, послан, – сказал я, – только я сам не знаю, зачем. Может быть, чтобы увидеть тебя живым и рассказать об этом остальным в моей стране.

– Когда будет отшествие твое? Видишь, Йоав хочет, чтобы ты воевал за нас. Много вокруг нас врагов, хоть и дарован нам ныне мир. Успеешь ли ты?

Он говорил о тех же самых земных заботах, что и его полководец, но говорил совсем по-другому, и было ясно, что не в военных планах тут дело, а в чем-то совсем ином.

– Я не знаю, господин мой царь.

Давид молчал, и тогда я решился продолжить.

– Но я скажу тебе о том, что знаю, ничего не утаю от тебя, мой царь. Я пришел из дней, которые наступят, из страны далекой, и сам не знаю, как Господь перенес меня сюда. Я мало знаю, и не дано мне слова для тебя. Но я знаю: всё, что обещал тебе Господь, всё исполнится. Велико будет имя твое в Израиле и по всей земле, и вечна будет память о тебе. Твой сын, и сын твоего сына, и его сын будут править в Иерусалиме, и через три тысячи лет будут петь на его улицах: «Давид – царь Израиля». Но не это даже главное. От потомков твоих родится Отрасль, истинный Царь Израиля, Спаситель мира. Знай, что всё это будет, и назовут его Сыном Давидовым.

И тут в разговор вмешался Йоав:

– Скажи, а когда мы окончательно победим филистимлян? Когда вся эта земля будет наша?

Рейды в Дженин, ракетные обстрелы, операции в Ливане, лагеря беженцев, резолюции ООН... Филистимляне-палестинцы, государство Израиль, эта война и этот мир – я знал об этом всё и ничего, и они, похоже, знали примерно столько же. И что это я взялся проповедовать Евангелие... как будто без меня не знает Давид! Будто ему не было открыто, сколько он мог вместить! А Йоаву так вообще не до того, милитарист он этакий.

– Не знаю, господин мой. Через три тысячи лет еще будут воевать на этой земле, но не одолеть врагам Израиля. А остальное скрыто от меня.

– Твоя жена тоже пророчествует? – спросил меня царь. Он назвал Юльку женой!

– Нет, о царь, да и я не пророк и не сын пророка. Я говорю лишь то, что видел, ибо пришел из дней грядущих. Это ты – пророк.

Он снова промолчал. А потом протянул руку, и тот молчаливый юноша, что стоял подле нас (как внимательно он слушал, а я и не замечал его!) тут же подхватил его под локоть, и царь полностью сел на постели, и было видно, как трудно ему это делать. Но все-таки он распрямился, насколько мог.

– Благодарю Тебя... – он обращался явно не ко мне, глядел куда-то поверх и вглубь, и будь это у нас, решили бы, что старик не в себе, что у него видения. Но тут это никого не смутило, словно был в разговоре еще один Участник, и каждый знал о его присутствии, но только Давид смел к Нему обратиться напрямую.

– Благодарю тебя, Господи, что ты послал мужа сего укрепить меня в час немощи моей и подтвердить завет Твой с рабом Твоим. Не забыл я милостей Твоих и щедрот, и знаю, что исполнишь обещанное в сыне моем и в сыновьях сыновей моих. Не оставь их, и если согрешат пред Тобою, накажи, но не прогневайся до конца, и не дай им оставить Тебя.

Он закончил краткую молитву, откинулся, задышал глубже, прикрыл глаза. Кажется, мне было пора завершать аудиенцию, но уйти вот так, просто, ничего не спросив и не услышав...

– Господин мой царь, – попросил я, – если придется мне попасть к себе домой, к детям твоих детей в сотом колене (да и сам я не один ли из них?), скажи мне, что передать им от тебя.

– Знаешь... – ответил царь, чуть помолчав, – когда было мне радостно или горько, когда бежал я от врагов или когда избавлял меня от них мой Бог, тогда, бывало, я брал в руки лиру и слагал песни. Несколько из них помнят еще люди.

– Ашрей хайш, ашер ло халах бе'эцат реша'им, – тихонько проговорил я, – блажен муж, который не ступает по совету нечестивых...

– Помнят, – чуть кивнул головой Давид, – еще помнят. Ступай теперь. Это и передашь.

– Благослови, царь! – я сам прижался головой к его ладони, похоже, нарушая всякий этикет – за моей спиной зашумели чьи-то недовольные голоса, да кто он такой, этот чужеземец, чтобы просить у царя благословения...

– Благословен Бог Авраама, Исаака и Иакова, – проговорил царь еле слышно, а его легкая, сухая ладонь легла мне на темя, – благословен Бог мой и твой Бог, отрок Бен-Ямин, Бог отцов наших и Бог потомков наших. Он возвестил мне ныне радость устами твоими, и он с миром возвратит тебя и жену твою в землю твою, из которой вы были взяты, а я приложусь к народу моему.

И голоса за спиной смолкли, как не бывало их. Даже не помню, что там еще они говорили мне потом. Йоав, кажется, был удивлен моей дерзостью, но не рассержен, а вот Ахизер был крайне недоволен и все повторял про безопасность и про то, что в другой раз может меня и не вытащить, и тот юноша у изголовья царя бросил отчего-то на меня такой теплый и благодарный взгляд, но ничего не произнес, и стража расступилась, и как-то ведь дошел я до комнаты, где томилась Юлька...

– Я видел царя Давида и говорил с ним! – выдохнул я, и всё остальное было уже неважно, – и он сказал, что мы скоро вернемся домой! Правда, не уточнил, как и когда.

50.

Когда вышел Израиль из Египта,
род Иакова – от народа чужого,
Иуда сделался святыней Его,
Израиль – владением Его.

Море увидело их и бежало;
Иордан обратился вспять.
Горы тогда скакали, как овцы,
и холмы, как ягнята.
– Что с тобою, море, что ты бежишь,
Иордан, что потек ты вспять?
Горы, что вы скачете как овцы,
и вы, холмы – как ягнята?
– Пред лицом Господа трепещи, земля,
пред лицом Бога Иаковлева:
Он обращает в полноводное озеро скалу
и камень – в источник вод.
Не нас, Господи, не нас,
но Имя Свое прославь,
по непреложной милости, по истине Твоей.
Будут ли язычники говорить:
«И где же их бог?»
Наш Бог – на небесах,
что пожелает, то творит;
а их идолы – золото и серебро,
творение человеческих рук.
Есть у них рот, а они немые;
есть у них глаза, а не видят;
есть у них уши, а не слышат;
есть у них ноздри, а не чуют;
ладони – а не осязают;
ступни – а они не ходят,
и гортань их звука не издаст.
Пусть творцы их станут им подобны,
да и все, кто уповаet на них!
Израиль! На Господа уповай:
Он – твоя помощь, твой щит.
Род Ааронов! На Господа уповай:
Он – твоя помощь, твой щит.
Богобоязненные! На Господа уповайте:
Он – ваша помощь, ваш щит.
Помнит и благословляет нас Господь:
благословляет Израилев род,
благословляет Ааронов род,
богобоязненных благословляет –
и великих, и малых.
Да прибавит Господь к вашему числу
и умножит ваших детей.
На вас – благословение Господа,
Творца неба и земли.
Небо – для Господа оно,

а землю Он роду людскому дал.
Не мертвые Господу хвалу вознесут,
не все те, кто сошел в тишину, —
мы будем Господа благословлять
отныне и вовеки.
Аллилуия!⁸

⁸ 113-й Псалом.

51.

Вернемся домой? Неужели это действительно возможно?! Я столько дней – да что там дней, месяцев! – запрещала себе даже думать о таком, чтобы не раскисать, чтобы были силы жить и что-то делать. И в первый момент даже растерялась: о чем он говорит, этот Венька, внезапно за один только день ставший совсем иным, незнакомым, чужим... Чужим? От этой мысли меня словно огнем обожгло – что произошло за этот длинный, невероятно длинный день, что Венька, мой родной любимый Венька, вернулся таким неузнаваемым? Его словно пламенем каким-то опалило там, где он был без меня, и таким плотным жаром било от него, что я внезапно потеряла весь свой задор, а ведь как хотела отругать разгильдяя, что, уйдя на минутку, он оставил меня в одиночестве до самого вечера, и даже не пришел позвать меня к обеду, хотя сам наверняка где-то там пировал в царских палатах. А как же я? Что, моей участью так и будет теперь лепешка, да горсть овощей, да ледяная вода в глиняной кружке – не кружке даже, а довольно корявом сосуде?

Много, очень много горьких и обидных слов скопилось у меня за этот грустный день, в который я успела и разнервничаться, и наревестись, и сойти с ума от тревоги за пропавшего напрочь Веньку. Но сейчас все эти слова словно застыли у меня в горле, я только едва слышно кивнула: «хорошо» – и, присев на то, что можно было назвать кроватью, начала расшнуровывать мягкие кожаные сандалии.

– Юлька, что с тобой, ты не рада? – встревожился Венька, усаживаясь рядом и пытаясь перехватить мой взгляд.

– Почему же? Я рада... – устало и спокойно ответила я, сбрасывая платье и по уши забираясь по теплое и легкое покрывало, еще пахнущее овчиной.

– Тогда что же ты...? – все так же бестолково пытался растормошить меня Венька, но я только повернулась на бок, плотнее заворачиваясь в покрывало, и спокойно, насколько хватало сил, ответила:

– Я слишком беспокоилась за тебя весь день, прости... я не могу сейчас иначе.

Венька пытался растормошить меня, что-то такое говорил, но у меня все пролетало мимо ушей – настолько плохо и тревожно мне было. И надо было нам тащиться в такую даль, чтобы меня заперли в этих дурацких четырех стенах как последнюю пленницу, а Венька – МОЙ Венька – внезапно стал таким чужим и на себя не похожим. Конечно, у него тут совсем другая жизнь, другие игрушки, а я так и буду для него теперь наложницей, человеком второго сорта, как все здешние тетки для своих мужей и хозяев.

Как я ни крепилась, но предательские слезы таки закапали из глаз, сначала потихоньку. А потом сильнее и сильнее. Я честно пыталась скрывать их, кусала угол покрывала, оставлявшего между зубами противные шерстинки, но не могла совладать ни с рыданиями, ни с огромным, все затапливающим чувством жалости к себе. И еще... я не знала, как теперь отнесется к моим слезам этот новый Венька. Утешит? Или рассердится? Или... Но в паузу между двумя моими всхлипами внезапно ворвался ровный и мерный храп. Венька, тот самый Венька, кого я так боялась потревожить своим плачем, просто-напросто мирно спал и не думал обо

мне ни капельки. Такое предательство было выше моих сил, но воин царя израильского остался глух и холоден к моему отчаянию.

Не помню, что мне снилось той холодной и грустной ночью, наверняка что-то унылое и противное. Только вот пробуждение оказалось еще более отвратительным. По привычке повернувшись в венькину сторону и попытавшись поуютнее устроиться у него «под крылом» я внезапно почувствовала пустоту и холод смятой постели. Это еще что за новости? Сначала я, не открывая глаз, попыталась пошарить рукой на Венькиной половине, потом с изумлением огляделась и поняла, что Веньки рядом нет. Причем, похоже, уже давно нет, потому что постель стала совсем холодной и даже чуточку отсырела от утренней влаги. Ну что за дела? Вот только этого мне и не хватало для полноты счастья!

Настроение стало совсем отвратительным, поэтому служанку, принесшую свежей воды для умывания, я встретила совсем неласково. Расспросы мои она понимала с пятого на десятое, я ее варварское наречие разбирала еще хуже, и поняла в итоге только одно – что за Венькой кто-то приходил совсем-совсем рано, и куда-то его увел, похоже на войну. Эта новость меня огорошила окончательно. Что за война? С кем? И в качестве кого Венька в ней участвует? А если убьют неровен час дурака моего, что я тут буду одна делать в этих закоулках времени? Хотя бы Ахиззер появился, что ли... Не слишком я его жалею, но это сейчас был единственный человек, от которого можно было получить хоть какую-то информацию. Но и Ахиззера словно корова языком слизнула. Куда они все тут проваливаются, еще в одну хронодыру, что ли?

Служанка, судя по всему, привычная к скверному настроению господ, принесла на подносе завтрак, оказавшийся на удивление недурственным. Свежие лепешки, молоко, мед, кусок сыра – что ж, так уже можно жить! Сейчас бы еще чашечку кофе и ломтик ветчины! Ну ладно, кофе тут еще не открыли, равно как и Бразилию всякую, но ветчина может же быть? И как она на их языке называется? Хотя кто их знает, этих древнеевреев, небось, у них со свининой уже такие же сложные отношения, как и у далеких потомков. А жаль, вкусный зверь Хавронья, особенно ежели ее правильно приготовить...

В своих кулинарных мечтах я так и не заметила, когда и как возник в моей комнате невысокий смуглый человек без признаков растительности на лице, но зато одетый по местным меркам весьма щеголевато, и явно умеющий неплохо за собой ухаживать. Витиевато поприветствовав меня, гость раскланялся и попросил следовать за ним в иные покои.

– Кто ты такой и почему я должна идти с тобой куда-то? – довольно недружелюбно поинтересовалась я. Человечек рассыпался гортанной трелью, давая понять, что мое дурное настроение его нисколько не обидело. Понимала я из его трескотни хорошо если треть, и потом в итоге сложилось у меня дикое и бредовое впечатление, что Венька в одночасье стал вдруг главным местным военачальником, и что меня зачем-то немедленно ждут в царском гареме, куда препроводить меня должен главный евнух, сиречь мой неожиданный посетитель.

– Не пойду я ни в какой гарем, – мрачно отказалась я, и для пущей убедительности помотала головой. Евнух-или-кто-он-там ласково зажурчал, убеждая, что этот визит мне ничем не угрожает, что идем мы не на мужскую половину, а на женскую, и что я буду гостьей цариц и царевен, а вовсе не царя. А

царь слишком стар и болен, чтобы вводить в свой гарем новых дев, да и не привык он отнимать наложниц у своих приближенных.

«Ага, не привык, как же... – эту мысль, правда, вслух я озвучивать не решилась. – А кого он там прикончить в свое время приказал? Урию Хипа или как там этого бедолагу звали?» С другой стороны, в одиночестве куковать было скучно, когда вернется Венька и в каком состоянии вернется – тоже неизвестно, так что мне тут, сидеть и скучать аки Пенелопе? Дудки-с, я тоже имею право поразвлекаться в свое удовольствие. А царь... да ладно, разберемся по мере возникновения проблем, чего заранее-то переживать?

– Ну ладно, так и быть, – кивнула я сладкогласому посланцу, накидывая на волосы покрывало. – Где там ваш гарем, пошли, я передумала.

Евнух явно обрадовался и заскользил вперед, показывая дорогу в порядком сумеречных и извилистых переходах дворца. Наконец он откинул в сторону тяжелый расшитый полог и пропустил меня в просторные покои, в которых, как мне показалось, толпилась целая бригада разномастных дам и девиц. С моим появлением оживленное щебетание (если эти гортанные звуки можно назвать этим словом) внезапно прекратилось, и несколько десятков взглядов уперлось в меня, разглядывая и оценивая от макушки до кончиков сандалий. Проводник мой исчез так же бесшумно, как и явился перед тем, и я осталась один на один с царским курятником. Ну ладно, попробуем пообщаться, что теперь поделаешь?

Впрочем, похоже, зря я заранее настраивала себя на всяческие неприятности. Царский цветник оказался весьма симпатичным и внешне, и по характеру. Правда, я на второй минуте уже категорически запуталась в том, кто там жены, кто наложницы, а кто просто служанки, тем более, что многие из них, по-моему, просто были на одно лицо. Очень надеюсь, что хотя бы самые юные барышни были царскими дочерьми, а не наложницами. С другой стороны, ну какое мое дело? Это их страна, их время, пусть сами и разбираются.

Дамы были заняты обычными для любой эпохи женскими делами. Кто-то пряд, кто-то ткал, кто-то шил, кто-то расшивал ткани тонкими золотыми нитями. При моем появлении любопытные аборигенки немедленно побросали свои рукоделия и столпились вокруг меня, наперебой забрасывая самыми разными вопросами. Я старалась никого не обделить вниманием, объясняя, кто я и откуда, и каким образом попала в царский дворец. Плела, на самом деле, какую-то околесицу... Дамы охали и ахали, поражаясь тому, какое долгое путешествие проделали мы с Венькой. Представляю, что бы они сказали, услышь о том, откуда и каким образом мы на самом деле прибыли... Но эту часть наших приключений я предусмотрительно обошла молчанием.

Наконец одна из старух – или это она только казалась старухой по сравнению с девчонками? – высокая и властная, с резкими чертами лица, прикрикнула на женщин, и добрая половина из них – особенно те, что помоложе – вернулась к прерванным занятиям, искоса поглядывая на меня и прислушиваясь к нашему разговору.

– Ну, а ты что умеешь делать? – в упор спросила меня старуха, прожигая взглядом почти насквозь, – готовишь ли умощения, как дочери савеев, кроишь ли одежды из пестрой ткани, как умеют финикиянки, расшиваешь ли их золотом, как девы египетские, прядешь ли тончайшее руно, как дочери израильские?

– Да я все могу... – пожала я плечами. – Ну или почти все. Я рисовать умею, и из глины лепить, и шить, и вышивать, и...

– Что означает «рисовать»? – перебила меня старуха. – Такое у нас здесь неведомо.

– Рисовать значит изображать людей, животных, предметы разные, – начала я. – Можно рисовать красками, можно углем, можно тушью. Хочешь, покажу? Только прикажи дать мне папирус и тушь с палочкой, хорошо?

– Нет! – тихим, но решительным голосом ответила старуха и даже ногой притопнула, – Нам не разрешается изображать живущих в этом мире, и тем паче – в горнем и подземном.

Она внезапно замолчала, подняв глаза к небу, и я поняла, что с психами лучше не связываться.

– Ну нельзя так нельзя, – покладисто согласилась я. – Раз в ваших краях это дело под запретом, давайте о другом о чем-нибудь поговорим. Например о вязании...

– О чем, о чем? – переспросила старуха.

– О вязании, – повторила я, сообразив, что произношу это слово по-русски, ибо не знаю его еврейского аналога. Для пущей убедительности я сделала руками такие движения, словно набираю и провязываю петли. Старуха по-прежнему непонимающе смотрела на меня, и тут мне в голову пришла одна идея.

– Пусть госпожа прикажет дать мне четыре оструганные палочки и моток пряжи, и я покажу тебе, на что я способна.

Старуха хлопнула в ладоши, одна из девушек поспешно вышла, и через несколько минут в комнату вошел давешний мой провожатый. Достойная дама передала ему мою просьбу о палочках, я пояснила, какой длины они мне нужны, и какой гладкости, и очень вскоре в руках у меня оказался набор довольно корявеньких, но все-таки спиц. Молоденькая девушка, сидевшая за прялкой, поделилась мотком тончайшей пушистой шерсти, и я принялась за дело. Вообще-то с детства меня учили вязать на пяти спицах, но со временем мне американская система пришлась больше по душе, и я, прикинув на глазок размеры Важной Старухи, пустилась в очередную авантюру. К тому моменту, когда слуги внесли в залу подносы с лепешками, мясом и сладостями, у меня на спицах уже виднелась добрая половина теплого и уютного носка.

Чем дальше продвигалось дело, тем с большим любопытством смотрели дамы и девицы на дело рук моих. А когда в вечерних сумерках я закрыла последние петли и предложила старухе примерить носок, та с изумлением поглядела на мое творение и недоверчиво спросила: «Делать такую теплую обувь, ты, верно, научилась у сынов севера, которые не прячутся в домах, даже когда выпадает снег и застывает в кувшинах вода»?

– А чего тут уметь-то? – фыркнула я, – У нас такое даже девчонки маленькие вязать умеют. Хотите, и вас тоже научу? А то зима на носу, вы что, так и будете на босу ногу ходить?

Столпившиеся вокруг дамы недоверчиво цокали языками, передавая из рук в руки грязновато-белый носок с так и не отцепившимися кое-где колючками, засовывали внутрь руки и одобрительно качали головами, подтверждая, что в такой обуви им, пожалуй, никакая зима не страшна.

– А что еще ты умеешь... уаззани? – спросила старуха, коверкая русское слово, когда носок, совершив круг по рукам, вернулся к ней.

– Да все, что хочешь, – беспечно ответила я. – Кофты, свитера, шапки, шарфы, варежки, пояса – я все могу.

– Пояса! – Торжественно поднимая палец вверх, возгласила старуха. – Ты сможешь связать красивый пояс, достойный того, чтобы его носил царь?

– Конечно смогу, нитки только хорошие дайте, и спицы нормальные, – ответила я.

– Тогда завтра ты будешь вязать царский пояс, – резюмировала решительно старуха. – И еще будешь учить нас делать эти твои... носки.

– Да буду, буду, – согласилась я, пусть только кто-то спиц нормальных наделает, чтобы прямые были, а не эти кривульки, и отшлифует их получше. А мне для пояса пусть спицы с наконечниками сделают, а то неудобно будет.

Вновь призванный Главевнух пообещал, что к утру все потребные материалы будут готовы, проводил меня до нашей с Венькой комнаты, и... и меня снова ждал одинокий вечер.

А потом еще и еще... Венька являлся грязный и потный, падал рядом со мной на ложе когда я уже крепко спала, утром снова исчезал ни свет ни заря, так что мы и словом обменяться не успевали. И что, спрашивается, ради этого всего я так стремилась в град Давидов? А где же город золотой из моих грез? Действительность, как водится, оказалась куда грубее и прозаичнее любых фантазий.

Ну и ладно, пусть мальчишки играют в свои мужские игрушки. А у меня пока своих дел хватает. Мастер-классы по вязанию шли полным ходом, пояс царский тоже получался просто заглядение, тем более, что на отделку я пустила свои заветные финикийские бусины, фантастическим образом уцелевшие во всех наших передрыгах. Пару наиболее сообразительных девчушек я даже обучила самым основам макраме, и они теперь плели из белых и золотых нитей отделку для царского плаща, непременно вплетая по углам по голубой ниточке для оберега от злых духов. Одним словом, подготовка к какому-то празднеству шла полным ходом. Только вот к какому? Любые вопросы на эту тему Главстаруха пресекала одним мановением руки, а я себя уже десять раз обругала за то, что в свое время не удосужилась почитать ничего по истории древнего мира.

И еще очень занимала меня одна мысль – а что скажут археологи, если через тридцать веков откопают наши художества? Надеюсь, я ничего такого принципиального в мировой истории не порушила? А то, может, как обуются иудейская армия в шерстяные носки, да как повысится ее боеспособность в зимнее время, и пойдет вся история неведомым порядком. А потом вынырнем мы с Венькой в своей эпохи, глядь, нет никакой Москвы, а есть только один всемирный Израиль. И что ж тогда хоругвеносцы с хамасовцами делать будут? Уйёо! Обсудить бы это дело с Венькой, только где он, спрашивается? Может, и не нужна ему больше никакая Юлька на веки вечные? Думать о таком было очень грустно, а не думать тоже не удавалось. Ну почему мужики вечно думают только о себе и о своих игрушках, а?

52.

Как-то уж очень быстро оно всё тогда завертелось, и не продохнуть... Домой приходил – падал трупом, только бы выспаться хоть немного, уж не до нежностей было. Йоав меня не просто торопил – гнал, как сумасшедший: если завтра война, если завтра в поход... Хотя у них тут войны не объявляются и не прекращаются – они приостанавливаются на время, чтобы стороны передохнули и подготовились к следующему раунду. В этом смысле двадцатый век нашей эры на Ближнем Востоке очень похож на десятый век до.

Уже следующим утром после аудиенции, ни свет ни заря, посыльный разбудил меня и утащил за город, на боевую учебу – Юлька я постарался не будить. Сразу стало понятно, что эта военная подготовка будет очень мало похожа на ту вялую учебу резервистов, которую я пытался организовать еще в Угарите, и было это, казалось, многие годы назад – а всего-то месяцев шесть, или семь. Так много с тех пор всего случилось!

Прежде всего, очень сильно отличались начальные условия. Как я и представлял себе, постоянной армии у Давида практически не было. В случае большой войны собиралось по всей стране ополчение, так что я хоть и был назначен сотником, но никакой сотни у меня под началом не было, и взять ее было пока неоткуда. Еще несколько таких же офицеров жило в небольшой нашей столице и ее окрестностях, остальные были рассеяны по стране, как и рядовые воины. Вот нападут филистимляне – соберется ко мне постепенно, за пару недель, человек сто, или пятьдесят, или двести, уж как получится, вооруженных чем попало и примерно так же обученных. Вот их-то я и поведу в бой, если другого командира у них на тот момент не случится. Радостная перспектива.

В Иерусалиме и его окрестностях квартировали только два отряда постоянной боевой готовности, и оба состояли не из израильтян. Называли их тут «керетеи» и «пелетеи», и кем они были по происхождению, я так до конца и не понял. Похоже, что это правнуки тех самых молодцов, которые разнесли в свое время в щепки Угарит, и даже может быть, что их названия указывали на Кипр и на тех самых филистимлян, с которым воевать мы и готовились. Друг с другом они говорили иногда на своих каких-то наречиях, явно не семитских, но и еврейским владели свободно, я даже акцента не замечал.

Воевать эти два отряда, впрочем, особенно и не собирались. Их задача была – охранять царя, и такое решение сразу показалось мне очень логичным. Набери Давид свою стражу из израильтян, пусть даже из своих сородичей, из племени Иуды – не миновать тогда распрей и дворцовых переворотов. Вон, родной сын Авессалом и то восстание против отца поднял. У нас Римских пап тоже издавна охраняют швейцарские гвардейцы, хотя среди самих пап швейцарским происхождением никто пока не отмечен, и вообще основная религия в этой стране – протестантизм. Видимо, самый верный слуга для правителя тот, кто лично обязан ему всем, кому нечего ждать от других ни на далекой родине, ни в стране, где он служит. Такого ни задурить, ни подкупить не удастся – он понимает, что его голова при смене власти полетит первой.

И особенно логичным показалось мне, что этих отрядов было сразу два. Допустим, забастуют керетеи – так сразу поспешат выслужиться за их счет

пелетеи. Возникнет среди пелетеев заговор – керетеи встанут железной стеной. Может, и во времена д'Артаньяна, по крайней мере, как это описывает Дюма, так и обстояло дело, с этими мушкетерами и гвардейцами, вечными соперниками на одной и той же службе?

Так что было у Давида ополчение, то есть просто мужики, которые живут своей жизнью и при необходимости берут в руки оружие, и была дворцовая стража. А еще были Трое, и были Тридцать – ближайшие сподвижники и соратники, друзья самого Давида со времен его юности. Кто-то из них уже умер, и почти все состарилось настолько, что в походы ходить не могли, но по-прежнему считалось, что уж эти-то Тридцать, и особенно Трое (Йошев, Элазар и Шамма – три таких же, как и царь, старика), уж они-то точно выйдут на любую битву и всех победят. Что бы там ни планировали мы с Йоавом, как бы ни распоряжались – вот придет один из них, скомандует по-своему, и кто за кем в данном случае пойдет, еще не известно.

Да плюс мелкие полусамостоятельные отряды по всей стране, подчиняющиеся местным старейшинам и прочим авторитетным людям. Их вообще никто не мог ни сосчитать, ни проконтролировать, но предполагалось опять-таки, что в случае большой войны они явятся куда надо.

А собственно, чего я ждал? Регулярной армии? То, что было в наличии, во всяком случае намного превосходило угаритское воинство по качеству. От меня тут действительно ждали помощи, и я готов был эту помощь оказать: научить хотя бы самых активных и способных азам проведения спецопераций. И таких, на самом деле, нашлось для начала достаточно даже из того случайного набора людей, оказавшихся в Иерусалиме, а кто-то еще мог присоединиться со временем.

Только они ждали, что я их быстро обучу каким-то отдельным трюкам, а уж как их применять, они сообразят сами. Я пытался читать что-то вроде лекций по военному искусству (не то, чтобы я был его знатоком, но все-таки тридцать последующих веков кое-какие наработки дали), но это совсем никак не воспринималось. Ты показывай, куда и как бить... Да и ладно бы с ней, с теорией, я пытался внушить им представление не только о личной доблести и геройстве, но и о тщательном планировании операции и железной дисциплине.

И уже через три дня таких тренировок (это значит – с рассвета до заката, а поесть нам в поле приносили) я понял одну простую вещь: если они, как мальчишки, хотят играть в войнушку, то в нее мы и будем играть. Но только по правилам. Разобьемся на два отряда, будем отрабатывать наиболее типичные ситуации: засада на дороге, диверсия на охраняемом объекте, похищение важной персоны. Только оружие будет учебным, чтобы без травм, и с имитацией ударов. Но все остальное всерьез: одна сторона защищается, другая нападает.

Эту идею мои «курсанты» восприняли радостным ревом.

– Ну вот завтра и попробуем, – сказал я.

– Завтра не получится, – ответил один из них с некоторым сожалением на лице.

– Почему?

– День субботний, – ответил он.

Я и отвык считать дни в этом мире! И в самом деле, если март отличался тут от июля или декабря погодой, то суббота ничем не отличалась от среды, да и слов-

то я таких не слышал прежде. Странно, мы были в Дане, мы странствовали с израильскими купцами – неужели ни разу за всё это время не выпадала суббота? Или... или они просто не обращали на нее никакого внимания? И значит, единственная точка на всей планете Земля, где у людей бывает раз в семь дней обязательный выходной – это там, где мы сейчас находимся? Ничего себе...

– Да, конечно, – ответил я, – я и забыл дни считать. В самом деле, суббота.

И это было очень даже хорошо! И с Юлькой пообщаемся, а то и не видим друг друга практически, прихожу уже затемно, вымотанный до предела. И, в конце концов, посмотрим на город! А то утром – на тренировку, вечером – обратно, всё по одной и той же тропинке. Даже Скинии еще не видел, вот, как раз повод будет посмотреть...

Утром, конечно, хотелось подольше поспать. А потом еще немножко подремать. А потом... да мало ли чего хотелось, времени уже не было! Меня же ждали на субботнее жертвоприношение! И Юльку, кажется, тоже.

Я выпрыгнул из постели, срочно стал одеваться. Юлька уже не спала, но еще и не встала... «Давай, давай», – поторапливал я ее, – «а то всё самое интересное пропустим!» Но отчего-то она энтузиазма моего не разделяла и вообще смотрела как-то неласково. Ладно, кто их разберет, этих женщин, что у них там за перемены настроения!

Мы все-таки немного опоздали – когда мы пришли, богослужение уже началось. Скиния, как оказалось, стояла буквально в двух шагах от городских стен на ровной площадке, и совсем не там, где собирались храм – да я ведь проходил мимо нее не раз по дороге на наши эти учения, только я и не думал, что это была Скиния. Довольно ветхий шатер скромных таких размеров за полотняным забором – я-то полагал, там что-нибудь хозяйственное! Тем более, что оттуда периодически пахло горелым мясом. Оказывается, приносили жертвы!

Юльку пришлось оставить среди женщин, а меня мои сослуживцы потащили дальше, туда, где стояло наше воинство. Впрочем, столпотворения не было – это ведь была самая обычная суббота, никакое не празднество, да и погода подкачала, так что пришли к Скинии лишь жители Иерусалима и ближних окрестностей, и то далеко не все. Народ стоял на открытом месте, переминаясь с ноги на ногу под холодным дождем, а из-за полотняной ограды доносилось какое-то торжественное и немного заунывное восточное пение. Слов было и не разобрать с непривычки.

Потом протрубил рог, и еще раз – и тут же запахло жареным мясом. А мы-то как раз не завтракали... интересно, у них тут что, как в наше время, не принято есть, пока жертву не совершат? Похоже, что так. А и в самом деле, если жертва – трапеза для всей общины, да еще и такая, на которую Бога пригласили, как можно собственными бутербродами перед тем напихиваться?

Уж не знаю, то ли священство местное под дождем мокнуть не хотело, как и мы сами, то ли ритуалы у них были и впрямь такие короткие, но очень скоро распахнулись ворота (а точнее, скатали полотнище, закрывавшее вход во двор) и к народу вышел уже знакомый мне первосвященник. На сей раз он был в полном облачении, в высоком тюрбане, с дощечкой на груди. Помнится, на ней должны были быть двенадцать драгоценных камней с именами разных племен, но этого я

разглядеть уже не мог. Священник благословил народ широким жестом, и служба закончилась.

– Ну, теперь к царю, пировать! – радостно сообщили мне сослуживцы.

– А жена? – переспросил я.

– Если царице будет угодно, ее позовут к женскому столу, – ответили мне.

Хотелось уточнить, кто у нас тут главная царица (их явно было в наличии больше одной), но я решил не впутываться во дворцовые интриги. Что ж, разделение по половому признаку тут строго соблюдается даже за столом – ну и ладно. Собственно, оно и в Угарите так было, и в Финикии, просто там мы с Юлькой были какими-то Вестниками, вот на нас правила и не распространялись. А тут уж приходилось соответствовать.

Словом, через полчаса или час (никто никуда не торопился) мы расселись на подстилках и коврах в большом зале царского дворца. Женщин с нами не было, Юльку я так с утра и не видел, и даже не знал, где она. Царь к нам так и не вышел, не было его и на жертвоприношении – видно, он уже почти не вставал с постели. Можно было только порадоваться тому, что мы все-таки успели увидеть Давида...

А потом стали подавать еду – ставили глиняные, а то и металлические блюда прямо на подстилки перед нами, наливали в чаши вино, и пошло веселье. О делах не говорили, и даже когда я заикнулся о дальнейших наших планах боевой подготовки, меня оборвали: «день субботний!» В смысле, общаться нужно совсем на другие темы. Оно и правильно, если рассудить! И потекли рассказы о жизни, о семье, о далеких краях... тут меня особенно много расспрашивали, а я даже и не знал, что и как им отвечать.

В этом мире для всего было свое место и свое время. А как быть, если мы к такому не привыкли? Если в выходной хочется не у царя пировать, а с любимой время провести? Ответа мне никто не предлагал.

В общем, когда пиршество закончилось, короткий день уже клонился к вечеру и для прогулок времени особого не оставалось. Да и Юльку надо было найти – на женскую половину дворца вход для меня был, разумеется, закрыт, а в нашей гостевой комнате ее не оказалось. Тогда я решил просто побродить в одиночестве по улицам этого маленького городка, в котором столько всего еще произойдет – но тогда он был какой-то ближневосточной Жмеринкой, глухой и никому не известной окраиной.

Да уж, с Тиром и сравнивать было нечего. По тесным улочкам текли грязноватые ручьи, с обеих сторон их обрамляли глухие стены домов, сложенные из грубого камня и едва обмазанные глиной. С редкими прохожими было трудно разойтись, и никаких, абсолютно никаких достопримечательностей не было видно. Вот интересно, Бог всегда выбирает для Себя что-нибудь такое неприметное? Ну как с Иерусалимом?

С Юлькой мы встретились только уже самым вечером.

– Ну как день прошел?

– Да ничего, нормально.

– Скиния у них какая-то такая... не новая.

– Потому, наверное, и храм строить собрались!

– Наверное.

– А баранину неплохо поджарили.

- Да, вкусно. Хотя перца не хватает.
- Ты на меня сердишься за что-то?
- Да нет...
- Тогда поцелуешь?

Вялый, дежурный поцелуй... Нет у меня, дескать, сил на что-то большее, но и объяснять, почему, сил тоже нет. Устали все, давай спать. Утро вечера, как говорится, мудренее... Или не откладывай на завтра то, что можно на послезавтра. Особенно если это выяснение отношений.

Ну, а на следующее утро опять был подъем до рассвета, торопливая лепешка вместо завтрака, построение, и дальше – прямо как в песнях: «путь далек у нас с тобою, веселей, солдат, гляди!» Кстати, эту песню пели в наше время и в Цахале, только на иврите: «Эль-адерех шув яцану, дерех арука бли кец». Впрочем, мы ничего и не пели – просто шли себе и шли на учения в спокойное место неподалеку от города, где было где разгуляться, не причиняя вреда стадам и посевам местных жителей.

Замысел был простым: отработать несколько самых типичных ситуаций. Начинать я планировал с засады: один отряд продвигается по дороге, другой его поджидает в укромном местечке. Соответственно, первый отрабатывает патрулирование, разведку местности и мгновенное развертывание из походного порядка в боевой при нападении с нескольких сторон, а второй – выбор места для засады, маскировку, одновременное нападение по сигналу и отход на случай, если противника не удастся полностью уничтожить, пока действует фактор внезапности.

Но всё опять как-то не заладилось, почти как в Угарите. Первый и главный вопрос, который был мне задан: кто будет изображать филистимлян? Ну прямо как послевоенные дети: наши, немцы... Да ведь их детство прошло не после войны, а во время. Так что никакие «красные – синие» или «восток – запад» тут просто не пройдут. С трудом удалось уговорить их назвать свои отряды именами командиров – так и то повздорили, кто будет за Давида, а кто против... Ну что ты будешь делать! Гражданская война тоже ведь им была очень хорошо знакома, вот они и стали друг другу припоминать: кто там как себя повел при восстании Авессалома, кто сразу занял правильную сторону, а кто потом присоединился, и когда именно.

Пришлось остановить этот галдеж и прокричать:

– Хватит! Здесь будет идти спор, но о другом. Спор о том, кто самый лучший воин! Нетрудно нанести удар мечом, это сможет сделать любой – трудно выбрать место и время удара, чтобы не пришлось повторять удар. Этому мы и будем здесь учиться. Кто победит в одном учебном бою, и в другом, и в третьем, тот и будет лучшим воином, того полководец Йоав представит царю.

На этом раздоры удалось кое-как утихомирить. Но вот дальше...

Во главе отряда, который должен был передвигаться по дороге, встал великий воин Беная. Он в свое время убил льва, и вражеских богатырей без счета – кто же сравнится с ним? Идею патрулирования он понял и одобрил, казалось, всё должно пройти довольно гладко.

Отряд, ставивший засаду, разделился надвое. Асаэл стоял во главе первого подразделения, которое должно было пропустить противника мимо себя и затем ударить в тыл, а Нахрай со своими молодцами – выждать тот момент, когда противник развернется к Асаэлу, и ударить через одну-две минуты опять-таки в

спину. Сигнал к нападению первого отряда должен был подать хорошо замаскированный дозорный, протрубив в рог один раз – а потом двойным сигналом подать знак второй группе вступить в бой.

Только получилась всеобщая свалка. Для начала в отряде Бенаяи практически все пожелали стать патрульными, чтобы первыми обнаружить врага. С большим трудом удалось уговорить их оставить хоть половину личного состава в основной колонне, чтобы было, кому потом ударить на засаду. Можно было не сомневаться, что с таким рвением патрульных засада будет обнаружена заблаговременно, но... она сама выдала себя! Дозорный подал сигнал, едва противник подошел на достаточно близкое для рукопашного боя расстояние. И он трубил и трубил в рог, а обе группы, не соблюдая уже никакой маскировки, неслись навстречу условному противнику, размахивая совсем не условными палками (мечи и копья мы от греха подальше сложили в сторонке). И началась потасовка.

– Стой, стой! – вопил я, но никто не хотел слушать.

Изрядно намяв друг другу бока и не добившись заметного перевеса ни для одной из сторон, древние мои спецназовцы остановились передохнуть. И приходилось объяснять азы тактики с самого начала...

Что ж, всё было понятно. Бой в этом мире пока что протекал по модели «стенка на стенку», что в Угарите, что в Иерусалиме. Должны пройти века, должны промаршировать по этой земле железные ассирийские полки, македонские фаланги и римские легионы, чтобы битые воины стали бы обращать внимание на тактические приемы и дисциплину, а не только на личную крутизну. И мог ли я переучить их? Я не был в этом уверен.

За такими экзерцициями день склонился к вечеру, холодному и сырому в эту пору года. Заночевать мы собирались прямо на месте, в шатрах и шалашах, так что бойцы стали потихоньку раскладывать костры, обсушиваться и обогреться у огня, а заодно и готовили ужин. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать»...

– А здорово я тебе тогда засадил!

– Да это я тебя повалил на землю с первого удара!

С каким остервенением эти якобы взрослые мальчишки только что мутузили друг друга как самых распоследних филистимлян – и точно с тем же добродушием они теперь обсуждали этот бой, растирая свои совсем не условные синяки и вплавляя вывихи... А я себя чувствовал не столько инструктором спецназа, сколько пионервожатым. Только половина пионеров была старше меня лет на 10 минимум, и прошли они не через одну рукопашную.

Но прежде, чем мы окончательно устроились на ночлег, прибежал из Иерусалима гонец с вестью от Йоава (он отчего-то на этот раз оставался в городе и не пошел с нами):

– Рано поутру оставьте это место. Беная пусть возвращается в град Давидов с теми людьми, которые при нем, чтобы охранять царя, а Асаэл и Нахрай пусть берут воинов своих и ступают к скале Зохелет, что около Эйн-Рогеля, это недалеко.

– Отчего такая спешка, – удивился я, – неужто война?

– Нет ныне войны, – ответил гонец, – а только собираются сыновья царские в Эйн-Рогель на празднество.

– А что за праздник? – удивился я, – еще вчера праздновали субботу, и о других празднествах не было слышно.

– Адония, сын Давида, приносит там жертвы, – ответил гонец уклончиво.

Что-то такое я уже читал, в самом деле, или слышал... Ах да, Юлька рассказывала про Рогатого Зухеля – так вот это о чем: скала Зохелет у Эйн-Рогеля. Так это всё что, подстроил Ахиэзер? Или просто знал об этом заранее? И для чего должны мы теперь делиться на два отряда?

– Почему же позвали только отряды Асаэла и Нахрая? – удивился я.

– Такова воля господина моего Йоава, – ответил гонец, – чтобы они охраняли царских сыновей. Асаэл брат Йоаву, а Нахрай был его оруженосцем. Доверяет им господин мой, как себе самому.

Что ж, логично: в нужный момент услать войско на учение, разделить его на две части, одну вернуть в казармы, другую, более надежную, послать на какое-то важное мероприятие, куда не всехпустишь... Только на какое именно? И в этот момент стало мне вдруг казаться, что не таким уж и условным было это деление на два противоборствующих лагеря, и что если есть тут кто-то по-детски наивный, кто не бельмеса не смыслит в здешней тактике и стратегии, так это я сам.

Что оставалось тут сказать? Только что утро вечера мудренее, и что на этот раз без Ахиэзера мне точно не разобраться во всем происходящем.

53.

Если это у них называется выходным днем или как там еще, то я Владычица Вселенной, никак не меньше. Мало того, что выспаться не дали, в несусветную рань подняли, так еще и пришлось тащиться куда-то на ветер и холод и на голодный желудок выслушивать заунывные завывания местного шамана, попа, раввина или как его там? И эта невнятного вида палатка и есть та самая Скиния Завета, о которой мне Венька все уши прожужжал? Мдааа... Если у них ко всем святыням так «бережно» относятся, то я не удивляюсь, почему у евреев столько проблем было на протяжении всей их истории. Если люди не уважают свою святыню, то кто ж их самих уважать тогда будет? Хорошо бы, конечно, с Венькой этот вопрос обсудить, но где он – тот Венька? Опять унесся к своим бородатым мальчишкам и совершенно счастлив от того, что может сутки напролет считать себя крутым вожаком и мега-стратегом. А мне оять весь день ошиваться среди этих глупых куриц, с которыми слова толком сказать невозможно. Да еще ради субботы делать вообще ничего нельзя, даже вязать, так что обречена я на целый день чудовищной, зубодробительной скуки.

На мое счастье богослужение местное завершилось довольно скоренько, после него, как водится, «мальчики налево, девочки направо, в столовую для приема пищи шагом марш». Ну чисто как в детском лагере, только с разделением по гендерному принципу. Вот блин, даже ради выходного дня нельзя с собственным мужчиной за одним столом оказаться. Ну уж нетушки, нафиг мне такая жизнь, надоело, хватит!

Обуреваемая этими мрачными бунтарскими мыслями я медитировала над пресной лепешкой до тех пор, пока меня не вывел из задумчивости гортанный голос Главстарухи. Похоже, она не первый раз ко мне обращалась, потому что мордочки прочих девиц были с любопытством повернуты в мою сторону, а в глазах барышень читался плохо скрываемый вопрос «Что это с ней такое творится?» С трудом стряхнув с себя оцепенение, я сдержанно извинилась, сославшись на нездоровье. Старуха неожиданно лукаво посмотрела на меня и коротко кивнула на мой живот, дескать, не там ли источник моего нынешнего нездоровья, такого обычного для всех женщин. Я не сразу поняла, что она имеет в виду. А потом, неожиданно для себя залившись краской до ушей, отчаянно замотала головой.

Старуха неожиданно засмеялась, причем смех у нее оказался звонким и мелодичным, почти как у девушки.

– Или не восходит господин твой на ложе твое?» – с улыбкой спросила она, всем своим видом давая понять, что это дело самое обычное, на такие темы вполне допустимо говорить в самом широком обществе.

– Эээ... восходит, – запнувшись, подтвердила я, к полному своему изумлению краснея еще пуще.

– А разве ты не знаешь, что угодных ему Всевышний благословляет потомством, чтобы род их не угас? – так же весело и чуть торжественно продолжила старуха, – И что женам благословение то не всегда легко, но оно радостно, ибо нет большего счастья, чем носить под сердцем свое дитя!

Разговор принимал какой-то совершенно абсурдный оборот, но объяснить царице, что не беременна я, а аппетит пропал от злости и раздражения, я не могла

ни за какие коврижки, да еще при посторонних. Так что я не нашла ничего лучшего, кроме как схватить с блюда ближайший ко мне кусок баранины и вцепиться в него зубами.

– Вот так-то лучше, – снова засмеялась царица, – будущая мать должна хорошо есть, чтобы родить здорового наследника, дабы обрадовать господина своего.

Откровенно говоря, своего господина я не то, что радовать, я видеть его сейчас не могла, но эти все чувства приходилось держать при себе, поэтому я просто сделала невнятный жест и самозабвенно предалась поглощению баранины, которая, надо отдать ей должное, оказалась действительно отличной.

Но каким бы ни был изысканным праздничный обед, весь день за столом не пролежишь... А делать-то совсем ничего нельзя. И из дворца без сопровождения выходить тоже нельзя. Сплошная засада кругом, что ни говори. Пришлось покорно тащиться вместе со всем курятником в женские покои, слушать местные байки и легенды в исполнении каких-то престарелых гетер, явно испытывавших немалое волнение при рассказах о том, кто к кому взошел и кто кого в итоге родил. У меня уже через полчаса все имена и события смешались в одну липкую кашу, и, делая вид прилежной слушательницы, я самым неприличным образом задремала посреди рассказа о чьих-то очередных любовных подвигах.

Одним словом, суббота пропала самым бездарным образом. И когда под вечер явился наконец мой ненаглядный, пороку обсуждать что бы то ни было с ним у меня уже не осталось. И вообще, мне как-то все стало безразлично, что ли... Хочет играть в свою войнушку – пусть играет. А я тут тихо загнусь в одиночку, он, небось, особо и не заметит даже. Ну и ладно, так ему и надо. Тихонько шмыгая носом от всепоглощающей жалости к себе, я отодвинулась на самый край кровати и сделала вид, что заснула, хотя на самом деле не спалось мне... совсем не спалось. И только когда небо на востоке начало чуть-чуть светлеть, глаза мои наконец закрылись, так что утреннего ухода Венькиного я вовсе не услышала.

Тем вечером он не вернулся, да и не должен был, так мне сказали. Но и на следующий день его не было. И когда он придет, не знал уже никто, и вообще как-то всем стало не до меня, и даже как будто не до обычного рукоделия, хотя всё наше бабье царство всё так же сидело и чего-то шило, или вышивало, всё так же чесало языками или распевало песенки... Жить уже не хотелось, если честно.

А третий день – он начался как обычно. Я уже и привыкать даже начала к беспросветному своему существованию. Серенькое пасмурное утро с низкими тучами, чуть не цепляющимися за верхушки деревьев, предвещало такой же унылый и пасмурный день, как и вчера, как и завтра, как и... кто знает, сколько еще? В царицыны покои я приплелась с большим опозданием, впрочем, памятуя недавние монаршие комментарии по поводу моего состояния, на это посмотрели снисходительно, а мрачность мою и припухшие от слез глаза списали на якобы имеющийся токсикоз. Ничего меня не радовало, даже почти законченный парадный царский пояс показался примитивным и убогим. Я мерзла, куталась с попахивавшую овцой шерстяную накидку, и тоскливо глядела через небольшое оконце во двор, по которому пронзительный ветер гнал опавшие листья, солому и какой-то мелкий неопределенный сор. Жалобно меменя и припадая на переднюю ногу, проковыляла нечесаная черная коза с застрявшими в шерсти репьями, за ней

гнался мальчишка – помощник мясника. Да, нечего сказать, достойный антураж для царских чертогов... Что ж у них тут все так тоскливо и уныло, а? И это золотой город моих грез – Ерушалаим! И это дворец величайшего из царей – Давида, которого я так мечтала увидеть, и которого мне, судя по всему, так и не покажут, по крайней мере, при жизни... Ну что ж за невезуха-то? Нет, правильно говорят, что не нужно мечтать и ничего себе выдумывать. Потому что от столкновения фантазии с реальностью бывает ой как больно, это я уже слишком хорошо знаю.

После дневной трапезы сумрак за окном совсем сгустился, так что пришлось зажечь светильники, от которых по стенам заплесали длинные изломанные тени. Внезапно я поняла, что еще минута – и я разревусь прямо перед всем благородным сборищем. Пробормотав какие-то невнятные извинения, я попросила дозволения уйти. Старая царица, понимающе поцокав языком, разрешила, велев лечь в постель и выпить теплого вина, чтобы прогнать хандру и озноб. Она даже предлагала прислать мне для развлечения кого-то из своих дуэний, но я отказалась, сославшись на то, что хочу уснуть, и почти бегом вернулась в нашу с Венькой камеру. Свернувшись калачиком на сбитой постели, я попыталась согреться, но меня по-прежнему трясло от разочарования, злости и жгучей жалости к себе. Ну неужели мне именно так и придется доживать в этом примитивном мире весь остаток своих дней? Не хочу! В подкрепление своих слов я с силой треснула кулаком по изголовью кровати, отдернула ушибленную руку и, невольно приподнявшись, обернулась в сторону окна.

Что за чудеса? Вот только-только над городом висели низкие почти снеговые тучи, а сейчас небо неожиданно расчистилось, так что над царским садом засиял лоскут ярчайшего голубого неба, а из-за стремительно уносившихся куда-то за Хеврон облаков пробился красноватый луч спускающегося за горизонт солнца. И под этим солнцем неожиданными яркими красками заиграли ветки мокрых олив, сад словно забыл, что на носу зима, и совсем по-весеннему встрепенулся навстречу внезапному теплу.

Набросив на голову покрывало, я неслышно, чтобы не привлекать к себе внимания, спустилась в сад – я уже знала, как туда выйти. Я медленно пошла между деревьев, стараясь ничего не упустить, впитать в себя каждую крупинку этой предвечерней красоты, неожиданной и оттого еще более прекрасной. Тропинка, которой я брела, внезапно повернула направо, и в ее изгибе мне открылась древняя олива, словно седая от старости. Ее грубая кора во всех направлениях была исчерчена трещинками, образовывавшими сложный затейливый узор. Остановившись, я медленно провела пальцем по одной из трещинок. Нет, мне не показалось, это действительно чей-то нос с небольшой горбинкой как живой пропечатался на древней коре. А вот и глаз, полуприкрытый тяжелым набрякшим веком, с нависающей над ним мохнатой бровью. Дерево словно испытующе смотрело на меня, пытаясь понять, что за чужеземка появилась меж его обвисающих от старости ветвей. Я вздрогнула – таким живым показался не этот мудрый старческий взгляд.

И тут ушей моих достиг негромкий, но явственный вопрос: «Кто ты, незнакомка, и откуда ты появилась в царском саду?» Меня в первую минуту чуть кондратий не хватил. Ну дожили, со мной уже деревья разговаривают, депресняк перешел в натуральную шизу... Я беспомощно оглянулась, чтобы убедиться, что

вокруг меня все-таки сад, а не сборище каких-нибудь энтов, и чуть не подпрыгнула от неожиданности. В двух шагах от меня на дорожке стоял смуглый брюнет, с виду совсем еще молодой парень. И когда только он успел ко мне подкрасться? Зуб даю, все было тихо, и ничьих шагов я не слышала.

– Так кто ты такая, как тебя зовут? – вполне дружелюбно улыбаясь, повторил юноша. – Не бойся, я ничего плохого тебе не сделаю. Я только хочу знать, кто ты и откуда.

– Я... я Йульяту из Угарита, – спотыкаясь на каждом слове, сообщила я. Мучительно соображая, стоит ли ввязываться в очередные муторные объяснения про Москебу и связанные с ней сложности. – Я.. мы... мы пришли посмотреть на царя...

На этом слове я осеклась, увидев, что брови юноши сомкнулись, а на лице изобразилась горестная гримаса.

– Боюсь, ты не сможешь увидеть царя, – медленно, старательно подбирая слова, проговорил он. – Царь болен... очень болен.

– Я знаю, – кивнула я и, повинуясь внезапному порыву, схватила юношу за руку. – Мне очень жаль... я сочувствую... Ой, прости...

В мгновение ока припомнив все рассказы о здешнем этикете, я выпустила руку моего собеседника и страшно смутилась. А вдруг я своей вечной непосредственностью что-то здорово испортила?

– Ничего... благодарю тебя, – прохладные пальцы осторожно коснулись моей пылающей щеки.

– А ты... чья? – немного помедлив, задал он следующий вопрос. – Есть у тебя муж или господин? С кем ты пришла в град Давидов так издалека?

– Нет у меня ни мужа, ни господина, – решительно отперлась я, в доли секунды убеждая себя, что хозяев у меня сроду не было, а мужем, по крайней мере, законным, Венька мне считаться никак не может. И вообще, бросил меня тут на произвол кого угодно – пусть теперь не обижается, вот! – Я пришла сюда с... братом!

– Не слышал я, чтобы в стране Угаритской девы были столь смелы и самостоятельны, и столь привязаны к братьям, чтобы пускаться с ними в такие дальние путешествия, – с лукавой улыбкой парировал мой собеседник, – Ну хорошо, я еще могу понять, когда дальний путь пускается мужчина, ему положено. Но ты – девушка, что тебя позвало в наши края? Не только же из любви к брату ты решилась предпринять столь долгое и опасное путешествие?

– Не только, – решительно ответила я. – Я правда хотела увидеть царя и нарисовать его портрет. Я же не знала, что у вас тут это запрещено.

– Как нарисовать? – несколько опешил мой собеседник. – Ты умеешь изображать людей и предметы?

– Умею, – ворчливо подтвердила я. – Я вообще много что умею, только у вас тут не развернешься особо с вашими порядками. Вот зря вы...

– Тише-тише, – юноша прикрыл мне губы ладонью, и словно бы случайно убрал ее не сразу, а чуть помедлив. – Не стоит об этом говорить. Расскажи мне лучше о вашем путешествии, что вы видели в таком долгом пути, у каких народов побывали?

Его горячий взгляд обегал меня с ног до головы, словно пытаюсь проникнуть вглубь покрывала, и я чувствовала, что противиться этому взгляду трудно... очень трудно. Я непроизвольно зажмурилась и потрясла головой, чтобы сбросить наваждение, накидка сползла на плечи, и взору моего собеседника открылись изрядно отросшие за время нашего путешествия кудри, на концах обесцвеченные московской краской, а в остальном возвратившие свой обычный орехово-рыжий цвет.

– Хорошо, я расскажу... только не смотри на меня так, – я уже сквозь землю готова была провалиться, лишь бы спрятаться от его жгучего взгляда. Ну что такого он в моих волосах разглядел! Я у парикмахера три тысячи лет не была, между прочим.

– А я хочу посмотреть... ты совсем не похожая на наших дев. Я таких, как ты, никогда не встречал. Неужели ты рождена в этой дыре на краю света? Не может быть, ты не такая, как девы северных берегов. Откуда ты? Я хочу знать про тебя всё...

Сердце тяжело ухало, в ушах стучали тоненькие надрывные колокольчики, голова кружилась, и все мое существо отчаянно кричало, что надо бежать, закрыться у себя в комнате, скрыться от этого юноши, такого властного и притягательного одновременно. Но я не могла... Я ни шагу бы не ступила, потому что в то же самое время где-то в глубине души звенела и пела радость: сбывается самая странная, самая фантастическая мечта моего детства. И будь что будет, но я по своей воле не уйду от своего царевича. Я расскажу ему всё, что он захочет, даже если на это потребуется тысяча дней и ночей. Только... только я не хочу, чтобы на нас пялились всякие дурацкие свидетели, ибо мало ли кто сдуру выйдет на ночь глядя в сад. И именно это я и брякнула ему самым что ни на есть прямым текстом.

– Ты права, Йульяту, – засмеялся юноша. – Но во дворце тоже есть слишком много лишних ушей и глаз. – Знаешь, что мы сделаем? Здесь неподалеку есть шалаш садовника. Идем туда, там нам будет тепло и сухо. И никто не сможет подобраться незамеченным: слух у меня как у рыси, я услышу даже самые легчайшие шаги.

– Ну же, идем, Йульяту, не робей, – и, сжав мои пальцы своей огненной ладонью, юноша быстро зашагал по тропинке вглубь сада. Мне не оставалось ничего другого, как следовать за ним...

54.

К месту назначения наш отряд прибыл в Эйн-Рогель, можно сказать, вовремя – к самому началу этих непонятных торжеств. Как я уже говорил, воинство наше поделили на две части: одну отправили охранять непонятное мне празднество, а другую отправили по домам. И было у меня серьезное подозрение, что выбор был далеко не случаен, что одна половина войска кому-то казалась для данного случая более подходящим, чем другая... Но наверняка я ничего не знал.

Не знал даже, как поступить мне самому – на мой счет никаких распоряжений не было дано. Дескать, определяйся сам, с кем ты. Но как определиться, если я не понимал смысла этой игры? Но раз мой непосредственный начальник Йоав сам отправился на праздник, значит, и мне было естественно пойти за ним в отсутствие других распоряжений. Но отчего тогда Йоав с самого начала не выступил с нами? Хотел что-то устроить в Иерусалиме, да так, чтобы лишний народ, особенно народ вооруженный, у него под ногами не путался?

Разгадка находилась в Эйн-Рогеле, небольшом селении у источника возле самой столицы. А вот Юлька была в Иерусалиме. Совсем неподалеку. Конечно, Юлька важнее разгадки... но Юлька же никуда не денется, верно? К ней-то я всегда успею вернуться – так я это тогда понимал.

В общем, пока сборы да построения – пришли мы в назначенное место уже к вечеру, а жертвоприношения должны были состояться следующим утром. К чему все эти жертвы, с какой стати? Мало, что ли, было субботних? Так еще новомесечье будет, да и мало ли праздников в календаре... Но обо всем этом думать как-то было некогда: с неба лилась холодная вода, дул пронизывающий ветер, мы промокли и изголодались. Шатров у нас с собой было мало, да и те отсырели, места в домах селения были заняты, провизия подходила к концу, сухих дров не было вообще... До ритуалов ли тут! Согреться, наестся, улечься – а с утра уж и думать, куда попал и что будет дальше. А как еще солдату?

Но тут мне повезло – навстречу нашему отряду вышел лично Ахиэзер! Честно сказать, особо нежных чувств я к нему не испытывал, казалось мне его поведение довольно подозрительным, но когда он предложил мне горячей говяжьей похлебки со свежееиспеченными лепешками, кувшин подогретого вина с пряностями (подозреваю, рецепт глинтвейна попал в эту эпоху прямо от него!) и место в собственном шатре, мне уже ни о чем не хотелось его спрашивать. Хотелось только спать.

Поднялись мы, как всегда, едва стало светать. Завтрак в связи с жертвоприношениями отменялся, было время собраться и приготовиться к церемониальному маршу, к выходу с цыганочкой... или как тут это называется? Ахиэзер никуда не торопился, сидел на камушке у входа в шатер и любовался окрестностями. За ночь погода переменялась: стало холодней, чуть выше ноля, но зато ясно. Окрестные горы опоясались розовым по вершинам, а внизу еще густела фиолетовая тень. Пахло свежестью и спокойствием, где-то пела одинокая птица, словно и не зима, и было так ясно и хорошо, что даже спрашивать ни о чем не хотелось.

Но я все-таки спросил, присев на соседний камень:

– Доброе утро! А в честь чего торжество?

– Действительно, доброе, – благодушно отозвался он, – инаугурация преемника.

– Что-то? – не понял я.

– Ну, следующий кинг... король... или как это... а, царь. Следующий царь дает присягу. Коронуется. Вступает в должность.

– Разве Давид...

– Нет-нет, что ты. Еще несколько месяцев проживет, судя по симптомам. Но он уже ретайед по причинам здоровья, ты заметил? А власти нужна преемственность. И стабильность.

– Нужна, – согласился я, – но почему так спешно? И почему здесь?

– Политика, – отозвался он, – так спокойнее.

– Надо же... Когда я видел Соломона во дворце, совсем по нему не было похоже, что всего через несколько дней...

– Так Соломон тут и не при чем.

– А кто же? – опешил я.

– Адония, – спокойно ответил он, – разве ты не читал Библию?

И в самом деле, как я мог забыть! Там же была история про Адонию, другого царевича, который самовольно занял престол еще при жизни Давида, а потом его сместили, настоящим царем стал Соломон, и Адонии крепко не поздоровилось, а равно и всем, кто его поддержал. Деталей я уже не помнил, но вроде как всех убили. Включая, кажется, начальника моего Йоава... И помню, что ситуацию там исправили Вирсавия, мать Соломона, и пророк Нафан. Ну точно, я присутствую при историческом событии. Всё как в Библии написано!

– А, ну да, – кивнул я, – вспомнил. В самом деле.

Мы еще немного посидели, любуясь рассветом. Солнце скрывалось за горами, мы сидели пока что в тени, но мир вокруг постепенно расцветал и наполнялся звуками, запахами и красками. И зачем было кого-то убивать в этом мире, полном свежести и радости? Зачем спорить о престоле?

– Не опоздаем? – спросил я.

– Уже скоро, – кивнул Ахиэзер и добавил, – какое прекрасное утро для начала нового царствования!

– Только ведь ненадолго, – отозвался я.

– Почему? – переспросил он.

– Так ведь в Библии всё описано. Следующим будет Соломон. А Адония – это совсем ненадолго. Потом беднягу убьют.

– А, ну да... ты же не знаешь.

– Чего не знаю?

– Условий хроноэксперимента.

– Какого эксперимента?

– По сюжетной коррекции. Развилка пройдена, Бэн. Мы движемся по другой сюжетной линии. Здесь царем будет Адония. Ну, а Соломон... приятный молодой человек! Он будет хорошим помощником брату своему царю. Заметь, что никто не пострадает, в отличие от канонической версии. Никто никому не будет мстить. Это куда более гуманно, не так ли?

– Но почему же?! – недоумевал я, – Вирсавия, Нафан! Они же пойдут к Давиду! Нажалуются и он всё отменит! Соломон будет провозглашен царем еще при его жизни.

– Басанда! Никто никуда не пойдет, – спокойно ответил Ахиэзер.

– Какая такая «басанда»?!... – я вскочил на ноги, – ты что, ты их...?

– Да нет, ну что ты, успокойся, – Ахиэзер слегка напрягся, но остался сидеть, – живы и здоровы. Точнее, у Вирсавии легкий касаллик... или как это? дристалово. Недомогание. Не выходит с женской половины дворца. А «басанда» – это слово такое, вроде как «инаф» в современном русском языке. Или «баста».

Как же раздражал этот его «современный русский» язык – но не время сейчас было для лингвистических упражнений.

– А Нафан... – продолжил он, – у него появились внезапные дела в родном селении. Ничего особенного, просто срочный деловой визит: пришло известие о смерти близкого родственника. Ложное известие, разумеется. Но в городе его нет.

– А Соломон?

– Слишком ёш, в смысле янг. Зеленый еще. Не справится сам. Да и не до того ему, у него другое сейчас появилось увлечение...

– Ахиэзер, это всё устроил ты?

– Ну, я, – он поднялся и встал напротив меня, – а что? Никто в ходе подготовки эксперимента не пострадал.

– Но как?

– Вовремя сказанное слово, или, в случае с Вирсавией, вовремя добавленная порция безвредного лаксатива. И информационное сопровождение, разумеется.

– Ну и гад же ты... – растерянно пробормотал я. А что было теперь делать? Бить ему морду? Убеждать всех окружающих, что молодой царь неправильный, что ставить нужно совсем другого? Искать Нафана в его родном селении?

– Нет, я не из племени Гада, – спокойно ответил тот, – я вообще не отсюда, in fact.

– Но зачем, зачем всё это? Просто для прикола?

– Нет, – очень серьезно покачал головой пришелец из будущего, – у эксперимента есть очень серьезные показания.

– И какие же?

– Видишь ли, Бэн... Мы хотим видеть более толерантный Израиль. Посуди сам – сколько было связано всего с религиозной нетерпимостью! Все эти сожжения еретиков, крестовые походы. Мы хотим посмотреть, нельзя ли приучить человечество к большей толерантности еще на самых ранних стадиях. Адония совсем не фанатик. Если он взойдет на трон, вполне возможно, что нам удастся поддержать в нем идею о равной приемлемости всех религий.

– И только-то? – ахнул я.

– Это очень много! Израиль ждет совершенно другое будущее. В нашем линейном нарративе, ну, как оно служило, народ Израиля донес до всего человечества представление о единстве Бога. Это очень важное представление. Но если он донесет до него и мысль о толерантности к другим религиям, мы можем получить совершенно другую историю! И самим израильтянам будет лучше. Разве не связан антисемитизм с этим стремлением к эксепциональности? Будут просто хальк среди других хальков, то есть народ как народ. И только.

– Но почему именно в этой точке вы вдруг вмешались? Почему не раньше, не в юности Давида? Не во время завоевания Ханаана? Тогда бы уж точно могли сыграть на поражение...

– Понимаешь, нам не хотелось допускать уничтожения израильтян как народа. Это было бы очень антисемитски, согласись. К тому же отменить завоевание Ханаана было невозможно без грубого вмешательства в ход истории, а это тоже, ой-бой, незтично. Да и юный Давид не сдался бы без боя. Но теперь, когда Израиль – успешное государство, нет никаких сомнений в его перспективах. И поправку в линии мы вносим совсем небольшую, крайне малозатратную. И очень полезную для дальнейшего развития общества.

– Так вы что... – до меня начало что-то доходить, – вы хотите, что ли, уровнять язычество с единобожием? Чтобы не было никакой разницы?

– Не так примитивно, Бэн. Разница, безусловно, есть, и она очень важна. Но мы хотим, чтобы все конфессии, и в том числе язычники, могли бы спокойно практиковать. Чтобы не было войн на почве религии.

– Я видел, – мрачно ответил я, – дела одной такой конфессии. Как там, в Финикии, приносили в жертву детей. Даже не по особому какому-то поводу, а так, просто по расписанию. Очень даже спокойно. Им надо продолжать свою практику?

– Жакшы, никто не отрицает, что в мире еще очень много предрассудков. Мы, безусловно, постараемся их нейтрализовать. Но, с другой стороны, сторонники единобожия также были крайне нетерпимы. Например, проявляли гомофобию, причем в крайних формах. Вплоть до побоев камнями!

Я замолчал. Нет, не то, чтобы довод про гомофобию меня сразил. Но как-то выглядело всё это глупо и наивно донельзя: вот сейчас явемся к древним, объясним им, как себя вести полагается по нашим нынешним меркам и всех их перевоспитаем... а если не захотят?

– Мы тут нашли записки, – помолчав, добавил я, – тоже двое из нашего времени попали, только стартовали они лет на сорок-пятьдесят раньше нас. Прямо в город Угарит угодили, вполне на тот момент толерантный. Американец один, он там кока-колой торговал и на финансовом рынке спекулировал, всё хотел капитализм построить. И француженка-революционерка еще была, она им всё про Маркса и Че Гевару рассказывала, социально-сексуальную революцию продвигала. Ну и в результате рухнул Угарит, не выдержал эксперимента... Оно вам надо?

Мой собеседник натурально расхохотался:

– Дуруст! Окей! То есть, зашибись! Ну какой же это эксперимент? Это акцидентное попадалово. Да, у нас есть кое-какая информация об этом кейс-мейсе. Что-то такое было. Но город Угарит был раздираем внутренними тенциями, к тому же как раз в ту эпоху проходила инвазия так называемых народов моря. Душманы они самые реальные, вот кто эти народы моря. Угарит бы все равно не выстоял. Ну, а эти двое... может быть, немного ускорили процесс. Но ты же понимаешь, дустум, что мы действуем совсем не такими топорными методами! Мы не собираемся никому ничего навязывать. Мы просто подталкиваем развитие в нужном... в наиболее прогрессивном направлении.

– И для этого ты здесь?

– И для этого я здесь, – кивнул он, – и нам пора идти на торжество.

– Подожди... – что-то все же не давало мне покоя, – а Соломон? Ты говорил, что его как-то отвлекли? Чем же можно отвлечь наследника от престола? Да еще мудрейшего из всех наследников, если верить Библии?

– Ну, это было совсем просто, – усмехнулся он, – в Библии отмечена не только мудрость Соломона, но и другие фишки. Ему сообщили, что во дворце появилась красивая девушка из дальних краев, которая, кажется, очень скучает одна. А вот уточнять про наличие у нее бой-френда не стали, информация должна поступать точными дозами. Так до царства ли ему теперь?

И только тут я понял, какой же я идиот! Бросил там Юльку, практически одну... уже и мне стало не до судеб царства! А если все уже у них там состоялось, и самая моя лучшая на свете Юлька навеки определена в гарем царевича, в обмен на уплывшее из рук царство? Помнится, тот же Адония просил себе одну девушку в качестве утешительного приза, когда царство отобрали. За то, кажется, его и казнили: а вот не зарься на чужой гарем! А Юлька, Юлька-то сгодится не только на утешение! Она... ну, в общем, если бы предложили мне ее или царствовать, я бы все-таки выбрал ее.

И вот теперь – потерять ее навсегда из-за всего этого? Ахиэзер, «брат-помощник», что ты наделал... или это я сам натворил? Или просто обстоятельства так сложились? Или... Неважно! Мне надо было срочно бежать в Иерусалим и пытаться хоть что-то исправить. Но легко сказать – бежать! А кто меня отпустит? Для сторонников Адонии это могло означать только одно: я лазутчик, который спешит в лагерь Соломона. Так что для начала мне пришлось явиться к месту жертвоприношения, разыскать там Йоава и поприветствовать его, покрутиться на глазах у как можно большего числа местной военщины... Иерусалим был совсем рядом, и направление я знал, да вот только дойти до города я не мог.

И утреннее хрустальное настроение, оно сразу растаяло, растворилось в этом притворстве и суете, да и погода испортилась – набежали снеговые тучи, оседлали вершины окрестных гор, скрыли дорогу к Иерусалиму. И как не бывало этого утра, когда всё казалось – да и было! – таким легким, простым и прекрасным.

Ах, как долго приносили они жертвы в сравнении с субботним днем! Или мне только так казалось? А потом еще было пиршество, и надо было сидеть на своем месте, и пить за нового царя снова и снова... да много чего еще было на том празднике, только мне не в радость. Ускользнуть удалось, когда народ уже изрядно перепился и продрог и стал распознаться по шатрам да окрестным домикам – погреться.

Небо перед самым закатом очистилось, закатные лучи окрасили наверху городских стен Иерусалима, и всё на мгновение показалось совсем не таким уж плохим и страшным. Вот сейчас найду свою Юльку, обниму ее, извинюсь – да, конечно, неудачно всё так получилось, бросил я ее, по сути, но я же не знал, не мог предугадать, и вообще...

Во дворец я вошел уже в темноте, к большому неудовольствию стражи, запершей ворота. Замешкался, дурак, у самых городских стен – думал, хоть цветочек ей какой-нибудь найти... Да какой же цветочек в ноябре? Меч мне, как и положено, пришлось оставить страже у входа (только личная охрана, да еще Йоав мог разгуливать по дворцу с оружием), и я рванул через ступеньку в нашу комнату. Юльки на месте не было, постель была убрана еще утром. Та-ак...

Дворец затих, народ отходил ко сну, бегать по комнатам и искать свою возлюбленную было не просто глупо – невозможно. А главное, я прекрасно догадывался, в чьей она сейчас комнате и на чьем она ложе. Но в эту комнату меня не пустят, да и не знал я, где она, а если найду и постучусь – утром буду уже без головы, да и только.

Оставалась одна надежда – внутренний сад. Именно туда выходили окошки царских покоев, и окошки женской половины. Мало что разглядишь снаружи сквозь эти бойницы, но вдруг хоть какой-нибудь признак, свет масляной лампы или голос... да мало ли что! Зимняя ночь была мне тут помощницей: никто не станет шататься по саду, и меня никто не заметит. Закутавшись на всякий случай поплотнее, с головой, в плащ из черной козьей шерсти, я шагнул за порог.

Сад в сумерках был негостеприимен и дик. Это днем он был меньше наших садовых шести соток, а сейчас... сейчас он был диким лесом, в котором я должен был найти свою принцессу или пропасть навеки. Я уже настроился, что придется провести тут долгие часы, может быть, даже всю ночь – а то вдруг она утром пройдет обратно через сад? Или даже ночью вернется в нашу комнату, пока никто не видит. Надо выбрать только удобную точку для наблюдения, и желательно под каким-нибудь навесом, чтобы и незаметно, и сухо на случай дождя. И такой навес действительно обнаружился в укромном месте, неприметном, и в то же время с достаточно хорошим обзором, чтобы...

Голоса! А точнее – голос. И никого не надо было искать, ждать, высматривать. Она – там. Я уже не прикидывал, отрубят мне голову сразу или нет, я вообще ни о чем не думал... тело, оно вот помнило с армейских времен, как двигаться потише, как высмотреть, кто в укрытии, как изготавиться к броску, как прикрыть собой заложницу. Или наложницу? То есть Юльку. Мою Юльку.

Только ей, кажется, ничего не грозило, не от кого было ее прикрывать. А меня – так и вовсе некому. И я шагнул вперед...

55.

В пастушьем шалаше и впрямь оказалось сухо и достаточно тепло. В нем еще держался еле уловимый запах летних трав, напоминавший о солнце и тепле, на которые так щедра была здешняя земля, и о будущей весне, когда холмы и даже пустыни покроются цветами. Говорят, это очень красиво... Молодой человек скинул с плеч просторный шерстяной плащ (я мимоходом отметила про себя, какой тонкой оказалась его выделка, каким нарядным был узор), расстелил его и притянул меня за руку так, что мы тесно прижались друг ко другу, а сверху нас окутал свободный конец плаща. Ну толь в толь как в детстве, когда мы с Наташкой играли «в домик» и прятались под бабушкиным столом, покрытым бахромчатой шерстяной салфеткой.

– Ну, расскажи же мне о своих странствиях, Йульяту, – попросил мой собеседник, но в тоне его слышалась властная настойчивость, словно не просьба это была а приказ.

– Слушаю, господин, и повинуюсь, – попробовала я изобразить из себя послушную восточную рабыню, но молодой человек поморщился, словно услышал фальшивую ноту, и решительно замотал головой.

– Не называй меня господином, слышишь?

– Но... но как же мне тогда звать тебя? – я действительно растерялась. Мой энергичный собеседник мой так и не соизволил представиться.

– Называй меня Шломо, – тут же сообщил он и, видя мою нерешительность, добавил:

– Я так хочу. Я настаиваю.

– Ну хорошо, хорошо, – согласилась я, прикидывая про себя, кем мог оказаться этот напористый молодой человек, и совершенно неожиданно для себя самой брякнула:

– А ты-то сам кто... Шломо? Ты из охраны царя? Или из его ближайших слуг, раз так спокойно ходишь здесь, в царском саду?

В ответ на мой вопрос молодой человек самым простонародным образом хлопнул себя ладонями по коленям и раскатился таким звонким неудержимым смехом, что я против воли присоединилась к нему. С трудом отдышавшись и утирая ладонью заслезившиеся глаза, молодой человек в упор уставился на меня.

– Так ты не узнала меня, Йульяту? Ты не знаешь, кто такой Шломо, сын Давида?

Что?! Вот этот смешливый пацан, этот веселый и любопытный, как щенок спаниеля, длинноногий мальчишка, это царь Соломон?! То есть, еще не совсем царь. Или даже совсем не царь. Но это – он?! Тот, который тридцать столетий тому назад (или вперед?) приходил в лихорадочных снах к московской девчонке, начитавшейся Куприна? Но тот же был совсем взрослым, мудрым, опытным, а этот... Неужели нас занесло в те времена, когда никакого Соломона еще толком нет, а есть всего лишь личинка, из которой со временем вылупится настоящий царь?!

Все это казалось настолько фантастическим, что я невольно протянула руку, чтобы удостовериться, что я разговариваю с живым человеком из плоти и крови, а

не с очередной своей сложновыведенной галлюцинацией. Мои пальцы наткнулись на его горячую сухую ладонь, дрогнули и... и так в ней и остались.

– Ты что, Йульяту, что с тобой? – невольно встревожился Шломо, но я поспешила его успокоить:

– Ничего, это я так, от неожиданности... Прости меня, цар...евич.

Хорошо, что мне хватило соображалки в последнюю минуту все-таки назвать Шломо его собственным титулом, а не отцовскими. Как ни крути, Давид-то еще жив, а кто знает, как эти восточные мужчины реагируют на бестактность, пусть и случайную?

– Да я не сержусь, Йульяту, что ты, – вновь улыбнулся Шломо. Ах, какая у него была улыбка, разом нежная и лукавая, и в глазах плясали веселые золотые искры... Я ощущала, как стремительно теряю последнее чувство реальности, как меня словно затягивает в мягкую и нежную воронку, и слов человеческих не хватит, чтобы описать этот ласковый и властный смерч, увлекший меня.

Не помню толком, что я ему тогда говорила. Мы начали с путешествия, со всех тех страшных и трагических событий, свидетелями которых мы стали. Шломо оказался великолепным слушателем. Он так сопереживал, так эмоционально реагировал на все, что слышал – одно удовольствие было рассказывать ему все больше, больше и больше. И, естественно, как я ни старалась играть роль местной уроженки, все-таки прокололась. Он всё расспрашивал, а я всё выдавала подробности, и в конце концов упомянула найденные нами записи Жюли и Бена.

– погоди, а как же вы смогли расшифровать письма чужестранцев? – переспросил Шломо, удивленно хмурия лоб.

– Элементарно, Венька же знает английский, а я французский, – в запале брякнула я и прикусила язык, но было поздно.

– Что это значит «англист» и «франкит»? – вновь спросил Шломо, пристально вглядываясь мне в глаза. От его требовательного взгляда мне стало не по себе, я попыталась отвести взгляд в сторону, но крепкая мужская рука мягко и настойчиво взяла меня за подбородок и развернула так, что не спрячешь глаз.

– Так что это означает, «англист» и «франкит»? – с напором спросил царевич, и под его требовательным взором я против воли «отверзла уста» и постаралась объяснить и про британцев, и про галлов, и про их языки... А дальше пришлось объяснять про бумагу, карандаши, шариковые ручки. Воображаю, что он там понял из всего, что я наплела, пытаюсь описать вещи, которые тут появятся через фигову тучу столетий. Бедный Шломо, не хотела бы я быть на его месте....

Однако, похоже, я зря так огорчалась за излишне любознательного принца, главное из моей бестолковой речи он все-таки понял.

– Стало быть, ты, Йульяту, и твой брат... Ведь он брат тебе?

Я заколебалась, но врать под таким пристальным требовательным взглядом было невозможно, и я, судорожно сглотнув, едва слышным шепотом призналась «Нет...».

– Как нет? – чуточку растерялся принц, недоверчиво глядя на меня. – А кто же он тогда такой?

– Муж... – все так же шепотом первый раз произнесла я то слово, которое до сих пор не осмеливалась назвать даже мысленно.

– Но зачем же ты... – поспешно отдергивая руку, с замешательством спросил Шломо, – Ты хотела ему изменить? Со мной?

– Нет, что ты, – чуть не закричала я, боясь, что сейчас он на меня обидится, уйдет, и я снова останусь совсем одна в этой чернущей холодной ночи. – Просто мне очень одиноко и тоскливо здесь, в чужой стране, и Венька на своих учениях постоянно пропадает. Мне просто хотелось немного поговорить. А с тобой тепло очень... Не сердись на меня.

– Допустим, – раздумчиво произнес Шломо, чуть-чуть отодвигаясь от меня и как-то словно подбираясь наподобие кота, когда тот сворачивается в клубок. – У вас – чужестранцев, похоже, свои обычаи. Но что скажет твой господин, если застанет тебя здесь, с чужим мужчиной?

– Не застанет, – беспечно отмахнулась я, – Он опять ушел с вашими солдатами надолго, так что мы с тобой можем спокойно поговорить. А потом я вернусь к себе, и никто не узнает о нашей встрече, если ты, конечно, не проговоришься.

– Мне с ним говорить незачем, – решительно подтвердил Шломо. – Так, стало быть, вы пришли к нам из других времен? Я верно понял тебя, Йульяту?

– Ве... – начала я и неожиданно для самой себя закончила – ...нька!

И действительно, из ночного мрака внезапно соткался тот, кого я меньше всего на свете ожидала встретить этой ночью в шалаше, и без лишних слов с кулаками кинулся на Шломо.

– Прекрати, Венька!

Но меня уже никто не слушал.

Все вообще случилось как-то очень быстро: венькин рык, бросок, полет... И я было хотела заорать во всю мочь – но вовремя зажала себе рот ладонью, в прямом смысле слова. В этом мире, я уже давно поняла, чем меньше народу слышит, что у тебя проблемы, тем меньше этих самых проблем.

Только пронеслось в голове: вот укокошит этот охламон будущего великого царя – а как же потом нам быть? И как – всемирной истории?

– Не на...

А кому я это говорила, было и не понять. Венька лежал на земле, а царевич склонился над ним, и в руке у него поблескивало что-то нехорошее, у самого венькиного горла.

– Говори, кто тебя подослал!

– Не надо, прошу, – я говорила спокойно и почти ласково. В этом мире, и я это тоже уже поняла, только так можно что-то втолковать мужчинам, которые собрались тыкать друг в друга железом, – это мой муж. Он ревнует.

– Кто это с тобой? – прохрипел Венька, очень удивленный, что это он, спецназовец и герой всех будущих войн, оказался поверженным, а не его противник.

– Не со мной, а сам по себе, – ответила я, – это царевич Соломон.

– Зачем это? – таким же хриплым шепотом продолжил он.

– Беседовали...

Царевич был ошарашен не меньше Веньки, похоже, но все же решил взять ситуацию под контроль, как и полагалось августейшему отпрыску, или как это у них называется:

– Почему ты напал на меня, чужеземец?
 – А нечего чужих жен уводить!
 – Никто не сказал мне, что она твоя жена...
 Венька молчал и глядел на меня.
 – Ну, я сказала... но не сразу... только что... – залепетала я. Вот как у них легко так получается, что сразу ты же и выходишь виноватой?
 – И я собрался отослать ее к тебе, – продолжил Соломон, – ибо негоже чужой жене говорить с незнакомым мужчиной. Но тебя не было, чужеземец. Ты оставил ее. Кто же в этом виноват?
 – Никто! – зарычал Венька, и добавил уже матом, по-русски. Царевич не понял.
 – Дело ли тебе до чужих жен? – перевел он на древнюю мову, – Следил бы ты лучше за престолом своего отца!
 – Твое какое дело? – голос Соломона тоже наливался гневом, и я начинала опасаться крови всерьез...
 – Мальчики...
 – Мальчик – это вот этот вот царевич, – злобно бросил Венька, – его брат сегодня стал царем, при живом отце, а он с девочкой за ручки держится. А девочка так орет ни с того ни с сего, что я даже подножки не заметил! Вот он меня и повалил... дурак!
 – Как ты смеешь! – лезвие кинжала уже царапало Венькину шею, а я прикидывала, что можно тут сделать... ничего, кажется, только говорить – а что говорить, я и не знала.
 – Шломо... пожалуйста, не надо... это я виновата, я, а не он... Не трогай Веньку...
 Это мне показалось, или рука царевича слегка дрогнула, отведя смертоносную сталь на вершок в сторону от Венькиного горла? В любом случае, даже самая крошечная пауза была нам на руку, и Венька не замедлил ей воспользоваться.
 – Так вот, царский сын, – холодно продолжил Венька, – твой брат Адония сегодня принес жертвы у источника Эйн-Рогель. С ним были царевичи и вожди войска, и все они кричали: «Воцарился Адония!» Я был там, но не кричал. Я думал, ты станешь царем после отца своего Давида. А ты вон оно что...
 – Что, правда? – опешил Соломон, и в самом деле как-то совсем по-детски.
 – А то! – задиристо ответил Венька. Ну точно, мальчишки они и есть мальчишки...
 – Нож убери, пожалуйста – очень вежливо попросила я.
 Нож был убран. Соломон отпустил Веньку и грустно присел рядом со мной.
 – И что теперь? – спросил он.
 – А вот не знаю! – всё еще петушился Венька, поднимаясь с земли, – и вообще, с ножом нечестно! И орать, когда подножка!
 – Кинжал для защиты, – грустно ответил Соломон, – я знаю, что есть во дворце люди, которые хотели бы моей смерти. И отец нынче болен...
 – Ну так пойдй к нему! – не выдержала я, – поговори с отцом!

– Как я могу! – ужаснулся тот, – Отец мой не волен ли оставить свой престол, кому пожелает? Если он решил дать его сыну своему Адонии – кто я такой, чтобы спорить с ним, да продлит Господь его дни!

– Да знает ли он? – настаивала я.

– Если даже не знает, – покачал головой тот, – не мне говорить ему об этом. Не мне ждать, когда отойдет он к праотцам. Как огорчу я его непослушанием в дни горестной болезни? Адония так Адония.

– Да нет же! – всё не мог успокоиться Венька, – ты что, Библию не читал... ах, да. Не читал.

– Чего не читал? – не понял тот.

– Ну, неважно. В общем, именно тебе быть царем, и точка. Я знаю. Так пророки прорекли.

– Да, мне тоже так говорили, – согласился он, – и Натан, и... и мама...

Ну вот, маму вспомнил! Тоже мне младенец... а что значат мамы в этом мире, если ничего не значат жены?

– А кто твоя мама? – спросила я.

– Царица Бат-Шева.

– Ну, – фыркнула я, – если царский сын тут боится царю слово сказать, то царицу, наверное, и на порог к нему не пускают.

– А вот тут ты не права, – отозвался он, – мама бы могла...

– Как? Ты не можешь, а она...

– Она может. Ты мало знаешь наши обычаи, Йульяту. Ты думаешь, если женщина сидит дома и не выходит воевать, то она не правит в этом доме? Глава не покоится ли на шее? Ты думаешь, что господин мой царь забыл любовь юности своей? Забыл обещания, которые давал матери? Матери, а не мне.

– Так значит... – Веньку осенила новая идея, – ступай к матери!

– Бат-Шева, это же Вирсавия по-нашему, любимая жена Давида!» – это он пояснил уже мне.

– Что ты, – покачала головой Соломон, – она тоже теперь больна и не выходит с женской половины, а мне туда хода нет. А когда она исцелится, царство Адонии упрочится, и не о чем будет просить царя. Да и не станет она говорить одна, если никто из мужей не поддержит ее.

– Я поддержу! – тут же воскликнул Венька, всё тем же сдавленным шепотом.

– Из наших мужей, – ответил Соломон, – которые при дворе царя. Что у Бат-Шевы общего с тобой?

– Тогда пророк Натан! Пошли за ним не медля.

– Завтра он придет и сам, – ответил Соломон, – но послезавтра уже может быть поздно. Кто бы теперь же сообщил моей матери?

– Как это кто? – изумленно спросила я, – Вы что, меня вообще за человека не считаете?

– А ты разве знаешь мою мать? Ты вхожа на женскую половину? – в свою очередь удивился Соломон.

– Если это она заправляет всем вашим курятником, то знаю, – энергично подтвердила я, – и даже научила их всех кое-каким нашим художествам.

– Кто вы такие, чужестранцы, что вам открыты судьбы нашего мира, и вы нас даже учите и помогаете нам? – довольно патетически спросил Соломон, но тут же сбился на нормальную человеческую речь. – Впрочем, кем бы ты ни была, Йульяту, поспеши к к моей матери и все Расскажи ей.

– Хорошо, что я не заколол тебя, – усмехнулся он, протягивая Веньке руку, – Так часто бывает, что друг нам в первое мгновение является в облики врага, не мудрено, что я не сразу распознал тебя.

– Пореже бы так, – хмыкнул Венька, стирая капельку крови на шее, куда совсем недавно упиралось острие кинжала, – а то порезы потом лечить.

– Ладно, Юлька. Беги, время дорого.

И я побежала. На бегу я мысленно пообещала этому спецназовцу при случае сказать все, что я по его адресу думаю, чтобы навсегда понял. Но главное, все были живы и убивать друг друга уже расхотели!

По позднему времени во дворце царила кромешная темнота. Рано они тут спать ложатся, надо сказать. Хорошо, что дорога на женскую половину мне была хорошо знакома, не то плутала бы я в этих закоулках и переходах до самого утра. В прихожей перед помещением царицы, или как тут эта комнатка называется, поперек двери прямо на полу спала любимая служанка главстарухи Тавита. Впрочем, хватит мне даже мысленно называть царицу старухой. Раз уж я знаю теперь ее имя, ни к чему эти прозвища...

Как ни пыталась я аккуратно перешагнуть через служанку, Тавита тревожно вскинулась, ухватив меня за руку, и быстрым шепотом заверещала:

– Кто ты и зачем идешь к царице в столь поздний час? Остановись, не то я позову стражу! Царица больна, и к ней не велено пускать никого, кроме лекарей.

– Дапусти ты меня! – возмутилась я. – Не видишь что ли, это я, Йульяту!

Видеть что-либо при призрачном свете слабенькой масляной лампы было весьма затруднительно, но мой акцент и бесконечные лингвистические ошибки служили мне наилучшей визитной карточкой. Тавита убедилась, что я это действительно я, но пускать в царицыны покои, там не менее, категорически не пожелала.

– До утра жди, утром если царица пожелает, то поговорит с тобой, а ночью не смей ее будить, лекаря запретили.

– Не могу я до утра ждать, мне срочно надо, – настаивала я, выдираясь из цепких тавифиных рук, – И сказать тебе не могу, в чем дело. Это секрет, я его только царице могу рассказать.

– У царицы нет от меня секретов, – настаивала служанка, крепче смыкая свои пальцы на моих запястьях, – И никакая тайна не заслуживает того, чтобы ради нее будить среди ночи больного человека.

– Нет заслуживает, заслуживает! – невольно повысила голос я, и в эту минуту дверь комнаты Вирсавии распахнулась, и на пороге возникла сама царица, кутающаяся в теплое покрывало.

– Что здесь случилось? – властно поинтересовалась она, переводя взгляд с меня на Тавиту. – Йульяту, зачем тебе понадобилось рваться ко мне среди ночи, когда я не велела никого к себе пускать?

– Царица... ваше величество... государыня... – от волнения у меня в голове уже была сплошная каша, и я напрочь забыла, как правильно полагается обращаться к ней.

– Короче, тут дело такое, Адония себя царем провозгласил, – обалдев от попыток сложить политесную фразу, прямо в лоб бухнула я и для пущей убедительности добавила:

– Он и жертвы уже принес, и его войска на царство кричали. Мой... муж сам все это видел и слышал.

– Как Адония? – переспросила царица, – Ты ничего не путаешь, девочка?

– Ничего, ваше величество, – замотала головой я, – Венька только что примчался из этого вашего Рогель... Зохель... как его? Говорит, вот только что Адония жертвы приносил, и войска ему кричали, чтобы быть Адонии царем.

– А сам Венька не кричал, – поспешила я упрочить репутацию того, кого уже дважды за один вечер назвала мужем, – Он видел это все и примчался предупредить Соломона и тебя.

– Добрый слуга и верный, – одобрительно кивнула головой царица. Потом ее глаза сузились, губы сжались в тонкую ниточку, и она властно кивнула испуганно тарашившей глаза обалдевшей Тавите:

– Натана ко мне позови. Немедленно. Такое дело не может до утра ждать. Только иди тайно и не говори ни с кем, поняла?

– Поняла, – кивнула Тавита и, накинув на голову покрывало, растворилась в темноте дворца, а царица принялась во всех подробностях выпрашивать у меня, что рассказал Венька, и как мы догадались, что нужно предупреждать ее, и слово за слово выведала все подробности недавней сцены. Я так и не поняла, что подумала она о нашем легкомысленном randevu в час ночной – не до того было.

Увлечшись разговором, я не заметила, как рядом с нами из ночного мрака соткалась порядком запыхавшаяся и встревоженная Тавита.

– Натана нет дома. Говорят, отправился в свое родное селение, ибо только услышал, что муж из рода его отца приложился к предкам своим, – отрывисто ответила она на немой вопрос царицы. Та горестно вздохнула, нервно сжимая пальцы :

– Как некстати все сошлось, – грустно сказала она, – одной мне трудно справиться.

– Соломон всё знает, он такой умный! А Венька мой храбрый. Они обязательно что-нибудь придумают. А если Натан все-таки не придет, попробуем без него? – робко предложила я.

– Утро покажет, девочка, – она погладила меня по голове, и я неожиданно растаяла от этой ласки, – а теперь ступай к себе... или хочешь остаться с моими служанками?

– Я, пожалуй, пойду, – неуверенно проговорила я, – или нет, лучше останусь. Или пойду...

– Оставайся уж, – усмехнулась царица, – мужчинам есть, о чем позаботиться без нас.

Засветившая новую лампу Тавита поманила меня за собой, и остаток ночи мы провели в соседней комнате, пряча за разговорами тревогу. А едва рассвело, в

царицину дверь постучали. На пороге стоял запыхавшийся, но весьма благообразный старик. Неужели это был тот самый знаменитый пророк Натан, который предсказал Соломону царство?

– Ведите меня к царице, – властно сказал он.

– А я думала, – растерянно проговорила я, – что вы... что господин мой пророк ушел куда-то далеко на похороны и вернется гораздо позже.

– Я вернулся с полдороги, – ответил он, – тревожилось сердце мое. С чего это отослали меня прочь от господина моего царя, когда настали для него дни немощи, и только и ждут все, кому быть царем?

– Тебе было слово Господне? – уточнила Тавита.

– Можно сказать и так, – кивнул пророк, – а если попросту, засомневался я сильно. Да и не слышно было ни про какую печаль в родном моем селении, я спрашивал встречаемых путников... В общем, вчера вечером вернулся я в царский град. А утром, едва вышел из дверей – натолкнулся на безумного чужеземца, который куда-то хотел бежать, искать меня.

– Это Венька! – выдохнула я, – он не безумный, он за Соломона! Это он нас предупредил!

– Веди меня к царице, – потребовал пророк.

Царица со стариком ненадолго уединились, и не успела я подумать, что для больших пророков, наверное, бывают исключения в дворцовом этикете, как они оба вышли из комнаты и куда-то решительно направились. Первой вернулась царица. Роскошным жестом она сняла с руки богатый золотой перстень и протянула его мне:

– Мой дар тебе, Йульяту. Ты хорошо послужила моему сыну.

– Большое спасибо, – смутилась я, – только...

– У тебя есть другая просьба?

– Да, – ответила я, – я хотела бы, если, конечно, это возможно... если вас не затруднит... хотела бы увидеть царя Давида.

– Трудного ты просишь, – ответила она, – но я постараюсь. А ты... знаешь, если спросишь тебя, от кого узнала царица Вирсавия об Адонии – ты не говори ничего. Скажут, пришел пророк Натан, он говорил с царицей. Так будет правильней. Мужчины любят быть первыми, не так ли?

Я понимающе кивнула... а царица вдруг ласково так прижала меня к груди.

– Девочка моя... будет у тебя просьба, или будут обижать тебя – приходи ко мне. Сердце мое раскрыто для тех, кто верно служит сыну моему. А уж он не откажет мне.

Как было неожиданно радостно это слышать, и ощущать ее тепло – словно мама обняла... Здесь, за три тысячи лет до – как это было мне нужно! Но не успели мы закончить разговор, как на пороге женской половины появился Соломон в сопровождении нескольких человек, причем, как я успела заметить, ближе всего к царевичу стоял именно Венька. Соломон обменялся с матерью молчаливыми взглядами, и я могла бы на чем угодно поклясться, что царица его в этот момент благословляла и призывала на его голову всяческую помощь. Дав мужчинам знак задержаться, Вирсавия удалилась к себе и через минуту вернулась, протягивая Соломону тот самый пояс с голубыми ниточками по углам, который мы с барышнями так старательно ткали и расшивали все последнее время.

– Юлька, спасибо! Жди нас, мы скоро, – на ходу успел шепнуть Венька, и они куда-то унеслись под радостные крики всех, кого ни попадя.

Ну вот, как всегда все самое интересное произойдет без меня... Но, кажется, на этот раз и я тут оказалась очень даже причём!

56.

Да, примерно так оно всё и было. Ну, или почти так, особенно насчет кинжала у моего горла... Юлька так это запомнила. А я и в самом деле не могу похвастать, что в том поединке победил – сказались усталость, нервное напряжение, наконец, у противника неожиданно оказалось холодное оружие. В общем, ладно: хорошо то, что хорошо кончается.

А эта история закончилась и вправду неожиданно хорошо. Откуда ни возьмись, явился пророк (видно, он не только должность такую занимал, но и в самом деле что-то такое мог сообразить, чего другие не ведали), и царица попала на прием к царю, а царь принял меры... В общем, уже в этот полдень весь Иерусалим был свидетелем торжественной процессии: молодого царя в соответствующих облачениях везли по столице на соответствующем транспортном средстве – любимом царском муле. Хорошо принести вовремя жертвы, хорошо представиться войску и правящим элитам, но все-таки правильный пиар – он и за три тысячи лет до правильного пиара существовал. Когда Соломона принародно провозгласили царем в столице, можно было не сомневаться, что он им действительно стал.

Впрочем, это, может быть, только для нас главное – пиар? Соломона ведь перед торжественной процессией еще и помазали на царство. А может быть, и Адонию за день до того тоже помазали? Я как-то не обратил внимания. Может быть, помазанников сначала было вообще намного больше, чем осталось в истории? Наверное ведь каждый новый претендент что-то такое для себя организовывал... Но одно дело обряд, а другое – что выйдет на деле. Не всегда оно совпадает.

Только это всё уже без нас происходило. Я, признаться, здорово устал за эту почти совсем бессонную ночь... да и с Юлькой нам было, о чем поговорить. Так что как только царевича увели на очередные мероприятия, я крепко взял свою непутевую красавицу за руку:

- Юль... как оно вообще?
- Чего как? Нормально. Ну, в смысле, классно все с Соломоном получилось, правда?
- Да сама ты как? Ты... не обиделась?
- Вень... Ну что за разговор – обиделась, не обиделась? Можно подумать, что это что-то меняет.
- Меняет, конечно. Я не хочу, чтобы ты обижалась.
- А от твоих хотелок разве что-то зависит? Сказали – и побежал куда велено. А что там со мной происходит – какая разница?
- Юль... ну я был неправ. Прости. Но мне тут правда было трудно... сориентироваться.
- А мне легко, да? Да еще почти не зная языка. Ни спросить некого, ни уточнить, когда что-то неясно. Думаешь, я тут все понимаю, кто кому Вася и как себя вести надо? До меня вон только вчера дошло, что эта старуха, у которой мне все время торчать приходилось, на самом деле Вирсавия. Приятно, думаешь, постоянно ощущать себя круглой душой?

Многое можно было бы сказать в свое оправдание, но я понял, что сейчас всё это говорить – бесполезно.

– Юль... я тебе вчера хотел цветок какой-нибудь принести. Только не было цветов, сезон не тот. Не нашел под стенами ничего, кроме колючек каких-то. Ты не сердись, пожалуйста, а? Я выводы сделал. Учел. Исправлюсь.

– Балда ты, Венька... Ох, ну какой же ты балда... Я ж все понимаю, что у мальчишек свои игрушки, которые им всегда будут важнее всего на свете. Просто... просто когда ты возвращаешься, ты хоть чуточку вспоминай про меня, а? Ну просто чтобы я знала, что я тебе тоже нужна, а не только твои стрелялки и пугалки. – Кажется, кого-то в Финикии эти пугалки спасли от роли жертвенного барашка... – не удержался я от обиженного комментария, – но обещаю вспоминать! Всегда-всегда!

И после этих слов я показал, как именно буду вспоминать... Обхватить крепко-крепко, поцеловать в лоб, в нос, в глаза, и всюду-всюду, а потом поднять на руки, и...

В общем, из комнаты мы вышли уже к вечеру – как раз готовился праздничный пир. И уже в дверях Юлька заметила:

– А все-таки ты балда, Венечка, вот кто тебе мешал так... ну хотя бы разочек за все это время, а? Хотя... хотя тогда, наверное, ничего бы с Соломоном не получилось, да?

Но обсуждать это было некогда – да и что там было обсуждать! Кругом она была права. Но когда женщина счастлива, это уже не так важно, насколько она права. И только я хотел ей об этом сказать, как на нас налетела какая-то служанка, видно, Юлькина знакомая:

– Идем скорее! Тебя ждет сам царь!

– А меня? – недоуменно переспросил я.

– Про тебя, господин, не сказали.

Ого, подумал я, какие тут дела без меня завертелись... Юлька высочайшей аудиенции удостоилась. За какие заслуги или по какому поводу? Это мне было неведомо. Но в целом, пожалуй, все складывалось удачно.

Так я думал целых три минуты, потому что следующим, кого я встретил в покоях дворца, оказался Ахиэзер. Он приветствовал меня не слишком-то тепло, но и не изрыгал громы и молнии, как можно было ожидать. Всё-таки я ему сорвал эксперимент, пусть и не один... но явно я сыграл не на его стороне.

– Хай! – поздоровался он, – советую срочную эвакуацию.

– Отчего так? – удивился я, – Вроде, всё складывается удачно!

– Смотря для кого, – ответил он, – для Соломона всё якшы.

– Так и я с ним подружился.

– Так и он еще не вполне царь. А Йоав вполне генерал. Думаешь, ему понравится? Его голова полетит первой, когда Соломон станет царем. А чья голова может полететь, пока не стал?

– Об этом я как-то не подумал, – признался я, – но ведь он...

– Не заметил, как ты исчез из лагеря Адонии накануне новой инаугурации? Он был проинформирован. Сейчас он слишком напуган, как и все они... Но пройдет время. Ты ведь служишь ему? Но эта услуга вышла совсем яман, никаких бонусов за нее не жди.

– Дааа... – протянул я, – и кстати, Ахиэзер, спасибо, что предупредил. Ты ведь тоже на меня, наверное, сердит? Я, собственно, не собирался срывать тебе эксперимент. Я по своим делам отлучился. Юлька тут была, и вообще... Как-то оно само.

В этот момент я практически верил сам в то, что говорил. Я ничего такого не задумывал... и не хотел огорчать Ахиэзера, который меня когда-то спас. Но что же делать, если теперь мы выходим по разные стороны!

– Проблем йок, – ответил тот таким же ровным, бесцветным голосом, – эксперимент завершен. Результат получен. Негативный результат тоже интересен. Матрица обладает резистентностью, инерционностью. Подключаются дополнительные механизмы, противодействующие флуктуациям. Вполне возможно, если бы не ты, Адония через полгода заболел бы флю и умер, а царство бы наследовал Соломон. Это новый фактор, он нами прежде не учтен.

– А может, Божья воля такова? – предположил я, – ну, как в Библии написано?

– Наука не оперирует такими категориями, – ответил он, – но если ты назовешь так резистентность матрицы, я не возражаю. Мы многого пока не знаем.

– И что ты теперь?

– Теперь дайв-ап. Всплытие. Извини, но вас я взять не могу – энергии не хватит.

– Да я, собственно, и не претендую, – ответил я, – ты же выбросишь нас в своем собственном времени, а не в нашем?

– Если со мной, то да. А для вашего хронопласта надо проводить заново калибровку, это еще больше энергии. Но ее не хватит вам даже на простой дайв-ап.

– А в ваш мир мне не хочется, извини. Вон, вы с русским языком что сделали, об остальном уж и не спрашиваю... неужели это и есть наше будущее?

– Откуда мне знать? – так же бесцветно отозвался он.

– погоди... мы же из одного мира, так? Мы ведь сверяли нашу общую историю?

– Сверяли, и что? До начала двадцать первого века она совпадает полностью, что дальше – неизвестно. Помнишь, что я говорил о ветвящихся линиях? Мы спустились к одной развилке, но совсем не факт, что по одной ветке.

– То есть как?

– Ты же помнишь, всякое событие – это пучок возможностей. Я могу сейчас пойти направо или налево. Ты можешь явиться к Йоаву с повинной или убежать в горы – и никто пока не знает, что для тебя безопаснее. Ты даже можешь подговорить Соломона избавиться от Йоава, пока он первым не снес тебе голову...

– Я не стану. Йоав не причинил мне никакого зла.

– И правильно, шансы победить боевого генерала, которому предана армия, минимальны, аркадаш. Но это – твоя история. Я не знаю, какова твоя матрица и ее резистентность, и есть ли она вообще... ты называл ее волей Бога, так?

– Так, – растерянно проговорил я.

– Наука, как видишь, не поняла этого механизма и до моего времени: почему история идет этим или тем путем. Наш эксперимент – только маленький шаг в этом направлении. Но ты свободен в выборе. И Джулия свободна. И Шломо,

и каждый из нас. Что будет дальше, мы не знаем наверняка. Только экстраполируем тренды.

– Но твой мир – не просто экстраполяция. Это реальность.

– Мой мир – реальность, сложившаяся в результате действия миллиардов людей. И ты, и Джулия тоже среди них. Как поступите вы завтра, если вернетесь домой – я не знаю. Может быть, совсем иначе, чем поступили в моем мире. И если иначе поведут себя миллионы – тренд может измениться. А в критических точках бывает, что достаточно тысяч, или сотен, или десятков... иногда что-то меняет даже один человек. Ваше будущее вы определяете сами.

– Или воля Божья.

– Или вы вместе с волей, – он впервые за время разговора улыбнулся, – а мне пора. Мой выброс произойдет через четыре часа, мне надо завершить кое-какой бизнес, сделать медикацию и подготовить специмены... образцы.

– Успеха тебе, – улыбнулся я в ответ, – и спасибо за всё.

– Не за что совсем, – ответил он, – а успех пригодится. Примерно один дайв-ап из двадцати катастрофичен, а два других приблизительно. Техника пока очень несовершенна. Вроде первых аэропланов...

– Удачи!

Мы крепко пожали друг другу руки. Вот уж не думал: выходит, этот сухарь, этот экспериментатор – он жизнью рискует? Вот уж не подумал бы... Или может промахнуться мимо своего времени? И только тут до меня дошло... а если бы эксперимент окончился иначе – он бы тогда попал в совсем другое будущее! Как у Брэдбери с бабочкой.

– Слушай, погоди... а если бы всё удалось... так мир бы неузнаваемо изменился!

– Конечно.

– А в какое бы будущее тогда вернулся ты?

Он рассмеялся:

– При успешном дайв-апе – в то самое, из которого пришел. Миры ветвятся, я же говорю. Здесь мы бы создали экспериментальный мир, следили за ним в ключевых точках. Извлекали бы важные уроки. Возможно, кто-то из исследователей стал бы рефьюдежром... беглецом. Поселился бы в этом мире навсегда, если бы понравилось, но таких случаев пока не было. А исходный мир в любом кейсе-мейсе остается нетронутым. Но иногда хронодайверы промахиваются. Не то время или не тот мир, а возвращать их пока не научились. Зато всегда почему-то та же самая локация.

– И еще раз: удачи тебе! Точного всплытия!

– Спасибо. И вам – удачи в этом мире... или лучше возвращения в свой! И успеха в том... чтобы дальше в нем все сложилось благополучно. Лучше, чем у нас!

– Спасибо!

И мы разошлись. Я уже не знал, сопереживал я ему или нет... С одной стороны, все здешние жители для него – подопытные кролики, мы с Юлькой – досадная помеха. А с другой – он ведь первопроходец, вроде Амундсена и Скотта, рискующий собственной жизнью ради науки. И кем он прежде был для меня?

Такая же помеха или подмога, по сути, и только. Личности я в нем в упор не видел... до этой минуты.

Только размышлять об этом было уже некогда – народ звали за стол. Я немного беспокоился насчет Юльки, но если ее позвали к Давиду, значит, все-таки плохо с ней там не так обойдутся... да и она вряд ли будет в царских покоях чувствовать себя несчастной и одинокой (а это, как оказалось, намного страшнее всякого «не такого» обхождения).

В жизни всегда есть место празднику. Только в эпоху, когда не было никакого видео-аудио, когда даже и книжку почитать – доступная немногим роскошь... что оставалось делать простому человеку, как не есть, пить и веселиться? Вот мы и ели и пили. Вчера за Адонию, сегодня за Соломона. Жареные на вертеле барашки и козлята, печеная говядина, даже фаршированные голуби, а к ним горячие лепешки, пряные травы, оливки в соусе, молодые сыры, подсолненное кислое молоко и разведенное водой вино очень среднего качества... всё то же праздничное меню трехтысячелетней давности. И я вдруг понял, что всё бы отдал, например, за обыкновенное эскимо на палочке, облитое шоколадом. Или за сковородку жареной картошечки, румяной такой, со шкварочками. За горбушку черняшки, и чтобы ломтик ветчинки на нее положить, или ароматного такого сыра... Или, на худой конец, за пачку чипсов и бутылку самого обычного пива!

И это на пиру, где чествовали юного Соломона и отца его Давида! Где рассказывались великие истории и пели песни о битвах с филистимлянами, о победах над моавитянами, о взятии Раввы, столицы аммонитян, и о том, что сам Левиафан не остановил бы давидово войско, если бы пробудился ото сна и пошел войной на род людской. Представляете, до чего я там дошел? И до чего народ допился? Безо всякого пива с чипсами.

А вот насчет пачки чипсов – это было как нельзя более уместно. В самом деле, предупреждение Ахиззера звучало достаточно прозрачно. С Йоавом, моим непосредственным командиром, мне лучше не встречаться – а ведь придется. На защиту Соломона полагаться было рано, на вмешательство Давида – поздно. Оставалось одно: пересидеть всю эту смуту в тихом каком-нибудь месте... А такое место сначала надо было найти! Вот тебе теория и практика спецопераций.

И значит, завтра, чуть свет, предстояла мне дальняя дорога. Да и Юльку правильней всего было захватить с собой, чтобы тут с ней ничего не случилось... В общем, захватить пару-тройку лепешек, а с ними и сыр потверже, и даже кусок мяса мне удалось без лишнего шума. Не принято тут так делать, но мне, кажется, простили – а я плел что-то про срочное поручение, что завтра с утра в путь-дорогу и безо всякого провианта. Так что в наше уютное семейное гнездышко я возвращался как настоящий добытчик, с провиантом.

57.

Честно говоря, я не слишком надеялась, что мою дерзкую просьбу вообще удовлетворят, а уж тем более – так быстро. Следуя за Тавитой по дворцовым переходам, я пыталась хоть чуточку собраться и включить голову. Откровенно говоря, после всех этих бурных событий и бессонной ночи чувствовала я себя разобранной на части и дорого дала бы за возможность беспрепятственно вздремнуть минут шестьсот. Но не было у меня не только шестисот минут, но и шестидесяти, и даже шести...

Машинально отметив про себя, что мужская половина по убранству мало чем отличается от женской, я притормозила, чуть не впечатавшись в Тавиту, перед тяжелой пурпурной завесой, закрывавшей проход... куда? Судя по тому, что перед ней стояли два воина при мечах, покои были явно царские. Неужели действительно моя безумная мечта исполнится? Нет, это было бы слишком хорошо, так не бывает...

Меж тем, моя провожатая шепнула на ухо правому стражу несколько слов, тот издал клекочущий возглас и подвинулся, а Тавита довольно чувствительно ткнула меня куда-то под правую ключицу.

– Ну что ты стоишь? Иди. Только не утомляй царя, он слишком болен...

Два шага на подкашивающихся ногах, и вот я уже внутри, в сумеречной комнате, окна которой прикрыты завесами, почти полностью скрывающими бледный зимний свет. В нос ударил резкий аромат незнакомых благовоний, а неведомо откуда возникший человек – видимо, кто-то из слуг, а может, родственник, ступающий мягко и неслышно, едва слышно прошелестел «Подойди ближе, не бойся, царь хочет тебя видеть».

Царь? Меня? Нет, такого быть не может... Кто я такая, чтобы сам Давид, царь израильский, захотел увидеть бестолковую московскую художницу, до рождения которой еще почти три тысячи лет? Сглотнув внезапно возникший в горле комок, я сделала три мелких шажка и остановилась перед ложем с высоким изголовьем, на котором едва угадывался даже не человек, а скорее, тень человека. Горбоносый профиль, седые спутанные кудри... Нет, в этом древнем старике не было и тени от того юного пастуха, чей скульптурный портрет, увиденный в далеком детстве, заставил меня учиться лепить и рисовать... Вот и замкнулся круг, Царь. Ты сделал меня тем, кто я есть, тебя я хотела изобразить, в детском самомнении резко замахнувшись на соперничество с самим Микельанджело. Только в отличие от знаменитого тосканца мне все-таки довелось увидеть тебя живым... Пока еще живым...

Горло мне вновь сдавило так, что я с трудом вдохнула. Бедный Шломо, скоро он останется совсем один, без отца. Я слишком близко видела Смерть, чтобы не понять, что и здесь она уже совсем рядом. Не уходи, Царь! В памяти всплыли странные непонятные слова, которые вечерами вполголоса бормотала бабушка, думая, что я уже сплю. «Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему...».

– Что ты сказала? – хрипло спросил царь, и я поняла, что повторяю эти слова на своем языке.

– Я сказала «ло... ло таво элеха ра'а, ве... венэга ло йикрав...», – с трудом подбирая слова, перевела я.

– ло йикрав беахолеха, – закончил Давид, увидев, что я запнулась, и в голосе его послышался неподдельный интерес, – но откуда ты знаешь эти слова? – И на каком языке ты произнесла их сначала?

– Так бабушка по вечерам говорила... на моем родном языке. Это очень, очень далеко отсюда.

По лицу Давида скользнула едва уловимая тень улыбки:

– Хорошо, что ты знаешь их. Хорошо, что ты помогла сыну моему Соломону, – говорить ему явно было непросто, фразы были короткими, а паузы между ними – чуть более долгими, чем бывают обычно, – чем отблагодарить тебя?

– Я ничего особенного не сделала, о царь, – отвечала я, – и мне ничего особенного от тебя и не надо... Живи долго, и радуй свой народ!

– Уже недолго... – отвечал он явно со всё большим трудом, – тяжелый день... и славный... Соломон будет помнить о тебе... но и тебе... вам... уже недолго...

Царь в изнеможении откинулся на подушки. Я заколебалась, что же мне делать дальше, но давешний приближенный сделал недвусмысленный знак, и я, стараясь ступать как можно тише, выскользнула за дверь, на прощание бросив последний взгляд на тонкий благородный профиль, чеканно вырисовывавшийся на фоне светлых покрывал.

За дверью меня дожидалась все та же неизменная Тавита.

– Ну как, видела царя? – с любопытством спросила она, и я согласно кивнула, не в силах связно отвечать ни на какие вопросы. Слишком была я полна только что состоявшимся свиданием, чтобы с кем-то обсуждать его.

А дальше все пошло привычным дворцовым порядком – пир в царицыных покоях в честь ее сына, ставшего нынче правителем. Вирсавию чествовали так, словно она сама, вместо сына, взошла сегодня на престол. А может, так оно на самом деле и было? Я машинально жевала все, что мне подкладывали на тарелку, так же, как и все, радостно восклицала, но мысли мои по-прежнему были там, в сумрачной, пропахшей благовониями комнате, где в одиночестве угасал величайший царь во всей мировой истории. И что же значило это его «и вам уже недолго»? И... смогу ли я вылепить его портрет, когда-нибудь, где-нибудь? Вновь и вновь вставляли перед моим мысленным взором его черты: запомнить, запечатлеть навсегда, не упустить... Может быть, сегодня же, пока всё свежо, сделать хотя бы пару карандашных набросков? Ах да, карандаша нет, но хотя бы углем...

Совершенно разбитая всеми этими переживаниями, я, слабо реагируя на окружающих, добралась наконец до нашей с Венькой комнаты. Ненаглядный мой, оказывается, был уже там, сосредоточенно увязывая какие-то припасы в компактный сверток. Естественно, он сгорал от любопытства. И, естественно, мое вопиющее невежество стало еще более явным. Вот так номер, оказывается, я Давиду его собственные строки циировала, не зная, кто их, собственно, написал. Интересно, что он при этом про меня подумал? Но вышло вроде не так уж и плохо, если говорить начистоту...

Венькин рассказ о событиях дня получился каким-то странным. Голову даю на отсечение, что он от меня что-то скрывал, слишком уж озабоченным он

выглядел, несмотря на все попытки убедить меня, что у него нет никаких тревог, и что маленькая местная командировка, в которую его завтра отправляют, это всего лишь легкая загородная прогулка, и что даже меня можно взять с собой. Но у меня уже не было сил пускаться с настоятельными распросы, а Венька, кажется, был только благодарен, что я не допытываюсь до подробностей, и мы в одночасье провалились в тяжелый каменный сон.

Наутро Венька растолкал меня едва только за окном забрезжил неяркий зимний рассвет. Пока я спросонок пыталась сообразить, что вообще происходит, мой воин на два счета оделся, умылся, ремнями прикрепил к спине вчерашний сверток с припасами, наподобие рюкзака, и стал поторапливать меня, чтобы я собиралась быстрее. Я бы с радостью поспала еще часик-другой, но Венька был непреклонен. Придав мне вертикальное положение, он плеснул мне в лицо пригоршню ледяной воды, услышал о себе много интересного, но не обиделся, а только тихонько рассмеялся. Он же настоял на том, чтобы я взяла все теплые вещи, которые у меня есть, и, прижимая к губам палец, едва слышно ступая, направился к выходу из дворца.

– Вень, а нам не надо попрощаться с Соломоном и Вирсавией? Раз уж ты на сей раз берешь меня с собой, наверное, надо предупредить, что нас какое-то время не будет дома?

В ответ Венька проворчал что-то не очень внятное, типа, что их и так предупредят без нас, а нам надо спешить, благо дело очень уж срочное, и вел себя как заправский заговорщик. Интересно, зачем нам нужна вся эта секретность? Или мой спецназовец окончательно подался в местные Джеймс Бонды? Это становится уже забавным, роль девушки суперагента мне до сих пор на себя примеривать не доводилось.

За ночь заметно похолодало, чахлая городская трава даже подернулась легким инеем. Пару раз Венька заметно хмурился, вглядываясь в какие-то незаметные мне следы, и ускорял шаг, удаляясь от дворца. К полной моей неожиданности, Иерусалим, несмотря на очень ранний час, отнюдь не казался вымершим. Девушки с кувшинами или вязанками хвороста, угрюмые домохозяева, спешащие по делам – все это были обычные иерусалимские ранние птички. Но кроме них то тут, то там попадались группки весьма серьезных мужчин, у которых на поясах недвусмысленно поблескивали кинжалы, или копья были прямо в руках.

– Вень, чего это они тут тусуются? – недоуменно поинтересовалась я, потому что вид этих головорезов явно ничего хорошего не предвещал.

– Ничего, Юль, это просто учения... будут, – врать Венька точно не умел, поэтому ответ его прозвучал, мягко говоря, неубедительно.

– Фигассе учения, – возмутилась я, – ты что, не помнишь ТББ? Ну очень же похоже, когда серые заволокли Арканар.

– Да ладно тебе, не преувеличивай, – фальшиво бодрым тоном ответил Венька. – И никакого Табиба я не помню. Он кто вообще?

– Я о Стругацких, вестимо. И не морочь мне голову, ты все прекрасно понял, что я имею в виду...

Но закончить мою страстную тираду Венька так и не дал.

– Юль, не голоси, пожалуйста, – неожиданно грустно, но твердо попросил он. – Нам надо как можно скорее уйти из города, по возможности не привлекая к

себе внимания. А на твои вопли... ну ладно, ладно, просто тебя переполняют эмоции и всё такое... но на нас уже пялятся, а нам это совершенно ни к чему.

Всё произошло уже за городскими воротами, где теснились лачуги бедняков. Какой-то сомнительного вида головорез проводил нас весьма нехорошим взглядом. Потом, словно убедившись в своих подозрениях, он шепнул пару слов на ухо стоявшему рядом мелкому парнишке, и тот со всех ног кинулся в ту сторону, откуда мы пришли.

– Не нравится мне это все, Юлька, ох как не нравится, – сквозь зубы процедил Венька, и внезапно, схватив меня за руку, резко метнулся в незапертую дверь полуразрушенного дома, стоявшего на самом перекрестке двух улиц. Мы едва успели присесть на корточки за какой-то печкой во внутреннем дворе, как в этот же дверной проем сунулась бородатая рожа давешнего головореза. Покрутив головой в стороны, бандит быстрым шагом двинулся вперед по улице, а мы на перебежали, прижимаясь к стене, через двор. Там Венька сначала посадил меня, а потом с ловкостью обезьяны сам вскарабкался на глинобитную крышу соседнего дома. Она угрожающе прогибалась под нашим двойным весом и чем-то там поскрипывала (или это мне со страху казалось?), но мы, не обращая никакого внимания ни на эти звуки, ни на возмущенный лепет какого-то малыша, который выбежал во дворик пописать и вдруг обнаружил нас на крыше дома своего, перебежали на другой край, сиганули на кривую и узкую улочку и рванули по ней, прочь от городских стен.

Так вот что имел в виду Давид, когда говорил «и вам недолго!» Да переживем ли мы его самого? Или прямо тут и зарежут, не сказав «привет»? Господи, как отчаянно вдруг захотелось жить – неважно, в каком тысячелетии и в каком городе, но только бы жить, жить, жить... Вдвоем... И какой-то немыслимой вспышкой, каким-то чутьем подраненного зверя я вдруг поняла: не вдвоем, с позапрошлой ночи – уже втроем. Я несла под сердцем нашего ребенка, невидимо, неощутимо ни для кого – но ясно для меня... и значит, нам надо было выживать!

Улочка внезапно кончилась, мы были на каком-то осыпающемся склоне, сбоку тянулся ряд каких-то дыр и провалов, и оттуда тянуло могильным холодом. Как нельзя кстати.

– Что это? – запыхавшись, спросила я.

– Гробницы, – бросил Венька на бегу и вдруг резко затормозил так, что я чуть не упала, – быстрее, внутрь! Пролезай!

– Ты с ума сошел? Зачем мне туда лезть? – жарким шепотом отозвалась я.

– Всё равно догонят, у Йоава людей много. Пересидим до ночи. В гробницу они не полезут.

– Веень, не надо, я покойников боюсь, – заскулила я, но Венька решительно подпихнул меня в сторону какой-то мрачной и грязной щели.

– Лезь к ним, живо, или сама такой станешь – свистящим шепотом потребовал он, – И что бы ни было, молчи, тогда, может, выберемся.

Меня обдало ледяным холодом то ли от его слов, то ли от разверстого гроба, но делать было нечего. Сцепив зубы и стараясь не скулить от липкого противного страха, я просочилась в щель и замерла, боясь коснуться каких-нибудь древних останков. Следом за мной в проем с трудом пробрался Венька. Я прижалась к нему,

стараясь унять дрожь и про себя умоляя все возможные силы, чтобы нас не заметили снаружи. Кажется, на этот раз мы влипли серьезнее, чем когда-либо...

58.

Мы прижались друг ко другу, я обнял Юльку, поерзал, пристраиваясь на камне... Говорить было опасно, да и не о чем было тут говорить. Там, за щелью, сквозь которую мы пролезли, слышались голоса и шаги, мелькали чьи-то тени, и я мучительно пытался угадать, что же там происходит... а потом перестал. Всё равно от нас ничего не зависело: найдут, не найдут... А потом всё стихло. Капала где-то вода, стучало сердце, дышала рядом любимая женщина, и только.

Было страшно, конечно. Да, сначала было страшно... а потом стало: никак. Было тесно и сыро, жестко и холодно. Руки, если пошарить вокруг, натыкались на что-то твердое и скользкое, и не разберешь даже, что, да пожалуй, лучше и не разбирать. Но в самой-самой сердцевинке были мы, и мы были живыми. Надолго ли?

Как было бы глупо погибнуть здесь и сейчас... За что, чего ради? Зачем мы вообще оказались в этой дыре, в этом чужом времени, в чужой истории?

– Чтобы возвести на трон Соломона, – неожиданно спокойно и уверенно ответила Юлька. Выходит, это я не просто подумал про себя, но сказал вслух... Или уже ничего не надо было говорить вслух, всё было и так сразу на двоих?

– Неужели он не стал бы царем без нас? Неужели наша помощь была ему так необходима?

– Но может быть, это нам было нужно нам самим? Не всемирную историю мы тут меняли – а нашу собственную жизнь?

Если только она сейчас не оборвется, чуть не произнес я вслух... или произнес?

– Не оборвется, – твердо сказала Юля, – она начнется. Другая, настоящая. Обязательно начнется, я точно знаю.

Да кому и знать о начале жизни, как не женщине? И мне вдруг стало легко и спокойно на душе. Точнее, нам стало. Ворох мыслей и беспокойств: что, куда, как, зачем, почему? – отступил, растаял, испарился. Только мы, только здесь и сейчас. Мы прикрыли глаза – всё равно смотреть было не на что – и отдались этому темному, густому потоку под названием «время». Он нёс нас из одной точки в другую, и не было возврата, и не было смысла в его течении. Или был, но оставался для нас неизвестным? Щепочка, брошенная в ручей, если бы могла чувствовать – наверно, чувствовала бы то же самое, что и мы. Она бы не знала, что мальчишка на берегу назначил ее фрегатом и пустил в далекое плавание. Она бы не смогла ни пристать к берегу, ни даже утонуть, ей оставалось только быть собой и плыть по течению. Как нам.

Я не знаю, сколько прошло времени – четверть часа или четыре, или четверо суток... но стены задрожали. Или это мы дрожали от холода и возбуждения? Нет, стены качнулись, и еще, и еще раз, и сдавили нас, и я в ужасе открыл глаза – и ничего не увидел. Мне показалось, что я ослеп, но это был мрак, густой, полный, могильный мрак, и не было уже той щели, сквозь которую мы сюда залезли – и я решил, что мы умерли.

А стены качались, толкали нас, и Юлька прижималась ко мне, и в первобытном ужасе я протянул руку вверх, и не нащупал потолка, и стал карабкаться, обдирая бока, туда, наверх – сам не знаю, почему. А Юлька ухватила

меня за ногу и поднималась за мной, и даже подсаживала, словно мы стали одним единым организмом с восемью конечностями и двумя головами, и чувствовали мы одно и то же. Камень был скользким и мокрым, и он отчего-то казался живым, немного податливым – или это стены пещеры меняли свои очертания?

Да, они колебались! Это, наверное, было землетрясение, только совсем странное, и я даже не знал, как будет безопаснее – пересидеть его внутри или все же вылезти наружу. И вдруг стена толкнула меня в грудь, сдавила так, что круги поплыли перед глазами, я задыхался, я уже не чувствовал Юльки... но над головой забрезжил свет! Мои ли руки и ноги карабкались к нему, или сама пещера выталкивала меня наружу? Я не знаю. Я не помнил себя, я был беспомощней младенца...

Яркая вспышка, взрыв солнца – или, точнее, солнечный луч ударил мне в лицо. Я рванулся, подтянулся на руках – и я был снаружи! Я не видел ничего, ослепленный этим ярчайшим светом, я слышал крик, но не мог его понять, и только протянул руку туда, во влажное чрево пещеры, ухватил Юлькино запястье...

Нас, кажется, кто-то искал там, откуда мы пришли. Кто это был? Где мы были тогда? Что было с нами? Мы лежали, оглушенные светом и звуком, на жесткой и сырой земле, перемазанные какой-то слизью и кровью – исцарапались, пока лезли. Кто мы? Я не мог ответить и на этот вопрос.

Но крик был знакомым. Он исходил откуда-то сверху и сбоку, он разливался по свежему воздуху, заполнял мир переливами гласных звуков... «Аллаху акбар!» Это кричал о величии Творца муэдзин, заунывно и спокойно, кричал о том, что и так всем известно, но о чем порой приходится напоминать.

Невдалеке гудела торопливая машина, не обращая внимания на трели муэдзина, и еще высокий женский голос звал по-арабски Фатиму, ну куда же она запропастилась, ее не в магазин посылать, а только за смертью, и если папа узнает, что она опять встречалась с этим Ахмедом, то не миновать ей взбучки, и вообще она сейчас в полицию позвонит, и тогда позор Фатиме на весь квартал, на весь Аль-Кудс, на всю Палестину... А это что за оборванцы валяются тут при дороге, да еще в крови, надо точно позвонить в полицию, и пускай их забирают – а ей отвечал другой женский голос, что пожалуй не надо, и что лучше подойти и посмотреть, и может быть, даже помочь, так что пусть позовут мужчин, а то стыд такой, там парень почти голый, в каких-то лохмотьях, порядочной мусульманке и смотреть-то в его сторону грешно, здесь вам не Яффа, чтобы в таком виде разгуливать.

– Вот мы и дома, – только и сказал я, – вот мы и дома.

Но это был, конечно, не дом. Надо ли рассказывать про то, как нас действительно подобрали, напоили чаем, накормили фалафелем и пловом, дали принять душ (какое же это блаженство!) и даже снабдили кое-какой одежкой, ну, в обмен на некоторые мелкие сувениры из десятого века до...? Жаль, поклажа моя так и осталась в пещере, и меч тоже, но чуточку серебра все-таки было в кожаном мешочке на шее. Когда ты путешествуешь по Ближнему Востоку, всегда носи немножко универсальной валюты в укромном месте прямо на теле, такое тут правило – пригодится, и даже очень.

И как потом пришлось менять у часовщика, что возле Махане-Йехуда (кто же его не знает!) другую часть серебра на израильские шекели, и плести всякие

небылицы про найденный клад, и разыскивать старых друзей, и рассказывать им какие-то байки про наше похищение экстремистами в Сирии и про то, как мы еле от них сбежали, но ничего не помним, потому что были всю дорогу с завязанными глазами и под действием психотропных веществ, и потом повторять ту же самую байку в российском посольстве, чтобы выправить бумаги, и в израильской службе безопасности... и как расписывалась Юлька и передавала этим шин-бетникам⁹ со скользкими глазами привет от царя Давида и расписывала подробности детских жертвоприношений в Финикии – вот тут они поверили про психотропы, отстали. И как проверяли мы по выброшенным газетам, в тот ли мы попали мир, в тот ли год – оказалось, ровно десять месяцев нас дома не было, как звонили домой по чужому мобильному, объяснялись с родными... Особенно Юлька, насчет того, что приедет не одна, а в некотором роде с мужем и даже не только с ним. Про «не только» и я, признаться, прибалдел, когда услышал.

А все-таки мы дома. И дочка у нас красавица, всем на загляденье! Еще бы: три тысячи лет отделают зачатие от рождения, мало кому так повезет. Честно скажу, что семейная жизнь с этой вот егозой, она в чем-то даже превосходит по степени крутизны и неадекватности любые спецоперации в доисторическом прошлом, но это уже совсем, совсем другая история! И нечего, нечего мне тут говорить, это не я тогда в пещеру первым полез!

⁹ Представители Шерут Битахон, израильской службы безопасности.

59.

О Соломоне.
Даруй, Боже, царю
справедливость свою,
правосудье Твое – царскому сыну.
Пусть по правде судит он Твой народ
и решит справедливо тяжбы бедняков Твоих.
Пусть с гор благополучие к народу придет,
и холмы да принесут плоды по правде.
Пусть он тяжбы обездоленных решит,
спасет детей бедняка,
угнетателя истребит.
Пусть он живет долго, как солнце,
из рода в род – пока светит луна.
Пусть дождем он прольется на луг,
ливнем землю оросит.
Пусть праведник процветает при нем,
пусть изобилует счастье, пока светит луна.
Пусть он правит от моря до моря,
от Реки до краев земли.
Пусть звери пустыни падут ниц перед ним,
и враги его пусть лижут пыль.
Цари Таршиша и островов пусть везут ему дань,
цари Сабы и Савы пусть дары несут.
Пусть склонятся пред ним все цари,
все народы пусть служат ему.
Он спасет тех, кто беден и заступника зовет,
тех, кто нищ, кому никто не поможет.
Над бедным и нищим сжалится он,
обездоленным он поможет,
от насилия и гнета избавит их,
тяжко видеть ему их смерть.
Пусть живет и здравствует он!
Пусть несут ему золото Сабы!
Пусть всегда молятся за него,
благословляют его каждый день!
И настанет в стране изобилие зерна,
на горах плоды будут, как на Ливане,
людей в городе – что травы.
Да пребудет его имя вовек,
пусть его род не прервется под солнцем.
Для всех народов
он станет благословеньем –
и счастливым его назовут.
Благословен Господь Бог, Бог Израиля:

только Он творит чудеса;
благословенно и славно Его имя вовек,
и пусть наполнится Его славой земля!
Аминь, аминь!
Конец молитв Давида, сына Иессея¹⁰.

Монреаль и Москва, 2009-2012 гг.

¹⁰ 71-й псалом в переводе М.Г. Селезнева.